

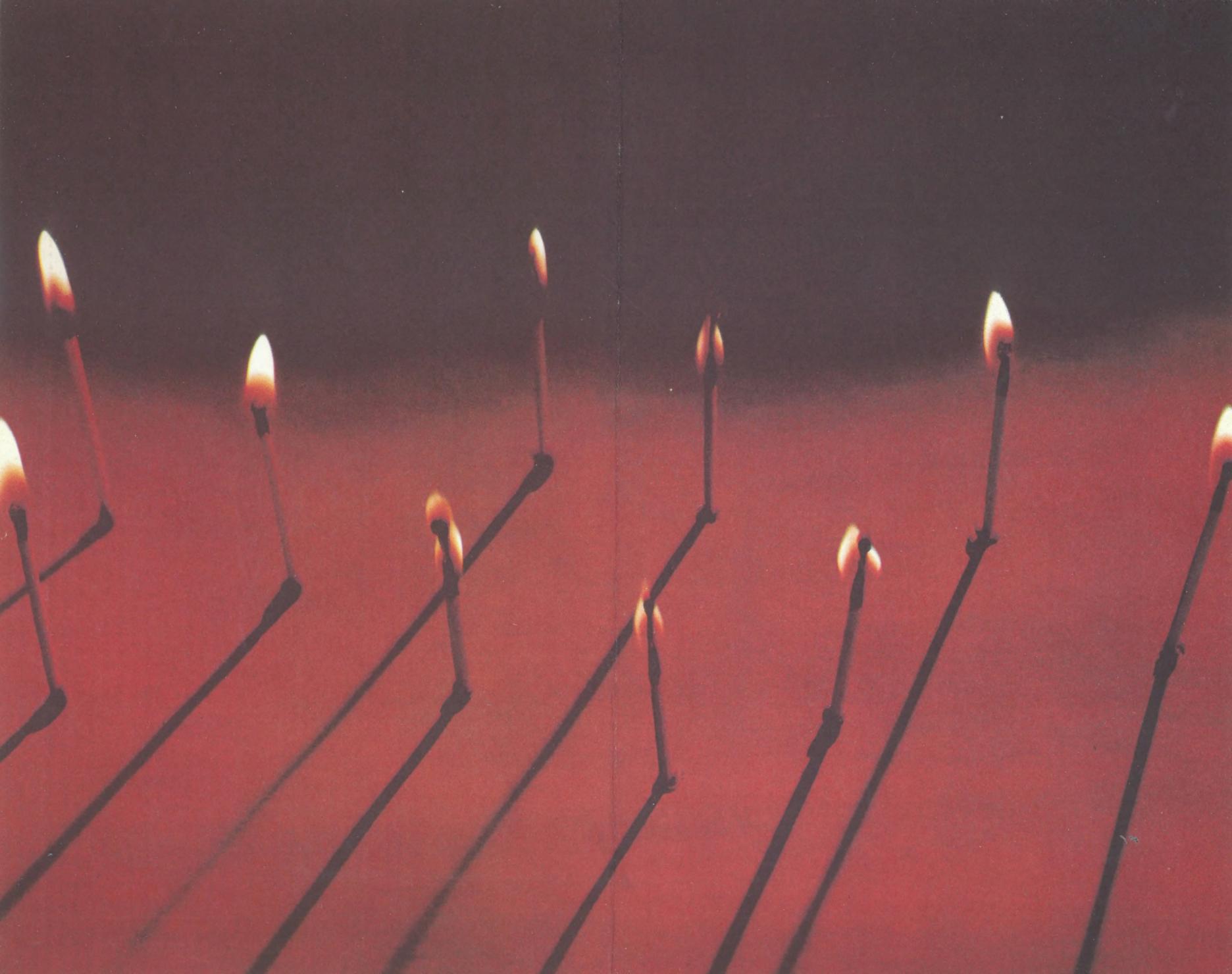
А.Стругацкий Б.Стругацкий

Аркадий
Стругацкий

Борис
Стругацкий

Извне
Путь на Амальтею
Стажеры
Рассказы

Аркадий Стругацкий Борис Стругацкий

**«СТРУГАЦКИЕ, Аркадий Натанович
(р. 28.VIII.1925, Батуми) и Борис Натанович
(р. 15.IV.1933, Ленинград) —
рус. сов. писатели. Братья.» —**
так начинается статья в седьмом томе
Краткой литературной энциклопедии, вышедшем
в 1972 году. В статье есть фотография,
сделанная, по-видимому, лет на пять раньше:
братья стоят у дощатого книжного стеллажа в
ленинградской квартире Бориса Натановича.
Молодые, очень серьезные, но с едва уловимым
выражением — веселья? иронии?

Старшего к тому времени жизнь уже
покрутила. Была работа — с шестнадцати лет,
учеба в артиллерийском училище и Военном
институте иностранных языков (японский и
английский языки, специальность — переводчик-
референт). Была армейская служба на Дальнем
Востоке — дивизионный переводчик,
преподаватель в военной школе.
Демобилизовался в 1955 году,
поселился в Москве, работал редактором,
начал пробовать силы в литературе.

Жизнь младшего сложилась много проще:
школа — Ленинградский университет —
в двадцать два года, то есть все в том же 1955,
стал звездным астрономом
и попал на работу в знаменитую Пулковскую
обсерваторию, что под Ленинградом.

Чуть позже Аркадий и Борис начали писать
вместе, и в январе 1958 года была
опубликована их первая повесть — «Извне».

Аркадий Натанович не увидел первого тома
первого собрания сочинений братьев Стругацких.
Он умер 12 октября 1991 года.

Аркадий
Стругацкий

Борис
Стругацкий

Извне
Путь на Амальтею
Стажеры
повести

Забытый эксперимент
Шесть спичек
Испытание СКИБР
Частные предположения
рассказы

МОСКВА «ТЕКСТ» 1991

84Р7

С87

**Издание подготовлено совместно
с редакционно-издательской фирмой «РИФ»**

Художник Владимир Любаров

C 4702010201-006
91 подп.
ISBN 5-87106-007-2

© А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1991
© А. Зеркалов — вступительная статья, 1991
- © «Текст» — состав., художественное оформление, 1991

Игра по собственным правилам

Писатели и издатели

Я глубоко убежден, что о жизни писателя ничего сообщать не нужно: вся необходимая информация содержится в его творчестве. Может быть, читателю следует знать лишь о переломах жизни писателя — тех поворотах, которые отбрасывают тень на все созданные произведения.

В жизни братьев Стругацких таким переломом была война, и особо — гитлеровско-сталинское злодействие, которое принято называть ленинградской блокадой. Война и блокада — вот что их сформировало. Сейчас в это нелегко поверить, минуло полвека, наша трусливая память отторгла правду, которую и в воображении трудно вынести, и нам кажется, что другие тоже забыли — прошло, загладилось...

Они были мальчишками: Аркадию не хватало двух месяцев до шестнадцатилетия, Борису только исполнилось восемь. Росли спокойно, ровно, в тихой интеллигентной семье: мать — учительница, отец — искусствовед. В воскресный полдень 22 июня жизнь рухнула. Аркадия послали рыть окопы под Ленинградом, и его, вместе с другими старшеклассниками, накрыла волна немецкого наступления. Он ушел — с боем, отстреливаясь... Домой вернулся взрослым человеком.

Потом была блокада. Братья ее вынесли, спаслись, но ужас пережитого был так велик, что они молчали о блокаде, ничего не переносили на бумагу, молчали тридцать лет — до очередного перелома жизни.

Как раз в 1972 году, когда вышел седьмой том энциклопедии, настало очень трудное для них время, и братья писали «Град обреченный», не рассчитывая на публикацию, «в стол», для себя. Там есть полторы страницы о блокаде: «Вот в Ленинграде никакой ряби не было, был холод, жуткий, свирепый, и замерзающие кричали в обледенелых подъездах — все тише и тише, по многу часов...»

Сжатый, тесный, словно не хватает воздуха, рассказ, с постоянным рефреном: «умирал... тоже умирал... тоже умирал...» — повествование идет как бы от лица младшего из братьев. «Я бы там обязательно сошел с ума. Меня спасло то, что я был маленький. Маленькие просто умирали...» И еще он вспоминает: «Вот уже брат с отцом снесли по обледенелой лестнице и сложили в штабель трупов во дворе тело бабушки». Потом умер отец, а мать и дети непонятно как выжили...

Таким вот способом жизнь готовила их к литературной работе. И потом, словно взяв за правило, все время вела братьев по краю — давала выжить, выскочить, но как бы чудом. Не было, конечно же, никаких чудес, было родительское наследство: здоровье, и невероятная работоспособность, и талант.

Почему я начал эти заметки с выхода энциклопедии: в 1972 году уже могло бы выйти собрание произведений Стругацких, уже восемнадцать крупных вещей были написаны, да еще переводы, сценарии... Уже была громкая слава, книги пошли по всему миру. Только-только вышла статья канадского литературоведа Дарко Сувина, где он назвал Стругацких «несомненными первоходцами в советской научной фантастике». Но тут-то их и «закрыли» — было такое выражение. Разумеется, не в одночасье закрыли, им лет семь-восемь дали порезвиться, а потом начали крутить рукоять пресса, выжимая из редакционных планов лучшие вещи Стругацких. В конце шестидесятых попали под запрет «Улитка на склоне» и «Гадкие лебеди», примерно в 1971 — полный «стоп», замок щелкнул. Кто-то дал команду: Стругацких не печатать! И тогда случилось чудо: не все взяли под козырек. Два журнала — «Аврора» в Ленинграде и «Знание — сила» в Москве — как-то пробились, что-то кому-то доказали и продолжали Стругацких публиковать. Честь и хвала редакторам, они серьезно рисковали, но задумаемся: почему они пошли на риск? Обаяние таланта? Разумеется. Для любимых писателей можно совершить многое... Но не только. Именно в начале семидесятых годов популярность Стругацких достигла высшей точки. Нет, не так: высшего уровня, на котором и держится до сих пор. Начали создаваться клубы любителей Стругацких, вовсю заработал самиздат — книги ксерокопировались, перепечатывались на пишущих машинках и принтерах компьютеров, переписывались от руки — да-да, переписывались, я сам такие книги видел... Читатели требовали Стругацких, и имя этим читателям было легион: школьники, студенты, инженерная и научная молодежь и вообще научные работники, притом не гуманитарии, которых власть от веку презирала, а люди для власти важные, изобретавшие ядерное оружие и вычислявшие траектории ракет и спутников. И зона молчания не замкнулась вокруг писателей — с огромной неохотой, с оттяжками и оговорками, люди из начальственных кабинетов пропускали их вещи в печать.

Это было трудное десятилетие: книги не выходят, а жить на что-то нужно. Аркадий Натанович взялся за переводы, Борис Натанович подрабатывал в Пулкове. И, конечно, они продолжали писать.

Очень трудно рассказывать о Стругацких: слишком сложное они явление в нашей культуре. Не выходит связного рассказа. Вот, например, часто спрашивают, как они пишут вдвоем. Бытует даже легенда, что братья съезжаются на полупути между Москвой и Ленинградом, на станции Бологое. На деле же у них отработана довольно жесткая технология, которая почти никогда не нарушается. Сначала вещь задумывается — в самом общем виде, — и начинается процесс созревания, который может длиться годы. Разумеется, братья думают врозь, каждый у себя дома. В некий момент они съезжаются и делают полный конспект будущего произведения: общая идея, сюжет, персонажи, разбивка на главы, иногда даже ключевые фразы. Работают, где удобней: то в первопрестольной, то в Питере, то в писательских домах творчества. Затем, как правило, разъезжаются и шлифуют конспект поодиночке. На следующем этапе уже отписываются — это журналистский термин. Пишут на машинке, под копирку. Один из братьев печатает, второй диктует — попеременно. Пишут практически начисто и очень быстро, по многу часов. Когда они работали в каком-нибудь из домов творчества, коллеги-писатели подкрадывались к их двери и удивленно крутили головами: машинка таращится с утра до ночи безостановочно, как пулемет. Отписавшись, забирают каждый по экземпляру и потом правят дома. Обычно правка минимальна, но все равно приходится опять съезжаться, чтобы ее согласовать.

Они невероятно скромные люди. Умение свое писать начисто и по многу страниц в день категорически отказываются признавать даром Божиим и объясняют хорошей ремесленной выучкой.

...Миновали черные для Стругацких семидесятые годы, и невидимая колючая проволока, которой их окружили, начала рваться — открылись двери редакций, а в 1984 году писатели удостоились первой книги-сборника в издательстве «Советский писатель», по категории «Избранное». Это надо объяснить. В казарменной системе советского литературного мира была (надеюсь, ее уже нет) твердая табель о рангах и привилегиях. Выход «Избранного» в «Советском писателе» — знак признания, вроде медали, — и гонорар полагается повышенный, и вообще... Погоны старшего офицера. Помню смешанное чувство радости и горечи, с которым я взял в руки этот томик. Радость была от того, что в сборник вошел — практически без купюр! — феноменальный «Пикник на обочине», написанный еще в 1971 году.

Потом я уже понял, что этот сборник — он называется «За миллиард лет до конца света» — был знаком и приближаю-

щейся перестройки. Надо сказать, что кривая публикаций братьев Стругацких почти точно повторяет кривую политической жизни страны. Крутой подъем в первой половине шестидесятых, во времена оттепели; резкий спад в период стагнации; постепенная реабилитация в преддверии перестройки и мгновенный взлет в ее разгаре. В 1989 году общий тираж книг Стругацких, кажется, перевалил за миллион экземпляров.

Но вне узкого издательского мирка, за пределами важных кабинетов, в которых решались судьбы советских писателей, произведения Стругацких жили собственной жизнью. Здесь спадов не было. Читатели с упрямством продолжали поклоняться своим любимцам, заграничные издатели с удовольствием печатали их книги. Стругацкие были признаны «самым известным tandemом мировой фантастики» — на нынешний день больше трехсот изданий за рубежом. Вот цифры: в США вышли 18 произведений в 29 изданиях; ФРГ — тоже 18 произведений, 32 издания. Рекорд установила Чехо-Словакия: соответственно 23 и 35.

Настало время и у нас собрать воедино все произведения — то, что до сих пор читатель мог соединить на своих полках, лишь затратив массу времени и усилий. Мы гордимся своим участием в издании этого первого советского собрания братьев Стругацких.

Писатели и книги

Писатели Стругацкие начинали, как почти все дебютанты, — с повторения уже пройденного литературой. Сейчас трудно в это поверить, но их первая повесть «Страна багровых туч» была вещью заурядной, на тему тоже более чем заурядную в научной фантастике: путешествие на Венеру. Рецензент «Юности» со вкусом прошелся по этой книге — и за дело. Однако же — я помню свое первое впечатление — в «Стране...» было нечто свежее, как запах молодой хвои; она решительно отличалась от ужасающе скучной фантастики пятидесятых годов. А затем удивленные наблюдатели — таких было порядочно, фантастика входила в моду — увидели, как молодые писатели стали с бешеною энергией выдираться из пеленок. За три года опубликовали пять — пять! — повестей, как бы торопясь миновать тренировочный плац космической НФ. Их темп поражал воображение. Они искали свой голос и свою тему и в этих поисках успели детально разработать целый мир — земной и космический, населить его людьми, поначалу несколько схематичными, но оживавшими буквально с каждой страницей. Стругацкие пытались преодолеть каноны технической фантастики, не вы-

ходя за пределы этих же канонов, — писатели-братья фонтанировали: рождались фантастические изобретения, придумывались звездолеты и породы скота, системы подвоза продуктов и школьного образования и Бог знает что еще. А может быть, они ничего не преодолевали, прекрасная ведь игра — создание собственного мира! Позже стало понятно, что эта игра-работа не пропала втуне: Стругацкие действительно создали свою державу, фантастический вариант фолкнеровского округа Йокнапатофы — суперсюжет, охвативший тринадцать романов и повестей.

С такой же поразительной быстротой они нарабатывали свое мастерство прозаиков. Их третья по счету повесть, «Путь на Амальтею», написана уже свободным, летящим пером; знакомые помнят и цитируют ее до сих пор. В ней чувствуется «коготь льва» — обаяние таланта, нечто, едва поддающееся объяснению. Слово Стругацких звенит, словно вдоль строк протянута тончайшая нить радости.

В том же начальном, разгонном периоде их работы произошел первый поворот: персонажи Стругацких перестали штурмовать иные планеты и вздыматать целину XXII века; они взглянули назад: из нашего будущего в наше прошлое. Появилась повесть «Попытка к бегству», написанная как бы не совсем уверенно: писатели еще изобретают гайдеры, скорчеры, квазиживые механизмы; весь реквизит взят из бравурного, полуденного Будущего. Повесть поначалу развивается как юмористическая — даже с оттенком клоунады: «Закрой-ка люк! Сквозняк!» — это в момент старта космического корабля, события, которому надлежит быть серьезным и торжественным... Но на другом конце космического прыжка — резко, безжалостно — кровь, погибель, хруст костей. Страшное, черное средневековье.

«Дверь с визгливым скрипом открылась ему навстречу, и из нее выпал совершенно голый, длинный, как палка, человек. Он повалился на обледенелый сугроб и мертвое стукнулся о стену хижины». Вот так — потешный люк звездолета и дверь туда, где погибают людской смертью...

Позволю себе литературоведческий комментарий. Дверь, люк, порог — вообще перелом пространства, вход куда-то — в литературе имеют особый смысл. Наш великий литературовед М. М. Бахтин ввел в научный оборот понятие хронотопа — единого времени-места действия. Он писал, что у Достоевского в хронотопе порога «совершаются события кризисов... прозрений, решений, определяющих всю жизнь человека». То, что молодые писатели, и слыхом не слыхавшие о безвестном тогда Бахтине, открыли для себя этот прием — факт, воистину поразительный. Открыли — не было это случайностью, ибо через

год после «Попытки...» Стругацкие закончили роман «Трудно быть богом», композиционно построенный на символах порога, дверей, за которыми — события, ломающие всю жизнь человека. Во вступлении к роману фигурирует дорожный знак, запрещающий проезд дальше; в finale — запретная дверь; если ее миновать, герой перестанет быть человеком — превратится в убийцу.

И ведь не то что монографии — нет ни одной опубликованной статьи о поэтике Стругацких!

«Попытка к бегству» и «Трудно быть богом» — вещи во всех смыслах пороговые для Стругацких. Из развлекательно-поучительной фантастики они шагнули в философскую литературу. Родились новые писатели, совершенно самостоятельные и ни на кого не похожие. Период ученичества завершился.

В «Попытке...» они как будто не замахивались на многое. Еще раз сказали о средневековой сути фашизма и предупредили, что темная страсть к насилию живуча, что ее с насекока не преодолеть — должны пройти века и века, прежде чем восторжествуют разум и человечность. Не замахнулись — не намекнули, что сталинизм ничем не лучше гитлеризма и его не одолеешь разом — оттепелью или решением партийного съезда. Не посмели? Думается, просто двигались в своей последовательности, как вело сердце. Фашизм они ненавидели с детства, а сталинизм только учились ненавидеть. Они писали о старой боли, о том, что еще ныло, как старые переломы.

О сталинизме они написали в «Трудно быть богом». Тот же формальный прием, что и в «Попытке к бегству»: люди из счастливого коммунистического будущего, делегаты чистой и радостной Земли, оказываются в грязном и кровавом средневековье. Но здесь под личиной средневекового королевства на сцену выведена сталинская империя. Главному пыточным дел мастеру, «министру охраны короны», дано многозначительное имя: Рэба; в оригинале его звали Рэбия, но редакторы попросили сделать намек не столь явным. Более того, Стругацкие устроили свою империю гибридной, смешанной из реалий средневековых и объединенных, сталинско-гитлеровских, реалий нашего времени. Получился немыслимый тройной ход, обнажились кровное родство двух тоталитарных режимов XX века и их чудовищная средневековая сущность.

Однако не только из-за этого роман произвел впечатление взрыва — да и сейчас поражает всех, кто читает его впервые. Это первоклассная приключенческая вещь, написанная сочно, весело, изобретательно. Средневековый антураж, все эти бои на мечах, ботфорты и кружевные манжеты послужили волшебной палочкой, магически действующей на аудиторию и заставляю-

щей безотрывно читать философский роман, многослойный и не слишком-то легкий для восприятия. И вот, дочитав его до конца, мы — первые читатели «Трудно быть богом» — с изумлением, с оторопью даже, кидались звонить друзьям и требовать, чтобы они немедленно, сию секунду тоже начали его читать.

Напомню, это было четверть века назад; книга попала в руки читателей, приученных произносить слово «революция» с благоговейным приподнисьем. А Стругацкие объявили, что опасно любое вмешательство в исторический процесс, даже бережное и аккуратное — под наркозом. История должна сама прокрутить свои шестерни, в своей беспощадной последовательности. Нельзя лишать народ его истории — писатели сказали это за четверть века до того, как мы спохватились и начали восстанавливать храмы и зазывать домой эмигрантов.

О бегстве интеллигенции от тоталитарного гнета в романе также говорится, и очень много, но это как бы внешность. Стругацкие указывают на суть, на то, как, по их мнению, должно идти нормальное историческое развитие: его движители суть не революционеры, а ученые, поэты, художники, врачи, учителя.

Четверть века спустя Борис Стругацкий скажет в интервью журналу «Огонек»: «Мы... защищаем интеллигенцию. Мы объявили ее для себя привилегированным классом, единственным спасителем нации, единственным гарантом будущего...» И добавит: «Идеализировали, конечно...» Но то же было сказано и в «Трудно быть богом»: «Без искусств и общей культуры государство теряет способность к самокритике... начинает ежесекундно порождать лицемеров и приспособленцев, развивает в гражданах потребительство и самонадеянность... И как бы ни презирали знания эти серые люди, стоящие у власти, они ничего не могут сделать против исторического прогресса... Презирая и боясь знания, они все-таки неизбежно приходят к поощрению его для того, чтобы удержаться... Тот, кто упрямится, будет сметен более хитрыми соперниками в борьбе за власть...»

Это было написано в 1963 году, когда оттепель явственно сворачивалась, когда Хрущев орал в Манеже на художников и до прихода нового серого властителя, Брежнева, оставались считанные месяцы.

Стругацких нельзя читать в метро — для времяпрепровождения. Их надо перечитывать, и лучше всего не единожды. При первом чтении мы как бы летим на ярком, узорчатом ковре-самолете — осткая интрига, бесконечные фантастические выдумки, непременная ирония и самоирония. Мы почти неизбежно пролетаем над глубинным смыслом произведения, с этим

ничего не поделаешь — встречались мне опытные читатели и даже редакторы, принимавшие «Трудно быть богом» за новую разновидность триллера, за простенький коктейль из фантастики и мушкетерского романа.

Может быть, поэтому их печатали, хоть понемногу, даже в глухие семидесятые годы. Кто-то «наверху» изрекал: «А-а, эти... Фантасты... Что с них возьмешь?» И — пропускали к печатным машинам. Пожалуй, прижимали Стругацких больше не «верхние», а свои, литераторы — кто был посмелее...

Писатели и читатели

Чтение — интимное дело. Вмешиваться в него так же бес tactно, как в семейную жизнь. Но позволю себе все-таки следующее рассуждение. Произведения Стругацких многослойны, и не только в том смысле, что есть в них фантастическая оболочка и философское содержание, тугая пружина социальной идеи. Например, во многих вещах довольно легко увидеть острую критику нашего политического и экономического устройства. В нескольких произведениях критика просто убийственна, получились, можно сказать, политические памфлеты — «Улитка на склоне», «Обитаемый остров», «Сказка о Тройке». Есть книги, где критика не столь концентрированна и очевидна. Так вот, читателя подстерегает здесь новая опасность: увлечься политическими аналогиями и не заметить, что они составляют только один из слоев, притом не самый глубокий. Не весь смысл, а малую его часть. В «Улитке...» можно не разглядеть, что события внутри Леса куда важнее — в философском смысле, — чем военно-бюрократические игры Управления. «Обитаемый остров», этот роман-памфlet, обнажающий систему тотального обмана, взвинчивания ненависти к своим согражданам и всему миру, говорит еще и о привычке ко лжи, о массовой потребности во лжи — и о массовых психических заболеваниях, возникающих, когда обществу внезапно начинают говорить правду.

Оглянитесь вокруг: Стругацкие нас предупреждали — мы не услышали.

Они искатели по своей природе. Может быть, поэтому Стругацкие так быстро учились писательскому ремеслу — им неинтересно повторять пройденное. Читатель собрания произведений, которое открывается этим томом, сможет проследить, как Стругацкие шаг за шагом отыскивали свой путь и нашли его. Они начали писать психологическую фантастику, делать то, что многие литературоведы, особенно советские, считают теоретически невозможным.

На минуту отвлечемся. Ведь литературоведы не так уж и не правы. Не случайно покатилась лавина развлекательной фантастики с закрученным сюжетом, инопланетными чудовищами и прочими кунштуками. Приключенческую фантастику писать легко, вот в чем дело, — мало-мальски способный литератор может гнать ее километрами. И другая особенность фантастики: с ее помощью легко заниматься популяризацией науки: пристегнул какое-нибудь открытие к погоням, злым роботам или чему еще — пожалуйста...

Но еще сто лет назад основоположник современной НФ Герберт Уэллс писал блестящие социальные вещи — потому что у фантастики есть еще одно умение: она может быть очень серьезной литературой. В этом, конечно же, и заключается главная сила фантастического метода. Тот, кто им владеет, в состоянии писать сложные и умные философские произведения, не вгоняя читателя в тоску.

Так вот, если говорить о социальной или философской фантастике, то ее сила в некий момент оборачивается слабостью. Внимание читателя надо держать, надо крутить маховик сюжета — и он раскручивается с такой скоростью, что выбрасывает за борт все лишнее. Герои успевают только действовать и размышлять, им не до простых человеческих чувств.

Герои Стругацких научились чувствовать в «Трудно быть богом». В этом романе, поворотном во всех смыслах, и блеснул золотой ключик, секрет психологической фантастики, до того затерявшийся в прорве звездолетов, роботов, ученых-одиночек, научных, псевдонаучных, социальных и псевдосоциальных прогнозов. Секрет простой, как все значительное в искусстве: герои должны делать нравственный выбор. Можно сказать, секрета и не было, поскольку проблема нравственного выбора — это стержень художественной литературы. Почему фантасты XX века, кроме очень, очень немногих, о ней забыли — вопрос иной, но Стругацкие вспомнили и с тех пор не забывают никогда.

Во всех их произведениях (исключений очень мало) героям приходится делать свой выбор, эта проблема возникает перед ними постоянно. Оказалось, фантастика способна ставить своих героев, а с ними и читателей перед необходимостью напряженного поиска решения, причем не логического — это НФ делает очень давно, — а этического. Любой уровня или степени ответственности, от пустячного — нравственно ли прихлопнуть муху — до решения судьбы народа, цивилизации, целой планеты. Оказалось, в фантастике проблема этического выбора может захватить читателя с такой силой, что сюжет — в нашем воображении — становится абсолютно реалистическим,

как будто действие происходит здесь, сейчас, с нами. Стругацкие вернули фантастике живое дыхание, подлинную страсть: для человека — если он человек — нет ничего важнее нравственности.

Центром действия стал человек. Он уже не мог быть начинкой для скафандра. Отныне действие стало зависеть от морали, человечности и разума — или животной сущи.

Герои Стругацких не решают научные проблемы, не выбирают, в сущности, даже между жизнью и смертью — только между правдой и ложью, долгом и отступничеством, честью и бесчестием.

Герой «Обитаемого острова» подставляет под выстрелы обнаженную грудь, живое тело, не прикрытое даже эфемерной броней одежды. Это символ: человечность выше жизни. В «Пикнике на обочине» герой совершает выбор между личным счастьем — богатством, благополучием, здоровьем своего ребенка — и счастьем всего человечества. «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!» — это мечта самих Стругацких...

«Когда мне плохо, я работаю... Когда у меня неприятности, когда у меня хандра, когда мне скучно жить, я сажусь работать. Наверное, существуют другие рецепты, но я их не знаю». Это говорит персонаж повести «За миллиард лет до конца света», математик, которого под угрозой гибели понуждают бросить работу. Рядом с ним другие учёные, они сдаются, а этот сдаваться не собирается. Но обратите внимание: он объясняет свою стойкость, свой героизм, если угодно, не возвышенными соображениями, не жизненной позицией — пресловутым «на благо науки», — а своей потребностью в работе. Своей слабостью, в сущности: без работы ему не на что опереться...

Такая сила-слабость свойственна самим Стругацким. Они работяги, они сознают свою зависимость от работы и действительно считают творческий труд лекарством от всех болезней. Они очень давно поняли, что безделье опасно, а мир, населенный бездельниками, — сделаем фантастический ход — был бы отвратителен.

Это объясняет многое в их творчестве. Утопическая Земля, которую они нарисовали в своих книгах, строится вокруг работы, на ней живут творческие люди, для которых работа — именно потребность, естественная, как дыхание. Или наоборот — в стране, совсем не утопической, а достаточно мрачной и неприятной, вдруг появляется группа учёных, которые умирают, если их лишают чтения, важнейшей части интеллектуального труда. С работой и творчеством теснейшим образом связаны качества любимых Стругацкими персонажей: образованность,

терпимость, доброжелательность — то, что называется интеллигентностью. И еще — внутренняя свобода и чувство собственного достоинства.

В книгах Стругацких редко-редко встретишь стихотворную цитату. Но вдруг — по контексту даже неожиданно — они приводят строчки из стихотворения Давида Самойлова о Пушкине: «Он умел бумагу марать под треск свечки! Ему было за что умирать у Черной Речки...»

Это символ их веры в будущее: надежда на творческих людей.

Свободный труд — избранный, любимый, спасительный. Эта тема проходит по всем произведениям Стругацких. Пусть ее не всегда видно сразу, так ведь несущую балку крыши тоже не видно... Вспомним повесть «Жук в муравейнике». Там разбирается одна из самых болезненных моральных проблем: есть ли на земле цель, оправдывающая убийство. Писатели ставят остreyший мысленный эксперимент, помещая на одну чашу весов человеческую жизнь, на другую — благополучие всего человечества. И вот внутри этой книги, написанной, надо заметить, за восемь месяцев до нашего кровавого вторжения в Афганистан, скрыта крошечная — по сравнению с главной — проблемка, но герой-то погиб из-за нее... Ему не дали заниматься любимой работой, и он взбунтовался против такого насилия над личностью.

Еще очень сильная, на мой взгляд, деталь: действие происходит в XXII веке, но бунтует не потомок наш, а предок, кроманьонец. Потребность в творчестве извечна, говорят нам Стругацкие, она родилась вместе с человеческим мозгом.

Они ничего не навязывают нам, читателям. Однажды братья сказали (а может, повторили за кем-то, кто понял это раньше): «Литература не решает проблем, она их только ставит», и не просто так сказали — для красного словца, но непреклонно следуют этому правилу. Дело писателя — задать тему и разбудить воображение читателя, дальше он будет думать и чувствовать сам, выуживать ответы из второго, третьего, восьмого слоя книги.

Фантастические картины XXII или любого другого века в книгах Стругацких, детали этих выдуманных времен и мест — скорчеры, пустышки, Комиссии по Контактам — не более чем декорации, на фоне которых разыгрывается подлинное действие: «Тот пикник, где пьют и плачут, любят и бросают...» Пускай не всем удается прорваться в глубинные слои, пускай многие читатели — те, для которых фантастический реквизит интересней социальных и моральных проблем, — с увлечением путешествуют по наружной части сферы. Дай им Бог, только

бы читали, ведь и такая задача есть у фантастики: уберечь детей от вполне реальных подворотен.

Есть еще и сверхзадача: вовлечь людей, больших и маленьких, в прекрасную игру — или в дело — с творчества, совместной с писателем выдумки. Игра эта спасительна для душевного здоровья — человек с неразвитым воображением чахнет. Когда таких людей слишком много, чахнут страны и гибнут цивилизации.

Бессмысленное дело — искать что-то главное в творчестве Стругацких. Они играют по собственным правилам; нам, как и героям их книг, предоставляется полная свобода выбора.

И тем не менее, что там ни говори, они пишут об интеллигентах и для интеллигенции. «Скажи, что ты читаешь, и я скажу, кто ты». Ребяташки, которые приходят в библиотеки и просят Стругацких, — либо уже интеллигенты, либо стоят у порога, дергают дверь. А этой породе человеков нужна, как небо, еще одна прекрасная игра — работа вольной мысли.

Писатели и будущее

...Казалось бы, оглянись вокруг — и думай. Казалось бы, мир огромен и открыт для мысленного анализа. Но он огромен чересчур, в нем легко не увидеть главное — ключевые, больные точки. Стругацкие с непостижимым упорством, год за годом, книга за книгой, выделяют для нас главные проблемы. Первейшая — воспитание детей. Отчаянный вопрос: что делать, чтобы наша скверна не передавалась следующим поколениям? От этого зависит будущее человечества, это равно волнует христианина, мусульманина, атеиста; ученого педагога и неграмотного старика, брошенного внуками. Стругацкие впервые написали об этом тридцать лет назад и даже — вопреки своим правилам — предложили проект новой школьной системы, иного статуса учителя, умного и человечного подхода к ребенку.

Другая тема, другая всеобщая болезнь, о которой последние годы мы буквально кричим: отношения человека с живой природой. Писатели подняли ее, когда в нашей стране никто не слышал и не думал о подступающей экологической катастрофе и самого слова «экология» большинство еще не знало. Едва ли не первыми в мировой литературе они изобразили биологическую, то есть слитую с живой природой, цивилизацию. И уж точно первыми написали роман-предупреждение, в котором без экивоков и с удивительной отвагой обвинили пресловутую командно-административную систему в уничтожении природы: «...За два месяца превратим там все в... э-э... в бетонированную площадку, сухую и ровную».

Еще одна мучительная проблема: личность и общество. Тема колоссальная и вечная, она, в сущности, охватывает все остальные людские проблемы, от свободы личности до государственного устройства. Стругацкие в каждой книге выхватывают — как профессиональные фотографы — новые ракурсы этой темы и давно уже нашли свой. Так до них практически никто на мир не смотрел. Это стремление к потребительству — не в том, разумеется, виде, о котором пишут в газетных фельетонах. Не о мебельных гарнитурах речь. Писатели четко отделяют естественную тягу людей к комфорту от тупого ожидания подарка, от убежденности, что комфорт должен объявиться как манна небесная — мол, общество обязано его даровать. Этую тему они также затронули четверть века назад, когда с высоких трибун нам талдычили: слушайтесь начальства, сидите тихо и с открытыми ртами, манна сама посыплется...

Я намеренно не указываю, в какой из книг что написано, — читатель сам все поймет, если даст себе труд задуматься.

Стругацкие как раз и призывают нас к мысли, усердной и постоянной. Мысль, соединенная с добротой и благожелательностью, — их ключ к любым шкатулкам Пандоры, что бы там ни было запрятано. В этом один из секретов обаяния Стругацких — для интеллигентного читателя, но здесь же и некоторая опасность: ленивый разум не все поймет или поймет навыворот.

Беда наша: мы привыкли думать готовыми формулами, лепить ярлыки. Как редактор, которого я уже поминал: бои на мечах — значит, это мушкетерский роман. Понять и признать, что другой человек, писатель или философ, отринул готовые формулы и ушел вперед, очень трудно. Иногда — невозможно. Забывается даже, что его профессия и состоит в том, чтобы думать по-иному. На такой внутренний порог многие наталкиваются, читая вещи Стругацких, которые проходят по разряду коммунистической утопии. Писатели не пожалели ярлычков и наклеек — герой то назовет себя коммунаром, то объявит, что коммунизм надо выстрадать, и есть соблазн принять все это за чистую монету. Но вдумчивый читатель довольно легко сдвигает ярлычки, ему понятно, зачем они наклеивались: иначе рукописям не видать бы печатных машин, а писателям — белого света.

Утопическое «завтра» Стругацких не имеет ничего общего с официальной идеологией и отнюдь не вытекает из нашего социалистического «сегодня». Речь идет о совсем иных ценностях. Они были бы близки, например, американскому экономисту Джону Гэлбрейту, который предсказывает, что в будущем взамен денег главной ценностью станут знания. Писатели не пытались конструировать коммунизм — и вообще некое об-

щество утопии. Они просто населили Землю хорошими людьми: свободными духом, ответственными, доброжелательными, интеллигентными. Из них, живых душ, и складывается мир будущего. Чистый экологически и духовно, веселый и добрый, во всем противоположный грязному и недоброжелательному миру, в котором реально живут читатели.

На самом деле Стругацкие не пишут о будущем. Они показывают нам, как не нужно жить сейчас.

К их утопическим картинам очень точно подходит определение Виктории Чаликовой: «Утопия враждебна тоталитаризму потому, что она думает о будущем как об альтернативе настоящему». Эту враждебность еще в шестидесятые годы уловили правые критики, верные режиму. Один из них заявил, что Стругацкие «...обесценивают роль наших идей, смысл нашей борьбы, всего того, что дорого народу». Уловили и восприняли на свой лад сотни тысяч «простых» читателей — не такими уж простыми они оказались, сейчас многие из них отчаянно дерутся за новую жизнь... Но есть читатели и критики, даже самые интеллигентные и «левые», которые так ничего и не поняли. Как бы загипнотизированные ярлычками и наклейками, они считают Стругацких едва ли не сталинистами и приписывают им соответствующие грехи.

Крайности сходятся. Что же, это в российской традиции — как и яростные споры о литературе. Она неотторжима от жизни нашего народа, слово художника значит очень много, на него отзываются радостно и гневно, честно и лукаво.

Стругацкие укрепили традицию русской литературы. Они из тех, «кто в годы бесправия... напоминал согражданам о неуничтожимости мысли, совести, смеха» — так сказал о них один, не слишком благожелательный, критик.

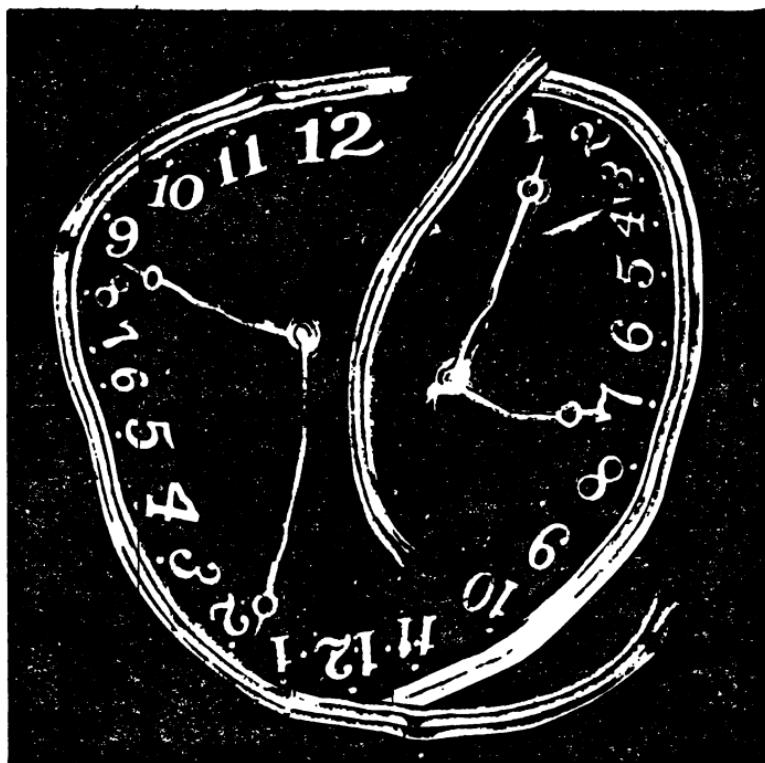
Скажу больше: они подтолкнули нас к разрыву со средневековьем, к прыжку в будущее.

Будем читать их книги, надо двигаться дальше.

А. Зеркалов

И з в н е

повесть в трех рассказах

1. Человек в сетчатой майке

Рассказ офицера штаба Н-ской части майора Кузнецова

Вот как это было. Мы еще летом собирались совершить восхождение на Адаирскую сопку. Многие наши офицеры и солдаты и даже некоторые из офицерских жен и штабных машинисток с прошлого года щеголяли эмалевыми сине-белыми значками альпинистов первой ступени, и эти значки, украшавшие кители, гимнастерки и блузки наших товарищней, не давали спокойно спать Виктору Стронкулеву. Лично я за значком не гнался, но заглянуть в кратер потухшего вулкана мне очень хотелось. Коля Гинзбург, глубоко равнодушный и к значкам, и к кратерам, питал слабость ко всякого рода «пикникам на свежем воздухе», как он выражался. А майор Перышкин... Майор Перышкин был помощником начальника штаба по физической подготовке, и этим все сказано.

Итак, мы собирались штурмовать Адаирскую сопку еще летом. Но в июне Стронкулев вывихнул ногу в танцевальном зале деревенского клуба, в июле меня отправили в командировку, в августе жена Перышкина поехала на юг и поручила майору детей. Только в начале сентября мы смогли наконец собраться все вместе.

Было решено отправиться в субботу, сразу после занятий. Нам предстояло до темноты добраться к подножию сопки, заночевать там, а с рассветом начать восхождение. Виктор Стронкулев выклянчил у начальника штаба «газик» и умолил отпустить с нами и шофера — сержанта Мишу Васечкина, сверхсрочника, красивого молодого парня; майор Перышкин взял вместительный баул, набитый всевозможной снедью домашнего приготовления, и — на всякий случай — карабин; я и Коля закупили две бутылки коньяку, несколько банок консервов и две буханки хлеба. В шесть вечера «газик» подкатил к крыльцу штаба. Мы расселись и, провожаемые пожеланиями всех благ, тронулись в путь.

От нашего городка до подножия сопки по прямой около тридцати километров. Но то, что еще можно называть дорогой, кончается на шестом километре, в небольшой деревушке. Дальше нам предстояло петлять по плоскогорью, поросшему березами и осина-

ми, продираться через заросли крапивы и лопуха высотой в человеческий рост, переправляться через мелкие, но широкие ручьи-речушки, текущие по каменистым руслам. Эти удовольствия тянулись примерно два десятка километров, после чего начиналось широкое «лавовое поле» — равнина, покрытая крупным ржавым щебнем вывергшейся лавы. Лавовое поле использовалось соседней авиационной частью как учебный полигон для тактических занятий. Осторожный Коля Гинзбург накануне дважды звонил летчикам, чтобы наверняка удостовериться в том, что в ночь с субботы на воскресенье и в воскресенье вечером они практиковаться не будут, — предосторожность, по-моему, совсем не лишняя. Легкомысленный Стрекулов не преминул, однако, слегка пройтись по поводу малодушной «перестраховочки». Тогда Коля без лишних слов расстегнул китель, поднял на груди сорочку и показал под ребрами с правой стороны длинный белый шрам.

— «Мессер», — с выражением сказал он. — И я не желаю получить еще одну такую же от своего... Тем более в угоду некоторым невоенным военным...

На этом разговор окончился. Витька страшно не любил, когда ему напоминали о том, что в войне он по молодости не участвовал. Он был зверски самолюбив. Впрочем, через четверть часа Коля спросил у надувшегося Витьки папирусу, и мир был восстановлен.

Значит, лавовое поле не грозило нам никакими неожиданностями. Оно плавно поднималось к сопке и заканчивалось крутыми, обрывистыми скалами. Дальше машина уже пройти не могла. Там, под этими скалами, мы рассчитывали разбить наш ночной лагерь.

Итак, мы тронулись в путь. Погода была чудесная. Вообще осень в наших местах, «на краю земли», — самое лучшее время года. В сентябре и октябре почти не бывает ни туманов, ни дождей. Воздух прозрачный, тонкий, мягкий. Пахнет увядющей зеленью. Небо днем — бездонно-синее, ночью — черное, бархатное, усыпанное яркими немигающими звездами. Мы не торопясь тащились по развороченной еще летними дождями дороге. Впереди над щетиной леса призрачным сизым конусом возвышалась Адаирская сопка. У вершины конус был косо срезан. Если приглядеться, можно заметить, что склоны сопки отливают рыжеватым оттенком, кое-где поблескивают пятна снега. Над вершиной неподвижно стынет плотное белое облачко паров.

Через полчаса мы въехали в деревню, и тут Виктор Строкулев попросил остановиться. Он сказал, что хочет забежать на минутку к одной знакомой девушки. Мы великодушно не возражали. В радиусе восемнадцати километров от нашего городка я не знаю ни одного населенного пункта, где бы у Строкулева не было «одной знакомой девушки».

Не прошло и пяти минут, как он выскочил из домика с довольным видом и с объемистым свертком под мышкой.

— Поехали, — сказал он, усаживаясь рядом с шофером и перебрасывая сверток Коле Гинзбургу на колени.

Машина снова тронулась. Витька высунулся и грациозно помахал рукой. Я заметил, что занавеска в маленьком квадратном окне слегка отдернулась. Мне даже показалось, что я увидел блестящие черные глаза.

— Что это он приволок? — равнодушно осведомился майор Перышкин.

— Посмотрим, — сказал Коля и развернул сверток.

В свертке оказалось целое сокровище — десяток мясных соленых огурцов и большой кусок свиного сала. Строкулев обернулся к нам, облокотившись на спинку сиденья.

— Если Строкулев что-нибудь делает... — небрежно начал он, но тут машина подпрыгнула, Витька ударился макушкой о раму крыши, лязгнул зубами и моментально замолк.

Началась самая трудная часть пути. К счастью, на плоскогорье сохранились тропы, оставленные нашими альпинистами летом. В лесу, в чаще берез и осин, исковерканных свирепыми зимними ветрами, были проделаны просеки, и нам почти не пришлось пользоваться топором. Временами «газик» с жалобным ревом увязал в путанице полусгнивших ветвей, переплетенных прочными прутьями молодых побегов и густой порослью высокой травы. Тогда мы вылезали, заходили сзади и с криком «Пошла, пошла!» выталкивали машину на ровное место. Через четверть часа все повторялось снова.

Уже темнело, когда мы, взмокшие и грязные, выбрались наконец на лавовое поле. «Газик», трясясь и подпрыгивая, покатился по хрустящему щебню. В небе загорались звезды. Коля задремал, навалившись на мое плечо. Огни фар прыгали по грудам щебня, поросшим местами редкой сухой травой. Стали попадаться неглубокие воронки от бомб — следы учебы летчиков — и мишени —

причудливые сооружения из досок, фанеры и ржавого железного лома.

Над плоскими холмами справа разгорелось оранжевое зарево, выкатилась и повисла в сразу посветлевшем небе большая желтая луна. Звезды потускнели, стало светло. Миша прибавил ход.

— Через часок можно будет остановиться, — сказал майор Перышкин. — Возьми чуть правее, Миша... Вот так.

Он сунул в рот сигарету, чиркнул спичкой и сразу же обнаружил, что Стрекулов, воспользовавшись темнотой в машине, запустил пальцы в сверток, лежавший на коленях у сладко спящего Гинзбурга. Порок был наказан немедленно: майор звонко щелкнул Витьку в лоб, и тот, жалобно ойкнув, убрался на свое сиденье.

— А я слышу, кто-то здесь бумагой шуршит, — спокойно сказал Перышкин, обращаясь ко мне. — А это, оказывается, вот кто...

— Я хотел только проверить, не вывалились ли огурцы, — обиженно заявил Стрекулов.

— Ну и как? Не вывалились?

Стрекулов промолчал, а затем вдруг принял рассказывать какую-то длинную историю, начав ее словами: «В нашем училище был один...» Он еще не дошел до сути, и мы даже не успели сообразить, имеет ли эта история какую-либо связь с попыткой похитить огурец, когда лучи фар уперлись в огромные валуны и «газик» затормозил.

— Приехали, — объявил Перышкин.

Мы выбрались из машины в прозрачный свет луны. Стояла необыкновенная, неестественная тишина. Склоны сопки полого уходили в небо, вершины не было видно — ее заслоняли почти отвесные стены застывшей лавы, четко рисовавшиеся на фоне бледных звездных россыпей.

— Ужинать и спать, — приказал майор Перышкин.

Были раскрыты заветный баул и сверток «одной знакомой девушки». На разостланной плащ-палатке постелили газеты. Коля очень ловко раскупорил бутылку и содержимое «расплескал» по кружкам.

Поужинав, мы уложили остатки провиантских запасов в баул и рюкзаки, завернулись в шинели и улеглись рядом на плащ-палатках, стараясь потеснее прижаться друг к другу, потому что ночь была весьма прохладная. Стрекулов, оказавшийся с краю, долго вздыхал и ворочался. Позже, уже сквозь сон, я почувствовал, как он

ввинчивается между мной и Николаем, но проснуться и отругать его я так и не смог.

Майор разбудил нас в шесть часов. Утро было чудесное, такое же, как вчерашний вечер. Солнце только что взошло. В глубоком, чистом небе на западе, над зубчатыми вершинами Калаканского хребта, едва проступающими в туманной дымке, бледным, белесым пятном висела луна. Неподалеку от нас журчал ручей. Мы умылись и наполнили фляги, а когда вернулись, то увидели, что Строкулев по-прежнему валяется на плащ-палатках, натянув на себя все наши шинели. Тогда Коля аккуратно плеснул из своей фляги немного ледниковой воды за шиворот блаженно всхрапывающего лентяя. И тихое безмятежное утро огласилось...

Словом, через полчаса мы, в ватниках, навьюченные рюкзаками, с лыжными палками в руках, стояли, готовые к подъему, а майор Перышкин давал шоферу Мише последние указания:

— От машины — ни шагу! Спать захочешь — спи на сиденье. А лучше всего сиди и читай. Карабин не трогай. Ясно?

— Так точно, товарищ майор, ясно! — ответствовал Миша.

И наше восхождение началось.

Сначала подъем был сравнительно отлогим. Мы шли гуськом по краю глубокого оврага — должно быть, трещины в многометровой толще лавы, — на дне которого густо росла исполинская крапива и протекал, весело журча, ручей снеговой воды. Первые несколько километров мы чувствовали себя сильными, бодрыми, уверенными и даже разговаривали.

Прошло два часа, и мы перестали разговаривать. Подъем стал значительно круче. Впереди перед нашими глазами чуть ли не в зенит упирался красно-бурый склон конуса Адаирской сопки. Никогда я не думал, что альпинизм окажется таким трудным делом. Нет, мы не карабкались по ледяным скалам, не тянули друг друга на веревках, ежесекундно рискуя сорваться с километровой высоты. Нет. Но приходилось ли вам взбираться на огромную кучу зерна? Вот на что больше всего походило наше восхождение. Щебень — и мелкий, как песок, и крупный, как булыжник, — осыпался под ногами. Через каждые два шага мы сползали на полтора шага назад. Громадные потрескавшиеся глыбы лавы, тронутые осипью, начинали угрожающе раскачиваться и сползать.

Одна из таких глыб, величиной с хороший семейный комод, более округлая, чем другие, вдруг сорвалась с места, прокатилась мимо бросившегося в сторону Гинзбурга и понеслась, высоко подскакивая, куда-то вниз, увлекая за собой целые тучи камней поменьше. Подул ледяной ветер, запахло — сначала слабо, затем все сильнее и сильнее — тухлыми яйцами.

— Вулканические пары, черт бы их не взял! — чихая, пояснил майор Перышкин и тут же успокоил нас: — Ничего, здесь еще терпимо, а вот что наверху будет!..

Около двенадцати Перышкин объявил большой привал. Мы выбрались на обширное снеговое поле и расселись на камнях, выступающих из-под обледеневшей снежной корки. Я взглянул вверх. Глыбы застывшей лавы, окружавшие кратер, казались такими же далекими, как и снизу, от машины. Зато внизу открывалось великолепное зрелище. Воздух был чист и прозрачен, мы видели не только все лавовое поле, плоскогорье и пестрое пятнышко нашего городка, но и ряды сопок, темные дымы над бухтой Павлопетровска и за ними — серо-стальной, мутно отсвечивающей на солнце океан.

Мы все очень устали, даже майор Перышкин. Все, кроме Строкулева. Во время подъема он был впереди, останавливался, поджидая нас, и однажды даже суконно-жестяным голосом запел дурацкую песенку. Песенный репертуар Строкулева был известен всей бригаде, и душа радовалась при мысли, что Адаирская сопка представляет собой такое дикое и пустынное место.

На привале мы молчали, грызли сухари и выпили немного воды. Строкулев ползал вокруг и щелкал фотоаппаратом. Перышкин громко сосал кубик рафинада. Коля критически рассматривал подошвы своих сапог, время от времени меряя взглядом расстояние до вершины сопки...

Было уже около трех часов дня, когда мы наконец добрались до цели. Строкулев, свесившись с обломка лавы, вытянул нас наверх одного за другим, и, тяжело отдуваясь, мы струились на краю кратера. Под ветром мотались клочья не то дыма, не то тумана, отвратительно пахло какими-то испарениями.

Поднялся туман. Он стремительно несся снизу. Время от времени сквозь его разрывы открывалась изумительная панорама гор, зеленых долин и океана. Но мы так вымотались, что это нас уже не интересовало. И только

отдохнув немного, мы заставили себя подползти к обрыву и заглянуть в кратер.

Именно таким представлял я себе вход в ад. Под нами зияла пропасть глубиной в несколько десятков, а может быть, в сотню метров. Стены пропасти и ее плоское дно были серо-желтого цвета и казались такими безнадежно сухими, такими далекими от всякого намека на жизнь, что мне немедленно захотелось пить. Честное слово, здесь физически ощущалось полное отсутствие хотя бы молекулы воды. Из невидимых щелей и трещин в стенах и в дне поднимались струи воюющих сернистых паров. Они в минуту заполняли кратер и заволакивали его противоположный край.

Строкулев в последний раз нацелился аппаратом, щелкнул затвором и сказал, с надеждой глядя на майора Перышкина:

— Хорошо бы туда спуститься...

Перышкин только хмыкнул в ответ и полез в карман за сигаретами. Коля задумчиво сплюнул. Мы с интересом следили за падением плевка, пока он не скрылся из виду. Восхождение было окончено. Теперь оставалось выполнить кое-какие формальности.

Майор Перышкин снял рюкзак и извлек из него две тяжелые черные банки — дымовые шашки.

— Строкулев, — строго сказал он, — возьми одну шашку и отойди вон туда, за выступ. Там подожги.

Строкулев козырнул, взял банку и скрылся за стеной застывшей лавы, нависшей над кратером.

— Коля, — продолжал майор, — напиши что-нибудь о нас на листке бумаги, вложи листок в консервную коробку и сложи над ней пирамиду из обломков покрупнее. Ну, хотя бы здесь, где стоишь.

Пока майор поджигал шашку, мы с Гинзбургом сочинили такой текст: «Второго сентября 19... года на вершину Адаирской сопки поднялись в порядке сдачи нормы на звание альпиниста первой ступени майор Кузнецов, капитан Гинзбург и старший лейтенант Строкулев. Руководил группой майор Перышкин». Затем мы открыли банку «глосся в собственном соку», содержимое съели, банку насухо вытерли, вложили в нее записку и соорудили пирамидку.

— Готово, — сказал Коля. Он подумал и добавил: — Вот теперь мы альпинисты. Подумать только!

— Это что, — пренебрежительно заметил майор Перышкин, — вот у нас на Алакане было однажды...

Он стал рассказывать, что было однажды у них на Алакане.

Мы слушали рассеянно, развалившись под скалами и наслаждаясь приятным гудением в ногах. Все рассказы Перышкина о том, что было на Алакане, походили друг на друга, как две капли воды. Гвоздем каждого была фраза: «Я поднимаю карабин, и — бах! — точка. Полный порядок! Вот это была охота!» Мы с Гинзбургом звали Перышкина Тартарен из Алакана — он не обижался.

Давно уже из подожженной шашки плотными клубами валил густой, тяжелый бело-розовый дым, а Строкулев не возвращался. Выслушав очередное «бах! — точка», я предложил посмотреть, чем занят сейчас этот мальчишка.

Мы обогнули лавовую стену и увидели, что Строкулев прыгает вокруг банки, дуя в растопыренные ладони и ругаясь. Оказывается, он истратил полкоробка спичек, пытаясь зажечь хотя бы одну. Спички на ветру гасли. Тогда он взял и чиркнул все сразу. Спички разгорелись очень охотно, но при этом обожгли ему ладони. Перышкин назвал Строкулева слабаком, сел над банкой, прикрыв ее полами ватника, и через минуту струя белого дыма взметнулась вверх, изогнулась на ветру и поплыла в сторону, утолщаясь и густея на глазах.

— Вот как надо, — удовлетворенно сказал майор.

Наш сигнал — два столба дыма — должны были наблюдать в бинокли из городка.

— А теперь — спуск! — скомандовал Перышкин.

Он показал нам, как это делается. Нужно было всего-навсего сесть верхом на палку и смело прыгнуть вниз.

Так мы и сделали. Кучи камней, больших и маленьких, сыпались нам вслед, пролетали вперед, стучали — иногда довольно чувствительно — в ноги и спину. Да, спускаться было одно удовольствие. Правда, Коля, споткнувшись, перевернулся и стал на голову, а затем метров пятьдесят скользил на спине и еще метров сто на животе после неудачной попытки догнать свою палку. Но в общем все обошлось благополучно. И если на подъем по конусу нам потребовалось около пяти часов, то спуск продолжался не более получаса, и в половине пятого мы уже шагали вдоль того самого обрыва, с которого начинали подъем.

Я описываю восхождение на Адаирскую сопку так подробно по двум причинам. Во-первых, чтобы показать, что странные события вечера того же дня произошли без

всяких предзнаменований. Мы ничего ровным счетом не подозревали заранее. Во-вторых, я хочу подчеркнуть ясность своего сознания и показать, что помню все, даже самые мелкие подробности нашего маленького путешествия. А теперь я приступаю к главному — к рассказу о том, что случилось в тумане.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда мы добрались до «газика». Миша Васечкин, завидев нас издали, приготовил ужин, и, когда мы подошли к машине, «стол» был накрыт: хлеб нарезан, консервы вскрыты. Это было как нельзя более кстати, ибо мы проголодались и вместе с тем очень торопились домой — хорошенько отдохнуть и высаться перед новой неделей напряженной работы.

Мы с примерной жадностью набросились на еду и, только утолив первый голод, заметили, что сержант чем-то озабочен и то и дело поглядывает на небо.

— Ты что это? — осведомился Перышкин.

Миша ответил хмуро:

— Здесь, товарищ майор, самолет недавно пролетал.

Мы сразу перестали жевать.

— Где? — спросил Коля.

— Я его не видел, товарищ капитан, но, кажется, где-то неподалеку, над лавовым полем. Слышал, как он гудит. Низко-низко...

Майор Перышкин чертыхнулся.

— Надо нажимать, — сказал Коля и встал.

Мы собирались торопливо и молча, и только когда «газик» заворчал и, развернувшись, понесся в обратный путь, майор официальным тоном спросил Николая:

— Капитан, вам летчики точно сказали, что сегодня не бомбят?

— Точно, — ответил Коля.

— Если после темноты мы еще будем на полигоне, а у нихочные стрельбы... по локатору...

— Лучшей цели не придумаешь, — согласился я.

«Газик», подпрыгивая всеми колесами, крутился между старых воронок и полуразбитых мишней, когда притихший Строкулев вдруг сказал:

— Туман!

Впереди, со стороны плоскогорья, на лавовое поле надвигалась белесая, розоватая от лучей заходящего солнца стена тумана.

— Только этого не хватало! — с досадой проворчал майор Перышкин.

Слой тумана вначале был не очень высок, и иногда

мы отчетливо видели над ним черную массу далекого леса на плоскогорье и темно-синее небо. Дальневосточные туманы по прозрачности и по плотности мало чем уступают молочному киселю. Мы неслись по бурому шлаку, и туман полз нам навстречу. Миша круто повернулся барабанку, обезжая широкую воронку, вокруг которой валялись обугленные щепки и клочья железа, затем сбавил ход, и мы медленно въехали в молочную стену. Мгновенно пропало все — синее небо, красное закатное солнце, лавовое поле справа и плоские холмы слева. Остались серые мокрые сумерки и капли сырости, оседающие на смотровое стекло, да несколько метров блестящей от влаги каменистой почвы. Теперь спешить было нельзя. Миша включил фары, и в желтых столбах света стали видны медлительные струи тумана, расползшиеся в стороны по мере нашего продвижения вперед. Машину подбрасывало, она то кренилась набок, то каркасалась на холмики, то осторожно сползала с невысоких откосов.

— Вот так история! — начал майор Перышкин. — Совсем как у нас на Алакане...

И он принялся рассказывать очередную историю про Алакан. Не знаю, успокаивал ли он этим рассказом самого себя или честно пытался отвлечь нас от тоскливых мыслей и тревожных предчувствий, во всяком случае, ни то, ни другое ему не удалось. Он то и дело замолкал, тянул «и вот, значит, это самое...», ежеминутно высовывался из машины. А мы, по крайней мере я и Строкулев, его совсем не слушали. Коля Гинзбург оставался внешне спокоен и даже вставлял в паузы вежливые «Ну, и что дальше?» или «А что он?». Так прошло около часа. Ни туману, ни лавовому полю, ни рассказу про Алакан не было конца. Миша сбросил телогрейку, на напряженно двигавшихся лопатках его выступили пятна пота. Стало почти темно.

— Ну, я, конечно, вижу, — сипло повествовал майор. — Вижу это я... да-а... вижу, значит, что стрелять он не того... значит, не умеет... значит, только... хвастает только...

Он вдруг замолчал и прислушался. Коля, клевавший носом, тоже поднял голову.

— Слышишь?

Я пожал плечами. Майор торопливо сказал Мише:

— Глуши мотор!

Двигатель кашлянул несколько раз и замолк. И тогда

стал слышен звук, от которого мой желудок стремительно поднялся к горлу. Это был зловещий рев бомбардировщика, переходящего в пике. Он нарастал и усиливался с каждой секундой, и даже Строкулев и сержант, слышавшие этот рев, вероятно, только в кино, очутились шагах в десяти от машины еще прежде, чем успели сообразить, что происходит.

— Ложись! — рявкнул майор.

Мы бросились на землю, всем телом прижимаясь к колючему мокрому щебню. Строкулев вцепился в мою руку, и совсем рядом я увидел его широко раскрытые глаза, в которых светились дьявольское любопытство и детский страх. Помню, что на переносице его блестели капельки испаринки.

Рев нарастал, заполнял весь мир, раздиral уши. Затем где-то невдалеке туман мгновенно озарился яркой белой вспышкой. Мы съежились, ожидая громового удара, свиста осколков, града острых, как бритва, обломков камня. Но ничего подобного не случилось.

Вместо этого наступила тишина, такая же зловещая и нестерпимая, как и внезапно оборвавшийся рев. И в тишине сквозь бешеный звон крови в ушах мы услышали какую-то возню, жалобный вскрик, короткий, захлебывающийся говор, и что-то тяжело упало на щебень. Вновь взревели невидимые моторы, пахнуло горячим ветром, и рев стал удаляться. Он удалялся быстро и уже через несколько секунд превратился в едва слышное жужжение, а потом и совсем затих. И тогда из-за плотной стены тумана до нас донесся сдавленный, протяжный стон.

Все произошло необычайно быстро, и мы, по сути дела, ничего, кроме вспышки, не видели. Нарастающий рев пикирующего самолета, короткая вспышка в тумане, секунды непонятной мертвотишины, звуки борьбы, тяжелое падение, затем снова рев мотора и снова тишина. И протяжный стон. Гинзбург уверял после, что в момент вспышки заметил невысоко над землей что-то темное и продолговатое. Я не заметил, хотя лежал в двух шагах от Коли. Не заметили ничего и остальные.

Мы поднялись на ноги, машинально отряхиваясь и растерянно поглядывая то на небо, то друг на друга. Кругом было тихо.

— Что это может быть? — спросил Строкулев.

Никто не отозвался. Потом Николай сказал:

— Это не бомбардировщик. И, уж во всяком случае, не реактивный.

Майор Перышкин поднял руку:

— Послушайте! Никто ничего не слышит?

Мы замолчали, прислушиваясь. В тумане снова совершенно явственно раздался стон.

— Вот что, — решительно сказал майор Перышкин. — Там кто-то есть. Надо его найти. Мало ли что может быть... Погодите.

Он сбежал к машине и вернулся с карабином. Щелкнув затвором, взял карабин под мышку.

— Группа, слушай мою команду! — сказал он. — Сержант Васечкин!

— Я!

— Остаетесь на месте. Майор Кузнецов, капитан Гинзбург, старший лейтенант Строкулев, вправо в цепь... марш!

Мы растянулись цепочкой на расстоянии в три-четыре метра друг от друга и двинулись на поиски. Через минуту Строкулев крикнул:

— Нашел! Карманный фонарик нашел... Едва горит!

— Вперед! — приказал майор.

Я прошел еще несколько шагов и чуть не наступил на человека. Он лежал ничком, широко раскинув ноги и уткнувшись лохматой нечесаной головой в сгиб правой руки, грязной и тощей. Левая рука была вытянута вперед, ее исцарапанные пальцы зарылись в щебень. Никогда еще я не видел в наших краях человека, одетого так странно. На нем были фланелевые лыжные брюки, стоптанные тапочки на босу ногу и сетчатая майка-безрукавка. И это осенью, на Дальнем Востоке, в двадцати километрах от ближайшего населенного пункта!

Мы стояли над ним, изумленные и смущенные, затем майор передал Коле карабин, опустившись на корточки, осторожно потрогал незнакомца за голое плечо. Тот медленно поднял голову. Мы увидели неимоверно худое лицо, покрытое густой черной щетиной, сухие, потрескавшиеся губы, мутные серые глаза — вернее, один глаз, потому что другой оставался плотно закрытым.

— Пить... — хрипло прошептал незнакомец. — Только глоток воды... и сразу назад...

Он слова уронил голову на руку.

Мы переташили его к «газику» — он не казался тяжелым, но явно пытался, хотя и слабо, сопротивляться. В бутылке оставалось немного коньяку. Гинзбург налил в кружку воды, долил коньяком и поднес кружку к губам незнакомца. Видели бы вы, как он пил! Он опустошил все

наши фляги и, вероятно, пил бы еще, но воды у нас больше не было. Пока мы возились с незнакомцем, Мisha ходил вокруг машины и с опаской поглядывал на небо. Кажется, он был очень доволен, когда мы наконец втиснули нашу находку на заднее сиденье, кое-как втиснулись сами и майор приказал:

— Трогай!

— Мне надо назад, — пробормотал незнакомец. — Пустите меня назад, ведь я так ничего и не узнал...

— О чём? — спросил я.

Но он не ответил и уронил голову на грудь.

Стемнело, стало холодно. Мы набросили на незнакомца наши шинели и плащ-палатки, но он все трясясь в ознобе и время от времени то громко и пронзительно, то едва слышно выкрикивал непонятные слова. Видно, у него начинался жар, от него несло теплом, как от русской печки.

Никогда не забуду этой поездки. Кругом кромешная тьма, лучи фар с трудом раздвигают туман. Машина движется медленно и воет тоскливо и угрожающе. На переднем сиденье вцепившийся в барабанку шофер и Гинзбург со Строкулевым, сгорбленные, зябко ежатся от сырости и холода. На заднем сиденье — Перышкин и я, и между нами трясущийся в ознобе незнакомец, закутанный в шинели и шуршащие плащ-палатки. Он бормочет и вскрикивает, иногда пытается высвободить руки, но мы с майором крепко держим его. Я наклоняюсь к нему, стараясь разобрать, что он говорит. А говорит он странные вещи:

— Не надо... Вы видите, я стою на двух ногах, как и ваши... Не надо со мной так... Не трогайте меня! Я не хочу уходить, я еще не знаю самого главного... Я не могу вернуться, пока не узнаю... Мне нужен только глоток воды. И я останусь... хоть навсегда, хоть на тысячи лет... как тот, в тоннеле... Не выбрасывайте меня!

Я слушаю, затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово. Кто он? Сумасшедший? Преступник? Диверсант? Как он попал на лавовое поле? Видимо, он просил не выбрасывать его. Но его выбросили. Кто? Откуда? А он шепчет страстно и убедительно:

— Хорошо... Мне не нужно воды. Я готов даже... Что угодно... по капле... Скормите меня вашим койотам... дракону, все равно, только отведите сначала к хозяевам... Человек всегда договорится с человеком...

Вскоре мы спустились в ложбину. Лавовое поле кон-

чилось, и «газик» стал карабкаться на плоскогорье. Нам удалось сразу же найти просеку. И все же, если бы не незнакомец, мы, вероятно, заночевали бы в лесу. Миша сказал, что ни за что не ручается. Но Перышкин был непреклонен:

— Мы везем больного человека. Кто он такой, мы не знаем. А если он умрет за ночь? А если он может сообщить что-нибудь важное? Не разговаривать! Вперед!

И мы двигались вперед, продираясь через путаницу гнилых веток, с бою овладевая каждым метром дороги. Теперь, вытаскивая машину из ям, мы молчали. Никто не кричал больше: «Пошла, пошла!» Кажется, так я уставал только на фронте, во время осенних наступлений.

Но всему на свете бывает конец. Около часа ночи «газик» вкатился в деревню и, пофыркивая, остановился у домика «одной знакомой девушки». Майор решил оставить незнакомца здесь со мной и Строкулевым и привезти из бригады врача.

— Мы не имеем права рисковать. Вдруг он умрет как раз на пути в городок?

Майор был прав. Строкулев соскочил с машины и постучал в квадратное окно. Прошла минута, другая. В окне вспыхнул свет. Слегка охрипший со сна голос спросил:

— Кто там?

Строкулев что-то ответил. Дверь открылась, пропустила его и снова закрылась, но вскоре он выбежал и крикнул:

— Заносите!

Мы с трудом извлекли незнакомца из «газика». Тумана в деревне не было, луна стояла высоко, и его запрокинутое лицо казалось бледным, как у мертвеца.

В горнице было светло, чисто и сухо. «Одна знакомая девушка» оказалась маленькой полной женщиной лет двадцати пяти. Она смущенно куталась в халатик. Строкулев стелил на полу у печки постель. Он вытянул из-под матраца на широкой кровати тюфяк, из комода — простыни и одеяла. Хозяйка молча кивнула нам. Затем она наклонилась над незнакомцем, взгляделась в его лицо, подумала и неожиданно сказала, показав на кровать:

— Кладите сюда. Я уж на тюфяке переношу.

— Надо бы его раздеть, — нерешительно сказал майор Перышкин.

— Мы разднем, — сказал я. — Поезжайте, Константин Петрович.

Майор, Гинзбург и Миша попрощались и вышли, а мы со Строкулевым принялись раздевать незнакомца. Хозяйка возилась у печки — кипятила молоко.

Когда мы стягивали с него лыжные штаны, что-то вдруг со стуком упало на пол. Строкулев нагнулся.

— Погоди-ка, — пробормотал он. — Вот так штука! Смотри!

Это была маленькая металлическая статуэтка — странный скорченный человечек в необычной позе. Он стоял на коленях, сильно наклонившись вперед, упираясь тонкими руками в пьедестал. Меня поразило его лицо. С оскаленным кривоватым ртом, с тупым курносым носом, оно странно и дико глядело на нас выпуклыми белыми, видимо, покрытыми эмалью, глазами. Лицо это было выполнено удивительно реалистично — измученное, тоскливое, с упавшей на лоб жалкой прядью прямых волос. На голой спине человечка громадными буграми выдавались угловатые лопатки, колени были острые, а на руках торчали всего по три скрюченных когтистых пальца.

— Божок какой-то, — вполголоса сказал Строкулев. — Тяжелый. Золото, как ты думаешь?

Я поставил статуэтку на стол.

— Не похоже. Возможно, платина...

Мы уложили незнакомца, закутали его в одеяло, попробовали напоить горячим молоком — он не разжал губ. Тогда мы напились сами, придвинули табуретки и сели рядом. Хозяйка, не говоря ни слова, не раздеваясь, легла на тюфячок.

Так мы сидели часа два или два с половиной, клевали носом и время от времени выходили на цыпочках в сени покурить. Незнакомец лежал неподвижно с закрытыми глазами и тяжело и часто дышал. Только один раз он вдруг крикнул:

— Не бойтесь! Это вертолет!

Я кое о чем подумал тогда, но Строкулеву не сказал. В самом деле, где это видано, чтобы вертолеты пикировали, как заправские бомбардировщики?

Хозяйка ворочалась на своем тюфячке и тоже, кажется, не спала. Божок стоял на столе, отливая странной зеленью, обратив к нам свое измученное белоглазое лицо.

Под утро, когда небо в окнах стало светлеть, на дворе послышалось фырканье мотора. В дверь постучали, вошел майор Перышкин, знакомый врач подполковник Колесников и особоуполномоченный капитан Васильев, маленький, сухой, с быстрыми глазами. Мы встали. Под-

полковник и капитан Васильев молча поздоровались с нами, сели у кровати и оглянулись на Перышкина. Тот поманил нас.

— Едем. Наше дело сделано.

Вот и все. Человек в сетчатой майке вместе с удивительным божком исчез из нашей жизни так же внезапно, как и появился. Днем, когда мы еще спали (начальник штаба разрешил нам отдохнуть до обеда), вездеход с незнакомцем, врачом и особоуполномоченным проехал через городок и свернул на шоссе, ведущее в Павлодемьянск. Мы пытались осторожно навести справки у командования, но никто не мог сообщить нам ничего определенного. Виктор Срокулев так надоел начальнику штаба своими расспросами, что тот пригрозил немедленно назначить его в комиссию по снятию остатков на продовольственном складе. Витька терпеть не мог снимать остатки и расспросы прекратил. Так и остались мы, свидетели необыкновенного случая у подножия Адаирской сопки, со своим неутоленным любопытством, неясным ощущением чего-то таинственного и подавляющего воображение, с богатейшими возможностями для всяко-го рода фантастических догадок.

Тайна, тайна... Сколько предположений было высказано вечерами за преферансом, за книгами и схемами, за шахматами и чаем! Вот мы сидим у Гинзбурга. Коля и майор Перышкин разыгрывают труднейший дебют, я покуриваю и читаю потрепанную книжку, уютно устроившись перед огнем в печке. Срокулев задумчиво перебирает гитарные струны, развалившись на кровати. Тихо. За окном воет декабрьская выюга. И вдруг Коля поднимает голову и говорит:

— Слушайте, а может быть, он с другой планеты?

Мы обдумываем это предположение, затем Срокулев вздыхает и снова трогает струны, а майор ворчит:

— Чепуха! Ходи, твой ход...

Но не хочется верить, что мы так никогда и не узнаем о том, что произошло в вечернем тумане...

2. Пришельцы

Рассказ участника археологической группы «Апида» К. Н. Сергеева

Недавно в одном из научно-популярных журналов появился пространный очерк о необычайных событиях, имевших место в июле—августе прошлого года в окрест-

ностях Сталиабада. К сожалению, авторы очерка, по-видимому, пользовались информацией из вторых и третьих рук, причем рук недобросовестных, и поневоле представили суть и обстоятельства дела совершенно неправильно. Рассуждения о «телеомеханических диверсантах» и «кремнийорганических чудовищах», равно как и противоречивые свидетельства «очевидцев» о пылающих горах и пожранных целиком коровах и грузовиках, не выдерживают никакой критики. Факты были гораздо проще и в то же время много сложнее этих выдумок.

Когда стало ясно, что официальный отчет Сталиабадской комиссии появится в печати очень не скоро, профессор Никитин предложил опубликовать правду о Пришельцах мне, одному из немногих настоящих очевидцев. «Изложите то, что видели собственными глазами, — сказал он. — Изложите свои впечатления. Так, как излагали для комиссии. Можете пользоваться и нашими материалами. Хотя лучше будет, если ограничитесь своими впечатлениями. И еще — не забудьте дневник Лозовского. Это ваше право».

Приступая к рассказу, я предупреждаю, что буду всеми силами придерживаться указаний профессора — стараться передавать только свои впечатления — и стану излагать события, как они происходили с нашей точки зрения, с точки зрения археологической группы, занятой раскопками так называемого замка Апида в пятидесяти километрах к юго-востоку от Пенджикента.

Группа состояла из шести человек. В ней были три археолога: начальник группы, он же «пан шеф», Борис Янович Лозовский, мой старинный друг таджик Джамил Каримов и я. Кроме нас в группе было двое рабочих, местных жителей, и шофер Коля.

Замок Апида представляет собой холм метров в тридцать высоты, стоящий в узкой долине, стиснутой горами. По долине протекает неширокая река, очень чистая и холодная, забитая круглыми гладкими камнями. Вдоль реки проходит дорога на Пенджикентский оазис.

На верхушке холма мы копали жилища древних таджиков. У подножия был разбит лагерь: две черные палатки и малиновый флаг с изображением согдийской монеты (круг с квадратной дырой посередине). Таджикский замок III века нашей эры не имел ничего общего с зубчатыми стенами и подъемными мостами феодальных замков Европы. В раскопанном виде это две-три ровные площадки, окаймленные по квадрату двухвершковой оградой. Фак-

тически от замка остается только пол. Здесь можно найти горелое дерево, обломки глиняных сосудов и вполне современных скорпионов, а если повезет — старую, позеленевшую монету.

В распоряжении группы была машина — старенький «ГАЗ-51», на котором в целях археологической разведки мы совершали далекие рейсы по ужасным горным дорогам. Накануне того дня, когда появились Пришельцы, Лозовский на этой машине уехал в Пенджикент за продуктами, и мы ждали его возвращения утром 14 августа. Машина не вернулась, начав своим исчезновением цепь удивительных и непонятных происшествий.

Я сидел в палатке и курил, дожидался, пока промоются черепки, уложенные в таз и погруженные в реку. Солнце висело, казалось, прямо в зените, хотя было уже три часа пополудни. Джамил работал на верхушке холма — там крутилась под ветром лёссовая пыль и виднелись белые войлочные шляпы рабочих. Шипел примус, варились гречневая каша. Было душно, зноено и пыльно. Я курил и придумывал причины, по которым Лозовский мог задержаться в Пенджикенте и опаздывать вот уже на шесть часов. У нас кончался керосин, осталось всего две банки консервов и полпачки чая. Было бы очень неприятно, если бы Лозовский не приехал сегодня. Придумав очередную причину (Лозовский решил позвонить в Москву), я встал, потянулся и впервые увидел Пришельца.

Он неподвижно стоял перед входом в палатку, матово-черный, ростом с большую собаку, похожий на громадного паука. У него было круглое, плоское, как часы «молния», тело и суставчатые ноги. Более подробно описать его я не могу. Я был слишком ошеломлен и озадачен. Через секунду он качнулся и двинулся прямо на меня. Я осталбенело глядел, как он медленно переступает ногами, оставляя в пыли дырчатые следы, — уродливый силуэт на фоне освещенной солнцем желтой осыпающейся глины.

Учтите, я и понятия не имел, что это Пришелец. Для меня это было какое-то неизвестное животное, и оно приближалось ко мне, странно выворачивая ноги, немое и безглазое. Я попятился. В то же мгновение раздался негромкий щелчок, и внезапно вспыхнул ослепительный свет, такой яркий, что я невольно зажмурился, а когда открыл глаза, то сквозь красные расплывающиеся пятна увидел его на шаг ближе, уже в тени палатки. «Господи!..» — пробормотал я. Он стоял над нашим продо-

вольственным ящиком и, кажется, копался в нем двумя передними ногами. Блеснула на солнце и сразу куда-то изчезла консервная банка. Затем «паук» боком отодвинулся в сторону и скрылся из виду. Сейчас же смолкло гудение примуса, послышался металлический звон.

Не знаю, что бы сделал на моем месте здравомыслящий человек. Я не мог рассуждать здраво. Помню, я заорал во все горло, то ли желая напугать «паука», то ли чтобы подбодрить себя, выскочил из палатки, отбежал на несколько шагов и остановился, задыхаясь. Ничего не изменилось. Вокруг дремали горы, залитые солнцем, река шумела расплавленным серебром, и на верхушке холма торчали белые войлочные шляпы. И тут я снова увидел Пришельца. Он быстро несся по склону, огибая холм, легко и бесшумно, словно скользя по воздуху. Ног его почти не было заметно, но я отчетливо видел странную резкую тень, бегущую рядом с ним по жесткой серой траве. Потом он исчез.

Меня укусил слепень, я хлопнул его мокрым полотенцем, которое, оказывается, держал в руке. С вершины холма донеслись крики — Джамил с рабочими спускался вниз и давал мне знак снимать с примуса кашу и ставить чайник. Они ничего не подозревали и были поражены, когда я встретил их странной фразой: «Паук унес примус и консервы...» Джамил потом говорил, что это было страшно. Я сидел у палатки и стряхивал папиросный пепел в кастрюлю с кашей. Глаза у меня были белые, я то и дело испуганно оглядывался по сторонам. Видя, что мой старинный друг принимает меня за сумасшедшего, я принялся торопливо и сбивчиво излагать ему суть события, чем окончательно укрепил его в этом мнении. Рабочие из всего происходящего сделали единственный вывод: чая нет и не будет. Разочарованные, они молча поели остывшей каши и уселись в своей палатке играть в биштокутар¹. Джамил тоже поел, мы закурили, и он выслушал меня снова в более спокойной обстановке. Подумав, он объявил, что все это мне почудилось после несильного солнечного удара. Я немедленно возразил: во-первых, на солнце я выходил только в шляпе, а во-вторых, куда девались примус и банка консервов? Джамил сказал, что я мог в беспамятстве побросать все исчезнувшие предметы в реку. Я обиделся, но мы все-таки встали и, зайдя по колени в прозрачную воду, принялись шарить

¹ Биштокутár — таджикская карточная игра.

руками по дну. Я нашел Джамиловы часы, пропавшие неделю назад, после чего мы вернулись, и Джамил снова стал думать. А не почувствовал ли я странного запаха, спросил вдруг он. Нет, ответил я, запаха, кажется, не было. А не заметил ли я у паука крыльев? Нет, крыльев у паука я не заметил. А помню ли я, какое сегодня число и день недели? Я разозлился и сказал, что число сегодня, по всей вероятности, четырнадцатое, а день недели я не помню, но это ничего не значит, так как сам Джамил, несомненно, не помнит ни того, ни другого. Джамил признался, что он действительно помнит только год и месяц и что мы сидим черт знает в какой глупши, где нет ни календарей, ни газет.

Затем мы осмотрели местность. Следов, если не считать полузатоптанных ямок у входа в палатку, нам обнаружить не удалось. Зато выяснилось, что «паук» утащил кроме примуса и консервов мой дневник, коробку карандашей и пакет с самыми цennыми археологическими находками.

— Вот скотина! — произнес Джамил растерянно.

Наступил вечер. По долине пополз слоистый белый туман, над хребтом загорелось созвездие Скорпиона, похожее на трехпалую лапу, пахнуло холодным ночным ветром. Рабочие скоро заснули, а мы лежали на раскладушках и обдумывали события, наполняя палатку облачами вонючего дыма дешевых сигарет. После долгого молчания Джамил робко осведомился, не разыгрываю ли я его, а затем торопливо сказал, что, по его мнению, между появлением «паука» и опозданием Лозовского может быть какая-то связь. Я и сам думал об этом, но не ответил. Тогда он еще раз перечислил пропавшие предметы и высказал чудовищное предположение, что «паук» был искусно переодетым вором. Я задремал.

Меня разбудил странный звук, похожий на гул мощных авиационных моторов. Некоторое время я лежал прислушиваясь. Почему-то мне стало не по себе. Может быть, потому, что за месяц работы здесь я не видел еще ни одного самолета. Я встал иглянул из палатки. Была глубокая ночь, часы показывали половину второго. Небо было усеяно острыми ледяными звездами, от горных вершин остались только мрачные, глубокие тени. Потом на склоне горы напротив появилось яркое пятно света, поползло вниз, погасло и снова возникло, но уже гораздо правее. Гул усилился.

— Что это? — встревоженно спросил Джамил, протискиваясь наружу.

Гудело где-то совсем близко, и вдруг ослепительный бело-голубой свет озарил вершину нашего холма. Холм казался сверкающей ледяной вершиной. Это продолжалось несколько секунд. Затем свет погас, и гудение смолкло. Черная тьма и тишина упали, как молния, на наш лагерь. Из палатки рабочих донеслись испуганные голоса. Невидимый Джамил закричал что-то по-таджикски, послышался шум торопливых шагов по крупной гальке. Снова раздался могучий рев, поднялся над долиной и, быстро затихая, погас где-то вдали. Мне показалось, что я увидел темное продолговатое тело, скользнувшее между звездами в направлении на юго-восток.

Подошел Джамил с рабочими. Мы уселись в кружок и долго сидели молча, курили и напряженно прислушивались к каждому звуку. Честно говоря, я боялся всего — «пауков», непроглядной темноты безлунной ночи, таинственных шорохов, которые мерещились сквозь шум реки. Думаю, впрочем, что остальные испытывали то же самое. Джамил шепотом сказал, что мы, несомненно, находимся в самом центре каких-то событий. Я не возражал. Наконец все мы озябли и разошлись по палаткам.

— Ну, как там насчет солнечного удара и переодетых воров? — осведомился я.

Джамил промолчал и только через несколько минут спросил:

— Что, если они придут снова?

— Не знаю, — ответил я.

Но они не пришли.

На другой день мы поднялись на раскоп и обнаружили, что не осталось ни одного черепка из найденных накануне: вся керамика исчезла. Ровные площадки пола в раскопанных помещениях оказались покрытыми дырчатыми следами. Холм выброшенной земли осел и расплющился, словно по нему прошел асфальтовый каток. Стена была разрушена в двух местах. Джамил кусал губы и значительно поглядывал на меня. Рабочие переговаривались вполголоса, жались поближе к нам. Им было страшно, да и нам тоже.

Машина с Лозовским все еще не пришла. На завтрак мы жевали слегка заплесневелый хлеб и пили холодную воду. Когда с хлебом было покончено, рабочие, выразив пожелание, чтобы «такой дела к черту пошла», взяли кетмени и полезли наверх, а я, посоветовавшись с Джамилом, надвинул поглубже шляпу и решительно двинул-

ся по дороге в Пенджикент, рассчитывая поймать попутную машину.

Первые несколько километров я прошел без происшествий и два раза даже присаживался передохнуть и покурить. Стены ущелья сдвигались и расходились, пылил ветер по извилистой дороге, шумела река. Несколько раз я видел стада коз, пасущихся коров, но людей не было. До ближайшего населенного пункта оставалось еще километров десять, когда в воздухе появился Черный Вертолет. Он шел низко вдоль дороги, с глухим гулом пронесясь над моей головой и исчез за поворотом ущелья, оставив за собой струю горячего ветра. Он не был зеленым, как наши военные вертолеты, или серебристым, как транспортно-пассажирские. Он казался матово-черным и тускло отсвечивал на солнце, как ствол ружья. Цвет его, непривычная форма и мощное глухое гудение — все это сразу напомнило мне о событиях минувшей ночи, о «пауках», и мне снова стало страшно.

Я ускорил шаги, потом побежал. За поворотом я увидел машину «ГАЗ-69», возле нее стояли трое и смотрели в уже пустое небо. Я испугался, что они сейчас уедут, закричал и побежал изо всех сил. Они обернулись, потом один из них лег на землю и полез под машину. Остальные двое, широкоплечие бородатые парни, видимо геологи, продолжали смотреть на меня.

— Возьмете до Пенджикента? — крикнул я.

Они продолжали молча и сосредоточенно разглядывать меня, и я подумал, что они не расслышали вопроса.

— Здравствуйте, — сказал я, подходя. — Салам алайкум...

Тот, что был повыше, молча отвернулся и залез в машину. Низенький отозвался очень хмуро: «Привет», — и снова уставился в небо. Я тоже взглянул вверх. Там ничего не было, кроме большого неподвижного коршуна.

— Вы не в Пенджикент? — спросил я, кашлянув.

— А ты кто такой? — спросил низенький.

Высокий встал, перегнулся через сиденье, и я увидел на его широком поясе пистолет в кобуре.

— Я археолог. Мы копаем замок Апида.

— Что копаете? — переспросил низенький значительно вежливее.

— Замок Апида.

— Это где?

Я объяснил.

— Зачем вам в Пенджикент?

Я рассказал про Лозовского и про положение в лагере. Про «паука» и про ночную тревогу умолчал.

— Я знаю Лозовского, — сказал вдруг высокий. Он сидел, перекинув ноги через борт, и раскуривал трубку. — Я знаю Лозовского. Борис Янович?

Я кивнул.

— Хороший человек. Мы бы вас взяли, конечно, товарищ, но сами видите — загораем...

— Георгий Палыч, — раздался из-под машины укоризненный голос, — дык ведь поворотный вал...

— Трепло ты, Петренко, — сказал высокий лениво. — Выгоню я тебя. Выгоню и денег не заплачу...

— Георгий Палыч...

— Вот он, вот он опять!.. — сказал низенький.

Черный Вертолет вынырнул из-за склона и стремительно понесся вдоль дороги прямо на нас.

— Черт знает, что это за машина! — проворчал низенький.

Вертолет взмыл к небу и повис высоко над нашими головами. Мне это очень не понравилось, и я уже раскрыл рот, чтобы заявить об этом, как вдруг высокий произнес сдавленным голосом: «Он спускается!» — и полез из машины. Вертолет падал вниз, в брюхе его открылась зловещая круглая дыра, и он спускался все ниже и ниже, прямо на нас.

— Петренко, вылезь к чертовой матери! — заорал высокий и бросился в сторону, схватив меня за рукав.

Я побежал, низенький геолог тоже.. Он что-то кричал, широко разевая рот, но рев моторов вдруг покрыл все другие звуки. Я очутился в дорожном кювете, с глазами, забитыми пылью, и успел увидеть только, что Петренко на четвереньках бежит к нам, а Черный Вертолет опустился на дорогу. Смерч, поднятый могучими винтами, сорвал с меня шляпу и окутал все вокруг желтым облаком пыли. Потом вспыхнул все тот же ослепительный белый свет, затмивший блеск солнца, и я вскрикнул от боли в глазах. Когда улеглась пыль, мы увидели пустую дорогу. Машина «ГАЗ-69» исчезла. Черное тело вертолета уходило ввысь вдоль ущелья...

...Больше я не видел ни Пришельцев, ни их воздушных кораблей. Джамил и рабочие видели один вертолет в тот же самый день и еще два — 16 августа. Они прошли на небольшой высоте, и тоже вдоль дороги.

Дальнейшие мои приключения связаны с Пришельцами только косвенно. Вместе с обворованными геологами я кое-как добрался до Пенджикента на попутных машинах. Высокий геолог всю дорогу глядел на небо, а низенький ругался и повторял, что если это «шуточки парней из авиаклуба», то он на них управу найдет. Шофер Петренко был совершенно сбит с толку. Он несколько раз порывался объяснить что-то про поворотный вал, но его никто не слушал.

В Пенджикенте мне сказали, что Лозовский выехал еще утром 14-го, а шофер нашей группы Коля вернулся в тот же день вечером без Лозовского и его держат в милиции, потому что он, по-видимому, угrobил машину и Лозовского, но не хочет говорить, где и как, и в оправдание несет несусветную чушь о воздушном нападении.

Я помчался в милицию. Коля сидел у дежурного на деревянной скамье и тяжело переживал людскую несправедливость. По его словам, километрах в сорока от Пенджикента «пан шеф» отправился осмотреть какое-то топе¹ в стороне от дороги. Через двадцать минут прилетел вертолет и утащил машину. Коля бежал за ним без малого километр, не догнал и пошел искать Лозовского. Но Лозовский тоже пропал неизвестно куда. Тогда Коля вернулся в Пенджикент и честь по чести доложил обо всем, а теперь пожалте... «Будет врать-то!» — сердито сказал дежурный, но в эту минуту в милицию ввалились два моих геолога и Петренко. Они принесли заявление о пропаже машины и сухо осведомились, на чье имя нужно подать жалобу на воздушное хулиганство. Через полчаса Колю выпустили.

Замечу, между прочим, что Колины злоключения на этом не кончились. Пенджикентская прокуратура завела «Дело об исчезновении и предполагаемом убийстве гр-на Лозовского», по которому Коля был привлечен в качестве подозреваемого, а Джамил, рабочие и я — как свидетели. Это «дело» прекратили только после приезда комиссии во главе с профессором Никитиным. Рассказывать об этом я не хочу и не стану, потому что я пишу о Пришельцах, а тогда каждый день приносил о них новые данные. Но самые интересные данные оставил наш начальник, он же «пан шеф», Борис Янович Лозовский.

¹ Топе — холм, образовавшийся на месте древнего поселения.

Мы долго терялись в догадках, силясь понять, откуда взялись и что собой представляют Пришельцы. Мнения были самые противоречивые, и все стало ясно только после того, как в середине сентября были обнаружены посадочная площадка Пришельцев и дневник Бориса Яновича. Ее нашли пограничники, проследив по показаниям очевидцев несколько трасс Черных Вертолетов. Площадка лежала в котловине, сжатой горами, в пятнадцати километрах к западу от замка Апида и представляла собой гладкую укатанную поверхность, заваленную по краям оплавленными глыбами камня. Ее диаметр составлял около двухсот метров, почва во многих местах казалась обгоревшей, растительность — трава, колючки, два тутовых дерева — обуглилась. На площадке нашли один из похищенных автомобилей («ГАЗ-69»), смазанный, помытый, но без горючего, несколько предметов из неизвестного материала и неизвестного назначения (переданы на исследование) и — самое главное — дневник археологической группы «Апида» с замечательными собственноручными записями Бориса Яновича Лозовского.

Дневник лежал в машине на заднем сиденье и не пострадал ни от сырости, ни от солнца, только покрылся слоем пыли. Общая тетрадь в коричневой картонной обложке на две трети была заполнена описаниями раскопок замка Апида и отчетами о разведке в его окрестностях, но в конце ее, на двенадцати страницах, изложена короткая повесть, стоящая, по моему глубокому убеждению, любого романа и многих научных и философских трудов.

Лозовский писал карандашом, всегда (судя по почерку) торопливо и часто довольно бессвязно. Кое-что из написанного непонятно, но многое проливает свет на некоторые неясные детали событий, и все необычайно интересно, особенно те выводы, которые сделал Лозовский относительно Пришельцев. Тетрадь была передана мне как временно исполняющему обязанности начальника группы «Апида» следователем пенджикентской прокуратуры сразу же после того, как «Дело об изчезновении...» и так далее было прекращено «за отсутствием состава преступления». Ниже я полностью привожу эти записи, комментируя их в некоторых не совсем понятных местах.

Страницы из дневника Б. Я. Лозовского

14 августа

(Изображено нечто вроде шляпки мухомора — сильно приплюснутый конус. Рядом для сравнения нарисованы автомобиль и человечек. Подпись: «Космический корабль?» На конусе несколько точек, на них указывают стрелки и написано: «Входы». У вершины конуса надпись: «Сюда грузят». Сбоку: «Высота 15 м, диаметр у основания 40 м».)

Вертолет принес еще одну машину — «ГАЗ-69», номер ЖД 19-19. Пришельцы (это слово впервые употребил именно Лозовский) лазили по ней, разбирали мотор, потом погрузили на корабль. Люки узкие, но машина как-то прошла. Наша машина пока стоит внизу. Я выгрузил все продукты, и они их не трогают. На меня внимания совсем не обращают, даже обидно. Кажется, мог бы уйти, но пока не хочу... (Следует очень скверный рисунок, изображающий, по-видимому, одного из Пришельцев.)

Рисовать не умею. Черное дискообразное тело диаметром около метра. Восемь, у некоторых — десять лап. Лапы длинные и тонкие, похожи на паучьи, с тремя суставами. В суставах выгибаются в любом направлении. Ни глаз, ни ушей не заметно, но, несомненно, видят и слышат они прекрасно. Передвигаться могут невероятно быстро, словно черные молнии. Бегают по почти отвесному обрыву, как мухи. Замечательно, что у них нет деления тела на переднюю и заднюю части. Я наблюдал, как один из них на бегу, не останавливаясь и не поворачиваясь, помчался вдруг вбок и затем назад. Когда пробегают близко от меня, я чувствую легкий свежий запах, похожий на запах озона. Стрекочут, как цикады. Живое разумное... (фраза не окончена).

Вертолет принес корову. Толстая, пегая и очень глупая буренка. Едва оказалась на земле, как принялась щипать обгорелые колючки. Вокруг нее собрались шесть Пришельцев, стрекотали, время от времени вспыхивали. Поразительная сила — один ухватил корову за ноги и легко перевернул на спину. Корову погрузили. Бедная буренка! Запасаются продовольствием?

Пробовал завести разговор, подошел к ним вплотную. Не обращают внимания.

Вертолет принес стог сена и погрузил на корабль...
Не менее девяти Пришельцев и три вертолета...

Все-таки следят. Отошел за камни. Один Пришелец пошел за мной, стрекотал, затем отстал...

Несомненно, это космический корабль. Я сидел в тени обрыва, и вдруг Пришельцы побежали от корабля в разные стороны. Тогда корабль вдруг поднялся на несколько метров в воздух и снова опустился. Легко, как пушинка. Ни шума, ни огня, никаких признаков работы двигателей. Только камни хрустнули...

У одного, оказывается, есть глаза — пять блестящих пуговок на краю тела. Они разноцветные: слева направо — голубовато-зеленый, синий, фиолетовый и два черных. Впрочем, может быть, это и не глаза, потому что большей частью они направлены не туда, куда движется их хозяин. В сумерках глаза светятся.

15 августа

Ночью почти не спал. Прилетали и улетали вертолеты, бегали и стрекотали Пришельцы. И все это в полной темноте. Только иногда яркие вспышки... Четвертая машина, опять «ГАЗ-69» ЖД 73-98. И опять без шофера. Почему? Выбирают момент, когда шофер отходит?..

Пришелец ловил ящериц — очень ловко. Бегал на трех лапах, остальными хватал сразу по две, по три штуки...

Да, я мог бы уйти, если бы захотел. Только что вернулся с кромки обрыва. Оттуда рукой подать до Пенджикентского тракта, не более трех часов хода. Но я не уйду. Надо посмотреть, чем все кончится...

Погрузили целую отару овец — штук десять — и огромное количество сена. Уже успели узнать, чем питаются овцы. Умные твари! Очевидно, хотят довезти коров и овец живьем или запасаются продовольствием. И все-таки непонятно, почему они так явно и упорно игнорируют людей. Или люди для них менее интересны, чем коровы? Нашу машину тоже погрузили.

...тоже понимают? Что, если мне полететь с ними? Попытаться договориться или тайком проникнуть в корабль. Не позволят?..

...Два винта, иногда четыре. Число лопастей сосчитать не удалось. Длина кузова — метров восемь. Все из матового черного материала, без заметных швов. По-моему, не металл. Что-нибудь вроде пластмассы. Как попасть внутрь, не понимаю. Никаких люков не видно... (Это, вероятно, описание вертолетов.)

По-видимому, я — единственный человек, оказавшийся в таких обстоятельствах. Очень страшно. Но как же иначе? Надо, надо лететь, просто необходимо...

Опять на верхушке корабля появились ежи. (Непонятно. О «ежах» Лозовский больше нигде не упоминает.) Покрутились, вспыхнули и исчезли. Сильный запах озона...

Прилетел вертолет, в бортах — вмятины величиной с кулак. Сел, сложился(?), и сейчас же в стороне над горами прошли два наших реактивных истребителя. Что произошло?..

Пришельцы продолжают бегать как ни в чем не бывало. Если было столкновение... (Не окончено.)

...теоретически... (Неразборчивая фраза.) должен объяснить. Они, видимо, не понимают. Или считают ниже своего достоинства...

Поразительно! До сих пор не могу прийти в себя от изумления. Это машины?! Только что в двух шагах от меня двое Пришельцев разбирали третьего! Глазам не поверил. Необычайно сложное устройство, не знаю даже, как и описать. Жаль, что я не инженер. Впрочем, скорее всего, это не помогло бы. Сняли спинной панцирь, под ним звездообразный... (Не окончено.) Под брюхом резервуар, довольно вместительный, но как они туда складывают различные предметы, непонятно. Машины!..

Собрали, оставили только четыре лапы, зато приделали что-то вроде громадной клешни. Как только сборка была окончена, «новорожденный» вскочил и убежал в корабль...

Большая часть тела занята звездообразным предметом из белого материала, похожего на пемзу или на губку...

Кто же Хозяева этих машин? Может быть, Пришельцами управляют изнутри корабля?..

Разумные машины? Чепуха! Кибернетика или телеконтроль? Чудеса какие-то. И кто может помешать Хозяевам выйти наружу?..

Понимают разницу между людьми и животными. Поэтому людей не берут. Гуманно. Меня, вероятно, подобрали по ошибке... Жена не простит...

...никогда, никогда не увижу — это страшно. Но я человек!..

Очень мало шансов остаться в живых. Голод, холод, космическое излучение, миллион других случайностей. Корабль явно не приспособлен для перевозки «зайцев». В

общем, один шанс на сто. Но я не имею права упускать этот шанс. Связаться необходимо!

Ночь, двенадцать часов. Пишу при фонарике. Когда зажег, один из Пришельцев подбежал, вспыхнул и убежал. Весь вечер Пришельцы строили какое-то сооружение, похожее на башню. Сначала из трех люков вытянулись широкие трапы. Думал, наконец-то выйдут те, кто управляет этими машинами. Но по трапам спустили множество деталей и металлических(?) полос. Шестеро Пришельцев принялись за работу. Того, с клемшней, среди них не было. Я долго следил за ними. Все движения абсолютно точны и уверены. Башню построили за четыре часа. Как согласованно они работают! Сейчас ничего не видно — темно, но я слышу, как Пришельцы бегают по площадке. Они свободно обходятся без света, работа не прекращается ни на минуту. Вертолеты все время в полете...

Предположим я... (Не окончено.)

16 августа, 16 часов

...Тому, кто найдет эту тетрадь. Прошу переслать ее по адресу: Ленинград, Государственный Эрмитаж, отд. Средняя Азия.

Четырнадцатого августа в девять часов утра меня, Бориса Яновича Лозовского, похитил Черный Вертолет и доставил сюда, в лагерь Пришельцев. До сегодняшнего дня я по мере возможности вел запись своих наблюдений... (несколько строк неразборчиво) и четыре автомашины. Основные выводы. 1) Это Пришельцы извне, гости с Марса, Венеры или какой-либо другой планеты. 2) Пришельцы представляют собой необычайно сложные и тонкие механизмы, и их космический корабль управляется автоматически.

Пришельцы рассмотрели меня, раздели и, по-моему, сфотографировали. Вреда они мне не причинили и в дальнейшем особого внимания на меня не обращали. Мне была предоставлена полная свобода...

Корабль готовится, по всей видимости, к отлету, так как утром на моих глазах были разобраны все три Черных Вертолета и пять Пришельцев. Мои продукты погружены. На площадке остались только несколько деталей от башни и один «ГАЗ-69». Два Пришельца еще копошатся под кораблем и два бродят где-то неподалеку. Я иногда вижу их на склоне горы...

Я, Борис Янович Лозовский, решил проникнуть в корабль Пришельцев и лететь с ними. Я все продумал. Продуктов мне хватит по крайней мере на месяц, что будет потом — не знаю, но я должен лететь. Я рассчитываю, проникнув в корабль, найти коров и овец и остаться с ними. Во-первых, веселей, во-вторых, запас мяса на черный день. Не знаю, как насчет воды. Впрочем, у меня есть нож, и при нужде я воспользуюсь кровью... (Зачеркнуто.) Если останусь жив — а в этом я почти не сомневаюсь, — то приложу все усилия к тому, чтобы связаться с Землей и вернуться обратно с Хозяевами Пришельцев. Думаю, мне удастся договориться с ними...

Лозовской Марии Ивановне. Дорогая, любимая Машенька! Я очень надеюсь, что эти строки дойдут до тебя, когда все уже будет хорошо. Но если случится худшее, не осуждай меня. Я не мог поступить иначе. Помни только, что я всегда любил тебя, и прости. Поцелуй нашего Гришку. Когда он вырастет, расскажешь ему обо мне. Ведь я вовсе не такой уж плохой человек, чтобы моему сыну нельзя было гордиться своим отцом. Как ты думаешь? Вот и все. Только что один из Пришельцев, бегавших по обрыву, вернулся в корабль. Иду. Прощай. Целую, твой всегда Борис...

Пока я писал, Пришельцы втянули два трапа. Остался один. Надо... (Целый неразборчивый абзац; такое впечатление, словно Лозовский писал не глядя.) Пора идти. Но хорош я буду, если меня не пустят! Я должен прорваться! Вот еще один спустился со скалы и полез внутрь. Двое еще сидят под кораблем. Ну, Лозовский, марш! Страшновато. Впрочем, ерунда. Это машины, а я ведь человек...

На этом месте записи обрываются. Больше Лозовский к машине не возвращался. Не возвращался потому, что корабль взлетел. Скептики говорят о несчастье, но на то они и скептики. Я с самого начала был искренне и глубоко уверен, что наш славный «пан шеф» жив и видит то, что нам не дано видеть даже во сне.

Он вернется, и я завидую ему. Я всегда буду завидовать ему, даже если он не вернется. Это самый смелый человек, которого я знаю.

Да, далеко не всякий оказался бы способен на такой поступок. Я спрашивал об этом многих. Некоторые честно говорили: «Нет. Страшно». Большинство говорит: «Не знаю. Все, видите ли, зависит от конкретных обстоятельств». Я бы не решился. Я видел «паука», и даже

теперь, когда я знаю, что это всего лишь машина, он не вызывает во мне доверия. И эти зловещие Черные Вертолеты... Представьте себя в недрах чужого космического корабля, окруженным мертвыми механизмами, представьте себя летящим в ледяной пустоте — без надежд, без уверенности, — летящим дни, месяцы, может быть, годы, представьте все это, и вы поймете, что я имею в виду.

Вот, собственно, и все. Несколько слов о дальнейших событиях. В середине сентября из Москвы прибыла комиссия профессора Никитина, и всех нас — меня, Джамила, шофера Колю, рабочих — заставили исписать уйму бумаги и дать ответы на тысячи вопросов.

Мы занимались этим около недели, затем вернулись в Ленинград.

Возможно, скептики правы и мы никогда не узнаем о природе наших гостей извне, об устройстве их звездолета, об удивительных механизмах, которые они послали к нам на Землю, а главное — о причине их неожиданного визита, но что бы ни утверждали скептики, я думаю, Пришельцы вернутся. Борис Янович Лозовский будет первым переводчиком. Ему придется в совершенстве изучить язык далеких соседей: только он сможет объяснить им, каким образом на Земле весьма совершенные автомобили высокой проходимости очутились рядом с черепками глиняных кувшинов шестнадцативековой давности.

3. На борту «Летучего Голландца»

*Рассказ бывшего начальника археологической группы «Апида»
Б. Я. Лозовского*

Почему я пошел на это? Сложный вопрос. Сейчас мне трудно разобраться в своих тогдашних мыслях и переживаниях. Кажется, я просто чувствовал, что должен лететь, не могу не лететь, вот и все. Словно я был единственным звеном, которое связывало наше земное человечество с Хозяевами Пришельцев. Хозяева легкомысленно доверились своим безмозглым машинам, и я был обязан исправить их оплошность. Что-то вроде этого. И, разумеется, огромное любопытство.

Я отчетливо сознавал, что у меня всего один шанс на тысячу, может быть, на миллион. Что, скорее всего, я навсегда потеряю жену и сынишку, друзей, любимую работу, потеряю свою Землю. Особенно тяжело мне бы-

ло при мысли о жене. Но ощущение грандиозности задачи... Не знаю, понятно ли вам, что я хочу сказать. Этот маленький единственный шанс заполнил мое воображение, он открывал невиданные, ослепительные перспективы. И я никогда не простила бы себе, если бы ограничился тем, что с разинутым ртом проводил глазами взлетающий звездолет другого мира. Это было бы предательством. Предательством по отношению к Земле, к науке, ко всему, во что я верил, для чего жил, к чему шел всю жизнь. Думаю, каждый на моем месте чувствовал бы то же самое. И все же — как трудно было решиться!

Как вы уже знаете, последнюю запись я сделал утром 16 августа. Было ясно, что Пришельцы не собираются грузить последнюю машину, вероятно, потому, что один такой «газик» уже был погружен. Я положил дневник на заднее сиденье, бросил карандаш и огляделся. На площадке было пусто, только под громадным тусклово-серым конусом звездолета еще копошились двое Пришельцев. Вокруг поднимались красноватые и желтые скалы, над головой сияло яркое голубое небо, такое яркое и голубое, какого я не видел никогда в жизни. Но надо было собираться. Неподалеку из расщелины вытекал родничок чистой холодной воды, я наполнил флягу и сунул ее за пазуху. В моем распоряжении была эта фляга, две банки рыбных консервов и карманный фонарик с запасной батарейкой. Немного... Но я рассчитывал сразу же отыскать в звездолете помещение, отведенное для овец и коров, и отсидеться там. Поскольку корма для скота Пришельцы взяли не очень много, я предполагал быть на другой планете не позже чем через неделю. Как я ошибся! Но об этом после.

Когда я подошел к трапу, Пришельцы, возившиеся с чем-то под днищем корабля, замерли и уставились на меня. По крайней мере, так мне показалось. Это их обычная манера — прекращать работу, когда к ним приблизишься, и замирать в самых нелепых позах. Зрелище, мягко выражаясь, не совсем обычное, я так и не сумел привыкнуть к нему. Я тоже остановился и тоже уставился. Я решил, что они угадали мое намерение, и оно им не понравилось. Стыдно признаться, но я испытал тогда некоторое облегчение. Слишком горячим и ласковым было утреннее солнце, и слишком чужими — невероятно чужими — выглядели эти черные твари с изломанными ногами. И изрытая, обугленная земля. И зияющая

дыра люка в сером незнакомом металле. И широкий упругий трап — настоящая дорога в иной мир...

Однако Пришельцы, наглядевшись, по-видимому, всласть, снова вернулись к своим занятиям, предоставив меня самому себе. Путь был снова открыт, отступление с честью было отрезано.

Помню, я пытался убедить себя, что очень важно вернуться и разыскать свою куртку, которую я сбросил полчаса назад, когда солнце начало припекать. Я стоял, поставив одну ногу на трап, и озирался по сторонам, ища ее глазами. И чем тщательней я обшаривал взглядом каждую рытвину на площадке, тем яснее мне становилось, что куртка — это необходимейший предмет туалета и что знакомиться с Хозяевами Пришельцев без куртки, в грязных фланелевых шароварах и сетчатой майке цвета весеннего снега будет просто неприлично. Черт знает, чем может быть занята голова человека в такой момент! Я стоял, бессмысленно глазел по сторонам и размышлял. Кругом царила тишина, только тихонько позвякивали и стрекотали Пришельцы. Потом перед моим лицом с басовитым жужжанием пролетел слепень, я очнулся и стал карабкаться по трапу, быстро перебирая ногами.

Трап был крутым и сильно пружинил, так что через несколько шагов я почувствовал непреодолимое стремление встать на четвереньки, но почему-то постыдился сделать это. Может быть, потому, что вид у меня — я отлично сознавал это — был и без того нелепый до крайности: обвисшие штаны, оттопырившаяся майка (я засунул консервы и прочий свой скучный скарб за пазуху) и застывшая улыбка на не бритой трофея суток физиономии. Впрочем, наблюдать мое восхождение было некому, кроме Пришельцев, а им, несомненно, было наплевать. Согнувшись в три погибели, приседая на трясущихся от напряжения ногах, я преодолел наконец последние метры трапа и, гремя своим снаряжением, ввалился в люк.

Я оказался в довольно узком коридоре, наклонно уходившем в темноту, в глубь корабля. Рассеянный дневной свет проникал в люк и слабо озарял серые, шероховатые на ощупь стены. Пол, на который я уселся, был холодным и, как мне показалось, слабо вибрировал. Было сумеречно, очень тихо и прохладно.

Я поправил под майкой свою ношу, подтянул ремень на брюках, вытянул шею и выглянул наружу. Ничего не изменилось на площадке. Одинокий «газик», залитый солнечным светом, был похож издали на детскую игруш-

ку. Я подумал, что люк находится гораздо выше, чем это представлялось снизу.

Вдруг я увидел одного из Пришельцев. Неторопливо переступая, он подошел к трапу, остановился, словно прицеливаясь, и вдруг стремительно побежал вверх, прямо на меня. Я прижался к стене коридора, подобрав ноги. От мысли, что он сейчас пройдет совсем рядом, может быть, коснется меня, мне стало не по себе. Но ничего не случилось. Свет в люке на мгновение померк, меня обдало теплом и странным свежим запахом, похожим на запах озона, и он промчался мимо, даже не задержавшись. Я услыхал, как он удалялся в темноте, тихонько стрекоча и дробно постукивая лапами. Тогда я двинулся за ним, твердя себе, что обворачиваться не следует. Я очень боялся, что не выдержу и сбегу. Бегство было бы нестерпимым позором, это я знал твердо, и это меня сдерживало. Сначала я шел согнувшись, но потом решил, что это глупо, и выпрямился, но плечи и затылок уперлись в невидимый потолок, такой же холодный и шерховатый, как стены и пол. Тут я впервые рискнул оглянуться. Далеко позади и почему-то вверху голубел кусочек неба, и мне показалось, что я лежу на дне глубокого колодца. Я достал фонарик, чтобы посмотреть, что делается впереди. Результат обследования меня поразил. Коридор кончился. Прямо передо мной была стена, серая, шершавая, теплая на ощупь и совершенно глухая.

Я испытал нечто вроде разочарования, заметно разбавленного приятным чувством выполненного долга. Мне ужасно захотелось пожать плечами, повернуться и неторопливо двинуться обратно к выходу с выражением благородной горечи на лице, как делает солидный человек, огромным усилием воли заставивший себя зайти с больным зубом в поликлинику и узнавший, что зубной врач сегодня не принимает. Но мне было непонятно, куда девался Пришелец, пробежавший здесь минуту назад. Я еще раз осветил стену и сразу же обнаружил в нижней ее части большое круглое отверстие. Я мог поклясться, что за секунду до этого его не было, но теперь оно было, и я на четвереньках пролез в него, подсвечивая себе фонариком.

Если в коридоре было холодно и темно, как в погребе, то здесь было темно, как в могиле, но гораздо теплее. Я встал на ноги и вдруг почувствовал, что могу выпрямиться во весь рост. Потолок исчез. Свет фонарика тонул во тьме над головой и вырывал из мрака справа и слева

какие-то странные нагромождения. Впереди была пустота. Я сделал несколько шагов и принял осматриваться. Сначала я ничего не мог понять — мне показалось, что вокруг возвышаются огромные штабеля автомобильных покрышек. Похоже было, что я нахожусь на каком-то складе. Я медленно пошел по узкому проходу между штабелями, все время озираясь по сторонам. Только через несколько минут я решился пустить в ход пальцы и ощупал ближайший штабель. Это были Пришельцы! Собственно, не сами паукообразные машины, а только их плоские округлые тела. Они лежали друг на друге, совершенно неподвижные, мало чем напоминающие те стремительные черные механизмы, которые так поражали меня своей подвижностью и энергией. Ног я не видел, должно быть, они были отвинчены или втянуты. Это действительно был обширный тихий и темный склад. Штабеля тянулись вверх по крайней мере на три-четыре метра. Сверху из темноты неподвижными грозьями свисали странные острые стержни.

Пока я стоял, озираясь, шаря лучом фонарика, позади послышалось металлическое постукивание. Я повернулся и увидел Пришельца — вероятно, последнего из оставшихся, — который двигался ко мне вдоль прохода. В нескольких шагах от меня он остановился, замер в луче света, затем ловко вскарабкался наверх прямо по стене штабеля и исчез из виду. С минуту что-то шуршало и пощелкивало у меня над головой, потом наступила полная тишина, и я совершенно инстинктивно ощутил, что во всем этом, вероятно, огромном помещении, кроме меня, нет ни одного живого существа.

Странно подумать, но именно тогда я впервые почувствовал себя по-настоящему одиноким. Я побежал — буквально побежал — обратно и скоро уперся в стену. Я лихорадочно шарил по ней лучом, стараясь отыскать лаз, через который проник сюда, но его не было. На этот раз действительно не было. Я крикнул. Мой голос задрожал в теплом воздухе и погас во тьме. И в то же мгновение пол подо мной качнулся и пошел вверх. Тело налилось нестерпимой тяжестью, я зашатался и сел, а потом лег прямо на жесткий горячий пол.

Все было кончено. Свершилось. Корабль поднимался и уносил меня в неведомое. Насколько я знаю, я был первым человеком, оторвавшимся от Земли и уходящим за пределы атмосферы. Помню, я подумал об этом и испытал странное чувство облегчения оттого, что даль-

нейшая моя судьба уже не зависит от моей воли. Скоро, однако, мысли мои стали путаться. Мой вес увеличился раза в два (нормально я вешу, кстати, около девяноста кило), и я чувствовал себя очень неважно: мне было жарко и тяжко.

Так продолжалось не менее четверти часа. Я лежал, распластавшись, словно раздавленная лягушка, уткнувшись лицом в ладони, и считал. До ста, до тысячи, сбиваясь и начинал считать снова. Края консервных банок за пазухой больно впивались в тело, но у меня не было сил сдвинуть их в сторону и устроиться поудобнее.

И вдруг меня подбросило в воздух. Мне показалось, что я падаю, с невероятной скоростью несусь куда-то во мрак, в пустоту. Видимо, корабль стал двигаться без ускорения и наступила невесомость. Когда я понял это, мне стало легко и хорошо, я даже, кажется, рассмеялся про себя. Ведь я был настоящим межпланетным зайцем-путешественником, совсем как в романах, с невесомостью и всем прочим! Но чувство радости быстро прошло. Я висел над полом на высоте двух метров. Вокруг возвышались молчаливые штабеля разобранных машин, черные и бесформенные, колыхалась горячая тьма, а совсем рядом, на расстоянии, чуть-чуть большем, чем длина протянутой руки, висел мой фонарик. И я никак не мог дотянуться до него, хотя дергался и извивался так, что мне позавидовал бы любой гимнаст. Фонарик светил мне прямо в лицо, ослепляя, доводя до бешенства. Но я ничего не мог сделать. К тому же у меня началось что-то вроде морской болезни. Вероятно, невесомость противопоказана моему организму так же, как и удвоенная тяжесть.

Меня тошнило, кружилась голова, и в конце концов я принялся браниться и бранился до тех пор, пока не обнаружил, что сижу на полу и фонарик лежит в двух шагах от меня. «Прибыли!» — подумал я. Фонарик горел по-прежнему ярко, значит, с момента старта прошло не больше часа. Даже при моих скучных познаниях из астрономии я не мог предположить, что это займет так мало времени.

Но удивляться и раздумывать было некогда. Тьма вокруг меня пришла в движение. Что-то трещало и стрекотало над моей головой, и, подхватив фонарик, я увидел в его свете фантастическую картину самосборки Пришельцев. Черные машины на глазах обрастили изломанными стержнями лап и стремглав бросались вниз,

лязгая металлом о металл. Они одна за другой проносились мимо меня, наполняя воздух озоном и горячим ветром, и исчезали во мраке. Впрочем, их было не так уж много — не больше десятка. Остальные остались лежать молчаливыми, неподвижными штабелями. Снова наступила тишина, откуда-то потянуло резким, неприятным запахом. Тут меня осенила мысль, что атмосфера на чужой планете может оказаться непригодной для дыхания. Но делать было нечего, следовало подумать о предстоящей встрече с Разумом Иного Мира. И если межпланетник из меня явно не получился, то я льстил себя надеждой, что в качестве парламентера Земли лицом в грязь не ударю.

Я встал, подтянул брюки, стараясь придать себе по возможности респектабельный вид, и стал ждать появления Хозяев Пришельцев. В том, что они появятся, я не сомневался. Я был настроен бодро и почти торжественно. Ведь я представлял земное человечество, а это не шутка!.. Но проходили минуты, никто не появлялся. Меня по-прежнему окружали мертвая тишина и душный мрак, в нос бил резкий, неприятный запах. Тогда, несколько раздосадованный, я решил отыскать дверь и выйти наружу.

Я шел и шел, светя фонариком то вперед, то себе под ноги, но стены все не было. И вдруг я заметил, что нахожусь уже не на складе Пришельцев, а в широком сводчатом тоннеле. Это меня поразило: я совсем не заметил, когда окончились ряды штабелей. Видимо, я шел не в ту сторону, хотя мне казалось, что Пришельцы пробежали именно сюда и выходной люк должен быть где-то здесь. Возвращаться не имело смысла. Рано или поздно, думал я, Хозяева Пришельцев все равно попадутся мне навстречу. Кроме того, по моим расчетам, я был уже где-то у противоположного борта корабля. Но, только пройдя по тоннелю еще несколько десятков шагов, я наконец обнаружил люк и выбрался наружу, на шершавую покатую броню.

Я ожидал увидеть небо с незнакомыми созвездиями, огромный пустырь ракетодрома, живых людей, встречающих свой звездолет-автомат. Ничего подобного не оказалось. Вокруг была непроглядная тьма, под ногами — теплая шершавая поверхность. Больше ничего не было. Я стал соображать, сопоставлять факты — если всю эту несуразицу называть фактами — и в конце концов пришел к заключению, что нахожусь, скорее всего, в

гигантском ангаре для межзвездных кораблей. Правда, такое заключение почти ничего не объясняло, но ведь я не мог знать нравы и обычай обитателей неведомой планеты. И раз Магомет, по-видимому, не собирается идти к горе, то лучше всего будет, если гора сдвинется с места и побредет искать Магомета.

Я сдвинулся с места и, помогая себе свободной правой рукой (в левой я сжимал фонарик), стал сползать вниз. Как это ни странно, но я больше не испытывал ни страха, ни волнения, ни прежнего острого любопытства — только нетерпеливое и сердитое желание поскорее встретиться с кем-нибудь живым. Удивительное существо — человек! Я словно забыл обо всех испытаниях, о своем фантастическом положении и вел себя совершенно так же, как запоздавший гость, который запутался среди чужих пальто в неосвещенной прихожей. Помнится, я даже брюзжал вполголоса, называя негостеприимных хозяев звездолета невежами.

Тут ноги мои скользнули в пустоту, и я упал. Я хорошо помнил, что бока корабля отлоги, сорваться с них немыслимо. Тем не менее я упал, причем упал с изрядной высоты, больно стукнулся пятками и, гремя консервными банками, повалился на бок, инстинктивно подняв руку с драгоценным фонариком. Луч света скользнул по гладкой стене, метнулся вверх и озарил плоское шершавое днище звездолета.

«Что ж, могло быть и хуже», — бодро подумал я поднимаясь. И вдруг я увидел свет. Он был слабым, едва заметным, но сердце мое запрыгало от радости. Я погасил фонарик и глядел во все глаза, боясь потерять из виду это тусклое зеленоватое пятнышко. Затем осторожно, но быстро пошел на него, время от времени зажигая фонарик, чтобы не провалиться в какую-нибудь яму. К счастью, пол в «ангаре» был ровный и шероховатый, как и в звездолете, и я ни разу не споткнулся и не оступился. Вскоре оказалось, что я иду вдоль высокой, слегка наклонной стены, в которой через каждые десять — пятнадцать метров открывались круглые и квадратные люки. Я заглянул было в один из них, но оттуда торчали лапы Пришельца, и я счел за благо не задерживаться и двинуться дальше с наивозможной поспешностью. И вот световое пятно сделалось ярче и внезапно оказалось под ногами. Свет лился из высокого узкого прохода, прорезающего стену. Я втиснулся в него и остановился в изумлении.

Прямо передо мной был просторный тоннель, освещенный довольно ярко, но необычно. В первую минуту мне показалось, что вдоль стены непрерывными рядами тянутся разноцветные витрины магазинов, как на Невском вечером, — желтые, голубоватые, зеленые, красные... Глубина тоннеля тонула в туманной фосфорической дымке, стены были прозрачны, словно стекло. Впрочем, вряд ли это было стекло. Скорее, какой-нибудь неизвестный металл или пластмасса. За стенами располагались разделенные прозрачными же перегородками камеры размером примерно пятнадцать метров каждая, а в этих камерах...

Это был музей. Точнее, это был исполинский невообразимый зверинец. От первой же камеры я шарахнулся, как младенец от буки. Там, наполовину погруженная в зеленовато-розовую слизь, восседала кошмарная тварь, похожая на помесь жабы и черепахи величиной с корову. Тяжелая плоская голова ее была повернута ко мне, пасть распахнута, под нижней челюстью судорожно трясясь мокрый кожистый мешок. Она была так омерзительна, что меня затошило. Правда, потом я привык и смотрел на нее без отвращения, только с любопытством.

В камере напротив находилось нечто вообще не поддающееся описанию. Оно заполняло всю камеру — огромное, черное, кольящееся. Пульсирующий студень, покрытый мясистыми шевелящимися отростками, плавающий в густой, плотной атмосфере, которая то вспыхивала неровным сиреневым светом, то гасла, как испорченная неоновая лампа.

И в каждой из камер в этом удивительном тоннеле-зверинце копошилось, ползало, жевало, пульсировало, металось, таращилось какое-нибудь существо. Там были слоноподобные бронированные тараканы, красные, непомерной длины тысяченожки, глазастые полурыбы-полуптицы ростом с автомобиль, и что-то невероятно расцвеченнное, зубастое и крылатое, и что-то вообще неразборчивых форм, погруженное в зеленое полупрозрачное желе, разлитое по полу. В некоторых камерах было темно. Там время от времени вспыхивали разноцветные огоньки, что-то шевелилось. Не знаю, кто там сидел, в этих клетках. Вообразить все это очень трудно, а описать и рассказать — еще труднее, невозможно. Зато вы можете сравнительно легко вообразить себе Бориса Яновича Лозовского, сотрудника Государственного Эрмитажа, археолога, семейного человека, как он, пораженный,

озинаясь бредет по тоннелю, и блики необыкновенных расцветок падают на его сутулую фигуру в фланелевых штанах и оттопыренной майке, на волосатую физиономию с вытаращенными бегающими глазками...

Тоннель, казалось, был бесконечным. Я насчитал пятьдесят камер, потом перестал считать. Тоннель будто тянулся по спирали, время от времени в стенах справа и слева открывались узкие проходы, заглянув в которые я видел все те же сплошные ряды то разноцветных, то темных витрин. Иногда пробегал Пришелец, делал передо мной стойку, нелепо задрав лапы, всыхивал белым светом и удирал прочь, стрекоча и постукивая.

Я вдруг почувствовал смертельную усталость. Ноги мои заплелись, голова разламывалась от боли. Я давно уже хотел пить, но, поскольку овец и коров найти не удалось, решил не прикасаться к своим скучным запасам как можно дольше. Теперь жажда стала нестерпимой. Несомненно, сказывались и жара, и дурной запах, к которому я, правда, как-то привык, и волнения последних нескольких часов.

С момента старта не могло пройти более полусуток, но устал я так, словно не спал по крайней мере несколько ночей подряд. И когда я забрел в «незаселенный» участок тоннеля — это была целая галерея пустых камер, не закрытых прозрачной перегородкой, чистых, сухих и совершенно темных, — то решил остановиться. Для очистки совести я покричал. Мне все еще казалось, что Хозяева меня могут услышать. Но никто не откликнулся, только где-то в тоннеле дробно простучал лапами Пришелец.

Я с наслаждением растянулся на полу и выгрузил из-за пазухи свои сокровища. Выгрузил, полюбовался ими при свете фонарика и... похолодел. Я забыл нож в кармане куртки! Это была настоящая катастрофа. Я никогда не представлял себе, до чего жалок голодный человек, имеющий консервы и не имеющий консервного ножа. Сначала я попытался вскрыть банку пряжкой ремня. Потерпев неудачу, стал бить банкой об пол и об угол перегородки. Банка потеряла первоначальную форму и покрылась трещинами, которые мне, правда, удалось расширить пряжкой так, чтобы можно было выдавливать содержимое тоненькими листочками.

Я задумчиво сосал эти листочки и неожиданно заметил, что проблема консервного ножа занимает меня как-то больше, чем Хозяева и тайны зверинца. Я повздыхал, выпил несколько глотков из фляжки и уснул.

На следующий день — или на следующую ночь, или вечером того же дня, не знаю, — я снова принял искать Хозяев. Кроме того, я надеялся попасть в помещение, где Пришельцы держали захваченные автомобили. Ведь там могло оказаться и продовольствие, которое я вез в лагерь из Пенджикента. И вода в радиаторе. Ни автомобилей, ни продовольствия мне найти не удалось, зато в одном из тоннелей-зверинцев я, к своей радости, обнаружил коров и овец. Напротив камеры с огромной муравьеподобной тварью, за толстой прозрачной стеной, возлежали пегие коровки, в соседней клетке толпились овцы. Эта находка доставила мне живейшую радость, причем радость совершенно бескорыстную, потому что добраться до этих «землян» было бы совершенно невозможно. Все они чувствовали себя неплохо, хотя овцам было, пожалуй, тесновато. Впрочем, вскоре я сообразил, в чем дело. В клетках рядом я увидел: в одной — огромного тигра, в другой — желтых, беспрестанно двигающихся животных, очень похожих на собак. По-видимому, это были койоты, степные волки. В камерах этих хищников на полу были разбросаны свежие на вид кости и куски шкур, несомненно, овечьих. Отсюда я сделал три довольно очевидных вывода. Во-первых, что овец Пришельцы захватили в таком большом числе в качестве временной пищи для хищников; во-вторых, что корабль Пришельцев побывал не только в Таджикистане, где, как известно, не водятся ни койоты, ни тигры. Наконец, в-третьих, что в зверинце представлен животный мир нескольких, может быть, даже многих, планет, и, возможно, планет не только нашей Солнечной системы.

Я решил действовать планомерно и стал обходить тоннели, коридоры и проходы по правилу правой руки. Этот метод очень хорош для лабиринтов на Земле, но он оказался никуда не годным для небесного лабиринта. Небесный лабиринт был подвижным! На месте уже знакомых проходов я обнаруживал глухие стены. Люки возникали и исчезали, словно по волшебству. Я видел, как большой ряд камер вдруг мягко и беззвучно отъехал в сторону и открыл проход, через который минутой позже выскочил Пришелец.

Вскоре я сделал удивительное открытие. Я принимал этот мир, в котором, подобно древнему философу, бродил с огоньком в поисках Человека, за помещение на другой планете, за ангар для звездолетов, за музей и в конце концов понял, что это не так.

Этот мир оказался неустойчивым. Я ощущал его движение в пространстве. Иногда вес моего тела внезапно резко увеличивался, пол уходил из-под ног, меня несло в сторону и бросало на стену. Иногда наступала невесомость. Неловко шагнув, я взмывал в воздух и болтался в таком положении, изнывая от тошноты, до тех пор, пока невесомость не исчезала. В такие минуты в камерах зверинца можно было наблюдать смешные и жуткие картины.

Представьте себе корову, обыкновенную колхозную буренку, висящую в воздухе растопыренными ногами вверх. Поразительное зрелище! Впрочем, коровы и овцы вели себя в такой ситуации довольно спокойно, но тигр!.. Он извивался и корчился в воздухе, пытаясь дотянуться когтистой лапой до чего-нибудь твердого... А повисшая между полом и потолком исполинская жаба, похожая скорее на нездоровый сон, чем на объективную реальность! Но в общем невесомость, по-видимому, не оказывала на животных особого влияния. Как только тяжесть становилась нормальной, все входило в обычную норму.

Некоторых гадов невесомость приводила в бешенство. Мне довелось наблюдать бунт огромной змееподобной твари. Она сворачивалась тугим клубком и, распрымляясь, с силой била покрытым роговой оболочкой хвостом в стену соседней камеры. Грохот ударов я услыхал из другого конца коридора. Это было до жути красиво: в голубом мерцающем тумане разворачивался и свивался гигантский дракон. От ударов подпрыгивал пол под ногами. На моих глазах стена расседалась, покрываясь длинными, извилистыми трещинами.

Я увидел, как в соседнюю камеру, где сидели два больших черных существа, похожих на грибы с глазами, пополз голубой дым и «грибы» начали корчиться, судорожно и беспомощно скакать по камере. Затем в камере бунтовщика вдруг погасло голубое сияние, и в наступившей полутьме стали медленно опускаться, тяжело колыхаясь, клубы белесого пара. Тяжелые удары сразу стихли. Бунт окончился. Потом мне довелось увидеть этого змея еще раз. Его поместили в другую камеру, где он и сидел вполне тихо и прилично. А грибов с глазами я больше так и не видел. Их камера опустела, свет в ней погас. Заглядывая туда, я видел быстро перемещающиеся тени. По-моему, это были Пришельцы. Думаю, они чинили стену.

Но я отвлекся. Короче говоря, я довольно скоро заподозрил, что нахожусь на огромном межпланетном корабле, несущемся в пространстве. Особенно ясно мне это стало, когда однажды меня швырнуло вдоль коридора с «витринами» и я пролетел метров двадцать, размахивая руками и тщетно пытаясь обрести равновесие, пока не споткнулся о какой-то предмет и не покатился по шершавому полу. Это событие напомнило мне аналогичный случай в ленинградском автобусе, где я совершенно так же летел вдоль прохода между креслами, срывая с сидящих шляпы. Аналогия была полная. Между прочим, предмет, о который я споткнулся, оказался Пришельцем, прильнувшим к полу. Ему удалось удержаться, хотя я до сих пор не понимаю, каким образом.

Проводив глазами Пришельца, бодро ускакавшего вдоль коридора, и потерев свои ссадины, я уселся в позе Будды и стал думать. Все получалось как-то неутешительно.

Если бы это был ангар для звездолетов, как я думал вначале, или музей-зверинец, как я думал потом, мне в конце концов удалось бы выбраться отсюда под небо чужой планеты. Но нет, это был космический корабль в движении, корабль, все время меняющий режим полета, с необъяснимой для меня подвижной планировкой внутреннего пространства. За бортом его могла быть только пустота.

Оставалось еще два вопроса: есть ли на корабле мыслящие существа и сколь долго этот межзвездный скитальц (я имею в виду корабль) собирается витать в пространстве? Естественно, оба эти вопроса повисли без ответа.

У меня оставалось еще с четверть фляги воды и последняя банка консервов. Эту банку, кстати, еще предстояло открыть, а вода уже начала портиться. Во всяком случае, пахло от нее болотом и головастиками. Я сидел, скрестив ноги, посреди тоннеля, и справа от меня в полутемной камере фантастическими огнями мерцало какое-то чудище, а слева корова с глупыми глазами задумчиво лизала прозрачную стену своей клетки.

Было очень тихо. Дальний конец коридора тонул во мраке, и на полу неподвижно лежали разноцветные яркие блики. Я впервые заметил, что потолок коридора тоже прозрачен: в одном месте его пересекала светящаяся полоса, и я успел заметить растопыренную тень Пришель-

ца, скользнувшую поперек этой светлой полосы. Я попытался представить себе это грандиознейшее создание Радзума — звездолет, управляемый механическим мозгом, заполненный сложнейшими механизмами, протянувшийся на сотни метров от меня вверх и вниз, вправо и влево. «Неужели здесь нет ни одного живого носителя мысли? — подумал я. — Не может быть. Тысячи тонн прозрачного металла, сотни паукообразных машин — и ни одного Человека?» Это можно было вообразить, но в это было очень трудно поверить. Каких-нибудь десять дней назад я мог себе представить такой огромный космический корабль, но ни за что не поверил бы в него. Теперь я видел бесконечные прозрачные коридоры и трогал рукой шершавый, чуть теплый пол, доверяя своей руке, но не мог представить себе, что, кроме меня, здесь, может быть, нет ни одного Человека.

От этих мыслей меня отвлекла корова, которая перестала вдруг облизывать стену, отошла в глубь камеры и принялась лакать из прозрачной лохани. Я с особой остротой почувствовал свое пересохшее горло и голод. И тут меня осенило. Я вскочил и побежал по коридору, ругаясь во весь голос. Я обзвывал себя болваном и кретином. Мне нужно было подумать об этом раньше, гораздо раньше. Мне нужен был Пришелец. Любой. Но как можно скорее: у меня не хватало терпения ждать.

Я быстро нашел Пришельца. «Паук» стоял в полутемном зале у стены и копался передними ногами в черном нешироком отверстии. На меня он не обратил никакого внимания. Он имел вид очень занятой и неприветливый, но я все-таки позвал его и, когда это не помогло, шлепнул по спине и обжег руку. Пришелец поднял две ноги и принял свою обычную позу, не переставая в то же время копаться в черной дыре, где время от времени вспыхивали и гасли длинные голубые искры. Совершенно нельзя было понять, где у него передние, а где задние ноги, и, немного поколебавшись, я решился. Я сунул руку за пазуху, вытащил консервную банку и поставил на пол.

Я сказал:

— Вот. Хватай, дружище, и тащи на склад.

Я надеялся, что Пришелец утащит банку и присоединит ее к прочим земным предметам, а уж я буду за ним бежать хоть по всему кораблю, но найду этот склад, и тогда все станет проще и легче. Но Пришелец некоторое

время стоял неподвижно, потом взял банку, повертел ее в лапах и снова поставил на пол. Я был разочарован.

— Ну, что же ты? — сказал я.

Пришелец безмолвствовал.

— В чем дело? — спросил я.

Пришелец звонко щелкнул, захлопнул какую-то дверцу и, так сказать, не оборачиваясь, удалился. Тогда я взял банку и немедленно убедился, что она вскрыта. Собственно, она была перерезана поперек, и верхняя половина отделилась от нижней, а нижняя осталась на полу. Упийственный аромат лососины наполнил воздух, и я не выдержал. Я взял половину банки и опорожнил ее. Потом я хлебнул протухшей воды из фляжки и почувствовал себя самым довольным человеком во Вселенной. Можно было снова приниматься за поиски.

Для начала я двинулся вдоль стены, потому что в конце концов мне было все равно, куда идти, и скоро наткнулся на Пришельца, по-моему, на того же самого. Во всяком случае, этот тоже копался в стене, озаряемый голубыми искрами. Я подошел к нему и сказал: «Спасибо». Я сказал это совершенно серьезно, хотя мне больше понравилось бы, если бы Пришелец помог мне найти склад. Потом я сел рядом с ним на корточки и стал наблюдать.

Пришелец щелкал, вспыхивал, и я пытался понять, что он делает, но так и не понял. Пришелец кончил работу, и мы посмотрели друг на друга. То есть я посмотрел на него. Куда смотрел он, понять было трудно. И тогда я стал с ним говорить. Я говорил с ним так, как скучающий человек беседует с собакой. Сначала я болтал просто: экий ты, братец, умница, и какой же ты у нас послушный, и как же тебя зовут... и так далее. Он не уходил, и тогда я по какому-то вдохновению принялся ему рассказывать о Земле, о людях, о себе и об археологии. Я говорил долго, и он все стоял и слушал, неподвижный, как изваяние, и вдруг я заметил, что рядом стоят, собравшись вокруг меня, еще штук пять Пришельцев.

Тогда я понял. Они слушали и вели запись. И я встал. Я собрался с мыслями и заговорил. Это была не первая моя лекция, но такой лекции я еще не читал никогда. Впервые за несколько дней я чувствовал, что делаю действительно полезное. Еще бы — ведь через Пришельцев я обращался к неведомым Хозяевам всех этих машин.

Я рассказывал о Земле и о человечестве, о войнах и революциях, об искусстве и об археологии, о великих стройках и великих планах. Я попытался было рассказать о достижениях наших точных наук, но боюсь, что в этой части моя лекция имела несколько расплывчатый характер. И я не смог заставить себя рассказать об атомных и водородных бомбах и ядовитых газах. Почему-то мне стало стыдно... Обо всем остальном я рассказывал подробно и с увлечением. Я думаю, что, если Хозяева расшифруют эту запись — а в этом сомневаться не приходится, — они будут довольны. По крайней мере, они будут знать, что их машины столкнулись с братьями по Разуму.

Когда я кончил и сказал: «Вот и все», Пришельцы еще постояли немного, потом разом вспыхнули и, пока я протирал глаза, исчезли все до единого.

Некоторое время я ходил по коридорам под впечатлением этого события. Я был очень горд собой и перестал смотреть на Пришельцев с опаской. Для меня они теперь были чем-то вроде почтовых ящиков, которым я доверил свое послание другому человечеству. Это не значит, конечно, что я перестал восхищаться этими замечательными механизмами. Но я просто вдруг как-то всем существом своим осознал, что это всего лишь механизмы. Очень хитроумные, но неизбежно ограниченные, как и все механизмы.

Но, разумеется, выполнение моей миссии не облегчило моего положения. Я исходил, как мне казалось, весь этаж и не нашел ничего нового. Я даже не напел способа подняться куда-нибудь выше. Зато я доел консервы и очень скоро начал голодать по-настоящему.

Я шатался у камер земных животных, подолгу простоявал перед ними, жадно глядя, как койоты раздирают куски чего-то бело-розового и лакают воду. Да, на корабле была пища и была вода. В загоне осталось всего три овцы, их, вероятно, решили сохранить, и теперь хищники питались какой-то другой пищей, может быть, синтетической. Пища и вода были на корабле, это я твердо знал.

Однажды я попал в широкий и низкий коридор, в щель, по которой ходить можно было, только согнувшись. Я заполз в нее довольно далеко, и вдруг впереди послышалось знакомое стрекотание и металлический лязг. Навстречу мне бежали двое Пришельцев. Обычно они ходили поодиночке, но меня поразило не это. Они

тачили на себе какой-то предмет, длинный и белесый, похожий на обтесанное бревно. И от этого бревна пахло... — не знаю, как описать этот запах, да я уже и не помню его, — пахло пищей. Пришельцы несли пищу. И, когда белый пахучий предмет поравнялся со мной, я прыгнул на него. Я рвал его к себе, мял, навалился на него всей тяжестью. Пришельцы продолжали нестись вперед, не обращая на меня внимания, и проволокли меня метров десять. Затем я упал. В руках у меня остался большой кусок мягкого ароматного вещества, похожего на брынзу. Пришельцы убежали своей дорогой, а я тут же, не сходя с места, устроил себе пиршество. Кажется, было очень вкусно.

Впоследствии я совершил такие грабежи еще нескользко раз. Пришельцы этого, кажется, не заметили. Два раза я наедался до отвала. На третий раз мне досталась такая гадость... Она явно не предназначалась для «землян». Пахла нашатырным спиртом и еще чем-то вроде нефти. Так или иначе, особых мук голода я не испытывал. Зато жажда...

Я как зеницу ока хранил последние глотки воды. Но наступил час, когда я не выдержал и выпил все досуха. Я швырнул флягу в темноту. Она, я думаю, и сейчас еще лежит там. По моему подсчету, это случилось примерно на десятый или одиннадцатый день. У меня остался только фонарик с последней, наполовину использованной батарейкой и ком синтетической пищи, похищенной у Пришельцев.

Очень скоро мне стало совсем плохо. Я умирал от жажды. Кроме того, синтетическая пища была не очень доброкачественная. Во всяком случае, та, что воняла нефтью, мне не понравилась. Одним словом, случилось так, что у меня подкосились колени, закружила голова и я повалился на пол прямо посреди коридора.

И тут произошла странная вещь. Меня с самого начала занимала мысль, почему Пришельцы, похитившие меня на вершине тепе, перестали обращать на меня внимание, как только рассмотрели получше. Вертолет утащил меня, когда я на четвереньках взбирался по крутыму склону. Я тогда не успел ничего понять: внезапный рев моторов, толчок в спину, жесткие клещи, стиснувшие мои бока, и тьма. Я успел только взреветь дурным голосом и ощутить запах озона, и потом — снова свет, я уже на посадочной площадке Пришельцев.

Но здесь, на огромном безжизненном корабле, я кое в чем разобрался. По-видимому, Пришельцы были натасканы, если можно так выразиться, только на неразумных существ, на все, что ползает, карабкается, бегает на четырех конечностях. Иначе я не берусь объяснить тот факт, что Пришельцы, совершенно не замечавшие меня, пока я был способен держаться прямо, проявили такую поразительную активность, стоило мне опуститься от слабости на карачки. Сквозь шум в ушах я расслышал их топот и стрекотание, в луче фонарика я увидел, что они собирались небольшой группкой и вдруг бросились на меня. Они схватили меня за бока и куда-то потащили. Они обжигали, как раскаленная печка, к тому же от запаха озона мне стало лучше, я рванулся и попытался подняться. Это мне удалось, и как только я выпрямился, встал на обе ноги и заговорил с ними (не помню, что именно я сказал, кажется: «Да что вы, ребята!»), они меня сразу отпустили и стали кружком, оживленно стрекоча. Вот тут я начал кое-что понимать. Пока я держался на ногах, я для них был Хозяин, Хомо Сapiens Эректус, существо, им не подотчетное, Владелин Всего Сущего. Но, опустившись на четвереньки, я моментально превращался в животное, которое надо хватать, заточать в клетку, изучать и... кормить и поить. Это последнее соображение заставило меня сильно призадуматься.

Но я не пошел на это. Мне страшно хотелось пить, я был голоден, я ослабел, но на это не пошел. Сидеть по соседству с коровами, жиреть и жевать жвачку?.. При всей соблазнительности этой мысли она внушала мне отвращение и ужас.

В тот момент я особенно сильно, как никогда сильно, почувствовал себя Человеком. Я выпрямился, выпятил грудь и рявкнул на Пришельцев. Я крикнул им, чтобы они убрались. И они убрались. Поглазели, постремотали и убрались.

Жажда, первое утомление, мерзкий запах, смертельная усталость делали свое дело. Кажется, у меня начался бред. Я вдруг вообразил, что нахожусь на борту исполнинского межпланетного «Летучего Голландца», что Пришельцы — это механические призраки своих давно умерших Хозяев, некогда проклятых за какое-то чудовищное преступление, что где-то в недрах этого корабля скрывается дух их капитана, марсианского ван Стратена или ван дер Декена, обреченного за непостижимые грехи свои

на вечные скитания в космических безднах. Это было в последние дни моего пребывания на корабле. И именно в эти последние дни я сделал самые замечательные открытия.

В своих бесплодных поисках Человека и воды я забрел в одну из пустующих камер. Помню, это было в совершенно незаселенном тоннеле. Там было темно и жарко. Луч фонарика скользнул по стене, и меня словно током ударило. Мне показалось, что я сошел с ума окончательно. На стене я увидел грубое изображение большой птицы с распластанными крыльями и короткую надпись. Надпись состояла всего из семи знаков, написанных строчкой, криво и небрежно. Птица была намалевана какой-то густой засохшей краской, она резко выделялась на серой стене. Буквы были выцарапаны чем-то острым. Представляете мои ощущения? Я стремглав бросился вон. Я бежал по коридорам. Я с новой силой и надеждой принял за поиски себе подобного. Не знаю почему, но я был уверен, что найду его, хотя надпись и рисунок могли быть сделаны тысячи лет назад. Очень скоро я ослабел и свалился без памяти, а когда очнулся, то уже не мог найти ту камеру. Меня тянуло туда, но... Впрочем, меня ждало еще одно открытие, более значительное и более странное.

Не помню, как я забрался в низкий длинный тоннель, который привел меня к колодцу, к настоящей бездонной пропасти. Я лежал на краю и с тупым любопытством взглядывался в черную глубину, из которой поднимались волны горячего смрада. Мне казалось, что внизу двигаются огоньки, вспыхивают яркие белые искры. Я устроился поудобнее, раздвинув локти и положив подбородок на кулаки, и вдруг локоть мой погрузился во что-то мягкое. Я с трудом поднялся и посветил. Рядом лежал труп. Точнее, мумия — иссохшее черное тело человека. Он лежал на самом краю колодца, скавшись в комок, подтянув колени к голове. Маленький, высохший, обугленный...

Я долго смотрел на него, стараясь сообразить, бред это или действительность. Потом решился и дотронулся дрожащей от слабости рукой до руки мертвеца. Она распалась в пыль, и под кучкой черного праха блеснул металл: это был странный амулет, маленькая тяжелая платиновая статуэтка, трехпалый человечек. Я взял его, аккуратно очистил от пепла и сунул за пазуху. Он мало интересовал меня в тот момент. Я сидел и смотрел на

черную мумию и видел свой собственный конец. Я понял, что надеяться мне больше не на что. Я мысленно видел этого маленького человечка, когда он еще был жив, полон сил и настоящего человеческого любопытства, когда он, так же как и я, попытался проникнуть в тайну чужого звездолета. Наверное, это случилось очень давно.

Когда? Кто он? Какие образы вставали перед его глазами? Кто не дождался его возвращения?..

О последних днях или часах моего пребывания на звездолете у меня сохранились только очень смутные воспоминания. Вероятно, уже тогда я был болен. И, возможно, то, что я сейчас расскажу, просто мерещилось мне.

Кажется, я сидел в огромном зале, полном каких-то сложных блестящих машин. Странные ощущения владели мною. Я слышал голоса и громкую, аритмичную музыку. И я чувствовал, что кто-то глядит мне в глаза. Не знаю, как объяснить это: я чувствовал взгляд, но я не видел глаз. Не знаю, почему я их не видел: может быть, они были за бесчисленные миллионы километров от меня, а может быть, их и вообще не было... Но взгляд был — внимательный, пристальный, удивленный. Не помню, сколько это продолжалось. Появились Пришельцы и осторожно подняли меня. Я повиновался. Я был ужасно слаб и едва держался на ногах. Меня понесли куда-то. Потом была тьма, невесомость, рев моторов и свежий, знакомый, бесконечно родной ветер Земли на лице.

В этот момент я ненадолго пришел в себя и понял, совершенно инстинктивно понял, что происходит. Я понял, что меня возвращали на Землю. Пришельцы по приказанию Хозяев возвращали на Землю двуногое разумное существо, проникшее к ним без спросу, не взвесившее своих сил и возможностей. И я решил, что все — мои планы, намерения, — все, что мне удалось, шло к черту. Я стал отбиваться. Ого, как я отбивался! Я кричал, я умолял вернуть меня на корабль, показать меня Хозяевам... Последнее, что я запомнил, — это рев моторов вертолета, ослепительная вспышка и ощущение сырости и холода.

Дальнейшее известно. Меня подобрали военные, случившиеся неподалеку, отправили в госпиталь. Это я узнал уже позже, когда очнулся и окончательно оправился. Я был без сознания почти полгода. У меня нашли

сильное истощение организма, двустороннее воспаление легких, мозговую горячку и еще что-то. Врачи не могли определить эту болезнь. Подозреваю, что я подхватил ее на корабле.

Но я выздоровел. Выздоровел и вспомнил, когда мне кое о чем рассказали. Вот и все.

Мои приключения не пропали зря. Говорят, я очень помог Сталинабадской комиссии. Кроме того, я убедился, что меня любит жена, ценят друзья и не понимают машины. Думаю, это знание пригодится мне в дальнейшем... если мне посчастливится снова попасть в конус к Пришельцам. Между прочим, теперь я не расстаюсь с консервным ножом. Чертовски полезная вещь! Им, помимо всего прочего, весьма удобно разрезать книги.

Но какая жалость, что это были только машины!

*Выдержки из протокола
заключительного заседания
Сталинабадской комиссии*

...Не приходится сомневаться, что Пришельцы были посланы на Землю с чисто исследовательскими целями.

Черные Вертолеты и паукообразные машины либо не были вооружены, либо не пускали оружия в ход. Вообще следует подчеркнуть, что Пришельцы вели себя по отношению к людям чрезвычайно осмотрительно. Случаев ранений или увечий не было. Лозовского высадили на Землю очень осторожно. Реальный ущерб, причиненный Пришельцами, невелик, и неразумно было бы рассматривать похищение нескольких автомобилей, коров и овец как враждебные действия...

Пришельцы наблюдались на Земле три дня: четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого августа 19... года, причем «пауков» видели немногие. Черные Вертолеты появлялись над всеми крупными населенными пунктами в радиусе ста пятидесяти — двухсот километров от посадочной площадки. Один из них был перехвачен нашими самолетами недалеко от афганской границы. На предложение следовать к аэродрому он, конечно, не ответил, и летчики были вынуждены обстрелять его. Они своими глазами видели вспышки бронебойных снарядов на его черном корпусе. Через несколько секунд вертолет вдруг с невероятной быстротой нырнул в сторо-

ну и камнем упал в какое-то ущелье, затянутое густыми облаками.

Летчики были убеждены, что он разбился, но из записок Лозовского известно, что ему удалось благополучно вернуться к звездолету. Это был единственный случай вооруженного столкновения с Пришельцами, причем огонь открыли люди...

В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое на территории Средней Азии и Северного Афганистана на несколько часов перестала действовать радиосвязь. Несомненно, что это следствие ночной деятельности Пришельцев, описанной Лозовским...

По-видимому, паукообразные машины представляют собой так называемые УЛМНП — Универсальные Логические Машины с Неограниченной Программой, то есть кибернетические механизмы, способные в любой ситуации совершать действия, наиболее логичные и целесообразные с точки зрения их основной программы. Гипотеза о возможности создания таких машин была недавно выдвинута Институтом теории информации АН СССР. Многое остается неясным. Непонятно, каким источником энергии они пользуются, какова их принципиальная схема. Непонятно, каким образом удалось сочетать такую сложность и такую мощность с малыми габаритами. О таких совершенных механизмах мы можем пока только мечтать...

Следует отвергнуть мнение, что Хозяева Пришельцев строили паукообразные машины по своему образу и подобию. Исходя из самых общих соображений, а также из того, что эти машины реагируют на человека, следует считать, что Хозяева не очень отличаются от людей...

Обращается внимание на описание Пришельца с глазами. Каково бы ни было назначение этих приспособлений, два черных «глаза» должны быть окрашены в оттенки ультрафиолетового цвета, кажущиеся человеку черными. Вероятно, Хозяева различают только пять цветов, из которых мы, люди, видим только три...

Приходится признать, что создатели звездолета и паукообразных машин сильно обогнали нас в области техники и теории кибернетики...

Рассказ Лозовского приводит нас к представлению об исполинской космической лаборатории, запущенной в межзвездное пространство неведомо кем и неведомо когда. Эта лаборатория необитаема, она снаряжена весьма

сложными кибернетическими устройствами с чрезвычайно сложной и подробно разработанной программой. Лаборатория передвигается от звезды к звезде, фиксирует ее физические характеристики и в том случае, если звезда имеет планетную систему, проводит исследование каждой планеты, забрасывая на ее поверхность автоматические разведчики-конусы с паукообразными машинами для сбора материала — проб атмосферы и почвы, образцов флоры, фауны, минералов. Для этого лаборатория становится временным спутником планеты и обращается вокруг нее до тех пор, пока не получены все сведения, запланированные программой. Если планета населена разумными обитателями, захватываются и образцы орудий труда, техники и культуры, но ни в коем случае не берутся сами разумные обитатели. Как машины отличают разумное существо от других видов животных, непонятно. Возможно, некоторый свет на это проливает мнение Лозовского, однако такое мнение неубедительно...

Радиометрическое исследование посадочной площадки Пришельцев не обнаружило никаких признаков повышенной радиоактивности. По-видимому, двигатели звездолета-конуса основаны на другом принципе, нежели ядерный распад или ядерный синтез. В общем, многие признаки говорят о том, что Хозяева используют виды энергии, еще неизвестные земному человечеству...

Наличие силы тяжести в космической лаборатории заставляет предполагать либо собственное вращение лаборатории, либо умение создавать искусственные гравитационные поля...

Тот факт, что звездолет был оснащен такими превосходными машинами, говорит о том, что Пришельцы прибыли издалека, скорее всего, с другой планетной системы. На ближайших планетах мы, наверное, смогли бы обнаружить следы цивилизации, способной создать подобные механизмы.

Вероятно, Пришельцы были посланы с одной из ближайших звезд, хотя не исключено, что гигантская лаборатория странствует в Космосе тысячелетия или даже десятки тысяч лет и запущена из весьма отдаленного уголка Вселенной. В пользу последнего предположения свидетельствует изобилие и разнообразие образцов флоры и фауны...

Пока неизвестно, с какого времени космическая лабо-

ратория является спутником Земли и остается ли она спутником Земли в настоящее время. Не исключено, что именно ее обнаружили несколько лет назад астрономы Афинской обсерватории в созвездии Ориона. Почти наверняка его наблюдала Тер-Марукян, молодая сотрудница Симеизской обсерватории. Он представлялся очень слабым объектом девятой звездной величины, был виден всего одну ночь и получил пророческое название — «Черный спутник». Тер-Марукян решила, что это обломок американской ракеты-носителя, взорвавшейся в мае в верхних слоях стратосферы. Данные наблюдений позволили определить, что орбита его сильно вытянута, перигейное расстояние составляет около десяти тысяч, апогейное — миллион километров, период обращения — около сорока суток. Однако на следующую ночь обнаружить его на вычисленной орбите не удалось...

Трудность наблюдения космической лаборатории заключается в том, что она, по-видимому, во-первых, время от времени производит передвижения собственным ходом, во-вторых, окрашена в серый или черный цвет. Вдобавок материал, из которого сделана ее оболочка (как и оболочка разведчика-конуса), несомненно, поглощает радиоволны, что очень затрудняет наблюдение ее средствами радиоастрономии и радиолокации...

Не выяснено, почему в корабле существует атмосфера, состоящая в значительной степени из воздуха. Она спасла Лозовского, но механическим Пришельцам она, очевидно, не нужна. Может быть, возможность появления на борту разумного существа была предусмотрена программой кибернетического «мозга», который управляет лабораторией?..

Чье тело нашел Лозовский в лаборатории? Как, когда и откуда попал в лабораторию человек с амулетом? Когда и где взяты странные существа, населяющие «звезринец»? Для чего они нужны Пришельцам? Куда направит путь лаборатория, покинув Землю (если она еще обращается вокруг Земли)? Не является ли она остроумно устроенным разведчиком, космическим лотом, за которым последует визит Разума Другого Мира?..

Представляют интерес последние видения Лозовского, которые сам он считает бредом. Принимая во внимание исполинский уровень техники звездолета и научно-образных машин, комиссия не считает совершенно невероятным наличие у Хозяев Пришельцев средств комму-

никиации, принципы которых нам пока неизвестны. И, возможно, именно благодаря этому Разумные Хозяева Пришельцев открыли местопребывание Лозовского на корабле и вернули его на Землю...

На основании вышеизложенного Сталинабадская комиссия настоятельно рекомендует всем астрономическим обсерваториям мира, и прежде всего обсерватории СССР, немедленно организовать регулярные поиски неизвестного спутника Земли патрульными оптическими и радиоастрономическими средствами...

Героическая попытка Лозовского договориться с машинами в отсутствие их Хозяев была, конечно, заранее обречена на провал. Но он сделал громадное дело: он узнал и рассказал. Несомненно, это был большой подвиг, достойный советского ученого, представителя Человечества с большой буквы...

1958

Путь на Амальтею

повесть

Пролог. Амальтея, «Джей-станция»

Амальтея, пятый и ближайший спутник Юпитера, делает полный оборот вокруг своей оси примерно за тридцать пять часов. Кроме того, за двенадцать часов она делает полный оборот вокруг Юпитера. Поэтому Юпитер выползает из-за близкого горизонта через каждые тридцать с половиной часов.

Восход Юпитера — это очень красиво. Только нужно заранее подняться в лифте до самого верхнего этажа под прозрачный спектролитовый колпак.

Когда глаза привыкнут к темноте, видна обледенелая равнина, уходящая горбом к скалистому хребту на горизонте. Небо черное, и на нем множество ярких немигающих звезд. От звездного блеска на равнине лежат неясные отсветы, а скалистый хребет кажется глубокой черной тенью на звездном небе. Если присмотреться, можно различить даже очертания отдельных зазубренных пиков.

Бывает, что низко над хребтом висит пятнистый серп Ганимеда, или серебряный диск Каллисто, или они оба, хотя это бывает довольно редко. Тогда от пиков по мерцающему льду через всю равнину тянутся ровные серые тени. А когда над горизонтом Солнце — круглое пятнышко слепящего пламени, равнина голубеет, тени становятся черными и на льду видна каждая трещина. Угольные кляксы на поле ракетодрома похожи на огромные, затянутые льдом лужи. Это вызывает теплые полу забытые ассоциации, и хочется сбегать на поле и пройтись по тонкой ледяной корочке, чтобы посмотреть, как она хрустнет под магнитным башмаком и по ней побегут морщинки, похожие на пенки в горячем молоке, только темные.

Но все это можно увидеть не только на Амальтее.

По-настоящему красиво становится тогда, когда восходит Юпитер. И восход Юпитера по-настоящему красив только на Амальтее. И он особенно красив, когда Юпитер встает, догоняя Солнце. Сначала за пиками хребта разгорается зеленое зарево — экзосфера гигантской планеты. Оно разгорается все ярче, медленно подбираясь к Солнцу, и одну за другой гасят звезды на черном небе. И вдруг оно наползает на Солнце. Очень важно не пропустить этот момент.

Зеленое зарево экзосферы мгновенно, словно по волшебству, становится кроваво-красным. Всегда ждешь этого момента, и всегда он наступает внезапно. Солнце становится красным, и ледяная равнина становится красной, и на круглой башенке пеленгатора на краю равнины вспыхивают кровавые блики. Даже тени пиков становятся розовыми. Затем красное постепенно темнеет, становится бурым, и наконец из-за скалистого хребта на близком горизонте вылезает огромный коричневый горб Юпитера. Солнце все еще видно, и оно все еще красное, как раскаленное железо, — ровный вишневый диск на буром фоне.

Почему-то считается, что бурый цвет — это некрасиво. Так считает тот, кто никогда не видел бурого зарева в полнеба и четкого красного диска на нем. Потом диск исчезает. Остается только Юпитер, огромный, бурый, косматый, он долго выбирается из-за горизонта, словно распухая, и занимает четверть неба. Его пересекают наискось черные и зеленые полосы аммиачных облаков, и иногда на нем появляются и сейчас же исчезают крошащиеся белые точки — так выглядят с Амальтеи экзосферные протуберанцы.

К сожалению, досмотреть восход до конца удается редко. Слишком долго выползает Юпитер, и надо идти работать. Во время наблюдений, конечно, можно проследить полный восход, но во время наблюдений думаешь не о красоте...

Директор «Джей-станции» поглядел на часы. Сегодня красивый восход, и скоро он будет еще красивее, но пора спускаться вниз и думать, что делать дальше.

В тени скал шевельнулся и начал медленно разворачиваться решетчатый скелет Большой Антенны. Радиооптики приступили к наблюдениям. Голодные радиооптики...

Директор в последний раз взглянул на бурый размытый купол Юпитера и подумал, что хорошо бы поймать момент, когда над горизонтом висят все четыре больших спутника — красноватая Ио, Европа, Ганимед и Калисто, а сам Юпитер в первой четверти наполовину оранжевый, наполовину бурый. Потом он подумал, что никогда не видел захода. Это тоже должно быть красиво: медленно гаснет зарево экзосферы, и одна за другой вспыхивают звезды в чернеющем небе, как алмазные иглы на бархате. Но обычно время захода — это разгар рабочего дня.

Директор вошел в лифт и спустился в самый нижний этаж. Планетологическая станция на Амальтеи представляла собой научный городок в несколько горизонтов,

вырубленный в толще льда и залигтый металлопластом. Здесь жили, и работали, и учились, и строили около шестидесяти человек. Пятьдесят шесть молодых мужчин и женщин, отличных ребят и девушек с отличным аппетитом.

Директор заглянул в спортивные залы, но там уже никого не было, только кто-то плескался в шаровом бассейне и звенело эхо под потолком. Директор пошел дальше, неторопливо переставляя ноги в тяжелых магнитных башмаках. На Амальтея почти не было тяжести, и это было крайне неудобно. В конце концов, конечно, привыкаешь, но первое время кажется, будто тело надуто водородом и так и норовит выскочить из магнитных башмаков. И особенно трудно привыкнуть спать.

Прошли двое астрофизиков с мокрыми после душа волосами, поздоровались и торопливо прошли дальше, к лифтам. У одного астрофизика было, по-видимому, что-то не в порядке с магнитными подковами — он неловко подпрыгивал и раскачивался на ходу. Директор свернулся в столовую. Человек пятнадцать завтракали.

Повар дядя Валнога, он же инженер-гастроном станции, развозил на тележке завтраки. Он был мрачен. Он вообще человек довольно сумрачный, но в последние дни он был мрачен. Он мрачен с того самого неприятного дня, когда с Каллисто, четвертого спутника, радиорвали о катастрофе с продовольствием. Продовольственный склад на Каллисто погиб от грибка. Это случалось и раньше, но теперь продовольствие погибло целиком, до последней галеты, и хлорелловые плантации погибли тоже.

На Каллисто очень трудно работать. В отличие от Амальтеи, на Каллисто существует биосфера, и там до сих пор не найдены средства предотвратить проникновение грибка в живые отсеки. Это очень интересный грибок. Он проникает через любые стены и пожирает все съедобное — хлеб, консервы, сахар. Хлореллу он пожирает с особой жадностью. Иногда он поражает человека, но это совсем не опасно. Сначала этого очень боялись, и самые смелые менялись в лице, обнаружив на коже характерный, немного скользкий налет. Но грибки не причиняли живому организму ни боли, ни вреда. Говорили даже, что они действуют как тонизирующее. Зато продовольствие они уничтожают в два счета.

— Дядя Валнога! — окликнул кто-то. — На обед тоже будут галеты?

Директор не успел заметить, кто окликнул, потому что все завтракавшие повернули лица к дяде Валноге и перестали жевать. Славные молодые лица, почти все загорельые до черноты. И уже немного осунувшиеся. Или это так кажется?

— В обед вы получите суп, — сказал дядя Валнога.

— Здорово! — сказал кто-то, и опять директор не заметил кто.

Он подошел к ближайшему столику и сел. Валнога подкатил к нему тележку, и директор взял свой завтрак — тарелку с двумя галетами, полплитки шоколада и стеклянную грушу с чаем. Он сделал это очень ловко, но все-таки толстые белые галеты подпрыгнули и повисли в воздухе. Груша с чаем осталась стоять — она имела магнитный ободок вокруг донышка. Директор поймал одну из галет, откусил и взялся за грушу. Чай остыл.

— Суп, — сказал Валнога. Он говорил негромко, обращаясь только к директору. — Вы можете себе представить, что это за суп. А они небось думают, что я им подам куриный бульон. — Он оттолкнул тележку и сел за столик. Он смотрел, как тележка катится в проходе все медленнее и медленнее. — А куриный суп, между прочим, кушают на Каллисто.

— Вряд ли, — сказал директор рассеянно.

— Ну как же вряд ли! — сказал Валнога. — Я им отдал сто семьдесят банок. Больше половины нашего резерва.

— Остаток резерва мы уже съели?

— Конечно, съели, — сказал Валнога.

— Значит, и они уже съели, — сказал директор, разгрызая галету. — У них народу вдвое больше, чем у нас.

«Врешь ты, дядя Валнога, — подумал он. — Я тебя хорошо знаю, инженер-гастроном. Банок двадцать ты еще припрятал для больных и прочего».

Валнога вздохнул и спросил:

— Чай у вас не остыл?

— Нет, спасибо.

— А хлорелла на Каллисто не прививается, — сказал Валнога и опять вздохнул. — Опять они радиорвали, просили еще килограммов десять закваски. Сообщили, что выслали планетолет.

— Что ж, надо дать.

— Дать! — сказал дядя Валнога. — Конечно, надо дать. Только хлореллы у меня не сто тонн, и ей тоже надо дать подрасти... Я вам, наверное, аппетит порчу, а?

— Ничего, — сказал директор. У него вообще не было аппетита.

— Довольно! — сказал кто-то.

Директор поднял голову и сразу увидел растерянное лицо Зойки Ивановой. Рядом с ней сидел ядерник Козлов. Они всегда сидели рядом.

— Довольно, слышишь? — сказал Козлов со злостью.

Зойка покраснела и наклонила голову. Ей было очень неловко, потому что все смотрели на них.

— Ты мне подсунула свою галету вчера, — сказал Козлов. — Сегодня ты опять подсовываешь мне свою несчастную галету.

Зойка молчала. Она чуть не плакала от смущения.

— Не ори на нее, Козел! — гаркнул с другого конца столовой атмосферный физик Потапов. — Зоенька, ну что ты его подкармливаешь, этого зверя! Дай лучше галету мне, я съем. Я даже не буду на тебя орать.

— Нет, правда, — сказал Козлов уже спокойнее. — Я и так здоровый, а ей надо есть больше моего.

— Неправда, Валя, — сказала Зойка, не поднимая головы.

Кто-то сказал:

— Чайку еще можно, дядя Валнога?

Валнога поднялся. Потапов позвал через всю столовую:

— Эй, Грекор, после работы сыграем?

— Сыграем, — сказал Грекор.

— Снова будешь бить, Вадимчик, — сказал кто-то.

— На моей стороне закон вероятностей! — заявил Потапов.

Все засмеялись.

В столовую просунулась сердитая физиономия.

— Потапов здесь? Вадька, буря на Джупе!

— Ну! — сказал Потапов и вскочил. И другие атмосферники поспешили подняться из-за стола.

Физиономия исчезла и вдруг появилась снова:

— Галеты мне захвати, слышишь?

— Если Валнога даст, — сказал Потапов вдогонку. Он поглядел на Валногу.

— Почему не дать? — сказал дядя Валнога. — Степеню Константин, двести граммов галет и пятьдесят граммов шоколада...

Директор встал, вытирая рот бумажной салфеткой. Козлов сказал:

— Товарищ директор, как там с «Тахмасибом»?

Все замолчали и повернули лица к директору. Молодые загорелые лица, уже немного осунувшиеся. Директор ответил:

— Пока никак.

Он медленно прошел по проходу между столиками и направился к себе в кабинет. Вся беда в том, что на Каллисто не вовремя началась «консервная эпидемия». Пока это еще не настоящий голод. Амальтея еще может делиться с Каллисто хлореллой и галетами. Но если Быков не придет с продовольствием... Быков уже где-то близко. Его уже запеленговали, но затем он замолчал и молчит вот уже шестьдесят часов. Нужно будет снова сократить рационы, подумал директор. Здесь всякое может случиться, а до базы на Марсе не близко. Здесь всякое бывает. Бывает, что планетолеты с Земли и с Марса пропадают. Это случается редко, не чаще грибковых эпидемий. Но очень плохо, что это все-таки случается. За миллиард километров от Земли это хуже десяти эпидемий. Это голод. Может быть, это гибель.

Глава первая. Фотонный грузовик «Тахмасиб»

*1. Планетолет подходит к Юпитеру,
а капитан ссорится со штурманом и принимает спорамин*

Алексей Петрович Быков, капитан фотонного грузовика «Тахмасиб», вышел из каюты и аккуратно притворил за собой дверь. Волосы у него были мокрые. Капитан только что принял душ. Он принял даже два душа — водяной и ионный, но его еще покачивало после короткого сна. Спать все-таки хотелось так, что глаза никак не открывались. За последние трое суток он проспал в общей сложности не более пяти часов. Перелет выдался нелегкий.

В коридоре было пусто и светло. Быков направился в рубку, стараясь не шаркать ногами. В рубку нужно было идти через кают-компанию. Дверь в кают-компанию оказалась открытой, оттуда доносились голоса. Голоса принадлежали планетологам Дауге и Юрковскому и звучали, как показалось Быкову, необыкновенно раздраженно и как-то странно глухо.

«Опять они что-то затеяли, — подумал Быков. — И нет от них никакого спасения. И выругать их как следует невозможно, потому что они все-таки мои друзья и страшно рады, что в этом рейсе мы вместе. Не так часто бывает, чтобы мы собирались вместе».

Быков шагнул в кают-компанию и остановился, поставив ногу на комингс. Книжный шкаф был раскрыт, книги были вывалены на пол и лежали неаккуратной кучей. Скатерть со стола сползла. Из-под дивана торчали длиные, обтянутые узкими серыми брюками ноги Юрковского. Ноги азартно шевелились.

— Я тебе говорю, ее здесь нет, — сказал Дауге.

Самого Дауге видно не было.

— Ты ищи, — сказал задушенный голос Юрковского.

— Взялся, так ищи.

— Что здесь происходит? — сердито осведомился Быков.

— Ага, вот он! — сказал Дауге и вылез из-под стола.

Лицо у него было веселое, куртка и воротник сорочки расстегнуты. Юрковский, пятясь, выбрался из-под дивана.

— В чем дело? — сказал Быков.

— Где моя Варечка? — спросил Юрковский, поднимаясь на ноги. Он был очень сердит.

— Изверг! — воскликнул Дауге.

— Без-здельники, — сказал Быков.

— Это он, — сказал Дауге трагическим голосом. — Посмотри на его лицо, Владимир! Палаch!

— Я говорю совершенно серьезно, Алексей, — сказал Юрковский. — Где моя Варечка?

— Знаете что, планетологи, — сказал Быков. — Пойдите вы к черту!

Он выпятил челюсть и прошел в рубку. Дауге сказал вслед:

— Он спалил Варечку в реакторе.

Быков с гулом захлопнул за собой люк.

В рубке было тихо. На обычном месте за столом у вычислителя сидел штурман Михаил Антонович Крутиков, подперев пухлым кулачком двойной подбородок. Вычислитель негромко шелестел, моргая неоновыми огоньками контрольных ламп. Михаил Антонович посмотрел на капитана добрыми глазками и сказал:

— Хорошо поспал, Лешенька?

— Хорошо, — сказал Быков.

— Я принял пеленги с Амальтеи, — сказал Михаил Антонович. — Они там уж так ждут, так ждут... — Он покачал головой. — Представляешь, Лешенька, у них норма: двести граммов галет и пятьдесят граммов шоколада. И хлорелловая похлебка. Триста граммов хлорелловой похлебки. Это же так невкусно!

«Тебя бы туда, — подумал Быков. — То-то похудел бы, толстяк». Он сердито посмотрел на штурмана и не удержался — улыбнулся. Михаил Антонович, озабоченно выпятив толстые губы, рассматривал разграфленный лист голубой бумаги.

— Вот, Лешенька, — сказал он. — Я составил финишную программу. Проверь, пожалуйста.

Обычно проверять курсовые программы, составленные Михаилом Антоновичем, не стоило. Михаил Антонович по-прежнему оставался самым толстым и самым опытным штурманом межпланетного флота.

— Потом проверю, — сказал Быков. Он сладко зевнул, прикрывая рот ладонью. — Вводи программу в киберштурман.

— Я, Лешенька, уже ввел, — виновато сказал Михаил Антонович.

— Ага, — сказал Быков. — Ну что ж, хорошо. Где мы сейчас?

— Через час выходим на финиш, — ответил Михаил Антонович. — Пройдем над северным полюсом Юпитера... — слово «Юпитер» он произнес с видимым удовольствием, — на расстоянии двух диаметров, двести девяносто мегаметров. А потом — последний виток. Можно считать, мы уже прибыли, Алешенька...

— Расстояние считаешь от центра Юпитера?

— Да, от центра.

— Когда выйдем на финиш, будешь каждые четверть часа давать расстояние от экзосфера.

— Слушаюсь, Лешенька, — сказал Михаил Антонович.

Быков еще раз зевнул, с досадой протер кулаками слипающиеся глаза и пошел вдоль пульта аварийной сигнализации. Здесь все было в порядке. Двигатель работал без перебоев, плазма поступала в рабочем ритме, настройка магнитных ловушек держалась безукоризненно. За магнитные ловушки отвечал бортинженер Жилин. «Молодчина, Жилин, — подумал Быков. — Отлично отрегулировал, малек».

Быков остановился и попробовал, чуть меняя курс, сбить настройку ловушек. Настройка не сбивалась. Белый зайчик за прозрачной пластмассовой пластинкой даже не шевельнулся. «Молодчина, малек», — снова подумал Быков. Он обогнул выпуклую стену — кожух фотопректора. У комбайна контроля отражателя стоял Жилин с карандашом в зубах. Он упирался обеими руками

ми в края пульта и едва заметно отплясывал чечетку, шевеля могучими лопатками на согнутой спине.

— Здравствуй, Ваня, — сказал Быков.

— Здравствуйте, Алексей Петрович, — сказал Жилин, быстро обернувшись. Карандаш выпал у него из зубов, и он ловко поймал его на лету.

— Как отражатель? — спросил Быков.

— Отражатель в порядке, — сказал Жилин, но Быков все-таки нагнулся над пультом и потянул плотную синюю ленту записи контрольной системы.

Отражатель — самый главный и самый хрупкий элемент фотонного привода, гигантское параболическое зеркало, покрытое пятью слоями сверхстойкого мезовещества. В зарубежной литературе отражатель часто называют «сэйл» — парус. В фокусе параболоида ежесекундно взрываются, превращаясь в излучение, миллионы порций дейтериево-тритиевой плазмы. Поток бледного лиловатого пламени бьет в поверхность отражателя и создает силу тяги. При этом в слое мезовещества возникают исполнинские перепады температур, и мезовещество постепенно — слой за слоем — выгорает. Кроме того, отражатель непрерывно разъедается метеоритной коррозией. И если при включенном двигателе отражатель разрушится у основания, там, где к нему примыкает толстая труба фотoreактора, корабль превратится в мгновенную бесшумную вспышку. Поэтому отражатели фотонных кораблей меняют через каждые сто астрономических единиц полета. Поэтому контролирующая система непрерывно замеряет состояние рабочего слоя по всей поверхности отражателя.

— Так, — сказал Быков, вертя в пальцах лепту. — Первый слой выгорел.

Жилин промолчал.

— Михаил! — окликнул Быков. — Ты знаешь, что первый слой выгорел?

— Знаю, Лешенька, — отозвался штурман. — А что ты хочешь? Оверсан, Лешенька...

Оверсан, или «прыжок через Солнце», производится редко и только в исключительных случаях — как сейчас, когда на «Джей-станциях» голод. При оверсане между старт-планетой и финиш-планетой находится Солнце — расположение очень невыгодное с точки зрения «прямой космогации». При оверсане фотонный двигатель работает на предельных режимах, скорость корабля доходит до шести-семи тысяч километров в секунду и на приборах

начинают сказываться эффекты неклассической механики, изученные пока еще очень мало. Экипаж почти не спит, расход горючего и отражателя громаден, и в довершение всего корабль, как правило, подходит к финиш-планете с полюса, что неудобно и осложняет посадку.

— Да, — сказал Быков. — Оверсан. Вот тебе и оверсан.

Он вернулся к штурману и поглядел на расходомер горючего.

— Дай-ка мне копию финиш-программы, Миша, — сказал он.

— Одну минутку, Лешенька, — сказал штурман.

Он был очень занят. По столу были разбросаны голубые листки бумаги, негромко гудела полуавтоматическая приставка к электронному вычислителю. Быков опустился в кресло и прикрыл веки. Он смутно видел, как Михаил Антонович, не отрывая глаз от записей, протянул руку к пульте и, быстро переставляя пальцы, пробежал по клавишам. Рука его стала похожа на большого белого паука. Вычислитель загудел громче и остановился, сверкнув стоп-лампочкой.

— Что тебе, Лешенька? — спросил штурман, глядя в свои записи.

— Финиш-программу, — сказал Алексей Петрович, еле разлепляя веки.

Из выводного устройства выползла табулограмма, и Михаил Антонович вцепился в нее обеими руками.

— Сейчас, — сказал он торопливо. — Сейчас.

У Быкова сладко зашумело в ушах, под веками поплыли желтые огоньки. Он уронил голову на грудь.

— Лешенька, — сказал штурман. Он потянулся через стол и похлопал Быкова по плечу. — Лешенька, вот программа...

Быков вздрогнул, дернул головой и посмотрел по сторонам. Он взял исписанные листки.

— Кхе-кхм... — откашлялся он и пошевелил кожей на лбу. — Так. Опять тэта-алгоритм... — Он сонно уставился в записи.

— Принял бы ты, Лешенька, спорамин, — посоветовал штурман.

— Подожди, — сказал Быков. — Подожди. Это что еще такое? Ты что, с ума сошел, штурман?

Михаил Антонович вскочил, обежал вокруг стола и нагнулся над плечом Быкова.

— Где, где? — спросил он.

— Ты куда летишь? — ядовито спросил Быков. — Может быть, ты думаешь, что летишь на Седьмой полигон?

— Да в чем дело, Леша?

— Или, может быть, ты воображаешь, что на Амальтее построили для тебя трииевый генератор?

— Если ты про горючее, — сказал Михаил Антонович, — то горючего хватит на три таких программы...

Быков проснулся окончательно.

— Мне нужно сесть на Амальтею, — сказал он. — Потом я должен сходить с планетологами в экзосферу и снова сесть на Амальтею. И потом я должен буду вернуться на Землю. И это снова будет оверсан!

— Подожди, — сказал Михаил Антонович. — Минуточку...

— Ты мне рассчитываешь сумасшедшую программу, как будто нас ждут склады горючего!

Люк в рубку приоткрылся. Быков обернулся. В образовавшуюся щель втиснулась голова Дауге. Голова повела по рубке глазами, сказала просительно:

— Послушайте, ребята, здесь нет Варечки?

— Вон! — рявкнул Быков.

Голова мгновенно скрылась. Люк тихо закрылся.

— Л-лоботрясы, — сказал Быков. — И вот что, штурман! Если у меня не хватит горючего для обратного оверсана, плохо тебе будет.

— Не ори, пожалуйста, — возмущенно ответил Михаил Антонович. Он подумал и добавил, заливаясь краской: — Черт возьми...

Наступило молчание. Михаил Антонович вернулся на свое место, и они смотрели друг на друга надувшились. Михаил Антонович сказал:

— Бросок в экзосферу я рассчитал. Обратный оверсан я тоже почти рассчитал. — Он положил ладошку на кучу листков на столе. — А если ты тренишь, мы прекрасно можем дозаправиться на Антимарсе...

Антимарсом космогаторы называли искусственную планету, движущуюся почти по орбите Марса по другую сторону от Солнца. По сути дела, это был громадный склад горючего, полностью автоматизированная заправочная станция.

— И вовсе незачем так на меня... орать, — сказал Михаил Антонович. Слово «орать» он произнес шепотом. Михаил Антонович остывал.

Быков тоже остывал.

— Ну хорошо, — сказал он. — Извини, Миша.
Михаил Антонович сразу заулыбался.
— Я был не прав, — добавил Быков.
— Ах, Лешенька, — сказал Михаил Антонович торопливо. — Пустяки. Совершенные пустяки... А вот ты посмотри, какой получается удивительный виток. Из вертикали, — он стал показывать руками, — в плоскость Амальтеи и над самой экзосферой по инерционному эллипсу в точку встречи. И в точке встречи относительная скорость всего четыре метра в секунду. Максимальная перегрузка всего двадцать два процента, а время невесомости всего минут тридцать — сорок. И очень малы расчетные ошибки.

— Ошибки малы, потому что тэта-алгоритм, — сказал Быков. Он хотел сказать штурману приятное: тэта-алгоритм был разработан и впервые применен Михаилом Антоновичем.

Михаил Антонович издал неопределенный звук. Он был приятно смущен. Быков просмотрел программу до конца, несколько раз подряд кивнул и, положив листки, принялся тереть глаза огромными веснушчатыми кулаками.

— Откровенно говоря, — сказал он, — ни черта я не выспался.

— Прими спорамин, Леша, — убеждающее повторил Михаил Антонович. — Вот я принимаю по таблетке через каждые два часа и совсем не хочу спать. И Ваня тоже. Ну зачем так мучиться?

— Не люблю я этой химии, — сказал Быков. Он вскочил и прошелся по рубке. — Слушай, Миша, а что это происходит у меня на корабле?

— А в чем дело, Лешенька? — спросил штурман.

— Опять планетологи, — сказал Быков.

Жилин из-за кожуха фотогенатора объяснил:

— Куда-то пропала Варечка.

— Ну? — сказал Быков. — Наконец-то. — Он опять прошелся по рубке. — Дети, престарелые дети.

— Ты уж на них не сердись, Лешенька, — сказал штурман.

— Знаете, товарищи, — Быков опустился в кресло, — самое скверное в рейсе — это пассажиры. А самые скверные пассажиры — это старые друзья. Дай-ка мне, пожалуй, спорамину, Миша.

Михаил Антонович торопливо вытащил из кармана коробочку. Быков следил за ним сонными глазами.

— Дай сразу две таблетки, — попросил он.

*2. Планетологи ищут Варечку,
а радиооптик узнает, что такое бегемот*

— Он меня выгнал вон, — сказал Дауге, вернувшись в каюту Юрковского.

Юрковский стоял на стуле посередине каюты и ощупывал ладонями мягкий матовый потолок. По полу было рассыпано раздавленное сахарное печенье.

— Значит, она там, — сказал Юрковский.

Он спрыгнул со стула, отряхнул с колен белые крошки и позвал жалобно:

— Варечка, жизнь моя, где ты?

— А ты пробовал неожиданно садиться в кресла? — спросил Дауге.

Он подошел к дивану и столбом повалился на него.

— Ты убьешь ее! — закричал Юрковский.

— Ее здесь нет, — сообщил Дауге и устроился поудобнее, задрав ноги на спинку дивана. — Такую вот операцию следует произвести над всеми диванами и креслами. Варечка любит устраиваться на мягким.

Юрковский перетащил стул ближе к стене.

— Нет, — сказал он. — В рейсах она любит забираться на стены и потолки. Надо пройти по кораблю и прощупать потолки.

— Господи! — Дауге вздохнул. — И что только не приходит в голову планетологу, одуревшему от безделья! — Он сел, покосился на Юрковского и прошептал зловеще: — Я уверен, это Алексей. Он всегда ненавидел ее.

Юрковский пристально поглядел на Дауге.

— Да, — продолжал Дауге. — Всегда. Ты это знаешь. А за что? Она была такая тихая... такая милая...

— Дурак ты, Григорий, — сказал Юрковский. — Ты паясничаешь, а мне действительно будет очень жалко, если она пропадет.

Он сел на стул, уперся локтями в колени и положил подбородок на сжатые кулаки. Высокий залысый лоб собрался в морщины, черные брови трагически надломились.

— Ну-ну, — сказал Дауге. — Куда она пропадет с корабля? Она еще найдется.

— Найдется, — сказал Юрковский. — Ей сейчас есть пора. А сама она никогда не попросит, так и умрет с голоду.

— Так уж и умрет! — усомнился Дауге.

— Она уже двенадцать дней ничего не ела. С самого старта. А ей это страшно вредно.

— Лопать захочет — придет, — уверенно сказал Дауге. — Это свойственно всем формам жизни.

Юрковский покачал головой:

— Нет. Не придет она, Гриша.

Он залез на стул и снова стал сантиметр за сантиметром ощупывать потолок. В дверь постучали. Затем дверь мягко отъехала в сторону, и на пороге остановился маленький черноволосый Шарль Моллар, радиооптик.

— Войдите? — спросил Моллар.

— Вот именно, — сказал Дауге.

Моллар всплеснул руками.

— *Mais non!* — воскликнул он, радостно улыбаясь. Он всегда радостно улыбался. — Non «войдите». Я хотел познать: войти?

— Конечно, — сказал Юрковский со стула. — Конечно, войти, Шарль. Чего уж тут.

Моллар вошел и с любопытством задрал голову.

— Вольдемар, — сказал он, великолепно картавя. — Ви учится ходить по потолку?

— Уи, мадам, — сказал Дауге с ужасным акцентом. — В смысле месье, конечно. Собственно, иль шершля Варечка.

— Нет-нет! — вскричал Моллар. Он даже замахал руками. — Только не так. Только по-русски. Я же говорю только по-русски!

Юрковский слез со стула и спросил:

— Шарль, вы не видели мою Варечку?

Моллар погрозил ему пальцем.

— Ви мне все шутите, — сказал он, делая произвольные ударения. — Ви мне двенадцать дней шутите. — Он сел на диван рядом с Дауге. — Что есть Варечка? Я много раз слышалъ «Варечка», сегодня ви ее ищете, но я ее не видѣлъ ни один раз. А? — Он поглядел на Дауге. — Это птичья? Или это кошья? Или... э...

— Бегемот? — сказал Дауге.

— Что есть бегемот? — осведомился Моллар.

— Сэ такая лирондэй, — ответил Дауге. — Ласточка.

— O, l'hirondelle! — воскликнул Моллар. — Бегемот?

— Йес, — сказал Дауге. — Натюрлихъ.

— Non, non! Только по-русски! — Он повернулся к Юрковскому. — Грекуар говорит верно?

— Ерунду порет Грекуар, — сердито проговорил Юрковский. — Чепуху.

Моллар внимательно посмотрел на него.

— Ви расстроены, Володья, — сказал он. — Я могу помочь?

— Да нет, наверное, Шарль. Надо просто искать. Ощупывать все руками, как я...

— Зачем щупать? — удивился Моллар. — Ви скажите, вид у нее какой есть. Я стану искать.

— Ха, — сказал Юрковский, — хотел бы я знать, какой у нее сейчас вид.

Моллар откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза ладонью.

— Je ne comprendre pas, — сказал он. — Я не понимаю. У нее нет вид? Или я не понимаю по-русски?

— Нет, все правильно, Шарль, — сказал Юрковский. — Вид у нее, конечно, есть. Только разный, понимаете? Когда она на потолке, она как потолок. Когда на диване — как диван...

— А когда на Грегуар, она как Грегуар, — сказал Моллар. — Ви все шутите.

— Он говорит правду, — вступил Дауге. — Варечка все время меняет окраску. Мимикия. Она замечательно маскируется, понимаете? Мимикия.

— Мимикия у ласточка? — горько спросил Моллар. В дверь опять постучали.

— Войти! — радостно закричал Моллар.

— Войдите, — перевел Юрковский.

Вошел Жилин, громадный, румяный и немного застенчивый.

— Извините, Владимир Сергеевич, — сказал он, несколько наклоняясь вперед. — Меня...

— О! — вскричал Моллар, сверкая улыбкой. Он очень благоволил к бортинженеру. — Le petit ingénieur!¹ Как жизнь, хорошё-о?

— Хорошо, — сказал Жилин.

— Как девушки, хорошё-о?

— Хорошо, — сказал Жилин. Он уже привык. — Бон.

— Прекрасный прононс, — сказал Дауге с завистью. — Кстати, Шарль, почему вы всегда спрашиваете Ваню, как девушки?

— Я очень люблю девушки, — серьезно сказал Моллар. — И всегда интересуюсь как.

— Бон, — сказал Дауге. — Же ву компран.

Жилин повернулся к Юрковскому:

— Владимир Сергеевич, меня послал капитан. Через сорок минут мы пройдем через периовий, почти в экзосфере.

¹ Маленький инженер! (фр.)

Юрковский вскочил.

— Наконец-то!

— Если вы будете наблюдать, я в вашем распоряжении.

— Спасибо, Ваня, — сказал Юрковский. Он повернулся к Дауге. — Ну, Иоганыч, вперед!

— Держись, бурый Джуп, — сказал Дауге.

— Les hirondelles, les hirondelles, — запел Моллар. — А я пойду готовить обед. Сегодня я дежурный, и на обед будет суп. Вы любите суп, Ваня?

Жилин не успел ответить, потому что планетолет сильно качнуло и он вывалился в дверь, едва успев ухватиться за косяк. Юрковский споткнулся о вытянутые ноги Моллара, развалившегося на диване, и упал на Дауге. Дауге охнул.

— Ого, — сказал Юрковский. — Это метеорит.

— Встань с меня, — сказал Дауге.

3. Бортинженер восхищается героями, а штурман обнаруживает Варечку

Тесный обсерваторный отсек был до отказа забит аппаратурой планетологов. Дауге сидел на корточках перед большим блестящим аппаратом, похожим на телевизионную камеру. Аппарат назывался экзосферным спектрографом. Планетологи возлагали на него большие надежды. Он был совсем новый — прямо с завода — и работал синхронно с бомбосбрасывателем. Матово-черный казенник бомбосбрасывателя занимал половину отсека. Возле него, в легких металлических стеллажах, тускло светились воронеными боками плоские обоймы бомбозондов. Каждая обойма содержала двадцать бомбозондов и весила сорок килограммов. По идее, обоймы должны были подаваться в бомбосбрасыватель автоматически. Но фотонный грузовик «Тахмасиб» был неважно приспособлен для развернутых научных исследований, и для автоподатчика не хватило места. Бомбосбрасыватель обслуживал Жилин. Юрковский скомандовал:

— Заряжай.

Жилин откатил крышку казенника, взялся за края первой обоймы, с натугой поднял ее и вставил в прямоугольную щель зарядной камеры. Обойма бесшумно скользнула на место. Жилин накатил крышку, щелкнул замком и сказал:

— Готов.

— Я тоже готов, — сказал Дауге.
— Михаил, — сказал Юрковский в микрофон. — Скоро?

— Еще полчасика, — послышался сиплый голос штурмана.

Планетолет снова качнуло. Пол ушел из-под ног.

— Опять метеорит, — сказал Юрковский. — Это уже третий.

— Густо что-то, — сказал Дауге.

Юрковский спросил в микрофон:

— Михаил, микрометеоритов много?

— Много, Володенька, — ответил Михаил Антонович озабоченно. — Уже на тридцать процентов выше средней плотности, и все растет и растет...

— Миша, голубчик, — попросил Юрковский. — Замеряй почаше, а?

— Замеры идут три раза в минуту, — отозвался штурман. Он сказал что-то в сторону от микрофона. В ответ послышался бас Быкова: «Можно». — Володенька, — позвал штурман. — Я переключаю на десять раз в минуту.

— Спасибо, Миша, — сказал Юрковский.

Корабль опять качнуло.

— Слушай, Володя, — позвал негромко Дауге, — а ведь это нетривиально.

Жилин тоже подумал, что это нетривиально. Нигде, ни в каких учебниках и лоциях, не говорилось о повышении метеоритной плотности в непосредственной близости к Юпитеру. Впрочем, мало кто бывал в непосредственной близости к Юпитеру.

Жилин присел на станину казенника и поглядел на часы. До периовия оставалось минут двадцать, не больше. Через двадцать минут Дауге даст первую очередь. Он говорит, что это необычайное зрелище, когда взрывается очередь бомбозондов. В позапрошлом году он исследовал такими бомбозондами атмосферу Урана. Жилин оглянулся на Дауге. Дауге сидел на корточках перед спектрографом, держась за ручки поворота, — сухой, черный, остроносый, со шрамом на левой щеке. Он то и дело вытягивал длинную шею и заглядывал то левым, то правым глазом в окуляр видеоискателя, и каждый раз по его лицу пробегал оранжевый зайчик. Жилин посмотрел на Юрковского. Юрковский стоял, прижавшись лицом к нарамнику перископа, и нетерпеливо переступал с ноги на ногу. На шее у него болталось на темной ленте рубчатое

яйцо микрофона. Известные планетологи Дауге и Юрковский...

Месяц назад заместитель начальника Высшей Школы Космогации Сантор Ян вызвал к себе выпускника Школы Ивана Жилина. Межпланетники звали Сантора Яна «Железный Ян». Ему было за пятьдесят, но он казался совсем молодым в синей куртке с отложным воротником. Он был бы очень красив, если бы не мертвые серо-розовые пятна на лбу и на подбородке — следы давнего лучевого удара. Сантор Ян сказал, что Третий отдел ГКМПС срочно затребовал в свое распоряжение хорошего сменного бортинженера и что Совет Школы остановил свой выбор на выпускнике Жилине (выпускник Жилин похолодел от волнения: все пять лет он боялся, что его пошлют стажером на лунные трассы). Сантор Ян сказал, что это большая честь для выпускника Жилина, потому что первое свое назначение он получает на корабль, который идет оверсаном к Юпитеру (выпускник Жилин чуть не подпрыгнул от радости) с продовольствием для «Джейстанции» на Пятом спутнике Юпитера — Амальтея.

— Амальтея грозит голод, — сказал Сантор Ян. — Вашим командиром будет прославленный межпланетник, тоже выпускник нашей Школы, Алексей Петрович Быков. Вашим старшим штурманом будет весьма опытный космогатор Михаил Антонович Крутиков. В их руках вы пройдете первоклассную практическую школу, и я чрезвычайно рад за вас.

О том, что в рейсе принимают участие Григорий Иоганнович Дауге и Владимир Сергеевич Юрковский, Жилин узнал позже, уже на ракетодроме Мирза-Чарле. Какие имена! Юрковский и Дауге, Быков и Крутиков, Богдан Спицын и Анатолий Ермаков. Страшная и прекрасная, с детства знакомая полулегенда о людях, которые бросили к ногам человечества грозную планету. О людях, которые на допотопном «Хиусе» — фотонной черепахе с одним-единственным слоем мезовещества на отражателе — прорвались сквозь бешеную атмосферу Венеры. О людях, которые нашли в черных первобытных песках Урановую Голконду — след удара чудовищного метеорита из анти вещества.

Конечно, Жилин знал и других замечательных людей. Например, межпланетника-испытателя Василия Ляхова. На третьем и четвертом курсах Ляхов читал в Школе теорию фотонного привода. Он организовал для выпускников трехмесячную практику на Спу-20. Межпланетни-

ки называли Спу-20 «Звездочкой». Там было очень интересно. Там испытывались первые прямоточные фотонные двигатели. Оттуда в зону абсолютно свободного полета запускали автоматические лоты-разведчики. Там строился первый межзвездный корабль «Хиус-Молния». Однажды Ляхов привел курсантов в ангар. В ангаре висел только что прибывший фотонный танкер-автомат, который полгода назад забросили в зону абсолютно свободного полета. Танкер, огромное неуклюжее сооружение, удалялся от Солнца на расстояние светового месяца. Всех поразил его цвет. Обшивка сделалась бирюзово-зеленой и отваливалась кусками, стоило прикоснуться к ней ладонью. Она просто крошилась, как хлеб. Но устройства управления оказались в порядке, иначе разведчик, конечно, не вернулся бы, как не вернулись три разведчика из девятнадцати, запущенных в зону АСП. Курсанты спросили Ляхова, что произошло, и Ляхов ответил, что не знает. «На больших расстояниях от Солнца есть что-то, чего мы пока не знаем», — сказал Ляхов. И Жилин подумал тогда о пилотах, которые через несколько лет поведут «Хиус-Молнию» туда, где есть что-то, чего мы пока не знаем.

«Забавно, — подумал Жилин, — мне уже есть о чем вспоминать. Как на четвертом курсе во время зачетного подъема на геодезической ракете отказал двигатель и я вместе с ракетой свалился на совхозное поле под Новосибирском. Я несколько часов бродил среди автоматических высокочастотных плугов, пока к вечеру не наткнулся на человека. Это был оператор-телемеханик. Мы всю ночь пролежали в палатке, следя за огоньками плугов, двигающимися в темном поле, и один плуг прошел совсем близко, гудя и оставляя за собой запах озона. Оператор угощал меня местным вином, и мне, кажется, так и не удалось убедить этого веселого дядьку, что межпланетники не пьют ни капли. Утром за ракетой пришел транспортер. Железный Ян устроил мне страшный разнос за то, что я не катапультировался...

Или дипломный перелет Спу-16 Земля — Цифэй Луна, когда член экзаменационной комиссии старался сбить нас с толку и, давая вводные, кричал ужасным голосом: «Астероид третьей величины справа по курсу! Скорость сближения двадцать два!» Нас было шестеро дипломантов, и он надоел нам невыносимо — только Ив, староста, все старался нас убедить, что людям следует прощать их маленькие слабости. Мы в принципе не возражали, но

слабости прощать не хотелось. Мы все считали, что перелет ерундовый, и никто не испугался, когда корабль вдруг лег в страшный вираж на четырехкратной перегрузке. Мы вскарабкались в рубку, где член комиссии делал вид, что убит перегрузкой, и вывели корабль из виража. Тогда член комиссии открыл один глаз и сказал: «Молодцы, межпланетники», и мы сразу простили ему его слабости, потому что до тех пор никто еще не называл нас серьезно межпланетниками, кроме мам и знакомых девушек. Но мамы и девушки всегда говорили: «Мой милый межпланетник», и вид у них был при этом такой, словно у них холодаеет внутри...»

«Тахмасиб» вдруг тряхнуло так сильно, что Жилин опрокинулся на спину и стукнулся затылком о стеллаж.

— Черт! — сказал Юрковский. — Все это, конечно, нетривиально, но, если корабль будет так рыскать, мы не сможем работать.

— Да уж, — сказал Дауге. Он прижал ладонь к правому глазу. — Какая уж тут работа...

По-видимому, по курсу корабля появлялось все больше крупных метеоритов, и суматошные команды противометеоритных локаторов на киберштурман все чаще бросали корабль из стороны в сторону.

— Неужели рой? — сказал Юрковский, цепляясь за нарамник перископа. — Бедная Варечка, она плохо переносит тряску.

— Ну и сидела бы дома, — злобно сказал Дауге. Правый глаз у него быстро заплыпал, он ощупывал его пальцами и издавал невнятные восклицания поплатышски. Он уже не сидел на корточках, он полулежал на полу, раздвинув для устойчивости ноги.

Жилин держался, упираясь руками в казенник и стеллаж. Пол вдруг провалился под ногами, затем подпрыгнул и больно ударил по пяткам. Дауге охнул, у Жилина подломились ноги. Хриплый бас Быкова проревел в микрофон:

— Бортинженер Жилин, в рубку! Пассажирам укрыться в амортизаторах!

Жилин шатающейся рысцой побежал к двери. За его спиной Дауге сказал:

— Как так в амортизаторы?

— Черта с два! — отозвался Юрковский.

Что-то с дребезгом покатилось по полу. Жилин выскочил в коридор. Начиналось приключение.

Корабль непрерывно мотало, словно щепку на вол-

нах. Жилин бежал по коридору и думал: этот мимо. И этот мимо. И вот этот тоже мимо, и все они мимо... За спиной вдруг раздалось пронзительное «поук-пш-ш-ш...». Он бросился спиной к стене и обернулся. В пустом коридоре, шагах в десяти от него, стояло плотное облако белого пара, совершенно такое, как бывает, когда лопается баллон с жидким гелием. Шипение быстро смолкло. По коридору потянуло ледяным холодом.

— Попал, гад, — сказал Жилин и оторвался от стены. Белое облако ползло за ним, медленно оседая.

В рубке было очень холодно. Жилин увидел блестящую радугой изморозь на стенах и на полу. Михаил Антонович с багровым затылком сидел за вычислителем и тянул на себя ленту записи. Быкова видно не было. Он был за кожухом реактора.

— Опять попало? — тоненьkim голосом крикнул штурман.

— Где, наконец, бортинженер? — прогудел Быков из-за кожуха.

— Я, — отозвался Жилин.

Он побежал через рубку, скользя по инею. Быков выскоцил ему навстречу, рыжие волосы его стояли дыбом.

— На контроль отражателя, — сказал он.

— Есть, — сказал Жилин.

— Штурман, есть просвет?

— Нет, Лешенька. Кругом одинаковая плотность. Вот ведь угораздило нас...

— Отключай отражатель. Буду выбираться на аварийных.

Михаил Антонович на вращающемся кресле торопливо повернулся к пульту управления позади себя. Он положил руку на клавиши и сказал:

— Можно было бы...

Он остановился. Лицо его перекосилось ужасом. Панель с клавишами управления изогнулась, снова выпрямилась и бесшумно соскользнула на пол. Жилин услышал вопль Михаила Антоновича и в смятении выскоцил из-за кожуха. На стене рубки, вцепившись в мягкую обивку, сидела полутораметровая марсианская ящерица Варечка, любимица Юрковского. Точный рисунок клавиш управления на ее боках начал бледнеть, но на страшной треугольной морде еще мигало красное изображение стоп-лампочки. Михаил Антонович глядел на разливанную Варечку, всхлипывал и держался за сердце.

— Пшила! — заорал Жилин.
Варечка метнулась куда-то и пропала.
— Убью! — прорычал Быков. — Жилин, на место, черт!
Жилин повернулся, и в этот момент в «Тахмасиб» попало по-настоящему.

Амальтея, «Джей-станция»

*Водовозы беседуют о голоде,
а инженер-гастроном стыдится своей кухни*

После ужина дядя Валнога пришел в зал отдыха и сказал, ни на кого не глядя:

— Мне нужна вода. Добровольцы есть?
— Есть, — сказал Козлов.

Потапов поднял голову от шахматной доски и тоже сказал:

— Есть.
— Конечно, есть, — сказал Костя Стеценко.
— А мне можно? — спросила Зойка Иванова.
— Можно, — сказал Валнога, уставясь в потолок. —

Так вы приходите.

— Сколько нужно воды? — спросил Козлов.
— Немного, — ответил дядя Валнога. — Тонн десять.
— Ладно, — сказал Козлов. — Мы сейчас.

Дядя Валнога вышел.

— Я тоже с вами, — сказал Грэгор.
— Ты лучше сиди и думай над своим ходом, — посоветовал Потапов. — Ход твой. Ты всегда думаешь по полчаса над каждым ходом.

— Ничего, — сказал Грэгор. — Я еще успею подумать.
— Галя, пойдем с нами, — позвал Стеценко.

Галя лежала в кресле перед магнитовидеофоном. Она лениво отзывалась:

— Пожалуй.
Она встала и сладко потянулась. Ей было двадцать восемь лет, она была высокая, смуглая и очень красивая. Самая красивая женщина на станции. Половина ребят на станции были влюблены в нее. Она заведовала астрометрической обсерваторией.

— Пошли, — сказал Козлов. Он застегнул пряжки на магнитных башмаках и пошел к двери.

Они отправились на склад и взяли там меховые куртки, электропилы и самоходную платформу.

Айсгротте — так называлось место, где станция брала воду для технических, гигиенических и продовольственных нужд. Амальтея, сплюснутый шар диаметром в сто тридцать километров, состоит из сплошного льда. Это обыкновенный водяной лед, совершенно такой же, как на Земле. И только на поверхности лед немного присыпан метеоритной пылью и каменными и железными обломками. О происхождении ледяной планетки никто не мог сказать ничего определенного. Одни — мало осведомленные в космогонии — считали, что Юпитер в оные времена содрал водяную оболочку с какой-нибудь неосторожно приблизившейся планеты. Другие были склонны относить образование Пятого спутника за счет конденсации водяных кристаллов. Третий уверяли, что Амальтея вообще не принадлежала к Солнечной системе, что она вышла из межзвездного пространства и была захвачена Юпитером. Но как бы то ни было, неограниченные запасы водяного льда под ногами — это большое удобство для «Джей-станции» на Амальтее.

Платформа проехала по коридору нижнего горизонта и остановилась перед широкими воротами айсгротте. Грегор соскочил с платформы, подошел к воротам и, близоруко взглядываясь, стал искать кнопку замка.

— Ниже, ниже, — сказал Потапов. — Филин слепой.

Грегор нашел кнопку, и ворота раздвинулись. Платформа въехала в айсгротте. Айсгротте был именно айсгротте — ледяной пещерой, тоннелем, вырубленным в сплошном льду. Три газосветные трубы освещали тоннель, но свет отражался от ледяных стен и потолка, дробился и искрился на неровностях, поэтому казалось, что айсгротте освещен многими люстрами...

Здесь не было магнитного поля, и ходить надо было осторожно. И здесь было необычайно холодно.

— Лед, — сказала Галя, оглядываясь. — Совсем как на Земле.

Зойка зябко поежилась, кутаясь в меховую куртку.

— Как в Антарктике, — пробормотала она.

— Я был в Антарктике, — объявил Грегор.

— И где только ты ни был! — сказал Потапов. —

Везде ты был!

— Взяли, ребята, — скомандовал Козлов.

Ребята взяли электропилы, подошли к дальней стене и стали выпиливать брусья льда. Пилы шли в лед, как горячие ножи в масло. В воздухе засверкали ледяные опилки. Зойка и Галя подошли ближе.

— Дай мне, — попросила Зойка, глядя в согнутую спину Козлова.

— Не дам, — сказал Козлов, не оборачиваясь. — Глаза повредишь.

— Совсем как снег на Земле, — заметила Гая, подставляя ладонь под струю льдинок.

— Ну, этого добра везде много, — сказал Потапов. — Например, на Ганимеде сколько хочешь снегу.

— Я был на Ганимеде, — объявил Грэгор.

— С ума сойти можно, — сказал Потапов. Он выключил свою пилу и отвалил от стены огромный ледяной куб. — Вот так.

— Разрежь на части, — посоветовал Стеценко.

— Не режь, — сказал Козлов. Он тоже выключил пилу и отвалил от стены глыбу льда. — Наоборот... — Он с усилием пихнул глыбу, и она медленно поплыла к выходу из тоннеля. — Наоборот, Валноге удобнее, когда брусья крупные.

— Лед, — сказала Гая. — Совсем как на Земле. Я теперь буду всегда ходить сюда после работы.

— Вы очень скучаете по Земле? — робко спросила Зойка. Зойка была на десять лет моложе Гали, работала лаборанткой на астрометрической обсерватории и робела перед своей заведующей.

— Очень, — ответила Гая. — И вообще по Земле, Зоенька, и так хочется посидеть на траве, походить вечером по парку, потанцевать... Не наши воздушные танцы, а обычновенный вальс. И пить из нормальных бокалов, а не из дурацких груш. И носить платье, а не брюки. Я ужасно соскучилась по обычновенной юбке.

— Я тоже, — сказал Потапов.

— Юбка — это да, — сказал Козлов.

— Трепачи, — возразила Гая. — Мальчишки.

Она подобрала осколок льда и кинула в Потапова. Потапов подпрыгнул, ударился спиной в потолок и отлетел на Стеценко.

— Тише ты, — сердито сказал Стеценко. — Под пилу угодишь.

— Ну, довольно, наверное, — сказал Козлов. Он отвалил от стены третий брус. — Грузи, ребята.

Они погрузили лед на платформу, затем Потапов неожиданно схватил одной рукой Галю, другой рукой Зойку и забросил обеих на штабель ледяных брусьев. Зойка испуганно взвизгнула и ухватилась за Галю. Гая засмеялась.

— Поехали! — заорал Потапов. — Сейчас Валнога даст вам премию — по миске хлорелловой похлебки на нос.

— Я бы не отказался, — проворчал Козлов.

— Ты и раньше не отказывался, — заметил Стеценко. — А уж теперь, когда у нас голод...

Платформа выехала из айсгротте, и Грегор задвинул ворота.

— Разве это голод? — сказала Зойка с вершины ледяной кучи. — Вот я недавно читала книгу о войне с фашистами — вот там был действительно голод. В Ленинграде, во время блокады.

— Я был в Ленинграде, — объявил Грегор.

— Мы едим шоколад, — продолжала Зойка, — а там выдавали по полтораста граммов хлеба на день. И какого хлеба! Наполовину из опилок.

— Так уж и из опилок, — усомнился Стеценко.

— Представь себе, именно из опилок.

— Шоколад шоколадом, — сказал Козлов, — а нам туту будет, если не прибудет «Тахмасиб».

Он нес электропилу на плече, как ружье.

— Прибудет, — уверенно сказала Галя. Она спрыгнула с платформы, и Стеценко торопливо подхватил ее. — Спасибо, Костя. Обязательно прибудет, мальчики.

— Все-таки я думаю, надо предложить начальнику уменьшить суточные порции, — сказал Козлов. — Хотя бы только для мужчин.

— Чепуха какая, — сказала Зойка. — Я читала, что женщины гораздо лучше переносят голод, чем мужчины.

Они шли по коридору вслед за медленно движущейся платформой.

— Так то женщины, — сказал Потапов. — А то дети.

— Железное остроумие, — сказала Зойка. — Прямо чугунное.

— Нет, правда, ребята, — сказал Козлов. — Если Быков не прибудет завтра, надо собрать всех и спросить согласия на сокращение порций.

— Что ж, — согласился Стеценко. — Я полагаю, никто не будет возражать.

— Я не буду возражать, — объявил Грегор.

— Вот и хорошо, — сказал Потапов. — А я уж думал, как быть, если ты вдруг будешь возражать.

— Привет водовозам! — крикнул астрономик Никольский, проходя мимо.

Галя сердито заметила:

— Не понимаю, как можно так откровенно заботиться только о своем брюхе, словно «Тахмасиб» — автомат и на нем нет ни одного живого человека.

Даже Потапов покраснел и не нашелся что сказать. Остаток пути до камбуза прошли молча. В камбузе дядя Валнога сидел понурившись возле огромной ионообменной установки для очистки воды. Платформа остановилась у входа в камбуз.

— Сгружайте, — сказал дядя Валнога, глядя в пол. В камбузе было непривычно тихо, прохладно и ничем не пахло. Дядя Валнога мучительно переживал это запустение.

В молчании ледяные брусья были отгружены с платформы и заложены в отверстую пасть водоочистителя.

— Спасибо, — сказал дядя Валнога, не поднимая головы.

— Пожалуйста, дядя Валнога, — сказал Козлов. — Пошли, ребята.

Они молча отправились на склад, затем молча вернулись в зал отдыха. Галия взяла книжку и улеглась в кресло перед магнитовидеофоном. Стеценко нерешительно потоптался возле нее, поглядел на Козлова и Зойку, которые снова уселись за стол для занятий (Зойка училась заочно в энергетическом институте, и Козлов помогал ей), вздохнул и побрел в свою комнату. Потапов сказал Грегору:

— Ходи. Твой ход.

Глава вторая. Люди над бездной

1. Капитан сообщает неприятную новость, а бортинженер не боится

Видимо, крупный метеорит угодил в отражатель, симметрия распределения силы тяги по поверхности параболоида мгновенно нарушилась, и «Тахмасиб» закрутило колесом. В рубке один только капитан Быков не потерял сознания. Правда, он сильно ударился обо что-то головой, потом боком и некоторое время совсем не мог дышать, но ему удалось вцепиться руками и ногами в кресло, на которое бросил первый толчок, и он цеплялся, тянулся, карабкался до тех пор, пока в конце концов не дотянулся до панели управления. Все крутилось вокруг него с необыкновенной быстротой. Откуда-то сверху вывалился Жилин и пролетел мимо, растопы-

рив руки и ноги. Быкову показалось, что в Жилине не осталось ничего живого. Он пригнулся голову к панели управления и, старательно прицелившись, ткнул пальцем в нужную клавишу.

Киберштурман включил аварийные водородные двигатели, и Быков ощутил толчок, словно поезд остановился на полном ходу, только гораздо сильнее. Быков ожидал этого и изо всех сил упирался ногами в стойку пульта, поэтому из кресла не вылетел. У него только потемнело в глазах, и рот наполнился крошкой отбитой с зубов эмали. «Тахмасиб» выровнялся. Тогда Быков повел корабль напролом сквозь облако каменного и железного щебня. На экране следящей системы бились голубые всплески. Их было много, очень много, но корабль больше не рыскал — противометеоритное устройство было отключено и не влияло на киберштурмана. Сквозь шум в ушах Быков несколько раз услышал пронзительное «поук-пш-ш-ш», и каждый раз его обдавало ледяным паром, и он втягивал голову в плечи и пригибался к самому пульту. Один раз что-то лопнуло, разлетаясь, за его спиной. Потом сигналов на экране стало меньше, потом еще меньше и, наконец, не стало совсем. Метеоритная атака окончилась.

Тогда Быков поглядел на курсограф. «Тахмасиб» падал. «Тахмасиб» шел через экзосферу Юпитера, и скорость его была намного меньше круговой, и он падал по суживающейся спирали. Он потерял скорость во время метеоритной атаки. При метеоритной атаке корабль, уклоняясь от курса, всегда теряет скорость. Так бывает в поясе астероидов во время обыденных рейсов Юпитер — Марс или Юпитер — Земля. Но там это не опасно. Здесь, над Джупом, потеря скорости означала верную смерть. Корабль сгорит, врезавшись в плотные слои атмосферы чудовищной планеты, — так было десять лет назад с Полем Данже. А если не сгорит, то провалится в водородную бездну, откуда нет возврата, — так случилось, вероятно, с Сергеем Петрушевским в начале этого года.

Вырваться можно было бы только на фотонном двигателе. Совершенно машинально Быков нажал рифленую клавишу стартера. Но ни одна лампочка не зажглась на панели управления. Отражатель был поврежден, и аварийный автомат блокировал неразумный приказ. «Это конец», — подумал Быков. Он аккуратно развернул корабль и включил на полную мощность аварийные двигатели. Пятикратная перегрузка вдавила его в кресло. Это

было единственное, что он мог сейчас сделать, — сократить скорость падения корабля до минимума, чтобы не дать ему сгореть в атмосфере. Тридцать секунд он сидел неподвижно, уставясь на свои руки, быстро отекавшие от перегрузки. Потом он уменьшил подачу горючего, и перегрузка пропала. Аварийные двигатели будут понемногу тормозить падение — пока хватит горючего. А горючего немного. Еще никого и никогда аварийные ракеты не спасали над Юпитером. Над Марсом, над Меркурием, над Землей — может быть, но не над планетой-гигантом.

Быков тяжело поднялся и заглянул через пульт. На полу, среди пластмассовых осколков, лежал животом вверх штурман Михаил Антонович Крутиков.

— Миша, — позвал Быков почему-то шепотом. — Ты жив, Миша?

Послыпался скребущий звук, и из-за кожуха реактора выполз на четвереньках Жилин. Жилин тоже плохо выглядел. Он задумчиво поглядел на капитана, на штурмана, на потолок и сел, поджав ноги.

Быков выбрался из-за пульта и опустился рядом со штурманом на корточки, с трудом согнув ноги в коленях. Он потрогал штурмана за плечо и снова позвал:

— Ты жив, Миша?

Лицо Михаила Антоновича сморщилось, и он, не открывая глаз, облизнул губы.

— Лещенька, — сказал он слабым голосом.

— У тебя болит что-нибудь? — спросил Быков и принялся ощупывать штурмана.

— О! — сказал штурман и широко раскрыл глаза.

— А здесь?

— У! — сказал штурман болезненным голосом.

— А здесь?

— Ой, не надо! — сказал штурман и сел, упираясь руками в пол. Голова его склонилась к плечу. — А где Ванюша? — спросил он.

Быков оглянулся. Жилина не было.

— Ваня, — негромко окликнул Быков.

— Здесь, — отозвался Жилин из-за кожуха. Было слышно, как он уронил что-то и шепотом чертыкается.

— Иван жив, — сообщил Быков штурману.

— Ну и слава богу, — сказал Михаил Антонович и, ухватившись за плечо капитана, поднялся на ноги.

— Ты как, Миша? — спросил Быков. — В состоянии?

— В состоянии, — неуверенно сказал штурман, дер-

жась за него. — Кажется, в состоянии. — Он посмотрел на Быкова удивленными глазами и сказал: — До чего же живуч человек, Лешенька... Ох, до чего живуч!

— Н-да, — сказал Быков неопределенно. — Живуч. Слушай, Михаил... — Он помолчал. — Дела наши нехороши. Мы, брат, падаем. Если ты в состоянии, садись и посчитай, как и что. Вычислитель, по-моему, уцелел. — Он посмотрел на вычислитель. — Впрочем, посмотри сам.

Глаза Михаила Антоновича стали совсем круглыми.

— Падаем? — сказал он. — Ах, вот как! Падаем. На Юпитер падаем?

Быков молча кивнул.

— Ай-яй-яй! — сказал Михаил Антонович. — Надо же! Хорошо. Сейчас. Я сейчас.

Он постоял немного, морщась и ворочая шеей, потом отпустил капитана и, ухватившись за край пульта, заковылял к своему месту.

— Сейчас посчитаю, — бормотал он. — Сейчас.

Быков смотрел, как он, держась за бок, усаживается в кресло и устраивается поудобнее. Кресло было заметно перекошено. Устроившись, Михаил Антонович вдруг испуганно посмотрел на Быкова и спросил:

— Но ведь ты притормозил, Алеша? Ты затормозил?

Быков кивнул и пошел к Жилину, хрустя осколками на полу. На потолке он увидел небольшое черное пятно и еще одно у самой стены. Это были метеоритные пробоины, затянутые смолопластом. Вокруг пятен дрожали крупные капли осевшей влаги.

Жилин сидел по-турецки перед комбайном контроля отражателя. Кожух комбайна был расколот пополам. Внутренности комбайна выглядели неутешительно.

— Что у тебя? — спросил Быков. Он видел что.

Жилин поднял опухшее лицо.

— Подробностей я еще не знаю, — ответил он. — Но ясно, что вдребезги.

Быков присел рядом.

— Одно метеоритное попадание, — сказал Жилин. — И два раза я въехал сюда сам. — Он показал пальцем, куда он въехал, но это было и так видно. — Один раз в самом начале ногами и потом в самом конце головой.

— Да, — сказал Быков. — Этого никакой механизм не выдержит. Ставь запасной комплект. И вот что. Мы падаем.

— Я слышал, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Собственно, — произнес Быков задумчиво, — что толку в контрольном комбайне, если разбит отражатель?

— А может быть, не разбит? — сказал Жилин.

Быков поглядел на него, усмехаясь.

— Такая карусель, — сказал он, — может объясняться только двумя причинами. Или — или. Или почему-то выскочила из фокуса точка сгорания плазмы, или откололся большой кусок отражателя. Я думаю, что разбит отражатель, потому что бога нет и точку сгорания перемещать некому. Но ты все-таки валий. Ставь запасной комплект. — Он поднялся и, задрав голову, осмотрел потолок. — Надо еще хорошенъко закрепить пробоины. Там внизу большое давление. Смолопласт выдавит. Ну, это я сам. — Он повернулся, чтобы идти, но остановился и спросил негромко: — Не боишься, малек?

В Школе мальками называли первокурсников и вообще младших.

— Нет, — сказал Жилин.

— Хорошо. Работай, — сказал Быков. — Пойду осмотрю корабль. Надо еще пассажиров из амортизаторов вынуть.

Жилин промолчал. Он проводил взглядом широкую сутулую спину капитана и вдруг совсем рядом увидел Варечку. Варечка стояла столбиком и медленно мигала выпуклыми глазами. Она была вся синяя в белую крапинку, и шипы у нее на морде страшно щетинились. Это означало, что Варечка очень раздражена и чувствует себя нехорошо. Жилин уже видел ее однажды в таком состоянии. Это было на ракетодроме Мирза-Чарле месяц назад, когда Юрковский много говорил об удивительной приспособляемости марсианских ящериц и в доказательство окунал Варечку в ванну с кипятком.

Варечка судорожно разинула и снова закрыла огромную серую пасть.

— Ну что? — негромко спросил Жилин.

С потолка сорвалась крупная капля и — тик! — упала на расколотый кожух комбайна. Жилин посмотрел на потолок. Там, внизу, большое давление. «Да, — подумал он, — там давление в десятки и сотни тысяч атмосфер. Смолопластовые пробки, конечно, выдавит».

Варечка шевельнулась и снова разинула пасть. Жилин пошарил в кармане, нашел галету и бросил ее в разинутую пасть. Варечка медленно глотнула и уставилась на него стеклянными глазами. Жилин вздохнул.

— Эх ты, бедолага, — сказал он тихо.

*2. Планетологи виновато молчат,
а радиооптик поет песенку про ласточек*

Когда «Тахмасиб» перестал кувыркаться, Дауге отцепился от казенника и выволок бесчувственное тело Юрковского из-под обломков аппаратуры. Он не успел заметить, что разбито и что уцелело, заметил только, что разбито многое. Стеллаж с обоймами перекосило, и обоймы вывалились на приборную панель радиотелескопа. В обсерваторном отсеке было жарко и сильно пахло горелым.

Дауге отдался сравнительно легко. Он сразу же мертвый хваткой ухватился за казенник, и у него только кровь выступила под ногтями и сильно болела голова. Юрковский был бледен, и веки у него были сиреневые. Дауге подул ему в лицо, потряс за плечи, похлопал по щекам. Голова Юрковского бессильно болталась, и в себя он не приходил. Тогда Дауге поволок его в медицинский отсек. В коридоре оказалось страшно холодно, на стенах искрился иней. Дауге положил голову Юрковского к себе на колени, наскреб со стены немного инея и приложил холодные мокрые пальцы к его вискам. В этот момент его застала перегрузка — когда Быков начал тормозить «Тахмасиб». Тогда Дауге лег на спину, но ему стало так плохо, что он перевернулся на живот и стал водить лицом по заиндевевшему полу. Когда перегрузка кончилась, Дауге полежал еще немного, затем поднялся и, взяв Юрковского под мышки, пятясь, поволок дальше. Но он сразу понял, что до медотсека ему не добраться, поэтому затащил Юрковского в кают-компанию, взвалил его на диван и сел рядом, сопя и отдуваясь. Юрковский страшно хрипел.

Отдохнув, Дауге поднялся и подошел к буфету. Он взял графин с водой и стал пить прямо из горлышка. Вода побежала по подбородку, по горлу, потекла за воротник, и это было очень приятно. Он вернулся к Юрковскому и побрызгал из графина ему на лицо. Потом он поставил графин на пол и расстегнул на Юрковском куртку. Он увидел странный ветвистый рисунок на коже, бегущий через грудь от плеча до плеча. Рисунок был похож на силуэт каких-то диковинных водорослей — темно-багровый на смуглой коже. Некоторое время Дауге тупо разглядывал странный рисунок, а затем вдруг сообразил, что это след сильного электрического удара. Видимо, Юрковский упал на обнаженные контакты под

высоким напряжением. Вся измерительная аппаратура планетологов работала под высоким напряжением. Дауге побежал в медицинский отсек.

Он сделал четыре инъекции, и только тогда Юрковский открыл наконец глаза. Глаза были тусклые и смотрели довольно бессмысленно, но Дауге очень обрадовался.

— Фу ты, черт, Владимир, — сказал он с облегчением, — я уж думал, что дело совсем плохо. Ну как ты, встать можешь?

Юрковский пошевелил губами, открыл рот и захрипел. Глаза его приобрели осмысленное выражение, брови сдвинулись.

— Ладно, ладно, лежи, — сказал Дауге. — Тебе надо немножко полежать.

Он оглянулся и увидел в дверях Шарля Моллара. Моллар стоял, держась за косяк, и слегка покачивался. Лицо у него было красное, распухшее, и он был весь мокрый и обвешан какими-то белыми сосульками. Дауге даже показалось, что от него идет пар. Несколько минут Моллар молчал, переводя печальный взгляд с Дауге на Юрковского, а планетологи озадаченно глядели на него. Юрковский перестал хрипеть. Потом Моллар сильно качнулся вперед, перешагнул через комингс и, быстро семеня ногами, подобрался к ближайшему креслу. У него был мокрый и несчастный вид, и, когда он сел, по каюте прошла волна вкусного запаха вареного мяса. Дауге пошевелил носом.

— Это суп? — осведомился он.

— Ош, monsieur, — печально сказал Моллар. — Вьермишель.

— И как суп? — спросил Дауге. — Хорошё-о?

— Хорошё-о, — сказал Моллар и стал собирать с себя вермишель.

— Я очень люблю суп, — пояснил Дауге. — И всегда интересуюсь как.

Моллар вздохнул и улыбнулся.

— Больше нет суп, — сказал он. — Это биль очень горячий суп. Но это биль уже не кипяток.

— Боже мой! — сказал Дауге и все-таки захохотал.

Моллар тоже засмеялся.

— Да! — закричал он. — Это биль очень забавно, но очень неудобно, и суп пропал весь.

Юрковский захрипел. Лицо его перекосилось и налилось кровью. Дауге встревоженно повернулся к нему.

— Вольдемар сильно ушибся? — спросил Моллар. Вытянув шею, он с опасливым любопытством глядел на Юрковского.

— Вольдемара ударило током, — сказал Дауге. Он больше не улыбался.

— Но что произошло? — сказал Моллар. — Било так неудобно...

Юрковский перестал хрипеть, сел и, страшно оскальясь, стал копаться в нагрудном кармане куртки.

— Что с тобой, Володька? — растерянно спросил Дауге.

— Вольдемар не может говорить, — тихо сказал Моллар.

Юрковский торопливо закивал, вытащил авторучку и блокнот и стал писать, дергая головой.

— Ты успокойся, Володя, — пробормотал Дауге. — Это немедленно пройдет.

— Это пройдет, — подтвердил Моллар. — Со мною тоже было так. Биль очень большой ток, и потом все прошло.

Юрковский отдал блокнот Дауге, снова лег и прикрыл глаза.

— «Говорить не могу», — с трудом разобрал Дауге. — Ты не волнуйся, Володя, это пройдет.

Юрковский нетерпеливо дернулся.

— Так. Сейчас. «Как Алексей и пилоты? Как корабль?» Не знаю, — растерянно сказал Дауге и поглядел на люк в рубку. — Фу, черт, я обо всем забыл.

Юрковский мотнул головой и тоже посмотрел на люк в рубку.

— Я узнаю, — сказал Моллар. — Я все сейчас буду познать.

Он встал с кресла, но люк распахнулся, и в кают-компанию шагнул капитан Быков, огромный, взъерошенный, с ненормально лиловым носом и иссиня-черным синяком над правой бровью. Он оглядел всех свирепыми маленькими глазками, подошел к столу, уперся в стол кулаками и сказал:

— Почему пассажиры не в амортизаторах?

Это было сказано негромко, но так, что Шарль Моллар сразу перестал радостно улыбаться. Наступила короткая тяжелая тишина, и Дауге неловко, кривовато усмехнулся и стал глядеть в сторону, а Юрковский снова прикрыл глаза. «А дела-то неважные», — подумал Юрковский. Он хорошо знал Быкова.

— Когда на этом корабле будет дисциплина? — сказал Быков.

Пассажиры молчали.

— Мальчишки, — сказал Быков с отвращением и сел. — Бедлам. Что с вами, мсье Моллар? — спросил он устало.

— Это суп, — с готовностью сказал Моллар. — Я немедленно пойду почиститься.

— Подождите, мсье Моллар, — сказал Быков.

— Кх... де мы? — прохрипел Юрковский.

— Падаем, — коротко сказал Быков.

Юрковский вздрогнул и поднялся.

— Кх... уда? — спросил он. Он ждал этого, но все-таки вздрогнул.

— В Юпитер, — сказал Быков. Он не смотрел на планетологов. Он смотрел на Моллара. Ему было очень жалко Моллара. Моллар был в первом своем настоящем космическом рейсе, и его очень ждали на Амальтее. Моллар был замечательным радиооптиком.

— О, — сказал Моллар, — в Юпитер?

— Да. — Быков помолчал, ощупывая синяк на лбу. — Отражатель разбит. Контроль отражателя разбит. В корабле восемнадцать пробоин.

— Гореть будем? — быстро спросил Дауге.

— Пока не знаю. Михаил считает. Может быть, не сгорим.

Он замолчал. Моллар сказал:

— Пойду почиститься.

— Погодите, Шарль, — сказал Быков. — Товарищи, вы хорошо поняли, что я сказал? Мы падаем в Юпитер.

— Поняли, — сказал Дауге.

— Теперь мы будем падать в Юпитер всю нашу жизнь, — сказал Моллар.

Быков искоса глядел на него, не отрываясь.

— Хорошо ска-азано, — сказал Юрковский.

— C'est le mot¹, — сказал Моллар. Он улыбался. — Можно... Можно я все-таки пойду чистить себя?

— Да, идите, — медленно сказал Быков.

Моллар повернулся и пошел из кают-компании. Все глядели ему вслед. Они услышали, как в коридоре он запел слабым, но приятным голосом.

— Что он поет? — спросил Быков. Моллар никогда не пел раньше.

¹ Хорошо сказано (фр.).

Дауге прислушался и стал переводить:

— «Две ласточки целуются за окном моего звездолета. В пустоте-те-те-те. И как их туда занесло. Они очень любили друг друга и сиганули туда полюбоваться на звезды. Тра-ля-ля. И какое вам дело до них». Что-то в этом роде.

— Тра-ля-ля, — задумчиво сказал Быков. — Здорово.

— Т-ты п-пе-ереводишь, к-как ЛИАНТО, — сказал Юрковский. — «С-сиганули» — ш-шедевр.

Быков поглядел на него с изумлением.

— Ты что это, Владимир? — спросил он. — Что с тобой?

— З-заика н-на-а всю жизнь, — ответил Юрковский, усмехаясь.

— Его ударило током, — сказал тихо Дауге.

Быков пожевал губами.

— Ничего, — сказал он. — Не мы первые. Бывало и похуже.

Он знал, что хуже еще никогда не бывало. Ни с ним, ни с планетологами.

Из полуоткрытого люка раздался голос Михаила Антоновича:

— Алешенька, готово!

— Поди сюда, — сказал Быков.

Михаил Антонович, толстый и исцарапанный, ввалился в кают-компанию. Он был без рубашки и лоснился от пота.

— Ух, как тут у вас холодно! — сказал он, обхватывая толстую грудь короткими пухлыми ручками. — А в рубке ужасно жарко.

— Давай, Михаил, — нетерпеливо сказал Быков.

— А что с Володенькой? — испуганно спросил штурман.

— Давай, давай, — повторил Быков. — Током его ударило.

— А где Шарль? — спросил штурман, усаживаясь.

— Шарль жив и здоров, — ответил Быков, сдерживаясь. — Все живы и здоровы. Начинай.

— Ну и слава богу, — сказал штурман. — Так вот, мальчики. Я здесь немножко посчитал, и получается вот какая картина. «Тахмасиб» падает, и горючего, чтобы вырваться, нам не хватит.

— Ясно даже и ежу, — сказал Юрковский.

— Не хватит. Вырваться можно только на фотореакторе, но у нас, кажется, разбит отражатель. А вот на

торможение горючего хватит. Вот я рассчитал программу. Если общепринятая теория строения Юпитера верна, мы не сгорим.

Дауге хотел сказать, что общепринятой теории строения Юпитера не существует и никогда не существовало, но промолчал.

— Мы уже сейчас хорошо тормозимся, — продолжал Михаил Антонович. — Так что, по-моему, провалимся мы благополучно. А больше сделать ничего нельзя, мальчики. — Михаил Антонович виновато улыбнулся. — Если, конечно, мы не исправим отражатель.

— На Юпитере нет ремонтных станций. Это следует из всех теорий Юпитера. — Быкову хотелось, чтобы они все-таки поняли. До конца поняли. Ему все еще казалось, что они не понимают.

— Какую теорию строения ты считаешь общепринятой? — спросил Дауге.

Михаил Антонович пожал плечиком.

— Теорию Кангрена, — сказал он.

Быков выжидающе уставился на планетологов.

— Ну что ж, — сказал Дауге. — Можно и Кангрена. Юрковский молчал, глядя в потолок.

— Слушайте, планетологи, — не выдержал Быков, — специалисты. Что будет там, внизу? Вы можете нам это сказать?

— Да, конечно, — сказал Дауге. — Это мы тебе скоро скажем.

— Когда? — Быков оживился.

— Когда будем там, внизу, — сказал Дауге. Он засмеялся.

— Планетологи, — сказал Быков. — Спе-ци-а-лис-ты.

— Н-надо рассчитать, — сказал Юрковский, глядя в потолок. Он говорил медленно и почти не заикался. — Пусть М-михаил рассчитает, на какой глубине к-корабль перестанет проваливаться и п-повиснет.

— Интересно, — сказал Михаил Антонович.

— П-по Кангрену давление в Юпитере р-растет бы-стро. П-подсчитай, Михаил, и выясни г-глубину погруже-ния, д-давление на этой глубине и силу т-тяжести.

— Да, — сказал Дауге. — Какое будет давление? Может быть, нас просто раздавит.

— Ну, не так это просто, — проворчал Быков. — Двести тысяч атмосфер мы выдержим. А фотонный реактор и корпуса ракет и того больше.

Юрковский сел, согнув ноги.

— Т-теория Кангрена не хуже других, — сказал он. — Она даст порядок величин. — Он посмотрел на штурмана. — М-мы могли бы п-подсчитать сами, но у тебя в-вычислитель.

— Ну, конечно, — сказал Михаил Антонович. — Ну о чем говорить? Конечно, мальчики.

Быков попросил:

— Михаил, давай сюда программу, я прогляжу, и вводи ее в киберштурман.

— Я уже ввел, Лешенька, — виновато ответил штурман.

— Ага, — сказал Быков. — Ну что ж, хорошо. — Он поднялся. — Так. Теперь все ясно. Нас, конечно, не раздавит, но назад мы уже не вернемся — давайте говорить прямо. Ну, не мы первые. Честно жили, честно и умрем. Я с Жилиным попробую что-нибудь сделать с отражателем, но это... так... — Он сморщился и покрутил распухшим носом. — Что намерены делать вы?

— Н-наблюдать, — жестко сказал Юрковский.

Дауге кивнул.

— Очень хорошо. — Быков поглядел на них исподлобья. — У меня к вам просьба. Присмотрите за Молларом.

— Да-да, — подтвердил Михаил Антонович.

— Он человек новый, и... бывают некрасивые вещи... вы знаете.

— Ладно, Леша, — сказал Дауге, бодро улыбаясь. — Будь спокоен.

— Вот так, — сказал Быков. — Ты, Миша, поди в рубку и сделай все расчеты, а я схожу в медчасть, помаскирую бок. Что-то я здорово расшибся.

Выходя, он услышал, как Дауге говорил Юрковскому:

— В известном смысле нам повезло, Володька. Мы кое-что увидим, чего никто не видел. Пойдем чиниться.

— П-пойдем, — сказал Юрковский.

«Ну, меня вы не обманете, — подумал Быков. — Вы все-таки еще не поняли. Вы все-таки еще верите. Вы думаете: Алексей вытащил нас из Черных Песков Голконды, Алексей вытащил нас из гнилых болот, он вытащит нас из водородной могилы. Дауге — тот наверняка так думает. А Алексей вытащит? А может быть, Алексей все-таки вытащит?»

В медицинском отсеке Моллар, дыша носом от боли, мазался жирной таниновой мазью. У него было красное лоснящееся лицо и красные лоснящиеся руки. Увидев

Быкова, он приветливо улыбнулся и громко запел про ласточек: он почти успокоился. Если бы он не запел про ласточек, Быков мог бы считать, что он успокоился по-настоящему. Но Моллар пел громко и старательно, время от времени шипя от боли.

*3. Бортинженер предается воспоминаниям,
а штурман советует не вспоминать*

Жилин ремонтировал комбайн контроля отражателя. В рубке было очень жарко и душно, по-видимому, система кондиционирования по кораблю была совершенно расстроена, но заниматься ею не было ни времени, ни, главное, желания. Сначала Жилин сбросил куртку, затем комбинезон и остался в трусах и сорочке. Варечка тут же устроилась в складках сброшенного комбинезона и вскоре исчезла — осталась только ее тень да иногда появлялись и сразу же исчезали большие выпуклые глаза.

Жилин одну за другой вытаскивал из исковерканного корпуса комбайна пластметалловые пластины печатных схем, прозванивал уцелевшие, откладывал в сторону расслoтые и заменял их запасными. Работал он методически, неторопливо, как на зачетной сборке, потому что спешить было некуда и потому что все это было, по-видимому, ни к чему. Он старался ни о чем не думать и только радовался, что очень хорошо помнит общую схему, что ему почти не приходится заглядывать в руководство, что расшибся он не так уж сильно и ссадины на голове подсохли и совсем не болят. За кожухом реактора жужжал вычислитель. Михаил Антонович шуршал бумагой и мурлыкал себе под нос что-то немузикальное. Михаил Антонович всегда мурлыкал себе под нос, когда работал.

«Интересно, над чем он работает сейчас? — подумал Жилин. — Может быть, просто старается отвлечься. Это очень хорошо — уметь отвлечься в такие минуты. Планетологи, наверное, тоже работают, сбрасывают бомбозонды. Так мне и не удалось увидеть, как взрывается очередь бомбозондов. И еще многое мне не удалось увидеть. Например, говорят, что очень хорош Юпитер с Амальтеи. И мне очень хотелось участвовать в межзвездной экспедиции или в какой-нибудь экспедиции Следопытов — ученых, которые ищут на других планетах следы пришельцев из других миров... Потом, говорят, что на «Джей-станциях» есть славные девушки, и хорошо было

бы с ними познакомиться, а потом рассказать об этом Пере Хунту, который получил распределение на лунные трассы и был этому рад, чудак. Забавно, Михаил Антонович фальшивит, словно нарочно. У него жена и двое детей... Нет, трое, и старшей дочке уже шестнадцать лет — он все обещал нас познакомить и каждый раз этак залихватски подмигивал, но познакомиться теперь уже не придется. Многое теперь уже не придется. Отец будет очень расстроен — ах, как нехорошо! Как это все нескладно получилось — в первом же самостоятельном рейсе! Хорошо, что я тогда поссорился с ней, — подумал вдруг Жилин. — Теперь все проще, а могло бы быть очень сложно. Вот Михаилу Антоновичу гораздо хуже, чем мне. И капитану хуже, чем мне. У капитана жена — очень красивая женщина, веселая и, кажется, умница. Она провожала его и ни о чем таком не думала, а может быть, и думала, но это было незаметно, но скорее всего, не думала, потому что уже привыкла. Человек ко всему может привыкнуть. Я, например, привык к перегрузкам, хотя сначала было очень плохо, и я думал даже, что меня переведут на факультет дистанционного управления. В Школе это называлось «отправиться к девочкам»: на факультете было много девушек, обыкновенных хороших девушек, с ними всегда было весело и интересно, но все-таки «отправиться к девочкам» считалось зазорным. Совершенно непонятно почему. Девушки шли работать на разные Спу и на станции и базы на других планетах и работали не хуже ребят. Иногда даже лучше. Все равно, — подумал Жилин, — очень хорошо, что мы тогда поссорились. Каково бы ей сейчас было!» Он вдруг бессмысленно уставился на треснувшую пластину печатной схемы, которую держал в руках.

«...Мы целовались в Большом Парке и потом на набережной под белыми статуями, и я провожал ее домой, и мы долго еще целовались в парадном, и по лестнице все время почему-то ходили люди, хотя было уже поздно. И она очень боялась, что вдруг пройдет мимо ее мама и спросит: «А что ты здесь делаешь, Валя, и кто этот молодой человек?» Это было летом, в белые ночи. И потом я приехал на зимние каникулы, и мы снова встретились, и все было, как раньше, только в парке лежал снег и голые сучья шевелились на низком сером небе. Поднимался ветер, нас заносило порошкой, мы совершенно закоченели и побежали греться в кафе на улице Межпланетников. Мы очень обрадовались, что там сов-

сем нет народу, сели у окна и смотрели, как по улице проносятся автомобили. Я поспорил, что знаю все марки автомобилей, и спорил: подошла великолепная привлекательная машина, и я не знал, что это такое. Я вышел узнать, и мне сказали, что это «Золотой Дракон», новый японский атомокар. Мы спорили на три желания. Тогда казалось, что это самое главное, что это будет всегда — и зимой, и летом, и на набережной под белыми статуями, и в Большом Парке, и в театре, где она была очень красивая в черном платье с белым воротником и все время толкала меня в бок, чтобы я не ходил слишком громко. Но однажды она не пришла, как мы договорились, и я по телефону условился снова, и она опять не пришла и перестала писать мне письма, когда я вернулся в Школу. Я все не верил и писал длинные письма, очень глупые, но тогда я еще не знал, что они глупые. А через год я увидел ее в нашем клубе. Она была с какой-то девчонкой и не узнала меня. Мне показалось тогда, что все пропало, но это прошло к концу пятого курса, и непонятно даже, почему это мне сейчас все вспомнилось. Наверное, потому, что теперь все равно. Я мог бы и не думать об этом, но раз уж все равно...»

Гулко хлопнул люк. Голос Быкова сказал:

— Ну что, Михаил?

— Заканчиваем первый виток, Алешенька. Упали на пятьсот километров.

— Так... — Было слышно, как по полу пнули пластмассовыми осколками. — Так, значит. Связи с Амальтеей, конечно, нет.

— Приемник молчит, — вздохнув, сказал Михаил Антонович. — Передатчик работает, но ведь здесь такие радиобури...

— Что твои расчеты?

— Я уже почти кончил, Алешенька. Получается так, что мы провалимся на шесть-семь метров и там повиснем. Будем плавать, как говорит Володя. Давление огромное, но нас не раздавит, это ясно. Только будет очень тяжело — там сила тяжести два — два с половиной «же».

— Угу, — сказал Быков. Он некоторое время молчал, затем сказал: — У тебя какая-нибудь идея есть?

— Что?

— Я говорю, у тебя какая-нибудь идея есть? Как отсюда выбраться?

— Что ты, Алешенька! — Штурман говорил ласково,

почти заискивающе. — Какие уж тут идеи! Это же Юпитер. Я как-то даже и не слыхал, чтобы отсюда... выбирались.

Наступило долгое молчание. Жилин снова принялся работать, быстро и бесшумно. Потом Михаил Антонович вдруг сказал:

— Ты не вспоминай о ней, Алешенька. Тут уж лучше не вспоминать, а то так гадко становится, право...

— А я и не вспоминаю, — сказал Быков неприятным голосом. — И тебе, штурман, не советую. Иван! — заорал он.

— Да? — откликнулся Жилин, заторопившись.

— Ты все возишься?

— Сейчас кончаю.

Было слышно, как капитан идет к нему, пиная пластмассовые осколки.

— Мусор, — бормотал он. — Кабак. Бедлам.

Он вышел из-за кожуха и опустился рядом с Жилиным на корточки.

— Сейчас кончаю, — повторил Жилин.

— А ты не торопишься, бортинженер, — сказал Быков сердито.

Он засопел и принялся вытаскивать из футляра запасные блоки. Жилин подвинулся немного, чтобы освободить ему место. Они оба были широкие и громадные, и им было немного тесно перед комбайном. Работали молча и быстро, и было слышно, как Михаил Антонович снова запустил вычислитель и замурлыкал.

Когда сборка окончилась, Быков позвал:

— Михаил, иди сюда.

Он выпрямился и вытер пот со лба. Потом отодвинул ногой груду битых пластин и включил общий контроль. На экране комбайна вспыхнула трехмерная схема отражателя. Изображение медленно поворачивалось.

— Ой-ёй-ёй, — сказал Михаил Антонович.

Тик-тик-тик — поползла из вывода голубая лента записи.

— А микропробоин мало, — негромко сказал Жилин.

— Что микропробоины, — сказал Быков и нагнулся к самому экрану. — Вот где главная-то сволочь.

Схема отражателя была окрашена в синий цвет. На синем белели рваные пятна. Это были места, где либо пробило слои мезовещества, либо разрушило систему контрольных ячеек. Белых пятен было много, а на краю отражателя они сливались в неровную белую кляксу,

занимавшую не менее восьмой части поверхности параболоида.

Михаил Антонович махнул рукой и вернулся к вычислителю.

— Петарды пускать таким отражателем, — пробормотал Жилин.

Он потянулся за комбинезоном, вытряхнул из него Варечку и принялся одеваться: в рубке снова стало холодно. Быков все еще стоял, глядел на экран и грыз ноготь. Потом он подобрал ленту и бегло просмотрел ее.

— Жилин, — сказал вдруг он. — Бери два сигматестера, проверь питание и ступай в кессон. Я буду тебя там ждать. Михаил, бросай все и займись креплением пробоин. Все бросай, я сказал.

— Куда ты собрался, Лешенька? — спросил Михаил Антонович с удивлением.

— Наружу, — коротко ответил Быков и вышел.

— Зачем? — спросил Михаил Антонович, повернувшись к Жилину.

Жилин пожал плечами. Он не знал зачем. Починить зеркало в Пространстве, в рейсе, без специалистов-мезохимиков, без огромных кристаллизаторов, без реакторных печей просто немыслимо. Так же немыслимо, как, например, притянуть Луну к Земле голыми руками. А в таком виде, в таком состоянии, как сейчас, с отбитым краем, отражатель мог придать «Гахмасибу» только вращательное движение. Такое же, как в момент катастрофы.

— Чепуха какая-то, — сказал Жилин нерешительно.

Он посмотрел на Михаила Антоновича, а Михаил Антонович посмотрел на него. Они молчали, и вдруг оба страшно заторопились. Михаил Антонович суетливо собрал свои листки и поспешно сказал:

— Ну, иди. Иди, Ванюша, ступай скорее.

В кессоне Быков и Жилин влезли в пустолазные скандры и с некоторым трудом втиснулись в лифт. Коробка лифта стремительно понеслась вниз вдоль гигантской трубы фотогенератора, на которую нанизывались все узлы корабля — от жилой гондолы до параболического отражателя.

— Хорошо, — сказал Быков.

— Что хорошо? — спросил Жилин.

Лифт остановился.

— Хорошо, что лифт работает, — ответил Быков.

— А, — разочарованно вздохнул Жилин.

— Мог бы и не работать, — строго сказал Быков. — Лез бы ты тогда двести метров туда и обратно.

Они вышли из шахты лифта и остановились на верхней площадке параболоида. Вниз покато уходил черный рубчатый купол отражателя. Отражатель был огромен — семьсот пятьдесят метров в длину и полкилометра в растворе. Края его не было видно отсюда. Над головой нависал громадный серебристый диск грузового отсека. По сторонам его, далеко вынесенные на кронштейнах, полыхали бесшумным голубым пламенем жерла водородных ракет. А вокруг странно мерцал необычайный и грозный мир.

Слева тянулась стена рыжего тумана. Далеко внизу, невообразимо глубоко под ногами, туман расслаивался на жирные тугие ряды облаков с темными прогалинами между ними. Еще дальше и еще глубже эти облака сливались в плотную коричневатую гладь. Справа стояло сплошное розовое марево, и Жилин вдруг увидел Солнце — ослепительный ярко-розовый маленький диск.

— Начали, — сказал Быков. Он сунул Жилину моток тонкого троса. — Закрепи в шахте, — сказал он.

На другом конце троса он сделал петлю и затянул ее вокруг пояса. Затем он повесил себе на шею оба тестера и перекинул ногу через перила.

— Вытравливай понемногу, — сказал он. — Я пошел.

Жилин стоял возле самых перил, вцепившись в трос обеими руками, и смотрел, как толстая неуклюжая фигура в блестящем панцире медленно сползает за выпускость купола. Панцирь отсвечивал розовым, и на черном рубчатом куполе тоже лежали неподвижные розовые блики.

— Живее вытравливай, — сказал в шлемофоне сердитый голос Быкова.

Фигура в панцире скрылась, и на рубчатой поверхности осталась только блестящая тугая нитка троса. Жилин стал смотреть на Солнце. Иногда розовый диск затягивала мгла, тогда он становился еще более резким и совсем красным. Жилин поглядел под ноги и увидел на площадке свою смутную розоватую тень.

— Гляди, Иван, — сказал голос Быкова. — Вниз гляди, вниз!

Жилин поглядел. Глубоко внизу из коричневой глади странным призраком выплыл исполинский белесый бугор, похожий на чудовищную поганку. Он медленно раздавался вширь, и можно было различить на его поверх-

ности шевелящийся, словно клубок змей, струйчатый узор.

— Экзосферный протуберанец, — сказал Быков. — Большая редкость, кажется. Вот черт, надо бы ребятам показать.

Он имел в виду планетологов. Бугор вдруг засветился изнутри дрожащим сиреневым светом.

— Ух ты!.. — невольно сказал Жилин.

— Вытравливай, — сказал Быков.

Жилин вытравил еще немного троса, не спуская глаз с протуберанца. Сначала ему показалось, что «Тахмасиб» летит прямо на протуберанец, но через минуту он понял, что корабль пройдет гораздо левее. Протуберанец оторвался от коричневой глади и поплыл в розовое марево, волоча за собой клейкий хвост желтых прозрачных нитей. В нитях опять вспыхнуло сиреневое зарево и быстро погасло. Протуберанец растаял в розовом свете.

Быков работал долго. Несколько раз он поднимался на площадку, немного отдыхал и снова спускался, каждый раз выбирая новое направление. Когда он поднялся в третий раз, у него был только один тестер.

— Уронил, — коротко сказал он.

Жилин терпеливо вытравливал трос, упираясь ногой в перила. В таком положении он чувствовал себя очень устойчиво и мог озираться по сторонам. Но по сторонам ничего не менялось. Только когда капитан поднялся в шестой раз и буркнул: «Довольно. Пошли», Жилин вдруг подумал, что рыжая туманная стена слева — облачная поверхность Юпитера — стала заметно ближе.

В рубке было чисто. Михаил Антонович вымел осколки и теперь сидел на своем обычном месте, нахолившись, в меховой куртке поверх комбинезона. Изо рта у него шел пар — в рубке было холодно. Быков сел в кресло, упер руки в колени и пристально поглядел сначала на штурмана, потом на Жилина. Штурман и Жилин ждали.

— Ты закрепил пробоины? — спросил Быков штурмана.

Михаил Антонович несколько раз кивнул.

— Есть шанс, — сказал Быков.

Михаил Антонович выпрямился и шумно перевел дух. Жилин глотнул от волнения.

— Есть шанс, — повторил Быков. — Но он очень маленький. И совершенно фантастический.

— Говори, Алешенька, — тихо попросил штурман.

— Сейчас скажу,— сказал Быков и прокашлялся. — Шестнадцать процентов отражателя вышли из строя. Вопрос такой: можем ли мы заставить работать остальные восемьдесят четыре? Даже меньше, чем восемьдесят четыре, потому что процентов десять еще не контролируется — разрушена система контрольных ячеек.

Штурман и Жилин молчали, вытянув шеи.

— Можем, — сказал Быков. — Во всяком случае, можем попробовать. Надо сместить точку сгорания плазмы так, чтобы скомпенсировать асимметрию поврежденного отражателя.

— Ясно,— сказал Жилин дрожащим голосом.

Быков поглядел на него.

— Это наш единственный шанс. Мы с Иваном займемся переориентацией магнитных ловушек. Иван вполне может работать. Ты, Миша, рассчитаешь нам новое положение точки сгорания в соответствии со схемой повреждения. Схему ты сейчас получишь. Это сумасшедшая работа, но это наш единственный шанс.

Он смотрел на штурмана, и Михаил Антонович поднял голову и встретился с ним глазами. Они отлично и сразу поняли друг друга. Что можно не успеть. Что там, внизу, в условиях чудовищного давления, коррозия начнет разъедать корпус корабля — и корабль может растаять, как рафинад в кипятке, раньше, чем они закончат работу. Что нечего и думать скомпенсировать асимметрию полностью. Что никто и никогда не пытался водить корабли с такой компенсацией, на двигателе, ослабленном по меньшей мере в полтора раза...

— Это наш единственный шанс, — громко сказал Быков.

— Я сделаю, Лешенька, — сказал Михаил Антонович. — Это нетрудно — рассчитать новую точку. Я сделаю.

— Схему мертвых участков я тебе сейчас дам, — повторил Быков. — И нам надо страшно спешить. Скоро начнется перегрузка, и будет очень трудно работать. А если мы провалимся очень глубоко, станет опасно включать двигатель, потому что возможна цепная реакция в сжатом водороде. — Он подумал и добавил: — И мы превратимся в газ.

— Ясно,— сказал Жилин. Ему хотелось начать сию же минуту, немедленно.

Михаил Антонович протянул руку с коротенькими пальцами и сказал тонким голосом:

— Схему, Лешенька, схему.

На панели аварийного пульта замигали три красных огонька.

— Ну вот,— сказал Михаил Антонович. — В аварийных ракетах кончается горючее.

— Наплевать,— сказал Быков и встал.

Глава третья. Люди в бездне

*1. Планетологи забавляются,
а штурман уличен в контрабанде*

— З-заряжай,— сказал Юрковский.

Он висел у перископа, втиснув лицо в замшевый нарамник. Он висел горизонтально, животом вниз, растопырив ноги и локти, и рядом плавали в воздухе толстый дневник наблюдений и авторучка. Моллар лихо откатил крышку казенника, вытянул из стеллажа обойму бомбозондов и, подталкивая ее сверху и снизу, с трудом загнал в прямоугольную щель зарядной камеры. Обойма медленно и бесшумно скользнула на место. Моллар накатил крышку, щелкнул замком и сказал:

— Готов, Вольдемар.

Моллар прекрасно держался в условиях невесомости. Правда, иногда он делал резкие неосторожные движения и повисал под потолком, и тогда приходилось стаскивать его обратно, и его иногда подтаскивало, но для новичка, впервые попавшего в невесомость, он держался очень хорошо.

— Готов,— сказал Дауге от экзосферного спектрографа.

— З-залп,— скомандовал Юрковский.

Дауге нажал на спуск. Ду-ду-ду-ду — глухо заурчало в казеннике. И сейчас же — тик-тик-тик — затрещал затвор спектрографа. Юрковский увидел в перископ, как в оранжевом тумане, сквозь который теперь проваливался «Тахмасиб», один за другим вспыхивали и стремительно уносились вверх белые клубки пламени. Двадцать вспышек, двадцать лопнувших бомбозондов, несущих мезонные излучатели.

— С-славно, — сказал Юрковский негромко.

За бортом росло давление. Бомбозонды рвались все ближе. Они слишком быстро тормозились.

Дауге громко говорил в диктофон, заглядывая в отсчетное устройство спектроанализатора:

— Молекулярный водород — восемьдесят один и тридцать пять, гелий — семь и одиннадцать, метан — четыре и шестнадцать, аммиак — один иль один... Усиливается неотождествленная линия... Говорил я им: поставьте считывающий автомат, неудобно же так...

— П-падаем, — сказал Юрковский. — Как мы п-падаем... М-метана уже только ч-четыре...

Дауге, ловко поворачиваясь, снимал отсчеты с приборов.

— Пока Кантрен прав, — сказал он. — Ну вот, батиметр уже отказал. Давление триста атмосфер. Больше нам давление не мерять.

— Ладно, — сказал Юрковский. — З-заряжай.

— Стоит ли? — сказал Дауге. — Батиметр отказал. Синхронизация будет нарушена.

— Д-давай попробуем, — сказал Юрковский. — З-заряжай.

Он оглянулся на Моллара. Моллар тихонько раскачивался под потолком, грустно улыбаясь.

— Стащи его, Григорий, — сказал Юрковский.

Дауге привстал, схватил Моллара за ногу и стащил вниз.

— Шарль, — сказал он терпеливо. — Не делайте порывистых движений. Зацепитесь носками вот здесь и держитесь.

Моллар тяжко вздохнул и откатил крышку казенника. Пустая обойма выплыла из зарядной камеры, стукнула его в грудь и медленно полетела к Юрковскому. Юрковский увернулся.

— О, опять! — сказал Моллар виновато. — Простите, Володья. О, этот невесомость!

— З-заряжай, заряжай, — сказал Юрковский.

— Солнце, — сказал вдруг Дауге.

Юрковский припал к перископу. В оранжевом тумане на несколько секунд появился смутный красноватый диск.

— Это последний раз, — сказал Дауге, кашлянув.

— Ви уже три раза говорили «последний раз», — сказал Моллар, накатывая крышку. Он нагнулся, проверяя замок. — Прощай, Солнце, как говорил капитан Немо. Но получилось, что не последний раз. Я готов, Вольдемар.

— И я готов, — сказал Дауге. — Может быть, все-таки кончим?

В обсерваторный отсек, лязгая по полу магнитными подковами, вошел Быков.

— Кончайте работу, — сказал он угрюмо.

— По-почему? — спросил Юрковский, обернувшись.

— Большое давление за бортом. Еще полчаса, и ваши бомбы будут рваться в этом отсеке.

— З-заш, — торопливо сказал Юрковский.

Дауге поколебался немного, но все-таки нажал на спуск. Быков дослушал «ду-ду-ду» в казеннике и сказал:

— И хватит. Задраить все тестерные пазы. Эту штуку, — он показал на казенник, — заклинить. И как следует.

— А п-перископ-ические н-наблюдения в-вести нам еще разрешается? — спросил Юрковский.

— Перископические разрешается, — сказал Быков. — Забавляйтесь.

Он повернулся и вышел. Дауге сказал:

— Ну вот, так и знал. Ни черта не получилось. Синхронизации нет.

Он выключил приборы и стал вытаскивать катушку из диктофона.

— Иог-ганыч, — сказал Юрковский. — П-по-моему, Алексей что-то з-задумал, к-как ты думаешь?

— Не знаю, — сказал Дауге и посмотрел на него. — С чего ты взял?

— У н-него т-такая особенная морда, — сказал Юрковский. — Я его з-знаю.

Некоторое время все молчали, только глубоко вздыхал Моллар, которого подташнивало. Потом Дауге сказал:

— Я хочу есть. Где суп, Шарль? Вы разлили суп, мы голодны. А кто сегодня дежурный, Шарль?

— Я, — сказал Шарль. При мысли о еде его затошило сильнее. Но он сказал: — Я пойду и приготовлю новый суп.

— Солнце! — сказал Юрковский.

Дауге прижался подбитым глазом к окуляру видеокамеры.

— Вот видите, — сказал Моллар. — Опять Солнце.

— Это не Солнце, — сказал Дауге.

— Д-да, — сказал Юрковский. — Это, п-пожалуй, н-не Солнце.

Далекий клубок света в светло-коричневой мгле бледнел, разбухая, расплылся серыми пятнами и исчез. Юрковский смотрел, стиснув зубы так, что трещало в висках. «Прощай, Солнце, — подумал он. — Прощай, Солнце».

— Я есть хочу, — сердито сказал Дауге. — Пойдемте на камбуз, Шарль.

Он ловко оттолкнулся от стены, подпрыгнул к двери и раскрыл ее. Моллар тоже оттолкнулся и ударился головой о карниз. Дауге поймал его за руку с растопыренными пальцами и вытащил в коридор. Юрковский слышал, как Иоганыч спросил: «Ну, как жизнь, хорошё-о?» Моллар ответил: «Хорошё-о, но очень неудобно». «Ничего, — сказал Дауге бодрым голосом. — Скоро привыкнете».

«Ничего, — подумал Юрковский, — скоро все кончится». Он заглянул в перископ. Было видно, как вверху, откуда падал планетолет, сгущается коричневый туман, но снизу, из непостижимых глубин, из бездонных глубин водородной пропасти, брезжил странный розовый свет. Тогда Юрковский закрыл глаза. «Жить, — подумал он. — Жить долго. Жить вечно». Он вцепился обеими руками в волосы. Оглохнуть, ослепнуть, онеметь, только жить. Только чувствовать на коже солнце и ветер, а рядом — друга. Боль, бессилие, жалость. Как сейчас. Он с силой рванул себя за волосы. Пусть как сейчас, но всегда. Вдруг он услышал, что громко сопит, и очнулся. Ощущение непереносимого, сумасшедшего ужаса и отчаяния исчезло. Так уже бывало с ним — двенадцать лет назад на Марсе, и десять лет назад на Голконде, и в позапрошлом году тоже на Марсе. Приступ сумасшедшего желания просто жить, желания темного и древнего, как сама протоплазма. Словно короткий обморок. Но это проходит. Это надо перетерпеть, как боль. И сразу о чемнибудь позаботиться. Лешка приказал задраить тестерные пазы. Он отнял руки от лица, раскрыл глаза и увидел, что сидит на полу. Падение «Тахмасиба» тормозилось, вещи обретали вес.

Юрковский потянулся к маленькому пульту и задраил тестерные пазы — амбразуры в прочной оболочке жилой гондолы, в которые вставляются рецепторы приборов. Затем он тщательно заклинил казенник бомбосбрасывателя, собрал разбросанные обоймы от бомбозондов и аккуратно сложил их в стеллаж. Он заглянул в перископ, и ему показалось — да так оно, наверное, и было на самом деле, — что тьма вверху стала гуще, а розовое сияние внизу сильнее. Он подумал, что на такую глубину в Юпитер не проникал еще ни один человек, разве что Сережа Петрушевский, светлая ему память, но и он, скорее всего, взорвался раньше. У него тоже был расколот отражатель.

Он вышел в коридор и направился в кают-компанию, заглядывая по пути во все каюты. «Тахмасиб» еще падал, хотя с каждой минутой все медленнее, и Юрковский шел на цыпочках, словно под водой, балансируя руками и время от времени делая непроизвольные прыжки.

В пустынном коридоре вдруг разнесся приглушенный вопль Моллара, похожий на воинственный клич: «Как жизнь, Грегуар, хорош-о?» Видимо, Дауге удалось привести радиооптика в обычное настроение. Ответа Грегуара Юрковский не рассыпал. «Хорош-о», — пробормотал он и не заметил, что не заикается. Все-таки хорошо.

Он заглянул в каюту Михаила Антоновича. В каюте было темно и стоял странный пряный запах. Юрковский вошел и включил свет. Посреди каюты валялся развороченный чемодан. Никогда еще Юрковский не видел чемодана в таком состоянии. Так чемодан мог бы выглядеть, если бы в нем лопнул бомбозонд. Матовый потолок и стены каюты были заляпаны коричневыми, скользкими на вид кляксами. От клякс исходил вкусный пряный аромат. «Мидии со специями», — сразу определил Юрковский. Он очень любил мидии со специями, но они, к сожалению, были напрочь исключены из рациона межпланетников. Он оглянулся и увидел над самой дверью блестящее черное пятно — метеоритная пробоина. Все отсеки жилой гондолы были герметическими. При попадании метеорита подача воздуха в них автоматически перекрывалась до тех пор, пока смолопласт — вязкая и прочная прокладка корпуса — не затягивал пробоину. На это требуется всего одна, максимум две секунды, но за это время давление в отсеке может сильно упасть. Это не очень опасно для человека, но смертельно для контрабандных консервов. Консервы просто взрываются. Особенно пряные консервы. «Контрабанда, — подумал Юрковский. — Старый чревоугодник. Ну, будет тебе от капитана. Быков не выносит контрабанды».

Юрковский осмотрел каюту еще раз и заметил, что черное пятно пробоины слабо серебрится. «Ага, — подумал он. — Кто-то уже прометаллизировал пробоины. Правильно, иначе под таким давлением смолопластовые пробки просто вдавило бы внутрь». Он выключил свет и вернулся в коридор. И тогда он ощутил усталость и свинцовую тяжесть во всем теле. «О черт, как я раскис», — подумал он и вдруг почувствовал, что лента, на которой висел микрофон, режет шею. Он понял, в чем дело. Перелет заканчивается. Через несколько минут тя-

жесть станет двойной и над головой будет десять тысяч километров сжатого водорода, а под ногами шестьдесят тысяч километров очень сжатого, жидкого, твердого водорода. Каждый килограмм тела будет весить два килограмма, а то и больше. «Бедный Шарль, — подумал Юрковский. — Бедный Миша».

— Вольдемар, — позвал сзади Моллар. — Вольдемар, помогите нам везти суп. Очень тяжелый суп.

Юрковский оглянулся. Дауте и Моллар, красные и потные, тащили из дверей камбуза грузно вихляющийся столик на колесах. На столике слабо дымились три кастрюльки. Юрковский пошел навстречу и вдруг почувствовал, как стало тяжело. Моллар слабо ахнул и сел на пол. «Тахмасиб» остановился. «Тахмасиб» с экипажем, с пассажирами и с грузом прибыл на последнюю станцию.

*2. Планетологи пытают штурмана,
а радиооптик пытает планетологов*

— Кто готовил этот обед? — спросил Быков.

Он оглядел всех и снова уставился на кастрюльки. Михаил Антонович тяжело, со свистом дышал, навалившись грудью на стол. Лицо у него было багровое, отекшее.

— Я, — несмело сказал Моллар.

— А в чем дело? — спросил Дауге.

Голоса у всех были сиплые. Все говорили с трудом, едва выталкивая из себя слова. Моллар криво улыбнулся и лег на диван лицом вверх. Ему было плохо. «Тахмасиб» больше не падал, и тяжесть становилась непереносимой. Быков посмотрел на Моллара.

— Этот обед вас убьет, — сказал он. — Съедите этот обед и больше не встанете. Он вас раздавит, вы понимаете?

— О черт, — сказал Дауге с досадой. — Я забыл о тяжести.

Моллар лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Челюсть у него отвисла.

— Съедим бульону, — сказал Быков. — И все. Больше ни кусочка. — Он поглядел на Михаила Антоновича и оскалил зубы в нерадостной усмешке. — Ни кусочка, — повторил он.

Юрковский взял половник и стал разливать бульон по тарелкам.

— Тяжелый обед, — сказал он.

— Вкусно пахнет, — сказал Михаил Антонович. — Может быть, дольешь мне еще чуть-чуть, Володенька?

— Хватит, — жестко сказал Быков. Он медленно хлебал бульон, по-детски зажав ложку в кулаке, измазанном графитовой смазкой.

Все молча стали есть. Моллар с трудом приподнялся и снова лег.

— Не могу, — сказал он. — Простите меня, не могу. Быков положил ложку и встал.

— Рекомендую всем пассажирам лечь в амортизаторы, — сказал он.

Дауге отрицательно покачал головой.

— Как угодно. Но Моллара уложите в амортизатор непременно.

— Хорошо, — сказал Юрковский.

Дауге взял тарелку, сел на диван рядом с Молларом и принялся кормить его с ложки, как больного. Моллар громко глотал, не открывая глаз.

— А где Иван? — спросил Юрковский.

— На вахте, — ответил Быков. Он взял кастрюлю с остатками супа и пошел к люку, тяжело ступая на прямых ногах. Юрковский, поджав губы, глядел в его согнутую спину.

— Все, мальчики, — сказал Михаил Антонович жалким голосом. — Начинаю худеть. Так все-таки нельзя. Я сейчас вешу двести с лишним кило — подумать страшно! И будет еще хуже. Мы все еще падаем немножко.

Он откинулся на спинку кресла и сложил на животе отекающие руки. Затем поворочался немного, положил руки на подлокотники и почти мгновенно заснул.

— Спит, толстяк, — сказал Дауге, оглянувшись на него. — Корабль затонул, а штурман заснул. Ну, еще ложечку, Шарль. За папу. Вот так. А теперь за маму.

— Нье могу, простите, — пролепетал Моллар. — Нье могу. Я льягу. — Он лег и начал неразборчиво бормотать по-французски.

Дауге поставил тарелку на стол.

— Михаил, — позвал он негромко. — Миша.

Михаил Антонович раскатисто хрюпал.

— Сейчас я его ра-азбужу, — сказал Юрковский. — Михаил, — сказал он вкрадчивым голосом. — М-мидии. М-мидии со с-специями.

Михаил Антонович вздрогнул и проснулся.

— Что? — пробормотал он. — Что?

— Нечистая с-совесть, — сказал Юрковский.

Дауге поглядел на штурмана в упор.

— Что вы там делаете в рубке? — сказал он.

Михаил Антонович поморгал красными веками, потом заерзal на кресле, едва слышно сказал: «Ах, я совсем забыл...» — и попытался подняться.

— Сиди, — сказал Дауге.

— Т-так что вы там д-делаете?

— И на кой бес?

— Ничего особенного, — сказал Михаил Антонович и оглянулся на люк в рубку. — Право, ничего, мальчики. Так только...

— М-миша, — сказал Юрковский. — М-мы же видим, что он что-то з-задумал.

— Говори, толстяк, — сказал Дауге свирепо.

Штурман снова попытался подняться.

— С-сиди, — сказал Юрковский безжалостно. — Мидии. Со специями. Говори.

Михаил Антонович стал красен как мак.

— Мы не дети, — сказал Дауге. — Нам уже приходилось умирать. Какого беса вы там секретничаете?

— Есть шанс, — едва слышно пробормотал штурман.

— Шанс всегда есть, — возразил Дауге. — Конкретнее.

— Ничтожный шанс, — сказал Михаил Антонович. — Право, мне пора, мальчики.

— Что они делают? — спросил Дауге. — Чем они заняты, Лешка и Иван?

Михаил Антонович с тоской поглядел на люк в рубку.

— Он не хочет вам говорить, — прошептал он. — Он не хочет вас зря обнадеживать. Алексей надеется выбраться. Они там перестраивают систему магнитных ловушек... И отстаньте от меня, пожалуйста! — закричал он тонким пронзительным голосом, кое-как встал и заковылял в рубку.

— Mon dieu, — тихо сказал Моллар и снова лег навзничь.

— А, все это ерунда, барактанье, — сказал Дауге. — Конечно, Быков не способен сидеть спокойно, когда костлявая берет нас за горло. Пошли. Пойдемте, Шарль, мы уложим вас в амортизатор. Приказ капитана.

Они взяли Моллара под руки с двух сторон, подняли и повели в коридор. Голова Моллара болталась.

— Mon dieu, — бормотал он. — Простите. Я есть весьма плёхой межпланетник. Я есть только всего радиоопти́к.

Это было очень трудно — идти самим и тащить Моллара, но они все-таки добрались до его каюты и уложили радиооптика в амортизатор. Он лежал в длинном, не по росту, ящике, маленький, жалкий, задыхающийся, с посиневшим лицом.

— Сейчас вам станет хорошо, Шарль, — сказал Дауге.

Юрковский молча кивнул и сейчас же сморщился от боли в позвоночнике.

— П-полежите, отдо-охните, — сказал он.

— Хорошё-о, — сказал Моллар. — Спасибо, товарищи.

Дауге задвинул крышку и постучал. Моллар постучал в ответ.

— Ну, хорошо, — сказал Дауге. — Теперь бы нам костюмы для перегрузок...

Юрковский пошел к выходу. На корабле было только три костюма для перегрузок — костюмы экипажа. Пассажирам полагалось лежать в амортизаторах.

Они обошли все каюты и собрали все одеяла и подушки. В обсерваторном отсеке они долго устраивались у перископов, обкладывали себя мягким со всех сторон, а потом легли и некоторое время молчали, отдыхая. Дышать было трудно. Казалось, на грудь давит многопудовая гиря.

— П-помню, на курсах нам давали сильные перегрузки, — сказал Юрковский. — П-пришлось сбрасывать в-вес.

— Да, — сказал Дауге. — Я совсем забыл. Что это за чепуха про мидии со специями?

— В-вкусная вещь, правда? — сказал Юрковский. — Наш штурман в-вез тайком от капитана н-несколько банок, и они взорвались у него в ч-чемодане.

— Ну? — сказал Дауге. — Опять? Ну и лакомка! Ну и контрабандист! Его счастье, что Быкову сейчас не до этого.

— Б-быков, наверное, еще н-не знает, — сказал Юрковский.

«И никогда не узнает», — подумал он. Они помолчали, потом Дауге взял дневники наблюдений и стал их просматривать. Они немного посчитали, потом спорили относительно метеоритной атаки. Дауге сказал, что это был случайный рой. Юрковский объявил, что это кольцо.

— Кольцо у Юпитера? — презрительно сказал Дауге.

— Да, — сказал Юрковский. — Я давно это подозревал. И теперь вот убедился.

— Нет, — сказал Дауге. — Все-таки это не кольцо. Это полукольцо.

— Ну, пусть полукольцо, — согласился Юрковский.

— Кангрен большой молодец, — сказал Дауге. — Его расчеты просто замечательно точны.

— Не совсем, — сказал Юрковский.

— Это почему же? — осведомился Дауге.

— Потому что температура растет заметно медленнее, — объяснил Юрковский.

— Это внутреннее свечение неклассического типа, — возразил Дауге.

— Да, неклассического, — сказал Юрковский.

— Кангрен не мог этого учесть, — сказал Дауге.

— Надо было учесть, — сказал Юрковский. — Об этом уже сто лет спорят, надо было учесть.

— Просто тебе стыдно, — сказал Дауге. — Ты так банился с Кангреном в Дублине, и теперь тебе стыдно.

— Балда ты, — сказал Юрковский. — Я учитывал неклассические эффекты.

— Знаю, — сказал Дауге.

— А если знаешь, — сказал Юрковский, — то не болтай глупостей.

— Не ори на меня, — сказал Дауге. — Это не глупости. Неклассические эффекты ты учел, а цена этому сам видишь какая.

— Это тебе такая цена, — рассердился Юрковский. — До сих пор не читал моей последней статьи.

— Ладно, — сказал Дауге, — не сердись. У меня спина затекла.

— У меня тоже, — сказал Юрковский. Он перевернулся на живот и встал на четвереньки. Это было нелегко. Он дотянулся до перископа и заглянул. — П-посмотрите-ка, — сказал он.

Они стали смотреть в перископы. «Тахмасиб» плавал в пустоте, заполненной розовым светом. Не видно было ни одного предмета, никакого движения, на котором мог бы задержаться взгляд. Только ровный розовый свет. Казалось, что смотришь в упор на фосфоресцирующий экран. После долгого молчания Юрковский сказал:

— Скучно.

Он поправил подушки и снова лег на спину.

— Этого еще никто не видел, — сказал Дауге. — Это свечение металлического водорода.

— Т-таким и-наблюдениям, — сказал Юрковский, — грош цена. Может, пристроим к п-перископу с-спектрограф?

— Глупости, — сказал Дауге, еле шевеля губами. Он сполз на подушки и тоже лег на спину. — Жалко, — сказал он. — Ведь этого еще никто никогда не видел.

— Д-до чего м-мерзко ничего не делать, — сказал Юрковский с тоской.

Дауге вдруг приподнялся на локте и нагнулся голову, прислушиваясь.

— Что ты? — спросил Юрковский.

— Тише, — сказал Дауге. — Послушай.

Юрковский прислушался. Низкий, едва слышный гул доносился откуда-то, волнообразно нарастаю и снова затихая, словно гудение гигантского шмеля. Гул перешел в жужжение, стал выше и смолк.

— Что это? — спросил Дауге.

— Не знаю, — отозвался Юрковский вполголоса. Он сел. — Может быть, это двигатель?

— Нет, это оттуда, — Дауге махнул рукой в сторону перископов. — Ну-ка... — Он опять прислушался, и снова послышалось нарастающее гудение.

— Надо поглядеть, — сказал Дауге.

Гигантский шмель смолк, но через секунду загудел снова. Дауге поднялся на колени и уткнулся лицом в нарамник перископа.

— Смотри! — закричал он.

Юрковский тоже подполз к перископу.

— Смотри, как здорово! — крикнул Дауге.

Из желто-розовой бездны поднимались огромные ряжные шары. Они были похожи на мыльные пузыри и переливались зеленым, синим, красным. Это было очень красиво и совершенно непонятно. Шары поднимались из пропасти с низким нарастающим гулом, быстро проносились и исчезали из поля зрения. Они все были разных размеров, и Дауге судорожно вцепился в рубчатый барабан дальномера. Один шар, особенно громадный и колыхающийся, прошел совсем близко. На несколько мгновений обсерваторный отсек заполнился нестерпимо низким, зудящим гулом, и планетолет слегка качнуло.

— Эй, в обсерватории! — раздался в репродукторе голос Быкова. — Что это за бортом?

— Ф-феномены, — сказал Юрковский, пригнув голову к микрофону.

— Что? — спросил Быков.

— П-пузыри какие-то, — пояснил Юрковский.
— Это я и сам вижу, — проворчал Быков и замолчал.
— Это уже не металлический водород, — сказал
Юрковский.

Пузыри исчезли.

— Вот, — сказал Дауге. — Диаметры: пятьсот, девятьсот и три тысячи трехсот метров. Если, конечно, здесь не искается перспектива. Больше я не успел. Что это может быть?

В розовой пустоте пронеслись еще два пузыря. Вырос и сейчас же смолк густой басовый звук.

— М-машина п-планеты р-работает, — сказал Юрковский. — И мы никогда не узнаем, что там происходит...

— Пузыри в газе, — сказал Дауге. — А впрочем, какой это газ — плотность как у бензина...

Он обернулся. На пороге открытой двери сидел Моллар, прислонившись виском к косяку. Кожа на его лице вся сползла к подбородку от тяжести. У него был белый лоб и темно-вишневая шея.

— Это есть я, — сказал Моллар.

Он перевалился на живот и пополз к своему месту у казенника. Планетологи молча смотрели на него, затем Дауге встал, взял две подушки — у себя и у Юрковского — и помог Моллару устроиться поудобнее. Все молчали.

— Очень тоскливо, — сказал, наконец, Моллар. — Не могу один. Хочется говорить. — Он делал самые невообразимые ударения.

— Мы очень рады вам, Шарль, — сказал Дауге совершенно искренне. — Нам тоже тоскливо, и мы все время говорим.

Моллар попытался сесть, но раздумал и остался лежать, тяжело дыша и глядя в потолок.

— А к-как жизнь, Шарль? — спросил Юрковский с интересом.

— Жизнь хорошё-о, — сказал Моллар, бледно улыбаясь. — Только мало.

Дауге лег и тоже уставился в потолок. «Мало, — подумал он, — гораздо меньше, чем хочется». Он выругался вполголоса по-латышски.

— Что? — спросил Моллар.

— Он ругается, — объяснил Юрковский.

Моллар вдруг сказал высоким голосом: «Друзья мои!» — и планетологи разом повернулись к нему.

— Друзья мои! — сказал Моллар. — Что мне дье-

латть? Ви есть опытные межпланетники! Ви есть большие льюди и герой! Да, герой! Mon dieu! Ви смотрели в глаза смерти больше, чем я смотрелль в глаза девушки. — Он горестно помотал головой. — И я совсем не есть опытний. Мне страшно, и я хочу много говорить сейчас, но сейчас уже близок конец, и я не знаю как. Да, да, как надо сейчас говорить?

Он смотрел на Дауге и Юрковского блестящими глазами. Дауге неловко пробормотал: «О черт» — и оглянулся на Юрковского. Юрковский лежал, заложив руки за голову, и искоса глядел на Моллара.

— О черт, — сказал Дауге. — Я уже и забыл.

— М-могу рассказать, к-как мне однажды х-хотели ам-ампутировать и-ногу, — предложил Юрковский.

— Верно! — радостно сказал Дауге. — А потом вы, Шарль, тоже расскажете что-нибудь веселенькое...

— Ах, вы все шутите, — сказал Моллар.

— А еще можно спеть, — сказал Дауге. — Я про это читал. Вы нам споете, Шарль?

— Ах, — сказал Моллар. — Я совсем прокис.

— Отнюдь, — сказал Дауге. — Вы замечательно держитесь, Шарль. А это же самое главное. Правда, Шарль замечательно держится, а, Володя?

— К-конечно, — сказал Юрковский. — З-замечательно.

— А капитан не спит, — бодро продолжал Дауге. — Вы заметили, Шарль? Он что-то задумал, наш капитан.

— Да, — сказал Моллар. — Да! Наш капитан — это есть большая надежда.

— Еще бы, — сказал Дауге. — Вы даже не знаете, какая это большая надежда.

— М-метр девяносто пять, — сказал Юрковский.

Моллар засмеялся.

— Вы все шутите, — сказал он.

— А мы пока будем болтать и наблюдать, — сказал Дауге. — Хотите посмотреть в перископ, Шарль? Это красиво. Этого никто никогда не видел. — Он поднялся и приник к перископу.

Юрковский увидел, как у него вдруг выгнулась спина. Дауге обеими руками взялся за нарамник.

— Бог мой! — сказал он. — Планетолет!

В розовой пустоте висел планетолет. Он был виден совершенно отчетливо и во всех подробностях и находился, по-видимому, километрах в трех от «Тахмасиба». Это был фотонный грузовик первого класса с параболи-

ческим отражателем, похожим на растопыренную юбку, с круглой жилой гондолой и дисковидным грузовым отсеком, с тремя сигарами аварийных ракет на далеко вынесенных кронштейнах. Он висел вертикально и совершенно неподвижно. И он был серый, как на экране черно-белого кино.

— Кто же это? — пробормотал Дауге. — Неужели Петрушевский?

— П-погляди на отражатель, — сказал Юрковский.

Отражатель серого планетолета был обломан с края.

— Тоже не повезло ребятам, — сказал Дауге.

— О! — сказал Моллар. — А вон еще один.

Второй планетолет — точно такой же — висел дальше и глубже первого.

— И у этого обломан отражатель, — сказал Дауге.

— Я з-знаю, — сказал неожиданно Юрковский. — Это наш «Тахмасиб». М-мираж.

Это был двойной мираж. Несколько радужных пузырей стремительно поднялись из глубины, и призраки «Тахмасиба» исказились, задрожали и растаяли. А правее и выше появились еще три призрака.

— Какие красивые пузыри! — сказал Моллар. — Они поют.

Он снова лег на спину. У него пошла носом кровь, и он сморкался и морщился и все поглядывал на планетологов, не видят ли они. Они, конечно, не видели.

— Вот, — сказал Дауге. — Ты говоришь, что здесь скучно.

— Я и-не говорю, — сказал Юрковский.

— Нет, говоришь, — сказал Дауге. — Ты брюзжишь, что скучно.

Оба старались не глядеть на Моллара. Кровь остановить было нельзя. Она свернется сама. Радиооптика нужно было бы отнести в амортизатор, но... Ничего, она свернется. Моллар тихо сморкался.

— А вон еще мираж, — сказал Дауге. — Но это не корабль.

Юрковский заглянул в перископ. «Не может быть, — подумал он. — Этого не может быть. Не тут, не в Юпитере». Под «Тахмасибом» медленно проплывала вершина громадной серой скалы. Основание ее тонуло в розовой дымке. Рядом поднималась другая скала — голая, отвесная, изрезанная глубокими прямыми трещинами. А еще дальше вырастала целая вереница таких же острых крутых вершин. И тишина в обсерваторном отсе-

ке сменилась скрипами, шорохами, едва слышным гулом, похожим на эхо далеких-далеких горных обвалов.

— Эт-то н-не мираж, — проговорил Юрковский. — Эт-то п-похоже на ядро.

— Вздор, — сказал Дауге.

— В-возможно, все-таки у Юпитера есть я-ядро.

— Вздор, вздор, — нетерпеливо сказал Дауге.

Горная цепь тянулась под «Тахмасибом», и не было ей конца.

— Вон еще, — сказал Дауге.

Выше скалистых зубьев выступил темный бесформенный силуэт, вырос, превратился в изъеденный обломок черного камня и снова скрылся. Сейчас же за ним вслед появился другой, третий, а вдали, едва различимая, бледным пятном светилась округлая серая масса. Горный хребет внизу постепенно опускался и исчез из виду. Юрковский, не отрываясь от перископа, поднес к губам микрофон. Было слышно, как у него хрустнули суставы.

— Быков, — позвал он. — Алексей.

— Алеша нет, Володенька, — отзывался голос штурмана. Голос был сиплый и задыхающийся. — Он в машине.

— М-михаил, мы идем н-над с-скалами, — сказал Юрковский.

— Над какими скалами? — испуганно спросил Михаил Антонович.

Вдали прошла поразительно ровная, словно отполированная поверхность — огромная равнина, окаймленная невысокой грядой круглых холмов. Прошла и утонула в розовом.

— М-мы еще не все п-понимаем, — сказал Юрковский.

— Я сейчас посмотрю, Володенька, — сказал Михаил Антонович.

За перископом проплыvalа еще одна горная страна. Она плыла высоко вверху, и вершины гор были обращены вниз. Это было дикое, фантастическое зрелище, и Юрковский подумал сначала, что это опять мираж, но это был не мираж. Тогда он понял и сказал:

— Это не ядро, Иоганыч. Это кладбище.

Дауге не понял.

— Это кладбище миров, — сказал Юрковский. — Джуп проглотил их.

Дауге долго молчал, а затем пробормотал:

— Какие открытия... Кольцо, розовое излучение, кладбище миров... Жаль. Очень жаль.

Он оглянулся и окликнул Моллара. Моллар не ответил. Он лежал ничком.

Они стащили Моллара в амортизатор, привели его в чувство, а он, измотанный, отекший, сразу заснул, словно упал в обморок. Потом они вернулись в обсерваторный отсек и снова повисли на перископах. Под «Тахмасибом», и рядом с «Тахмасибом», и временами над «Тахмасибом» медленно проплывали в потоках сжатого водорода несостоявшиеся миры — горы, скалы, чудовищные потрескавшиеся глыбы, прозрачные серые облака пыли. Потом «Тахмасиб» отнесло в сторону, а в перископах остался только пустой, ровный розовый свет.

— Устал как собака, — сказал Дауге. Он перевернулся на бок, и у него затрещали кости. — Слышишь?

— Слышу, — сказал Юрковский. — Давай смотреть.

— Давай, — сказал Дауге.

— Я думал, это ядро, — сказал Юрковский.

— Этого не могло быть, — сказал Дауге.

Юрковский стал тереть лицо ладонями.

— Это ты так говоришь, — сказал он. — Давай смотреть.

Они еще многое увидели и услышали, или им казалось, что они увидели и услышали, потому что оба они страшно устали, и в глазах иногда темнело, и тогда исчезали стены обсерваторного отсека — оставался только ровный розовый свет. Они видели широкие неподвижные зигзаги молний, упирающиеся во тьму наверху и в розовую бездну внизу, и слышали, как с железным громом пульсируют в них лиловые разряды. Они видели какие-то колышущиеся пленки, проплывавшие с тонким свистом совсем рядом. Они разглядывали причудливые тени во мгле, которые двигались и шевелились, и Дауге спорил, что это объемные тени, а Юрковский доказывал, что Дауге бредит. И они слышали вой, и писк, и грохот, и странные звуки, похожие на голоса, и Дауге предложил зафиксировать эти звуки на диктофоне, но тут заметил, что Юрковский спит лежа на животе. Тогда он повернулся Юрковского на спину и снова вернулся к перископу.

В открытую дверь отсека вползла, волоча брюхо по полу, Варечка, синяя в крапинку, подобралась к Юрковскому и взгромоздилась к нему на колени. Дауге хотел прогнать ее, но у него уже совсем не было сил. Он даже не мог поднять голову. А Варечка тяжело вздыхала бока и медленно мигала. Шипы на ее морде стояли ежом, и полумертвый хвост судорожно подергивался в такт дыханию.

3. Надо прощаться, а радиооптик не знает как

Это было трудно, невообразимо трудно работать в таких условиях. Жилин несколько раз терял сознание. Останавливалось сердце, и все заволакивалось красной мутью. И во рту все время чувствовался привкус крови. Жилину было очень стыдно, потому что Быков продолжал работать неутомимо, размеренно и точно, как машина. Быков был весь мокрый от пота, ему тоже было невообразимо трудно, но он, по-видимому, умел заставить себя не терять сознание. Уже через два часа у Жилина пропало всякое представление о цели работы, у него больше не осталось ни надежды, ни любви к жизни, но каждый раз, очнувшись, он продолжал прерванную работу, потому что рядом был Быков. Однажды он очнулся и не нашел Быкова. Тогда он заплакал. Но Быков скоро вернулся, поставил рядом с ним кастрюльку с супом и сказал: «Ешь». Он поел и снова взялся за работу. У Быкова было белое лицо и багровая отвисшая шея. Он тяжело и часто дышал. И он молчал. Жилин думал: «Если мы выберемся, я не пойду в межзвездную экспедицию, я не пойду в экспедицию на Плутон, я никуда не пойду, пока не стану таким, как Быков. Таким обыкновенным и даже скучным в обычное время. Таким хмурым и немножко даже смешным. Таким, что трудно было поверить, глядя на него, в легенду о Голконде, в легенду о Каллисто и в другие легенды». Жилин помнил, как молодые межпланетники потихоньку посмеивались над Рыжим Пустынником — кстати, откуда взялось такое странное прозвище? — но он никогда не видел, чтобы о Быкове отзывался пренебрежительно хоть один пилот или ученый старшего поколения. «Если я выберусь, я должен стать таким, как Быков. Если я не выберусь, я должен умереть, как Быков». Когда Жилин терял сознание, Быков молча заканчивал его работу. Когда Жилин приходил в себя, Быков так же молча возвращался на свое место.

Потом Быков сказал: «Пошли» — и они выбрались из камеры магнитной системы. У Жилина все плыло перед глазами, хотелось лечь, уткнуться носом во что-нибудь помягче и так лежать, пока не поднимут. Он выбрался вторым и застриял и все-таки лег носом в холодный пол, но быстро пришел в себя и тогда увидел у самого лица ботинок Быкова. Ботинок нетерпеливо притоптывал. Жилин напрягся и вылез из люка. Он сел на корточки, чтобы как следует задраить крышку. Замок не слушался,

и Жилин стал рвать его исцарапанными пальцами. Быков возвышался рядом, как радиомачта, и смотрел не мигая сверху вниз.

— Сейчас, — торопливо сказал Жилин. — Сейчас...

Замок, наконец, встал на место.

— Готово, — сказал Жилин и выпрямился. Ноги тряслись в коленях.

— Пошли, — сказал Быков.

Они вернулись в рубку. Михаил Антонович спал в своем кресле у вычислителя. Он громко всхрапывал. Вычислитель был включен. Быков перегнулся через штурмана, взял микрофон селектора и сказал:

— Пассажирам собраться в кают-компании.

— Что? — спросил Михаил Антонович, встрепенувшись. — Что, уже?

— Уже, — сказал Быков. — Пойдем в кают-компанию.

Но он пошел не сразу — стоял и задумчиво наблюдал, как Михаил Антонович, болезненно морщась и постанывая, выбирается из кресла. Затем он словно очнулся и сказал:

— Пойдем.

Они пошли в кают-компанию. Михаил Антонович сразу пробрался к дивану и сел, сложив руки на животе. Жилин тоже сел, чтобы не тряслись ноги, и стал смотреть в стол. На столе еще стояли стопкой грязные тарелки. Потом дверь в коридор открылась, и ввалились пассажиры. Планетологи тащили на себе Моллара. Моллар висел, волоча ноги и обхватив планетологов за плечи. В руке у него был зажат носовой платок, весь в темных пятнах.

Дауге и Юрковский молча усадили Моллара на диван и сели по обе стороны от него. Жилин оглядел их. «Вот это да! — подумал он. — Неужели и у меня такая морда?» Он украдкой ощупал лицо. Ему показалось, что щеки у него очень тощие, а подбородок очень толстый, как у Михаила Антоновича. Под кожей бегали мурashки, как в отсиженной ноге. «Отсидел физиономию», — подумал Жилин.

— Так, — сказал Быков. Он сидел на стуле в углу и теперь встал, подошел к столу и тяжело оперся о него.

Моллар неожиданно подмигнул Жилину и закрыл лицо пятнистым платком. Быков холодно посмотрел на него. Затем он стал смотреть в стену.

— Так, — повторил он. — Мы были заняты пере-о-бо-ру-до-ва-нием «Тахмасиба». Мы закончили пере-о-бо-ру-до-ва-ние. — Это слово никак не давалось ему, но он упрямо дважды повторил его, выговаривая по слогам. — Мы теперь можем использовать фотонный двигатель, и я решил его использовать. Но сначала я хочу поставить вас в известность о возможных последствиях. Предупреждаю: решение принято, и я не собираюсь с вами советоваться и спрашивать вашего мнения...

— Короче, Алексей, — сказал Дауге.

— Решение принято, — сказал Быков. — Но я считаю, что вы вправе знать, чем это все может кончиться. Во-первых, включение фотореактора может вызвать взрыв в сжатом водороде вокруг нас. Тогда «Тахмасиб» будет разрушен полностью. Во-вторых, первая вспышка плазмы может уничтожить отражатель — возможно, внешняя поверхность зеркала уже истончена коррозией. Тогда мы останемся здесь и... В общем, понятно. В-третьих, наконец, «Тахмасиб» может благополучно выбраться из Юпитера и...

— Понятно, — сказал Дауге.

— И продовольствие будет доставлено на Амальтею, — сказал Быков.

— П-продовольствие б-будет век б-благодарить Б-быкова, — сказал Юрковский.

Михаил Антонович робко улыбнулся. Ему было не смешно.

Быков смотрел в стену.

— Я намерен стартовать сейчас же, — сказал он. — Предлагаю пассажирам занять места в амортизаторах. Всем занять места в амортизаторах. И давайте без этих ваших штучек. — Он посмотрел на планетологов. — Перегрузка будет восьмикратная, как минимум. Прошу выполнять. Бортинженер Жилин, проследите за выполнением и доложите.

Он оглядел всех исподлобья, повернулся и ушел в рубку на прямых ногах.

— Mon dieu, — сказал Моллар. — Ну и жизнь.

У него опять пошла кровь из носа, и он принял слабо сморкаться. Дауге повертел головой и сказал:

— Нам нужен счастливчик. Кто-нибудь здесь есть везучий? Нам совершенно необходим счастливчик.

Жилин встал.

— Пора, товарищи, — сказал он. Ему хотелось, чтобы все скорее кончилось. Ему очень хотелось, чтобы все

уже было поздно. Все остались сидеть. — Пора, товарищи, — растерянно повторил он.

— В-вероятность б-благоп-приятного исхода — п-процентов д-десять, — задумчиво сказал Юрковский и принялся растирать щеки.

Михаил Антонович, кряхтя, выбрался из дивана.

— Мальчики, — сказал он. — Надо, кажется, прощаться. На всякий случай, знаете... Всякое может быть, — он жалостно улыбнулся.

— Прощаться так прощаться, — сказал Дауге. — Давайте прощаться.

— И я опять не знайю как, — сказал Моллар.

Юрковский поднялся.

— В-вот что, — сказал он. — П-пошли по амортизаторам. С-ейчас выйдет Б-быков, и т-огда... Лучше мне сгореть. Р-рука у него тяжелая, д-до сих п-пор помню. Д-десять лет.

— Да-да, — заторопился Михаил Антонович. — Пошли, мальчики, пошли... Дайте я вас поцелую.

Он поцеловал Дауге, потом Юрковского, потом повернулся к Моллару. Моллара он поцеловал в лоб.

— А ты где будешь, Миша? — спросил Дауге.

Михаил Антонович поцеловал Жилина, всхлипнул и сказал:

— В амортизаторе, как все.

— А ты, Ваня?

— Тоже, — сказал Жилин. Он придерживал Моллара за плечи.

— А капитан?

Они вышли в коридор, и снова все остановились. Оставалось несколько шагов.

— Алексей Петрович говорит, что не верит автоматике в Джупе, — сказал Жилин. — Он сам поведет корабль.

— Б-быков есть Быков, — сказал Юрковский, криво усмехаясь. — В-всех н-немощных на своих п-плечах.

Михаил Антонович, всхлипывая, пошел в свою каюту.

— Я вам помогу, месье Моллар, — сказал Жилин.

— Да, — согласился Моллар и послушно обхватил Жилина за плечи.

— Удачи и спокойной плазмы, — сказал Юрковский.

Дауге кивнул, и они разошлись по своим каютам. Жилин ввел Моллара в его каюту и уложил в амортизатор.

— Как жизнь, Ваньюша-а? — сказал печально Моллар. — Хорошо-о?

— Хорошо, мсье Моллар, — сказал Жилин.

— А как девушки?

— Очень хорошо, — сказал Жилин. — На Амальтее чудесные девушки.

Он вежливо улыбнулся, задвинул крышку и сразу перестал улыбаться. «Хоть бы скорее все это кончилось!» — подумал он.

Он пошел по коридору, и коридор показался ему очень пустым. Он постучал по крышке каждого амортизатора и прослушал ответный стук. Потом он вернулся в рубку.

Быков сидел на месте старшего пилота. Он был в костюме для перегрузок. Костюм был похож на кокон шелкопряда, из него торчала рыжая растрепанная голова. Быков был совершенно обыкновенный, только очень сердитый и усталый.

— Все готово, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Хорошо, — сказал Быков. Он косо поглядел на Жилина. — Не боишься, малек?

— Нет, — сказал Жилин.

Он не боялся. Он только хотел, чтобы все скорее кончилось. И еще ему вдруг очень захотелось увидеть отца, как он вылезает из стратоплана, грузный, усатый, со шляпой в руке. И познакомить отца с Быковым.

— Ступай, Иван, — сказал Быков. — Десять минут в своем распоряжении.

— Спокойной плазмы, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Спасибо, — сказал Быков. — Ступай.

«Это надо выдержать, — подумал Жилин. — Черт, неужели я не выдержу?» Он подошел к двери своей каюты и вдруг увидел Варечку. Варечка тяжело ползла, прижимаясь к стене, волоча за собой сплющенный с боков хвост. Увидев Жилина, она подняла треугольную морду и медленно мигнула.

— Эх ты, бедолага! — сказал Жилин.

Он взял Варечку за отставшую на шее кожу, приволок ее в каюту, сдвинул крышку с амортизатора и поглядел на часы. Потом он бросил Варечку в амортизатор — она была очень тяжелая и грунно трепыхалась в руках — и залез сам. Он лежал в полной темноте, слушал, как шумит амортизирующая смесь, а тело становилось легче и легче. Это было очень приятно, только Варечка все

время дергалась под боком и колола руку шипами. «Надо выдержать, — подумал Жилин. — Как он выдерживает».

В рубке Алексей Петрович Быков нажал большим пальцем рифленую клавишу стартера.

Эпилог. Амальтея, «Джей-станция»

Директор «Джей-станции» не глядит на заход Юпитера, а Варечку дергают за хвост

Заход Юпитера — это тоже очень красиво. Медленно гаснет желто-зеленое зарево экзосфера, и одна за другой загораются звезды, как алмазные иглы на черном бархате.

Но директор «Джей-станции» не видел ни звезд, ни желто-зеленого сияния над близкими скалами. Он смотрел на ледяное поле ракетодрома. На поле медленно, едва заметно для глаза, падала исполнинская башня «Тахмасиба». «Тахмасиб» был громаден — фотонный грузовик первого класса. Он был так громаден, что его не с чем было сравнить здесь, на голубовато-зеленой равнине, покрытой круглыми черными пятнами. Из спектролитового колпака казалось, что «Тахмасиб» падает сам собой. На самом деле его укладывали. В тени скал и по другую сторону равнины мощные лебедки тянули тросы, и блестящие нити иногда ярко вспыхивали в лучах солнца. Солнце ярко озаряло корабль, и он был виден весь, от огромной чаши отражателя до шаровидной жилой гондолы.

Никогда еще на Амальтею не опускался такой изуродованный планетолет. Край отражателя был расколот, и в огромной чаше лежала густая изломанная тень. Двухсантметровая труба фотопреобразователя казалась пятнистой и была словно изъедена коростой. Аварийные ракеты на скрученных кронштейнах нелепо торчали во все стороны, грузовой отсек перекосило, и один сектор его был раздавлен. Диск грузового отсека напоминал плоскую круглую консервную банку, на которую наступили свинцовым башмаком. «Часть продовольствия, конечно, погибла, — подумал начальник. — Какая чушь лезет в голову! Не все ли равно. Да, «Тахмасибу» теперь не скоро уйти отсюда».

— Дорого нам обошелся куриный суп, — сказал дядя Валнога.

— Да, — пробормотал директор. — Куриный суп.

Бросьте, Валнога. Вы же этого не думаете. При чем здесь куриный суп?

— Отчего же, — сказал Валнога. — Ребятам нужна настоящая еда.

Планетолет опустился на равнину и погрузился в тень. Теперь было видно только слабое зеленоватое мерцание на титановых боках, потом там сверкнули огни и мелькнули маленькие черные фигурки. Косматый горб Юпитера ушел за скалы, и скалы почернели и стали выше, и на мгновение ярко загорелась какая-то расщелина, и стали видны решетчатые конструкции антенн.

В кармане директора тоненько запел радиофон. Директор вытащил гладкую коробку и нажал кнопку приема.

— Слушаю, — сказал он.

Тенорок дежурного диспетчера, очень веселый и без всякой почтительности, сказал скороговоркой:

— Товарищ директор, капитан Быков с экипажем и пассажирами прибыл на станцию и ждет вас в вашем кабинете.

— Иду, — сказал начальник.

Вместе с дядей Валногой он спустился в лифте и направился в свой кабинет. Дверь была раскрыта настежь. В кабинете было полно народу, и все громко говорили и смеялись. Еще в коридоре директор услыхал радостный вопль:

— Как жизнь — хорошё-о? Как мальчушки — хорошё-о?

Директор не сразу вошел, а некоторое время стоял на пороге, разыскивая глазами прибывших. Валнога громко дышал у него над ухом, и чувствовалось, что он улыбается до ушей. Они увидели Моллара с мокрыми после купания волосами. Моллар отчаянно жестикулировал и хохотал. Вокруг него стояли девушки — Зойка, Галина, Наденька, Джейн, Юрико, все девушки Амальтеи, — и тоже хохотали. Моллар всегда ухитрялся собрать вокруг себя всех девушек. Потом директор увидел Юрковского, вернее, его затылок, торчащий над головами, и кошмарное чудище у него на плече. Чудище вертело мордой и время от времени страшно зевало. Варечку дергали за хвост. Дауге видно не было, но зато было слышно не хуже, чем Моллара. Дауге вопил:

— Не наваливайтесь! Пустите, ребятушки! Ой-ой!

В сторонке стоял огромный незнакомый парень, очень красивый, но слишком бледный среди загорелых. С пар-

нем оживленно разговаривали несколько местных планетолетчиков. Михаил Антонович Крутиков сидел в кресле у стола директора. Он рассказывал, всхлипывая короткими ручками, и временами подносил к глазам смятый платочек.

Быкова директор узнал последним. Быков был бледен до синевы, и волосы его казались совсем медными, под глазами висели синие мешки, какие бывают от сильных и длительных перегрузок. Глаза его были красными. Он говорил так тихо, что директор ничего не мог разобрать и видел только, что говорит он медленно, с трудом шевеля губами. Возле Быкова стояли руководители отделов и начальник ракетодрома. Это была самая тихая группа в кабинете. Потом Быков поднял глаза и увидел директора. Он встал, и по кабинету прошел шепоток, и все сразу замолчали.

Они пошли навстречу друг другу, гремя магнитными подковами по металлическому полу, и сошлись на середине комнаты. Они пожали друг другу руки и некоторое время стояли молча и неподвижно. Потом Быков отнял руку и сказал:

— Товарищ Кангрен, планетолет «Тахмасиб» с грузом прибыл.

1959 г.

Стажеры

повесть

Пролог

Подкатил громадный красно-белый автобус. Отлетающих пригласили садиться.

— Что ж, ступайте, — сказал Дауге.

Быков проворчал:

— Успеем. Пока они все усядутся...

Он исподлобья смотрел, как пассажиры один за другим неторопливо поднимаются в автобус. Пассажиров было человек сто.

— Это минут на пятнадцать, не меньше, — солидно заметил Гриша.

Быков строго посмотрел на него.

— Застегни рубашку, — сказал он.

— Пап, жарко, — сказал Гриша.

— Застегни рубашку, — повторил Быков. — Не ходи расхлюстанный.

— Не бери пример с меня, — сказал Юрковский. — Мне можно, а тебе еще нельзя.

Дауге взглянул на него и отвел глаза. Не хотелось смотреть на Юрковского — на его уверенное рыхловатое лицо с брюзгливо отвисшей нижней губой, на тяжелый портфель с монограммой, на роскошный костюм из редкостного стереосинтетика. Лучше уж было глядеть в высокое прозрачное небо, чистое, синее, без единого облачка, даже без птиц — над аэродромом их разгоняли ультразвуковыми сиренами.

Быков-младший под внимательным взглядом Быкова-старшего застегивал воротник. Юрковский томно сказал:

— В стратоплане спрошу бутылочку ессентуков и выслушаю...

Быков-старший с подозрением спросил:

— Печенка?

— Почему обязательно печенка? — сказал Юрковский. — Мне просто жарко. И пора бы тебе знать, что ессентуки от приступов не помогают.

— Ты, по крайней мере, взял свои пилюли? — спросил Быков.

— Что ты к нему пристал? — сказал Дауге.

Все посмотрели на него. Дауге опустил глаза и сказал сквозь зубы:

— Так ты не забудь, Владимир. Пакет Арнаутову

нужно передать сразу же, как только вы прибудете на Сырт.

— Если Арнаутов на Марсе, — сказал Юрковский.

— Да, конечно. Я только прошу тебя не забыть.

— Я ему напомню, — пообещал Быков.

Они замолчали. Очередь у автобуса уменьшалась. Пора было прощаться.

— Знаете что, идите вы, пожалуйста, — сказал Дауге.

— Да, пора идти, — вздохнул Быков. Он подошел к Дауге и обнял его. — Не печалься, Иоганыч, — сказал он тихо. — До свидания. Не печалься.

Он крепко сжал Дауге длинными костистыми руками. Дауге слабо оттолкнул его.

— Спокойной плазмы, — проговорил он.

Он пожал руку Юрковскому. Юрковский часто заморгал, он хотел что-то сказать, но только облизнул губы. Он нагнулся, поднял с травы свой великолепный портфель, повертел его в руках и снова положил на траву. Дауге не глядел на него. Юрковский снова поднял портфель.

— Ах, да не кисни ты, Григорий, — страдающим голосом сказал он.

— Постараюсь, — сухо ответил Дауге.

В стороне Быков негромко наставлял сына:

— Пока я в рейсе, будь поближе к маме. Никаких там подводных забав.

— Ладно, пап.

— Никаких рекордов.

— Хорошо, пап. Ты не беспокойся.

— Меньше думай о девицах, больше думай о маме.

— Да ладно, пап.

Дауге сказал тихо:

— Я пойду.

Он повернулся и побрел к зданию аэровокзала. Юрковский смотрел ему вслед. Дауге был маленький, сгорбленный, очень старый.

— До свидания, дядя Володя, — сказал Гриша.

— До свидания, мальш, — сказал Юрковский. Он все смотрел вслед Дауге. — Ты его навещай, что ли... Просто так, зайди, выпей чайку — и все. Он ведь тебя любит, я знаю...

Гриша кивнул. Юрковский подставил ему щеку, похлопал по плечу и вслед за Быковым пошел к автобусу. Он тяжело поднялся по ступенькам, сел в кресло рядом с Быковым и сказал:

— Хорошо было бы, если бы рейс отменили.

Быков с изумлением воззрился на него.

— Какой рейс? Наш?

— Да, наш. Дауге было бы легче. Или чтобы нас всех забраковали медики.

Быков засопел, но промолчал. Когда автобус тронулся, Юрковский сказал:

— Он даже не захотел меня обнять. И правильно сделал. Незачем нам летать без него. Нехорошо. Нечестно.

— Перестань, — сказал Быков.

Дауге поднялся по гранитным ступеням аэровокзала и оглянулся. Красное пятнышко автобуса ползло уже возле самого горизонта. Там в розоватом мареве виднелись конические силуэты лайнеров вертикального взлета. Гриша спросил:

— Куда вас отвезти, дядя Гриша? В институт?

— Можно и в институт, — ответил Дауге.

«Никуда мне не хочется, — подумал он. — Совсем никуда мне не хочется. Тяжело как... Вот не думал, что будет так тяжело. Ведь не случилось ничего нового или неожиданного. Все давно известно и продумано. И заблаговременно пережито потихоньку, потому что кому хочется выглядеть слабым? И вообще все очень справедливо и честно. Пятьдесят два года от роду. Четыре лучевых удара. Поношенное сердце. Никуда не годные нервы. Кровь и та не своя. Поэтому бракуют, никуда не берут. А Володьку Юрковского вот берут. А тебе говорят: «Григорий Иоганнович, довольно есть, что дают, и спать, где положат. Пора тебе, — говорят, — Григорий Иоганнович, молодых поучить». А чему их учить?» Дауге покосился на Гришу. Вон он какой здоровенный и зубастый. Смелости его учить? Или здоровью? А больше ведь, по сути дела, ничего и не нужно. Вот и остаешься один. Да сотня статей, которые устарели. Да несколько книг, которые быстро стареют. Да слава, которая стареет еще быстрее.

Он повернулся и вошел в гулкий прохладный вестибюль. Гриша Быков шагал рядом. Рубаха у него была расстегнута. Вестибюль был полон негромких разговоров и шуршания газет. На большом, в полстены, вогнутом экране демонстрировался какой-то фильм; несколько человек, утонув в креслах, смотрели на экран, придерживая возле уха блестящие коробочки фонодемонстратора.

ров. Толстый иностранец восточного типа топтался возле буфета-автомата.

У входа в бар Дауге вдруг остановился.

— Зайдем выпьем, тезка, — сказал он.

Гриша посмотрел на него с удивлением и жалостью.

— Зачем, дядя Гриша? — просительно сказал он. —

Зачем? Не надо.

— Ты полагаешь, не надо? — задумчиво спросил Дауге.

— Конечно, не надо. Ни к чему это, честное слово.

Дауге, склонив голову набок, прищурившись, взглянул на него.

— Уж не воображаешь ли ты, — ядовито произнес он, — что я раскис оттого, что меня вывели в тираж? Что я жить не могу без этих самых таинственных бездн и пространств? Извини, голубчик! Плевать я хотел на эти бездны! А вот что я один остался... Понимаешь? Один! В первый раз в жизни один!

Гриша неловко оглянулся. Толстый иностранец смотрел на них. Дауге говорил тихо, но Грише казалось, что его слышит весь зал.

— Почему я остался один? За что? Почему именно меня... именно я должен быть один? Ведь я не самый старый, тезка. Михаил старше, и твой отец тоже...

— Дядя Миша тоже идет в последний рейс, — робко напомнил Гриша.

— Да, — согласился Дауге. — Миша наш состарился... Ну, пойдем выпьем.

Они вошли в бар. В баре было пусто, только за столиком у окна сидела какая-то красивая женщина. Она сидела, положив подбородок на сплетенные пальцы, и смотрела в окно на бетонное поле аэродрома.

Дауге остановился и тяжело оперся на ближайший столик. Он не видел ее лет двадцать, но сразу узнал. В горле у него стало сухо и горько.

— Что с вами, дядя Гриша? — встревоженно спросил Быков-младший.

Дауге выпрямился.

— Это моя жена, — сказал он спокойно. — Пойдем. «Какая еще жена?» — подумал Гриша с испугом.

— Может быть, мне пойти подождать в машине? — спросил он.

— Чепуха, чепуха, — сказал Дауге. — Пойдем.

Они подошли к столику.

— Здравствуй, Маша, — произнес Дауге.

Женщина подняла голову. Глаза ее расширились.
Она медленно откинулась на спинку стула.

— Ты... не улетел? — сказала она.

— Нет.

— Ты летишь позже?

— Нет. Я остаюсь.

Она продолжала глядеть на него широко раскрытыми глазами. Ресницы у нее были сильно накрашены. Под глазами сеть морщинок. И много морщинок на шее.

— Что значит остаешься? — недоверчиво спросила она.

Он взялся за спинку стула.

— Можно нам посидеть с тобой? — спросил он. — Это Гриша Быков. Сын Быкова.

Тогда она улыбнулась Грише той самой привычно-обещающей ослепительной улыбкой, которую так ненавидел Дауге.

— Очень рада, — сказала она. — Садитесь, мальчики. Гриша и Дауге сели.

— Меня зовут Мария Сергеевна, — сказала она, разглядывая Гришу. — Я сестра Владимира Сергеевича Юрковского.

Гриша опустил глаза и слегка поклонился.

— Я знаю вашего отца, — продолжала она. Она перестала улыбаться. — Я многим ему обязана, Григорий... Алексеевич.

Гриша молчал. Ему было неловко. Он ничего не понимал. Дауге сказал напряженным голосом:

— Что ты будешь пить, Маша?

— Джеймо, — ответила она, ослепительно улыбаясь.

— Это очень крепко? — спросил Дауге. — Впрочем, все равно. Гриша, принеси, пожалуйста, два джеймо.

Он смотрел на нее, на гладкие загорелые руки, на открытые гладкие загорелые плечи, на легкое светлое платье с чуть-чуть слишком глубоким вырезом. Она изумительно сохранилась для своих лет, и даже косы остались совершенно те же, тяжелые, толстые косы, каких давно уже никто не носит, бронзовые, без единого седого волоса, уложенные вокруг головы. Он усмехнулся, медленно расстегнул плотный теплый плащ и стащил плотный теплый шлем с наушниками. У нее дрогнуло лицо, когда она увидела его голый череп с редкой серебристой щетиной возле ушей. Он снова усмехнулся.

— Вот мы и встретились, — сказал он. — А ты почему здесь? Ты ждешь кого-нибудь?

— Нет, — проговорила она. — Я никого не жду.

Она посмотрела в окно, и он вдруг понял.

— Ты провожала, — тихо сказал он.

Она кивнула.

— Кого? Неужели нас?

— Да.

У него остановилось сердце.

— Меня? — спросил он.

Подошел Гриша и поставил на столик два потных ледяных бокала.

— Нет, — ответила она.

— Володьку? — сказал он с горечью.

— Да.

Гриша тихонько ушел.

— Какой милый мальчик, — сказала она. — Сколько ему лет?

— Восемнадцать.

— Неужели восемнадцать? Вот забавно! Ты знаешь, он совсем не похож на Быкова. Даже не рыжий.

— Да, время идет, — сказал Дауге. — Вот я уже и не летаю.

— Почему? — равнодушно спросила она.

— Здоровье.

Она быстро взглянула на него.

— Да, ты неважно выглядишь. Скажи... — Она помолчала. — А Быков тоже скоро перестанет летать?

— Что? — спросил он с удивлением.

— Я не люблю, когда Володя уходит в рейс без Быкова, — сказала она, глядя в окно. Она опять помолчала. — Я очень боюсь за него. Ты ведь знаешь его.

— А при чем здесь Быков? — спросил Дауге неприязненно.

— С Быковым безопасно, — сказала она просто. — Ну а как твои дела, Григорий? Как-то странно, ты — и вдруг не летаешь.

— Буду работать в институте, — сказал Дауге.

— Работать... — Она покачала головой. — Работать... Посмотри, на что ты похож.

Дауге криво усмехнулся.

— Зато ты совсем не изменилась. Замужем?

— С какой стати? — возразила она.

— Я вот тоже так холостяком и остался.

— Неудивительно.

— Почему?

— Ты не годишься в мужья.

Дауге неловко засмеялся.

— Не нужно нападать на меня, — сказал он. — Я просто хотел поговорить.

— Раньше ты умел говорить интересно.

— А что, тебе уже скучно? Мы говорим всего пять минут.

— Нет, почему же? — вежливо сказала она. — Я с удовольствием слушаю тебя.

Они замолчали. Дауге мешал соломинкой в бокале.

— А Володю я провожаю всегда, — сказала она. — У меня есть друзья в управлении, и я всегда знаю, когда вы улетаете. И откуда. И я всегда его провожаю. — Она вынула соломинку из своего бокала, смыла ее и бросила в пепельницу. — Он единственный близкий мне человек в вашем сумасшедшем мире. Он меня терпеть не может, но все равно он единственный близкий мне человек. — Она подняла бокал и отпила несколько глотков. — Сумасшедший мир. Дурацкое время, — сказала она устало. — Люди совершенно разучились жить. Работа, работа, работа... Весь смысл жизни в работе. Все время чего-то ищут. Все время что-то строят. Зачем? Я понимаю, это нужно было раньше, когда всего не хватало. Когда была эта экономическая борьба. Когда еще нужно было доказывать, что мы можем не хуже, а лучше, чем они. Доказали. А борьба осталась. Какая-то глухая, неявная. Я не понимаю ее. Может быть, ты понимаешь, Григорий?

— Понимаю, — сказал Дауге.

— Ты всегда понимал. Ты всегда понимал мир, в котором ты живешь. И ты, и Володька, и этот скучный Быков. Иногда я думаю, что вы все просто очень ограниченные люди. Вы просто не способны задать вопрос: зачем. — Она снова отпила из бокала. — Ты знаешь, недавно я познакомилась с одним школьным учителем. Он учит детей страшным вещам. Он учит их, что работать гораздо интереснее, чем развлекаться. И они верят ему. Ты понимаешь? Ведь это же страшно! Я говорила с его учениками. Мне показалось, что они презирают меня. За что? За то, что я хочу прожить свою единственную жизнь так, как мне хочется?

Дауге очень хорошо представил себе этот разговор Марии Юрковской с пятнадцатилетними пареньками и девчонками из районной школы. «Где уж тебе понять! — подумал он. — Где тебе понять, как неделями, месяцами с отчаянием бьешься в глухую стену, исписываешь горы бумаги, исхаживаешь десятки километров по кабинету

или по пустыне, и кажется, что решения нет и что ты безмозглый слепой червяк, и ты уже не веришь, что так было неоднократно, а потом наступает этот чудесный миг, когда открываешь наконец калитку в стене, и еще одна глухая стена позади, и ты снова бог, и Вселенная снова у тебя на ладони. Впрочем, это даже не нужно понимать. Это нужно чувствовать». Он сказал:

— Они тоже хотят прожить жизнь так, как им хочется. Но вам хочется разного.

Она резко возразила:

— А что, если права я?

— Нет, — сказал Дауге. — Правы они. Они не задают вопроса: зачем.

— А может быть, они просто не могут широко мыслить?

Дауге усмехнулся. «Что ты знаешь о широте мысли?» — подумал он.

— Ты пьешь холодную воду в жаркий день, — сказал он терпеливо. — И ты не спрашиваешь — зачем? Ты просто пьешь, и тебе хорошо...

Она прервала его:

— Да, мне хорошо. Вот и дайте мне пить мою холодную воду, а они пусть пьют свою!

— Пусть, — спокойно согласился Дауге. Он с удивлением и радостью чувствовал, как уходит куда-то противная гнетущая тоска. — Мы ведь не об этом говорили. Тебя интересует, кто прав. Так вот. Человек — это уже не животное. Природа дала ему разум. Разум этот неизбежно должен развиваться. А ты гасишь в себе разум. Искусственно гасишь. Ты всю жизнь посвятила этому. И есть еще очень много людей на Планете, которые гасят свой разум. Они называются мещанами.

— Спасибо.

— Я не хотел тебя обидеть, — сказал Дауге. — Но мне показалось, что ты хочешь обидеть нас. Широта взглядов... Какая у вас может быть широта взглядов?

— Ты очень красиво говоришь сегодня, — заметила она, недобро усмехаясь, — все так мило объясняешь. Тогда будь добр, объясни мне, пожалуйста, еще одну вещь. Всю жизнь ты работал. Всю жизнь ты развивал свой разум, перешагивал через простые мирские удовольствия.

— Я никогда не перешагивал через мирские удовольствия, — сказал Дауге. — Я даже был изрядным шалопаем.

— Не будем спорить, — сказала она. — С моей точки зрения, ты перешагивал. А я всю жизнь гасила разум. Я всю жизнь занималась тем, что лелеяла свои низменные инстинкты. И кто же из нас счастливее теперь?

— Конечно, я, — сказал Дауге.

Она откровенно оглядела его и засмеялась.

— Нет, — сказала она. — Я! В худшем случае мы оба одинаково несчастны. Бездарная кукушка — так меня, кажется, называет Володя? — или трудолюбивый муравей — конец один: старость, одиночество, пустота. Я ничего не приобрела, а ты все потерял. В чем же разница?

— Спроси у Гриши Быкова, — спокойно сказал Дауге.

— О, эти! — она пренебрежительно махнула рукой. — Я знаю, что скажут они. Нет, меня интересует, что скажешь ты! И не сейчас, когда солнце и люди вокруг, а ночью, когда бессонница, и твои осточертевшие талмуды, и ненужные камни с ненужных планет, и молчащий телефон, и ничего, ничего впереди.

— Да, это бывает, — сказал Дауге. — Это бывает со всеми.

Он вдруг представил себе все это: и молчащий телефон, и ничего впереди, но только не талмуды и камни, а флаконы с косметикой, мертвый блеск золотых украшений и беспощадное зеркало. «Я свинья, — с раскаянием подумал он. — Самоуверенная и равнодушная свинья. Ведь она просит о помощи!»

— Ты разрешишь мне прийти к тебе сегодня? — сказал он.

— Нет. — Она поднялась. — У меня сегодня гости.

Дауге отодвинул нетронутый бокал и тоже поднялся. Она взяла его под руку, и они вышли в вестибюль. Дауге изо всех сил старался не хромать.

— Куда ты сейчас? — спросил он.

Она остановилась перед зеркалом и поправила волосы, которые совершенно не нужно было поправлять.

— Куда? — переспросила она. — Куда-нибудь. Ведь мне еще не пятьдесят, и мой мир принадлежит пока мне.

Они спустились по белой лестнице на залитую солнцем площадь.

— Я мог бы тебя подвезти, — сказал Дауге.

— Спасибо, у меня своя машина.

Он неторопливо натянул шлем, проверил, не дует ли в уши, и застегнул плащ.

— Прощай, старичок, — сказала она.

— Прощай, — сказал он, ласково улыбаясь. — Извини, если я говорил жестоко... Ты мне очень помогла сегодня.

Она непонимающе взглянула на него, пожала плечами, улыбнулась и пошла к своей машине. Дауге смотрел, как она идет, покачивая бедрами, удивительно стройная, гордая и жалкая. У нее была великолепная походка, и она была все-таки еще хороша, изумительно хороша. Ее провожали глазами. Дауге подумал с тоскливой злобой: «Вот. Вот и вся ее жизнь. Затянуть телеса в дорогое и красивое и привлекать взоры. И много их, и живучи же они».

Когда он подошел к машине, Гриша Быков сидел, упершись коленями в рулевую дугу, и читал толстую книгу. Приемник в машине был включен на полную мощность: Гриша очень любил сильный звук.

Дауге залез в машину, выключил приемник и некоторое время сидел молча. Гриша отложил книгу и завел мотор. Дауге сказал, глядя перед собой:

— Жизнь дает человеку три радости, тезка. Друга, любовь и работу. Каждая из этих радостей отдельно уже стоит много. Но как редко они собираются вместе!

— Без любви, конечно, обойтись можно, — вдумчиво сказал Гриша.

Дауге мельком взглянул на него.

— Да, можно, — согласился он. — Но это значит, что одной радостью будет меньше, а их всего три.

Гриша промолчал. Ему казалось нечестным ввязываться в спор, безнадежный для противника.

— В институт, — сказал Дауге, — и постараитесь успеть к часу. Не опоздаем?

— Нет, я быстро.

Машина выехала на шоссе.

— Дядя Гриша, вам не дует? — спросил Гриша Быков.

Дауге повел носом и сказал:

— Да, брат. Давай-ка поднимем стекла.

1. Мирза-Чарле. Русский мальчик

Дежурная по пассажирским перевозкам очень сочувствовала Юре Бородину. Она ничем не могла помочь. Регулярного пассажирского сообщения с системой Сатурна не существовало. Не существовало еще даже регулярного

грузового сообщения. Грузовики-автоматы отправлялись туда два-три раза в год, а пилотируемые корабли — и того реже. Дежурная дважды посыпала запресс электронному диспетчеру, перелистала какой-то толстый справочник, несколько раз звонила кому-то, но все было напрасно. Наверное, у Юры был очень несчастный вид, потому что напоследок она сказала с жалостью:

— Не надо так огорчаться, голубчик. Очень уж далекая планета. И зачем вам надо так далеко?

— Я от ребят отстал, — расстроенно сказал Юра. — Спасибо вам большое. Я пойду. Может быть, еще где-нибудь...

Он повернулся и пошел к выходу, опустив голову, глядя на стертый пластмассовый пол под ногами.

— Постойте, голубчик, — окликнула его дежурная. Юра сейчас же повернулся и пошел обратно. — Понимаете, голубчик, — сказала дежурная нерешительно, — случаются еще иногда специальные рейсы.

— Правда? — с надеждой сказал Юра.

— Да. Но сведения о них в наше управление не поступают.

— А меня могут взять в специальный рейс? — спросил Юра.

— Не знаю, голубчик. Я даже не знаю, где об этом можно узнать. Возможно, у начальника ракетодрома? — Она вопросительно посмотрела на Юру.

— К начальнику, наверное, не пробиться, — уныло сказал Юра.

— А вы попробуйте.

— Спасибо, — сказал Юра. — До свидания. Я попробую.

Он вышел из управления перевозок и огляделся. Справа над зелеными купами деревьев поднималось в жаркое белесое небо здание гостиницы. Слева нестерпимо блестел на солнце исполинский стеклянный купол. Этот купол Юра увидел еще с аэродрома. С аэродрома только и видно было, что этот купол и золотой шпиль гостиницы. Юра, конечно, спросил, что это такое, и ему коротко ответили: «СЭУК». Что такое СЭУК, Юра не знал.

Прямо перед зданием управления проходила широкая дорога, посыпанная крупным красным песком. На песке виднелись следы множества ног и рубчатые отпечатки протекторов. По обеим сторонам дороги тянулись бетонированные арыки, вдоль арыков густо росли акации. Шагах в двадцати от входа в управление в тени акаций

стоял маленький квадратный белый атомокар. Над блестящим ветровым стеклом неподвижно торчали большие голубые каски с белыми буквами: «International Police. Mirza-Charlie»¹.

Минуты две Юра стоял в полной нерешительности. Сначала на дороге никого не было. Потом откуда-то справа появился, широко шагая, рослый, докрасна загорелый человек в белом костюме. Поравнявшись с Юрой, он остановился, стащил с головы огромный берет и обмахнул лицо. Юра с любопытством посмотрел на него.

— Ш-жарко! — сказал человек в белом костюме. — А как ты? — Он говорил с сильным акцентом.

— Очень жарко, — согласился Юра.

Человек в белом костюме нахлобучил берет на выгоревшую шевелюру и извлек из кармана плоскую стеклянную флягу.

— Ви-пьем? — сказал он, раздвигая рот до ушей.

Юра помотал головой.

— Не пью, — сказал он.

— Я тош-же не пью, — объявил человек в белом костюме и сунул флягу обратно в карман. — Но я всегда имею виски на случай, если кто пьет.

Юра засмеялся. Человек ему нравился.

— Ш-жарко, — еще раз сказал человек в белом костюме. — Это наша беда. Меш-ждународни ракетодром в Гренландии — и я там мерзну. Меш-ждународни ракетодром в Мирза-Чарле — я мокрый, потный. А?

— Ужасно жарко, — сказал Юра.

— А куда летим? — осведомился человек в белом костюме.

— Мне нужно на Сатурн.

— О-о! — сказал человек в белом костюме. — Очарован молодой — и уже на Сатурн! Знач-шит, нам встречаться и встреч-шаться! — Он похлопал Юру по плечу и вдруг заметил полицейскую машину. — Меш-ждународни полиция, — сказал он торжественно. — Они должны иметь все поч-шести.

Он важно кивнул Юре и пошел дальше. Поравнявшись с полицейским атомокаром, он подтянулся и приложил указательный палец к виску. Голубые каски над ветровым стеклом одновременно и медленно качнулись и снова застыли неподвижно.

¹ Международная полиция. Мирза-Чарле (англ.).

Юра вздохнул и неторопливо пошел к гостинице. Нужно было искать где-то начальника ракетодрома. На дороге было пусто, и спросить было не у кого. Можно было, конечно, спросить у полицейских, но Юре не хотелось обращаться к ним. Ему не нравилось, что они сидят так неподвижно. Юра мимолетно пожалел, что не спросил о начальнике у человека в белом костюме, а потом вдруг подумал, что ласковая дежурная наверняка должна знать все о Мирза-Чарле.

Он даже остановился на секунду, но потом пошел дальше. В конце концов, неудобно отнимать у людей так много времени. «Ничего, узнаю где-нибудь», — подумал он и пошел быстрее.

Он шел по самому краю арыка, стараясь не выходить на солнце, мимо ярко раскрашенных автоматов с газированной водой и соками, мимо пустых скамеек и шезлонгов, мимо маленьких белых домиков, спрятанных в тени акаций, мимо обширных бетонированных площадок, установленных пустыми атомокарами. Над одной из этих площадок почему-то не было тента, и от блестящих отполированных крыш машин поднимался дрожащий горячий воздух. Было очень жалко смотреть на эти машины, может быть уже не первый час стоявшие под беспощадным солнцем. Мимо гигантских рекламных щитов, на трех языках обещающих геркулесовское здоровье всем, кто пьет витаминизированное козье молоко «Голден Хорнз», мимо каких-то очень странных потрепанных людей, спавших прямо в траве, подложив под головы узелки, рюкзаки и чемоданчики, мимо застывших у обочины машин-дворников, мимо загорелых ребятишек, плескавшихся в арыке. Несколько раз его обгоняли пустые автобусы. Он прошел под плакатом, протянутым над дорогой: «Мирза-Чарле приветствует дисциплинированного водителя». Надпись была сделана по-английски. Он миновал голубую будку регулировщика, свернул направо и вышел на проспект Дружбы — главную улицу Мирза-Чарле.

Проспект был тоже пуст. Магазины, кинотеатры, бары, кафе были закрыты. «Сиеста», — подумал Юра. На проспекте было невыносимо жарко. Юра остановился у автомата и выпил стакан горячего апельсинового сока. Подняв брови, он подошел к следующему автомату и выпил стакан горячей газированной воды. «Да, — подумал он. — Сиеста. Хорошо бы забраться в холодильник».

Солнце жгло проспект — белое, словно затянутое

туманом. Теней не было. В конце проспекта в горячей дымке розовела и синела громада гостиницы. Юра двинулся в путь, ощущая сквозь туфли раскаленный тротуар. Сначала он шел быстро, но быстро идти было нельзя — перехватывало дыхание, и пот катился по лицу, оставляя щекотные дорожки.

Длинная узкая машина с растопыренными надкрыльями подкатила к тротуару. Водитель в огромных черных очках открыл дверцу.

— Слушай, друг, где здесь гостиница?

— А вон прямо, в конце проспекта, — сказал Юра.

Водитель посмотрел, кивнул и спросил:

— А ты не туда?

— Туда, — со вздохом ответил Юра.

— Садись, — сказал водитель.

Юра с радостью полез в машину.

— Сразу видно, что ты приезжий вроде меня, — сказал водитель. Он вел машину очень медленно. — Все местные сидят в тени. Меня предупреждали, что надо приезжать к вечеру, но такой уж я человек — неохота было ждать. И зря, видно, торопился. Солнце царство.

В машине было много прохладного чистого воздуха.

— А по-моему, — сказал Юра, — очень любопытный городок. Я никогда раньше не был в международных городах. Здесь все так забавно перепуталось. Каракумы и международная полиция. Видели — такие, в голубых касках?

— Видел, — хмуро сказал водитель. — Там их сейчас на шоссе... — он мотнул головой, — человек тридцать. Грузовики столкнулись.

— Как так столкнулись? — сказал Юра. — Какие грузовики? Автоматы?

— Да нет, зачем автоматы? — проворчал водитель. — Эти... Варяжские гости. Дорвались... Мерзавцы пьяные.

Он остановил машину перед гостиницей и сказал:

— Приехали. Мне в первый переулок направо.

Юра вылез.

— Большое спасибо, — сказал он.

— Не за что, — сказал водитель. — До свидания.

Юра поднялся в холл и подошел к администратору. Администратор говорила по телефону, и Юра, присев в кресло, стал рассматривать картины на стенах. Здесь тоже все очень забавно перемешалось. Рядом с традиционными шишкинскими медведями красовалось боль-

шое полотно, покрытое флюоресцирующими красками и ничего особенного не изображавшее. Некоторое время Юра с тихой радостью сравнивал эти картины. Это было очень забавно.

— Слушаю вас, мсье, — сказала администратор, складывая руки на столе.

Юра засмеялся.

— Я, видите ли, не мсье, — сказал он. — Я простой советский товарищ.

Администратор тоже засмеялась:

— Откровенно говоря, я так и думала. Но я не хотела рисковать. У нас тут попадаются иностранцы, которые обижаются, когда их называешь товарищами.

— Вот чудаки, — сказал Юра.

— Да уж, — сказала администратор. — Так чем я могу быть вам полезна, товарищ?

— Понимаете, — сказал Юра, — мне страшно нужно попасть к начальнику ракетодрома. Не можете ли вы посоветовать мне что-нибудь?

— А что тут советовать? — удивилась администратор. Она сняла трубку и набрала номер. — Валя? — спросила она. — Ах, Зоя? Слушай, Зоечка, это Круглова говорит. Когда твой сегодня принимает? Ага... Понимаю... Нет, просто один молодой человек... Да... Ну хорошо, спасибо, извини, пожалуйста.

Экран видеофона во время разговора оставался слепым, и Юра счел это за плохое предзнаменование. «Плохо дело», — подумал он.

— Так вот, дело обстоит следующим образом, — сказала администратор. — Начальник сильно занят, и попасть к нему можно будет только после шести. Я напишу вам адрес и телефон... — Она торопливо писала на гостиничном бланке. — Вот. Часов в шесть позвоните туда или прямо зайдите. Это здесь рядом.

Юра встал, взял листок и поблагодарил.

— А где вы остановились? — спросила администратор.

— Понимаете, — сказал Юра, — я еще пока нигде не остановился. Я и не хочу останавливаться. Мне нужно улететь сегодня.

— А, — сказала администратор. — Ну, счастливого пути. Спокойной плазмы, как говорят наши межпланетники.

Юра еще раз поблагодарил и пошел на улицу.

В тенистом переулке неподалеку от гостиницы он нашел

кафе, в котором сиеста уже кончилась или еще не начиналась. Под широким цветастым тентом прямо на траве были расставлены столики, пахло жареной свининой. Над тентом висела вывеска «Your old Micky Mouse»¹ с изображением знаменитого диснеевского мышонка. Юра несмело прошел под тент.

Конечно, такие кафе бывают только в международном городе. За длинной металлической стойкой на фоне бутылок с пестрыми этикетками восседал лысый румяный бармен в белой куртке с засученными рукавами. Его большие волосатые кулаки лениво лежали среди серебряных колпаков, покрывавших блюда с бесплатными закусками. Слева от бармена возвышалась непонятная серебряная машина, от которой поднимались струйки пахучего пара. Справа под стеклянной крышкой красовались всевозможные сэндвичи на картонных тарелочках. Над головой бармена были прибиты два плаката. Один, на английском языке, извещал, что «первая выпивка даром, вторая — двадцать четыре цента, остальные — по восемнадцать центов каждая». Другой плакат, на русском языке, гласил: «Ваш старый Микки Маус борется за звание кафе отличного обслуживания».

В кафе было всего двое посетителей. Один из них спал за столиком в углу, уронив на руки нечесаную голову. Рядом с ним на траве валялся сморщенный, засаленный рюкзак.

Второй посетитель, здоровенный мужчина в клетчатой рубашке, неторопливо и со вкусом ел рагу и через два ряда столиков беседовал с барменом. Беседа велась по-русски. Когда Юра вошел, бармен говорил:

— Я не касаюсь фотонных ракет и атомных реакторов. Я хочу говорить о кафе и барах. В этом-то я кое-что понимаю. Возьмите здесь, в Мирза-Чарле, ваши советские кафе и наши западные кафе. Я знаю оборот каждого заведения в этом городе. Кто ходит в ваши советские кафе? И главное, зачем? В ваши советские кафе ходят женщины кушать мороженое и танцевать с непьющими пилотами...

Тут бармен увидел Юру и остановился.

— Вот мальчик, — сказал он. — Это русский мальчик. Он пришел в «Микки Маус» днем. Значит, он приезжий. Он хочет кушать.

Мужчина в клетчатой рубашке с любопытством поглядел на Юру.

¹ Ваш старый Микки Маус (англ.).

— Здравствуйте, — сказал Юра бармену. — Я действительно хочу есть. Как это у вас делается?

Бармен гулко захохотал.

— У нас это делается точно так же, как у вас, — сказал он. — Быстро, вкусно и вежливо. Что бы вы хотели скушать, мальчик?

Человек в клетчатой рубашке сказал:

— Сделайте ему окрошку со льдом и свинину отбивную, Джойс. А вы, товарищ, подсаживайтесь ко мне. Во-первых, здесь почему-то сквознячок, а во-вторых, так нам будет удобнее вести идеологическую борьбу со старым Джойсом.

Бармен опять захохотал и скрылся под стойкой. Юра, смущенно улыбаясь, сел рядом с клетчатой рубашкой.

— Я веду с «Микки Маусом» идеологическую борьбу, — объяснил человек в клетчатой рубашке. — Вот уже пять лет я пытаюсь доказать ему, что в Солнечной системе есть еще кое-что, кроме питейных заведений.

Бармен появился из-за стойки, неся на подносе глубокую картонную тарелку с окрошкой и хлеб.

— Пить я вам даже не предлагаю, — сказал он и ловко поставил поднос на стол. — Я сразу понял, что вы русский мальчик. У вас у всех какое-то особенное выражение лица. Не могу сказать, Иван, чтобы оно мне не нравилось, но при виде вас почему-то пропадает жажда. И хочется соревноваться за какое-нибудь звание даже в ущерб заведению.

— В свободном предпринимателе заговорила совесть, — сказал Иван. — Еще год назад мне удалось убедить его в том, что сбывать спиртное ни в чем не повинным людям безнравственно.

— Особенно если это делается бесплатно, — сказал бармен и захохотал. Очевидно, он намекал на первую даровую выпивку.

Юра слушал, с удовольствием поедая ледянную, необыкновенно вкусную окрошку. По краю тарелки шла английская надпись, которую Юра перевел так: «Съешь до дна, на дне сюрприз».

— Дело даже не в том, Джойс, что из-за вашей культуры приходится содержать в Мирза-Чарле международную полицию, — сказал лениво Иван. — И я оставляю пока в стороне вопрос о том, что именно благодаря преимуществам западных кафе перед советскими человеком имеет изумительно легкую возможность потерять свой натуральный человеческий облик. Очень печально глядеть на вас как такового, Джойс. Не на бармена, а на человека.

Энергичный мужчина, золотые волосатые руки, далеко не дурак. И чем он занимается? Он торчит за стойкой, как старый торговый автомат, и каждый вечер, слюнявя пальцы, считает грязные бумажки.

— Вы этого не поймете, Иван, — величественно сказал бармен. — Такое понятие, как честь и оборот заведения, для вас чуждо. Кто не знает «Микки Мауса» и Джойса? Во всех углах Вселенной знают мой бар! Куда идут наши пилоты, вернувшиеся с какого-нибудь Юпитера? К «Микки Маусу»! Где наши вербованные бродяги проводят свой последний день на Земле? У «Микки Мауса»! Здесь! У этой вот стойки! Куда идут залить горе или спрыснуть радость? Ко мне! А куда ходите обедать вы, Иван? — Он захотел. — Вы идете к старому Джойсу! Конечно, вы никогда не заглянете ко мне вечером. Разве что в составе патруля порядка. И я знаю, что в глубине души вы предпочитаете ваши советские кафе. Но почему-то вы все-таки ходите сюда! К «Микки Маусу» или к старому Джойсу — что-то вам нравится, верно? Вот поэтому я и горжусь своим заведением. — Бармен перевел дух и выставил перед собой толстый указательный палец. — И еще одно, — сказал он. — Эти самые грязные бумажки, о которых вы говорите. В вашей сумасшедшей стране все знают, что деньги — это грязь. Но у меня в стране всякий знает, что грязь — это, к сожалению, не деньги. Деньги надо добывать! Для этого летают наши пилоты, для этого вербуются наши рабочие. Я старый человек и, наверное, поэтому никак не могу понять, чем измеряется успех и благополучие у вас. Ведь у вас все вверх ногами. А вот у нас все ясно и понятно. Где сейчас покоритель Ганимеда капитан Эптон? Директор компании «Минералз Лимитед». Кто сейчас знаменитый штурман Сайрус Кэмпбелл? Владелец двух крупнейших ресторанов в Нью-Йорке. Конечно, когда-то их знал весь мир, а теперь они в тени, но зато раньше они были слугами и шли туда, куда их пошлют, а сейчас они сами имеют слуг и посылают их, куда захотят. Я тоже не хочу быть слугой. Я тоже хочу быть хозяином.

Иван сказал задумчиво:

— Кое-чего вы уже достигли, Джойс. Вы не хотите быть слугой. Теперь вам осталась самая малость: перестать хотеть быть господином.

Юра доел окрошку и увидел сюрприз. На дне тарелки была надпись: «Это блюдо приготовлено электронной кухонной машиной «Орфей» фирмы «Кибернетикс Лимитед». Юра отодвинул тарелку и заявил:

— А по-моему, ужасно скучно всю жизнь простоять за стойкой.

Бармен поправил на стене табличку с английской надписью: «Ношение огнестрельного оружия в Мирзачарле карается смертью» — и сказал:

— Что значит скучно? Что такое скучная работа и что такое веселая работа? Работа есть работа.

— Работа должна быть интересной, — сказал Юра.

Бармен пожал плечами:

— Зачем?

— Ну как же так зачем? — сказал Юра удивленно. — Если работа неинтересная, надо... надо... Да кому это надо, чтобы работа была неинтересная? Какой от тебя прок, если ты работаешь без интереса?

— Так его, старого, — сказал Иван.

Бармен тяжело поднялся и заявил:

— Это нечестно. Ты вербуюсь себе союзников, Иван. А я один.

— Вас тоже двое, — сказал Иван. Он ткнул пальцем в сторону спящего.

Бармен посмотрел, покачал головой и, собрав грязные тарелки, ушел за стойку.

— Каков орешек! — сказал Иван вполголоса. — Как он про честь заведения, а? Вот тебе бы с ним поспорить. Нипочем бы вы друг друга не поняли. Я вот все пытаюсь нашупать с ним общий язык. В общем-то ведь славный дядька!

Юра упрямо затряс головой.

— Нет, — сказал он. — Никакой он не славный. Самодовольный он и тупой. И жалко его. Ну зачем живет человек? Вот накопит денег, вернется к себе домой. Ну и что дальше?

— Джойс! — рявкнул Иван. — Тут к вам есть один вопрос!

— Иду! — откликнулся бармен.

Он появился из-за стойки и поставил перед Юрай тарелку с отбивной и запотевшую бутылочку виноградного сока.

— За счет заведения, — сказал он, указывая на бутылочку, и сел.

Юра сказал:

— Спасибо, зачем же?

— Слушайте, Джойс, — сказал Иван. — Вот русский мальчик спрашивает, что вы будете делать, когда разбегаетесь?

Некоторое время Джойс внимательно глядел на Юру.

— Ладно, — сказал он. — Я знаю, какого ответа ждет мальчик. Поэтому спрошу я. Мальчик вырастет и станет взрослым мужчиной. Всю жизнь он будет заниматься своей... как это вы говорите... интересной работой. Но вот он состарится и не сможет больше работать. Чем тогда он будет заниматься, этот мальчик?

Иван откинулся на спинку стула и с удовольствием посмотрел на бармена. На лице его было прямо-таки написано: «Каков орешек, а?» Юра почувствовал, что у него запылали уши. Он опустил вилку и растерянно сказал:

— Я... не знаю, я как-то не думал... — Он замолчал.

Бармен серьезно и печально смотрел на него. Медленно ползли ужасные мгновения. Юра сказал с отчаянием:

— Я постараюсь умереть раньше, чем не смогу работать...

Брови бармена полезли на лоб, он испуганно оглянулся на Ивана. В полнейшем смятении Юра заявил:

— И вообще я считаю, что самое важное в жизни для человека — это красиво умереть!

Бармен молча поднялся, потрепал Юру по спине широкой ладонью и удалился за стойку. Иван сказал:

— Ну, брат, спасибо. Удружили. Этак ты мне всю идеологическую работу развалишь.

— Ну почему же? — пробормотал Юра. — Старость... Не работать... Человек должен всю жизнь бороться! Разве не так?

— Все так, — сказал бармен. — Вот я, например, всю жизнь борюсь с налогами.

— Ах, да ведь я не об этом, — сказал Юра, махнул рукой и уткнулся в тарелку.

Иван отпил виноградного сока за счет заведения и неторопливо сказал:

— Между прочим, Джойс, очень интересная деталь. Хотя мой союзник по молодости лет не сказал ничего умного, но заметьте, он предпочитает лучше умереть, чем жить вашей старостью. Ему просто никогда в голову не приходило, что он будет делать, когда состарится. А вы, Джойс, об этом думаете всю жизнь. И всю жизнь готовитесь к старости. Так-то, старина Джойс.

Бармен задумчиво поскреб мизинцем лысину.

— Пожалуй, — сказал он.

— Вот в этом и разница, — сказал Иван. — И разница, по-моему, не в вашу пользу.

Бармен подумал, снова поскреб лысину и, не сказав ни слова, скрылся за дверью позади стойки.

— Ну вот, — сказал Иван с удовлетворением. — Сегодня я его уел. Между прочим, откуда ты, прелестное дитя?

— Из Вязьмы, — грустно сказал Юра. Он остро переживал свою житейскую несостоительность.

— И зачем?

— Мне нужно на Рейю. — Он взглянул на Ивана и пояснил: — Рейя — это один из спутников Сатурна.

— Ах, вот как! — сказал Иван. — Интересно. И что тебе надо на Рее?

— Там новое строительство. А я вакуум-сварщик. Нас было ~~одиннадцать~~ человек, и я отстал от группы, потому что... Ну, в общем, по семейным обстоятельствам. Теперь не знаю, как туда добраться. Вот в шесть часов пойду к начальнику ракетодрома.

— К Майкову?

— Н-нет, — сказал Юра. — То есть я не знаю, как его зовут. В общем, к начальнику ракетодрома.

Иван с интересом его рассматривал.

— Как тебя зовут?

— Юра... Юрий Бородин.

— Так вот что, Юрий Бородин, — сказал Иван и сокрушенно покачал головой. — Боюсь, что тебе придется красиво умереть. Дело в том, что начальник ракетодрома товарищ Майков, как мне это до конца известно, вылетел в Москву... — он посмотрел на часы, — двенадцать минут назад.

Это был страшный удар. Юра сразу сник.

— Как так?.. — пробормотал он. — Мне же сказали...

— Ну-ну, — сказал Иван. — Не нужно огорчаться. Старость еще не наступила. Всякий начальник, улетая в Москву, оставляет заместителя.

— Правда! — сказал Юра и воспрянул. — Вы меня извините: я должен немедленно пойти и позвонить.

— Иди позовни, — сказал Иван. — Телефон за углом. Юра вскочил и побежал к телефону.

Когда Юра вернулся, Иван стоял на тропинке перед входом в кафе.

— Ну что? — спросил он.

— Не везет, — с огорчением сказал Юра. — Начальник действительно улетел, а его заместитель сможет принять меня только завтра вечером.

— Вечером? — переспросил Иван.

— Да, после семи вечера.

Иван задумчиво уставился куда-то на кроны акаций.

— Вечером, — повторил он. — Да, это слишком поздно.

— Придется все-таки ночевать в гостинице, — сказал Юра со вздохом. — Пойду возьму номер.

По тропинке приближался, суетливо перебирая коротенькими ножками, толстенький, шикарно одетый человек в пробковом шлеме. Лицо у него было припухшее, с припухшими глазками. Под левым глазом темнела круто запудренная ссадина. Не доходя десяти шагов до Ивана, человек сорвал с головы шлем и, согнув туловище почти пополам, торопливо проскочил в кафе. Иван вежливо ему поклонился.

— Что это он так? — с изумлением спросил Юра.

— Пойдем, пойдем, — сказал Иван. — Нам по дороге.

— Минуточку, — сказал Юра. — Я только расплачусь.

— Я уже расплатился, — сказал Иван. — Пошли.

— Нет, зачем же, — сказал Юра с достоинством. —

Деньги у меня есть... Нам всем выдали...

Иван оглянулся на кафе.

— А этот подхалимчик, — сказал он, — это мой добрый знакомый. Краса и гордость международного порта Мирза-Чарле.

Юра тоже оглянулся. «Краса и гордость Мирза-Чарле» уже взгромоздился на высокий табурет перед стойкой.

— Король стинкеров¹. Подпольный вербовщик. Самый процветающий мерзавец в городе. Два дня назад напился как свинья и приставал к девушке на улице. Тут я его побил немножко. Теперь он со мной очень любезен.

Они не спеша шли по тенистому зеленому переулку. Стало прохладно. С проспекта Дружбы доносился слитный гул моторов.

— А кого он вербует? — спросил Юра.

— Рабочих, — ответил Иван. — Между прочим, кто тебя рекомендовал на Рею?

— Нас рекомендовал наш завод, — сказал Юра. — А что это за рабочие? Неужели наши вербуются?

Иван удивился.

— Ну зачем же наши? Ребята с Запада. Всякие бедняги, которые с детства думают о старости и мечтают быть

¹ Stinker — вонючка (англ.).

какими-нибудь хозяевами. Таких там еще много. Слушай-ка, Юра, — сказал он, — а если ты не доберешься до Реи? Что тогда?

— Ну что вы, — сказал Юра. — Я обязательно доберусь до Реи. Это ж будет очень нехорошо перед ребятами, если я не доберусь. Нас было сто пятьдесят добровольцев, а выбрали только одиннадцать. Как же я могу не добраться? Надо добраться.

Некоторое время они шли молча.

— Ну, вот они вербуются, — сказал Юра. — А потом куда?

— Потом их сажают на корабли и отправляют на астероиды. Вербовщики получают с каждой головы, пассаженной в трюм. Поэтому они под видом всяких торговых агентов околачиваются в Мирза-Чарле. И на других международных ракетодромах.

Они вышли на проспект Дружбы и повернули к гостинице. У большого белого дома Иван остановился.

— Мне сюда, — сказал он. — До свидания, Юра Бородин.

— До свидания, — сказал Юра. — Большое спасибо. И простите, что я наговорил ерунды там, в кафе.

— Ничего, — сказал Иван. — Главное, искренне было сказано.

Они пожали друг другу руки.

— Послушай, Юра, — сказал Иван и замолчал.

— Да? — сказал Юра.

— Насчет Реи, — сказал Иван. Он снова помолчал, глядя в сторону. Юра ждал. — Так вот, насчет Реи. Зайди-ка ты, брат, сегодня часов этак в девять вечера в триста шестой номер гостиницы.

— И что? — спросил Юра.

— Что из этого получится, я не знаю, — сказал Иван. — В этом номере ты увидишь человека, очень свирепого на вид. Попробуй убедить его, что тебе очень нужно на Рею.

— А кто он такой? — спросил Юра.

— До свидания, — сказал Иван. — Не забудь: номер триста шесть, после девяти.

Он повернулся и скрылся в белом здании. У входа в здание висела черная пластмассовая доска с белой надписью: «Штаб патрулей порядка. Мирза-Чарле».

— Номер триста шесть, — повторил Юра. — После девяти.

2. Мирза-Чарле. Гостиница, триста шестой номер

Юра убивал время. За несколько часов он обошел почти весь город. Он очень любил ходить по незнакомым городам и узнавать, что в них есть. В Мирза-Чарле был СЭУК. Под гигантский прозрачный купол не пускали, но теперь Юра знал, что СЭУК — это Система электронного управления и контроля, электронный мозг ракетодрома. Если пойти на север от СЭУК, то попадешь в обширный парк с кинотеатром под открытым небом, с двумя тирами, с большим стадионом, с аттракционом «Человек в ракете», с музыкальными кабинами, с качелями и танцплощадками и с большим прозрачным озером, вокруг которого растут араукарии и пирамидальные тополя и в котором Юра с наслаждением искупался. На южной окраине города Юра обнаружил низкое красное здание, сразу за которым начиналась пустыня. Возле здания стояло несколько квадратных атомокаров и расхаживал голубой полицейский с пистолетом. Полицейский объявил Юре, что красное здание — это тюрьма и что русскому юноше ходить здесь не нужно. К западу от СЭУК располагались жилые кварталы. Там было много больших и маленьких, красивых и не очень красивых домов. Улицы были узкие, без покрытия. Жить там было, по-видимому, очень неплохо — прохладно, тенисто и недалеко от центра. Юре очень понравилось здание городской библиотеки, но заходить туда он не стал. На западной окраине города располагались административные здания, а за ними начинался огромный район, занятый складами.

Склады были бесконечно длинные, серые, из гофрированной пластмассы, с гигантскими белыми цифрами, на малеванными на стенах. Здесь Юра обнаружил такое количество грузовиков и грузовых вертолетов, какого не видел никогда в жизни. От непрерывного плотного рева моторов закладывало уши. Юра не успел сделать и десяти шагов, как позади него отвратительно звякала сирена, и он отскочил в сторону, к какой-то стене, но стена вдруг раздвинулась, и через широкие, как триумфальная арка, ворота прямо на Юру выползло громадное красно-белое чудище на колесах в два человеческих роста, и с высоты второго этажа на Юру неслышно заорал водитель в тюбетейке. Чудовищный грузовик медленно развернулся в узком проезде между складами, а за ним из черных недр уже выползал второй, а за вторым — третий. Юра осторо-

жно пробирался вдоль стен, пышущих жаром, оглушенный ревом, урчаньем и тяжелым лязгом невиданных механизмов.

Потом Юра увидел низкую платформу, на которую грузили знакомые цилиндрические баллоны со смесью для вакуумной сварки. Он подошел поближе и, радостно улыбаясь, встал рядом с человеком, управлявшим погрузкой с помощью переносного пульта на шее. Некоторое время он стоял и смотрел, как стрелы лебедок аккуратно укладывают друг на друга упакованные штабеля баллонов. Потом деловито сказал:

— Нет, это не пойдет.

— Что не пойдет? — с интересом спросил человек и поглядел на Юру.

— Вот этот баллон не пойдет.

— Почему?

— Вы же видите. У него сбит кран.

Несколько секунд человек колебался.

— Ничего, — сказал он. — Там разберутся.

— Нет уж, — возразил Юра. — Не будем мы там разбираться. Уберите этот штабель.

Человек снял руки с пульта и уставился на Юру. Стрела лебедки замерла, очередной штабель, тихонько покачиваясь, повис в воздухе.

— Это же пустяк, — сказал человек.

— Это здесь пустяк, — снова возразил Юра.

Человек пожал плечами и снова положил руки на пульт. Юра придирично проследил за разгрузкой бракованного баллона, вежливо поблагодарил и пошел дальше. Очень скоро он обнаружил, что заблудился. Территория складов представляла собой целый город, улицы и переулки которого были удивительно похожи один на другой. Несколько раз он попадал в переулки, выходившие прямо в пустыню. В конце таких переулков стояли огромные щиты с надписями: «Назад! Зона опасного излучения!» Быстро темнело, над складами вспыхнули прожектора. Юра пошел вслед за колонной каких-то машин на широких эластичных гусеницах и неожиданно для себя оказался на шоссе.

Юра знал, что город должен находиться справа, но налево, куда ушла колонна, совсем недалеко мигали разноцветные огоньки, и Юра повернул налево. По обе стороны от шоссе расстилалась пустыня. Здесь не было ни деревьев, ни арыков, только ровный черный горизонт. Солнце давно зашло, но воздух был еще горячий и сухой.

Разноцветные огоньки мигали над шлагбаумом. Сбоку шлагбаума стоял небольшой грибообразный домик. Возле домика на скамеечке под фонарем сидел полицейский, держа на коленях голубую каску.

Другой полицейский расхаживал перед шлагбаумом. Увидев Юру, он остановился и пошел навстречу. У Юры екнуло сердце. Полицейский подошел вплотную и протянул руку.

— Пейпарс! — лающим голосом сказал он.

«Кажется, влип, — подумал Юра. — Если меня здесь задержат... Да пока будут выяснять... И зачем меня сюда понесло!...» Он торопливо полез в карман. Полицейский ждал с протянутой рукой. Второй полицейский надел каску и поднялся.

— Вейт э минут, — пробормотал Юра. — Сейчас... Сию минуту... Фу ты, елки-палки, куда она запропастилась?..

Полицейский опустил руку.

— Русский? — спросил он.

— Да, — сказал Юра. — Сейчас... Видите ли, у меня только рекомендация от предприятия... Вязьминский завод металлоконструкций... — Он наконец извлек рекомендацию.

— Не надо, — сказал полицейский неожиданно добродушно.

Подошел второй полицейский и спросил:

— What's the matter? The chap hasn't got his papers?¹

— Нет, — сказал первый полицейский. — Это русский.

— А, — равнодушно сказал второй. Он повернулся и пошел обратно к своей скамейке.

— Я просто хотел посмотреть, что здесь, — сказал Юра.

— Здесь ракетодром, — сказал полицейский охотно. — Вот там, — он показал рукой за шлагбаум. — Но туда нельзя.

— Нет-нет, — торопливо сказал Юра. — Я только посмотреть.

— Посмотреть можно, — сказал полицейский. Он пошел к шлагбауму. Юра двинулся за ним. — Это ракетодром, — повторил полицейский.

Под яркими среднеазиатскими звездами слабо мерцала плоская, словно остекленевшая равнина. Далеко впереди, там, куда уходило шоссе, вспыхивали неяркие зарницы и

¹ Что случилось? У парня нет документов? (англ.)

перебегали лучи прожекторов, выхватывая из темноты гигантские туманные силуэты. Время от времени над равниной прокатывался слабый рокочущий грохот.

«Космические корабли», — с удовольствием подумал Юра. Он, конечно, знал, что Мирза-Чарле, как и все другие ракетодромы на Земле, служит только для возлеземных сообщений, что настоящие планетолеты, фотонные ракеты типа «Хиус», «Джон Браун», «Эдокко», слишком громадны и могучи, чтобы стартовать прямо с Земли, но и эти темные силуэты за горизонтом тоже выглядели достаточно впечатительно.

— Ракеты, ракеты, — неторопливо проговорил полицейский. — Сколько людей улетает туда! — Он поднял к черному небу голубую светящуюся дубинку. — Каждый со своими надеждами. И сколько их возвращается в свинцовых запаянных гробах! Вот здесь, у этого шлагбаума, мы выстраиваем траурный караул. Дух захватывает от их настойчивости! И все-таки, наверное, есть там, — он снова поднял дубинку, — есть там кто-то, кому очень не нравится эта настойчивость...

Горизонт вдруг озарился ослепительной вспышкой, огненная длинная струя ударила в небо и рассыпалась каскадом искр. Бетон под ногами задрожал. Полицейский поднял к глазам часы.

— Двадцать двенадцать, — сказал он. — Вечерний лунник.

В небе загрохотало. Громовые раскаты слабели, удаляясь, и наконец затихли совсем.

— Мне пора, — сказал Юра. — Как тут побыстрее добраться до города?

— Идите пешком, — ответил полицейский. — У поворота на склад поймете попутную машину.

Когда в половине десятого Юра добрался до гостиницы, вид у него был несколько взъерошенный и ошеломленный. Вечерний Мирза-Чарле был совершенно не похож на Мирза-Чарле днем. По улицам, пересеченным резкими черными тенями, сплошным потоком двигались автомобили. Огни реклам озаряли толпы на тротуарах. Двери всех баров и кафе были распахнуты настежь. Там ревела музыка и было сизо от табачного дыма. Пьяные иностранцы брели по тротуарам, обнявшись по трое, по четверо, горланя незнакомые песни. Через каждые двадцать — тридцать шагов стояли полицейские с каменными лицами под низко опущенными касками. Сквозь шевелящуюся толпу спокойно и неторопливо проходили тройки крепких

молодых ребят с красными повязками на рукавах. Это были патрули порядка. Юра видел, как один такой патруль зашел в бар, и там мгновенно воцарилась тишина, и даже музыка перестала играть. У патрулей были скучающие, брезгливые лица. Из другого бара, уже недалеко от гостиницы, двое с маленькими усиками вышвырнули на тротуар какого-то несчастного и принялись топтать его ногами. Несчастный громко кричал по-французски: «Патруль! На помощь! Убивают!» Юра, стиснув от омерзения зубы, прицелился уже дать в ухо одному из этих усатеньких, но тут его очень бесцеремонно отстранили, и длинная жилистая рука с красной повязкой ухватила одного из усатеньких за ворот. Другой усатенький пригнулся и нырнул в бар. Патруль небрежно стряхнул добычу в объятия подоспевших полицейских, и те, завернув усатенькому руки за спину, почти бегом поволокли его в ближайший переулок. Юра успел заметить, как один из полицейских, воровато оглянувшись на патрулей, изо всех сил стукнул усатенького по макушке светящейся дубинкой. «Жаль, не успел я его», — подумал Юра. На минуту ему даже расхотелось лететь на Рею. Захотелось надеть красную повязку и присоединиться к этим крепким, уверенным молодым ребятам.

— Ну и порядочки тут у вас! — вернувшись в гостиницу, возбужденно сказал Юра администратору. — Какое-то клопиное гнездо!..

— Вы о чем? — испуганно спросила администратор. Юра пришел в себя.

— Да на улицах, понимаете, — сказал он, — такое болото!..

— Международный порт, пока приходится терпеть, — сказала администратор с улыбкой. — Ну, как ваши дела?

— Еще не знаю, — сказал Юра. — Скажите, пожалуйста, как пройти в триста шестой номер?

— Поднимитесь в лифте, третий этаж, направо.

— Спасибо, — сказал Юра и направился к лифту.

Он поднялся на третий этаж и сразу нашел дверь номера триста шесть. Перед дверью он остановился и в первый раз подумал, как, что и, главное, кому он скажет. Ему вспомнились слова Ивана о свирепом на вид человеке. Он старательно пригладил волосы и осмотрел себя. Потом он постучал.

— Войдите, — произнес за дверью низкий хрипловатый голос.

Юра вошел.

В комнате за круглым столом, накрытым белой скатертью, сидели два пожилых человека. Юра осталбенел: он узнал их обоих, и это было настолько неожиданно, что на мгновение ему показалось, что он ошибся дверью. Лицом к нему, уперев в него маленькие недобрые глаза, сидел известный Быков, капитан прославленного «Тахмасиба», угрюмый и рыжий — такой, как на стереофото над столом Юриного старшего брата. Лицо другого человека, небрежно развалившегося в легком плетеном кресле, породистое, длинное, с брезгливой складкой около полных губ, было тоже удивительно знакомо. Юра никак не мог вспомнить имени этого человека, но был совершенно уверен, что видел его когда-то, и может быть, даже несколько раз. На столе стояла длинная темная бутылка и один бокал.

— Что вам? — глуховато спросил Быков.

— Это триста шестой номер? — неуверенно спросил Юра.

— Да-а, — бархатно и раскатисто ответил человек с породистым лицом. — Вам кого, юноша?

«Да ведь это Юрковский! — вспомнил Юра. — Планетолог с Венеры. Про них есть кино...»

— Я... я не знаю... — проговорил он. — Понимаете, мне нужно на Рейо... Сегодня один товарищ...

— Фамилия? — сказал Быков.

— Чья? — не понял Юра.

— Ваша фамилия!

— Бородин... Юрий Михайлович Бородин.

— Специальность?

— Вакуум-сварщик.

— Документы.

Второй раз за последние два часа (и вообще в жизни) Юра полез за документами. Быков выжидательно глядел на него. Юрковский лениво потянулся к бутылке и налил себе вина.

— Вот, пожалуйста, — сказал Юра. Он положил рекомендацию на стол и снова отступил на несколько шагов.

Быков достал из нагрудного кармана огромные стадомодные очки и, приставив их к глазам, очень внимательно и, как показалось Юре, дважды прочитал документ, после чего передал его Юрковскому.

— Как случилось, что вы отстали от своей группы? — резко спросил он.

— Я... Понимаете, по семейным обстоятельствам...

— Подробнее, юноша, — пророкотал Юрковский. Он читал рекомендацию, держа ее в вытянутой руке и отхлебывая из бокала.

— Понимаете, у меня внезапно заболела мама, — сказал Юра. — Приступ аппендицита. Понимаете, я никак не мог уехать. Брат в экспедиции... Отец на полюсе сейчас... Я не мог...

— Ваша мама знает, что вы вызвались добровольцем в космос? — спросил Быков.

— Да, конечно.

— Она согласилась?

— Д-да...

— Невеста есть?

Юра помотал головой. Юрковский аккуратно сложил рекомендацию и положил ее на край стола.

— Скажите, юноша, — спросил он, — а почему вас... э-э... не заменили?

Юра покраснел.

— Я очень просил, — ответил он тихо. — И все думали, что я догою. Я опоздал всего на сутки...

Воцарилось молчание, и было слышно, как на проспекте Дружбы вразноголосицу орут «варяжские гости». Не то залившие горе, не то спрыгнувшие радость. Возможно, у старого Джойса.

— У вас есть... э-э... знакомые в Мирза-Чарле? — осторожно спросил Юрковский.

— Нет, — сказал Юра. — Я только сегодня приехал. Я только познакомился в кафе с одним товарищем. Иваном его зовут, и он...

— А куда вы обращались?

— К дежурному по пассажирским перевозкам и к администрации гостиницы.

Быков и Юрковский переглянулись. Юре показалось, что Юрковский чуть-чуть отрицательно покачал головой.

— Ну, это еще не страшно, — проворчал Быков.

Юрковский сказал неожиданно резко:

— Совершенно не понимаю, зачем нам пассажир.

Быков думал.

— Честное слово, я никому не буду мешать, — убедительно сказал Юра. — И я готов на все.

— Готов даже красиво умереть, — проворчал Быков.

Юра прикусил губу. «Дрянь дело, — думал он. — Ох, и плохо же мне! Ох, плохо...»

— Мне очень надо на Рею, — сказал он. Он вдруг с полной отчетливостью осознал, что это его последний

шанс и что на завтрашний разговор с заместителем начальника рассчитывать не стоит.

— Мм? — сказал Быков и посмотрел на Юрковского.

Юрковский пожал плечами и, подняв бокал, стал смотреть сквозь него на лампу. Тогда Быков поднялся из-за стола — Юра даже попятился: такой он оказался громадный и грузный, — и, шаркая домашними туфлями, направился в угол, где на спинке стула висела потертая кожаная куртка. Из кармана куртки он извлек плоский блестящий футляр радиофона. Юра, затаив дыхание, смотрел ему в спину.

— Шарль? — глухо осведомился Быков. Он прижал к уху гибкий шнур с металлическим шариком на конце. — Это Быков. Регистр «Тахмасиба» еще у тебя? Впиши в состав экипажа для спецрейса 17... Да, я беру стажера... Да, начальник экспедиции не возражает. (Юрковский сильно поморщился, но промолчал.) Что? Сейчас. — Быков повернулся к Юре, протянул руку и нетерпеливо пощелкал пальцами. Юра бросился к столу, схватил рекомендацию и вложил в пальцы. — Сейчас... Так... От коллектива Вязьминского завода металлоконструкций. Боже мой, Шарль, это совершенно не твое дело! В конце концов, это спецрейс!.. Да. Даю: Бородин Юрий Михайлович... Восемнадцать лет. Да, именно восемнадцать. Вакуум-сварщик... Стажер... Зачислен моим приказом от вчерашнего числа. Прошу тебя, Шарль, немедленно подготовь для него документы. Нет, не он, я сам заеду... Завтра утром. До свиданья, Шарль, спасибо.

Быков медленно свернул шнур и сунул радиофон обратно в карман куртки.

— Это незаконно, Алексей, — негромко сказал Юрковский.

Быков вернулся к столу и сел.

— Если бы ты знал, Владимир, — сказал он, — без скольких законов я могу обойтись в пространстве. И без скольких законов нам придется обойтись в этом рейсе. Стажер, можете сесть, — сказал он Юре.

Юра торопливо и очень неудобно сел. Быков взял телефонную трубку.

— Жилин, зайди ко мне. — Он повесил трубку. — Возьмите ваши документы, стажер. Подчиняться будете непосредственно мне. Ваши обязанности вам разъяснит бортинженер Жилин, который сейчас придет.

— Алексей, — величественно сказал Юрковский. — Наш... э-э... кадет еще не знает, с кем имеет дело.

— Нет, я знаю, — сказал Юра. — Я вас сразу узнал.

— О! — удивился Юрковский. — Нас еще можно узнать?

Юра не успел ответить. Дверь распахнулась, и на пороге появился Иван в той же самой клетчатой рубахе.

— Прибыл, Алексей Петрович, — весело сообщил он.

— Принимай своего крестника, — буркнул Быков. — Это наш стажер. Закрепляю его за тобой. Сделай отметку в журнале. А теперь забирай его к себе и до самого старта не спускай с него глаз.

— Слушаю, — сказал Жилин, снял Юру со стула и вывел в коридор. Юра медленно осознавал происходящее.

— Это вы — Жилин? — спросил он. — Бортинженер?

Жилин не ответил. Он поставил Юру перед собой, отступил на шаг и спросил страшным голосом:

— Водку пьешь?

— Нет, — испуганно ответил Юра.

— В бога веруешь?

— Нет.

— Истинно межпланетная душа! — удовлетворенно сказал Жилин. — Когда прибудем на «Тахмасиб», дам тебе поцеловать ключ от стартера.

3. Марс. Астрономы

Матти, прикрыв глаза от слепящего солнца, смотрел на дюны. Краулера видно не было. Над дюнами стояло большое облако красноватой пыли, слабый ветер медленно относил его в сторону. Было тихо, только на пятиметровой высоте шелестела вертушка анемометра. Затем Матти услыхал выстрелы: пок, пок, пок, пок — четыре выстрела подряд.

— Мимо, конечно, — сказал он.

Обсерватория стояла на высоком плоском холме. Летом воздух всегда был очень прозрачен, и с вершины холма хорошо просматривались белые купола и параллелипеды Теплого Сырта в пяти километрах к югу и серые развалины Старой Базы на таком же плоском высоком холме в трех километрах к западу. Но сейчас Старую Базу закрывало облако пыли. Пок, пок, пок — снова донеслось оттуда.

— Стрелки! — горестно сказал Матти. Он осмотрел наблюдательную площадку. — Вот подлюга, — сказал он.

Широкоугольная камера была повалена. Метеобудка покосилась. Стена павильона телескопа была забрызгана какой-то желтой гадостью. Над дверью павильона зияла свежая дыра от разрывной пули. Лампочка над входом была разбита.

— Стрелки, — повторил Матти.

Он подошел к павильону и ощупал пальцами в меховой перчатке края пробоины. Он подумал о том, что может натворить разрывная пуля в павильоне, и ему стало нехорошо. В павильоне стоял очень хороший телескоп с прекрасно исправленным объективом, регистратор мерцаний, блинк-автоматы — аппаратура редкая, капризная и сложная. Блинк-автоматы боятся даже пыли, их приходится закрывать герметическим чехлом. А что может сделать чехол против разрывной пули?

Матти не пошел в павильон. «Пусть они сами посмотрят, — подумал он. — Сами стреляли, пусть сами и смотрят». Честно говоря, ему было просто страшно заходить туда. Он положил карабин на песок и, поднатужась, поднял камеру. Одна нога треножника была согнута, и камера встала криво.

— Подлога! — сказал Матти с ненавистью.

Он занимался метеоритными съемками, и камера была его единственным инструментом. Он пошел через всю площадку к метеобудке. Пыль на площадке была изрыта, Матти со злостью топтал характерные округлые ямы — следы «летучей пиявки». «Почему она все время лезет на площадку? — думал он. — Ну, ползала бы вокруг дома. Ну, вломилась бы в гараж. Нет, она лезет на площадку. Человечиной здесь пахнет, что ли?»

Дверца метеобудки была согнута и не открывалась. Матти безнадежно махнул рукой и вернулся к камере. Он свинтил камеру, с трудом снял ее и, кряхтя, положил на разостланный брезент. Потом он взял треногу и понес в дом. Он оставил треногу в мастерской и заглянул в столовую. Наташа сидела у радио.

— Сообщила? — спросил Матти.

— Ты знаешь, у меня просто руки опускаются, — сердито сказала она. — Честное слово, проще сбегать туда.

— А что? — спросил Матти.

Наташа резко повернула регулятор громкости. Низкий усталый голос загудел в комнате:

— Седьмая, седьмая, говорит Сырт. Почему нет сводки? Слышите, седьмая? Давайте сводку!

Седьмая забубнила цифрами.

— Сырт! — сказала Наташа. — Сырт! Говорит первая!
— Первая, не мешайте, — сказал усталый голос. — Имейте терпение.

— Ну вот, пожалуйста, — сказала Наташа и повернула регулятор громкости в обратную сторону.

— А что ты, собственно, хочешь им сообщить? — спросил Матти.

— Про то, что случилось, — ответила Наташа. — Ведь это чепе.

— Ну уж и чепе! — возразил Матти. — Каждую ночь у нас такое чепе.

Наташа задумчиво подперла кулаком щеку.

— А знаешь, Матти, — сказала она, — ведь сегодня первый раз пиявка пришла днем.

Матти всей горстью взялся за физиономию. Это была правда. Прежде пиявки приходили либо поздно ночью, либо перед самым восходом солнца.

— Да, — сказал он. — Да-а-а. Я это понимаю так: обнаглели.

— Я это тоже так понимаю, — заметила Наташа. — Что там, на площадке?

— Ты лучше сама сходи посмотри, — сказал Матти. — Камеру мою изуродовало. Мне сегодня не наблюдать.

— Ребята там? — спросила Наташа.

Матти замялся.

— Да, в общем, там, — сказал Матти и неопределенно махнул рукой.

Он вдруг представил себе, что скажет Наташа, когда увидит пулевую пробоину над дверью павильона.

Наташа снова повернулась к рации, и Матти тихонько прикрыл за собой дверь. Он вышел из дома и увидел краулер. Краулер летел на предельной скорости, лихо прыгая с бархана на бархан. За ним до самых звезд вставала плотная стена пыли, и на этом красно-желтом фоне очень эффектно выделялась могучая фигура Пенькова, стоявшего во весь рост с упретым в бок карабином. Вел краулер, конечно, Сергей.

Он направил машину прямо на Матти и намертво затормозил в пяти шагах. Густое облако пыли заволокло наблюдательную площадку.

— Кентавры, — сказал Матти, протирая очки. — Лошадиная голова на человеческом туловище.

— А что? — сказал Сергей, соскакивая.

За ним неторопливо спустился Пеньков.

— Ушла, — сказал он.

— По-моему, ты в нее попал, — сказал Сергей. Пеньков важно кивнул.

— По-моему, тоже, — сказал он.

Матти подошел к нему и крепко взял за рукав меховой куртки.

— А ну-ка пойдем, — сказал он.

— Куда? — осведомился Пеньков, сопротивляясь.

— Пойдем, пойдем, стрелок, — сказал Матти. — Я тебе покажу, куда ты попал наверняка.

Они подошли к павильону и остановились перед дверью.

— Ух ты! — сказал Пеньков.

Сергей, не говоря ни слова, кинулся внутрь.

— Наташка видела? — быстро спросил Пеньков.

— Нет еще, — сказал Матти.

Пеньков с задумчивым видом ощупывал края дыры.

— Это так сразу не заделаешь, — сказал он.

— Да, запасного павильона на Сырте нет, — ядовито сказал Матти.

Месяц назад Пеньков, стреляя ночью в пиявок, пробил метеобудку. Тогда он отправился на Сырт и где-то достал там запасную. Пробитую будку он спрятал в гараже.

Сергей крикнул из павильона:

— Кажется, все в порядке!

— А есть там выходное отверстие? — спросил Пеньков.

— Есть...

Раздалось мягкое жужжание, крыша павильона раздвинулась и сдвинулась снова.

— Кажется, обошлось, — объявил Сергей и вылез из павильона.

— А у меня треногу помяло, — сказал Матти. — А метеобудку так покалечило, что придется опять новую доставать.

Пеньков мельком взглянул на будку и снова уставился на зияющую дыру. Сергей стоял рядом с ним и тоже смотрел на дыру.

— Будку я выпрявлю, — уныло сказал Пеньков. — А вот что с этим делать...

— Наташа идет, — негромко предупредил Матти.

Пеньков сделал движение, как будто собирался куда-то скрыться, но только втянул голову в плечи. Сергей быстро заговорил:

— Здесь пробоина небольшая, Наташенька, но это ерунда, мы ее сегодня же быстро заделаем, а внутри все цело...

Наташа подошла к ним, взглянула на пробоину.

— Свиньи вы, ребята, — тихо сказала она.

Теперь скрыться куда-нибудь захотелось всем, даже Матти, который был совсем ни в чем не виноват и выбежал на площадку последним, когда уже все кончилось. Наташа вошла в павильон и зажгла свет. В раскрытую дверь было видно, как она снимает футляры с блинк-автоматов. Пеньков длинно и тоскливо вздохнул. Сергей тихонько сказал:

— Пойду загоню машину.

Ему никто не ответил, он полез в краулер и завел мотор. Матти молча вернулся к своей камере и, согнувшись пополам, поволок ее в дом. Перед павильоном осталась только унылая, нелепо громоздкая фигура Пенькова.

Матти втащил камеру в мастерскую, снял кислородную маску, капюшон и долго возился, расстегивая просторную доху. Затем, не снимая унтов, он сел на стол возле камеры. В окно ему было видно, как необыкновенно медленно, словно на цыпочках, проехал в гараж краулер.

Наташа вышла из павильона и плотно закрыла за собой дверь. Потом она пошла через площадку, останавливаясь перед приборами. Пеньков плелся следом и, судя по всему, длинно и тоскливо вздыхал. Тучи пыли уже осели, маленько красноватое солнце висело над черными, словно обглоданными руинами Старой Базы, поросшими колючим марсианским саксаулом. Матти посмотрел на низкое солнце, на быстро темнеющее небо, вспомнил, что он сегодня дежурный, и отправился на кухню.

За ужином Сергей сказал:

— Наташенька наша сегодня серьезная, — и испытующе посмотрел на Наташу.

— Да ну вас, в самом деле, — сказала Наташа. Она ела, ни на кого не глядя, очень сердитая и нахмуренная.

— Сердитая Наташенька наша, — сказал Сергей.

Пеньков длинно и тоскливо вздохнул. Матти скорбно покачал головой.

— Не любит нас сегодня Наташенька, — добавил Сергей нежно.

— Ну правда, ну что это такое! — заговорила Наташа. — Ведь договорились же не стрелять на площадке. Ведь это же не тир все-таки! Там приборы... Вот разбили бы сегодня блинки, куда бы пошли? Где их взять?

Пеньков преданными глазами смотрел на нее.

— Ну что ты, Наташенька! — сказал Сергей. — Как можно попасть в блинк?

— Мы стреляем только по лампочкам, — проворчал Матти.

— Вот продырявили павильон, — сказала Наташа.

— Наташенька! — закричал Сережа. — Мы принесем другой павильон! Пеньков сбегает на Сырт и принесет. Он ведь у нас здоровенный!

— Да ну вас, — сказала Наташа. Она уже больше не сердилась.

Пеньков оживился.

— Когда же в нее стрелять, как не на площадке?.. — начал он, но Матти наступил ему под столом на ногу, и он замолчал.

— Ты, Володя, действительно просто ужас какой неуклюжий, — сказала Наташа. — Огромное чудовище ростом со шкаф, и ты целый месяц не можешь в него попасть.

— Я сам удивляюсь, — честно сказал Пеньков и сильно почесал затылок. — Может, пришел сбыт?

— Гнущие ствола, — сказал ядовито Матти.

— Все равно, ребята, теперь этим забавам конец, — сказала Наташа. Все посмотрели на нее. — Я говорила с Сыртом. Сегодня пиявки напали на группу Азизбекова, на геологов, на нас и на участок нового строительства. И все среди бела дня.

— И все к западу и к северу от Сырта, — сказал Сергей.

— Да, в самом деле, — сказала Наташа. — А я не сообразила. Ну, как бы то ни было, решено провести облаву.

— Это здорово, — сказал Пеньков. — Наконец-то.

— Завтра утром будет совещание, вызывают всех начальников групп. Я поеду, а ты останешься за старшего, Сережа. Да, и еще. Наблюдать сегодня не будем, ребята. Начальство распорядилось отменить всеочные работы.

Пеньков перестал есть и грустно посмотрел на Наташу. Матти сказал:

— Мне-то все равно, у меня камера полетела. А вот у Пенькова полетит программа, если он пропустит пару ночей.

— Я знаю, — сказала Наташа. — У всех летит программа.

— А может быть, я как-нибудь потихонечку, — сказал Пеньков, — незаметно.

Наташа замотала головой.

— И слышать не хочу, — сказала она.

— А может... — начал Пеньков, и Матти снова наступил ему на ногу.

Пеньков подумал: «И правда, чего слова тратить! Все равно все будут наблюдать».

— Какой сегодня день? — спросил Сергей. Он имел в виду день декады.

— Восьмой, — сказал Матти.

Наташа покраснела и стала глядеть всем в глаза по очереди.

— Что-то Рыбкина давно нет, — сказал Сергей, наливая себе кофе.

— Да, действительно, — глубокомысленно сказал Пеньков.

— И время уже позднее, — добавил Матти. — Уж полночь близится, а Рыбкина все нет...

— О! — сказал Сергей и поднял палец. В тамбуре звякнула дверь шлюза. — Это он! — торжественным шепотом провозгласил Сергей.

— Вот чудаки, вот чудаки, — сказала Наташа и смущенно засмеялась.

— Не трогайте Наташеньку, — потребовал Сережа. — Не смеите над нею смеяться.

— Вот он сейчас придет, он нам посмеется, — сказал Пеньков.

В дверь столовой постучали. Сергей, Матти и Пеньков одновременно приложили пальцы к губам и значительно посмотрели на Наташу.

— Ну что же вы? — шепотом сказала Наташа. — Отзовитесь же кто-нибудь...

Матти, Сергей и Пеньков одновременно замотали головами.

— Войдите! — с отчаянием сказала Наташа.

Вошел Рыбкин, как всегда аккуратный и подтянутый, в чистом комбинезоне, в белоснежной сорочке с отложным воротником, безукоризненно выбритый. Лицо его, как и у всех следопытов, производило странное впечатление: дочерна загорелые скулы и лоб, белые пятна вокруг глаз и белая нижняя часть лица там, где кожу прикрывают очки и кислородная маска.

— Можно? — сказал он тихо. Он всегда говорил очень тихо.

— Садитесь, Феликс, — пригласила Наташа.

— Ужинать будешь? — спросил Матти.

— Спасибо, — сказал Рыбкин. — Лучше чашечку кофе.

— Что-то ты сегодня запоздал, — сказал прямодушный Пеньков, наливая ему кофе.

Сергей скривил ужасную мину, а Матти пнул Пенькова под столом ногой.

Рыбкин спокойно принял кофе.

— Я пришел полчаса назад, — сказал он, — и прошелся вокруг дома. Я вижу, сегодня у вас тоже побывала пиявка.

— Сегодня у нас тут была баталия, — сказала Наташа.

— Да, — сказал Рыбкин. — Я видел пробоину в павильоне.

— Наши карабины страдают гнутием ствола, — объяснил Матти.

Рыбкин засмеялся. У него были маленькие ровные белые зубы.

— А тебе приходилось попадать хоть в одну пиявку? — спросил Сергей.

— Вероятно, нет, — сказал Феликс. — В них очень трудно попасть.

— Это я и сам знаю, — проворчал Пеньков.

Наташа, опустив глаза, крошила хлеб.

— Сегодня у Азизбекова одну убили, — сказал Рыбкин.

— Да ну? — изумился Пеньков. — Кто?

Рыбкин опять засмеялся.

— Да никто, — сказал он. Он мельком поглядел на Наташу. — Забавная штука — сорвалась стрела экскаватора и раздавила ее. Наверное, кто-нибудь попал в трос.

— Вот это выстрел! — сказал Сергей.

— Это мы тоже умеем, — сказал Матти. — На бегу с тридцати шагов прямо в лампочку над дверью.

— Вы знаете, ребята, — сказал Сергей, — у меня такое впечатление, что все карабины на Марсе страдают гнутием ствола.

— Нет, — сказал Феликс. — Потом обнаружили, что в пиявку у Азизбекова попало шесть пуль.

— Вот скоро будет облава, — сказал Пеньков, — мы им тогда покажем, где раки зимуют.

— А я этой облаве вот ни столечко не радуюсь, — сказал Матти. — Спокон веков у нас так: бах-трах-тараах, перебьют всю живность, а потом начинают устраивать заповедники.

— Что это ты? — сказал Сергей. — Ведь они же мешают.

— Вот нам все мешает, — сказал Матти. — Кислорода мало — мешает, кислорода много — мешает, лесу много — мешает, руби лес... Кто мы такие, в конце концов, что нам все мешает?

— Салат был, что ли, плохой? — задумчиво сказал Пеньков. — Так ты его сам готовил...

— Не попадайся, не попадайся, Пеньков, — сказал Сергей. — Он просто хочет затеять общий разговор. Чтобы Наташенька высказалась.

Феликс внимательно посмотрел на Сергея. У него были большие светлые глаза, и он очень редко мигал. Матти усмехнулся.

— А может быть, вовсе не они нам мешают, — сказал он, — а мы им?

— Ну? — буркнул Пеньков.

— Я предлагаю рабочую гипотезу, — сказал Матти. — Летучие пиявки есть коренные разумные обитатели Марса, хотя они находятся пока на низкой ступени развития. Мы захватили районы, где есть вода, и они намерены нас выжить.

Пеньков ошарашенно смотрел на него.

— Что ж, — сказал он. — Возможно.

— Да ты спорь с ним, спорь, — сказал Сергей. — А то так ему никакого удовольствия.

— Все говорит за мою гипотезу, — продолжал Матти. — Живут они в подземных городах. Нападают всегда справа — потому что у них такое табу. И... э-э... они всегда уносят своих раненых...

— Ну, братец... — разочарованно сказал Пеньков.

— Феликс, — сказал Сергей, — уничтожь это изящное рассуждение.

Феликс сказал:

— Такая гипотеза уже выдвигалась. (Матти изумленно поднял брови.) Давно. До того, как была убита первая пиявка. Сейчас выдвигаются гипотезы поинтереснее.

— Ну? — спросил Пеньков.

— До сих пор никто не объяснил, почему пиявки нападают на людей. Не исключена возможность, что это у них очень древняя привычка. Напрашивается мысль, не обитает ли на Марсе все-таки раса двуногих прямостоящих.

— Обитает, — сказал Сергей. — Тридцать лет уже обитает.

Феликс вежливо улыбнулся.

— Можно надеяться, что пиявки наведут нас на эту расу.

Некоторое время все молчали. Матти с завистью смотрел на Феликса. Он всегда завидовал людям, перед которыми стоят такие задачи. Выслеживать летучих пия-

вок — занятие само по себе увлекательное, а если при этом еще ставится такая задача...

...Матти мысленно перебрал все интересные задачи, которые пришлось решать ему самому за последние пять лет. Интереснее всего было конструирование дискретного искателя-охотника на хемостазерах. Патрульная камера превращалась в огромный любопытный глаз, следящий за появлением и движением «поэторонних» световых точек на ночном небе. Сережка бегал по ночным дюнам, время от времени мигая фонариком, а камера бесшумно и жутко разворачивалась вслед за ним, следя за каждым его движением... «Что ж, — подумал Матти, — это тоже было интересно».

Сергей вдруг сказал с досадой:

— До чего же мы ничего не знаем! (Пеньков перестал тянуть с шумом кофе из чашки и поглядел на него.) И до чего не стремимся узнать! День за днем, декада за декадой бродим по шею в тоскливых мелочах... Копаемся в электронике, ломаем сумматоры, чиним сумматоры, чертим графики, пишем статеечки, отчетики... Противно! — Он взялся за щеки и с силой потер лицо. — Прямо за оградой на тысячи километров протянулся совершенно незнакомый, чужой мир. И так хочется плонуть на все и пойти куда глаза глядят через пустыню искать настоящего дела... Стыдно, ребята. Это же смешно и стыдно сидеть на Марсе и двадцать четыре часа в сутки ничего не видеть, кроме блинк-регистограмм и пеньковской унылой физиономии...

Пеньков сказал мягко:

— А ты плонь, Серега. Иди себе. Попросись к строителям. Или вот к Феликсу. — Он повернулся к Феликсу. — Возьмете его, а?

Феликс пожал плечами.

— Да нет, Пеньков, дружище, не поможет это. — Сергей, поджав губы, помотал светлым чубом. — Надо что-то уметь. А что я умею? Чинить блинки... Считать до двух и интегрировать на малой машине. Краулер умею водить, да и то не профессионально... Что я еще умею?

— Ныть ты умеешь профессионально, — сказал Матти. Ему было неловко за Сережку перед Феликсом.

— Я не ныю. Я злюсь. До чего мы самодовольны и самоограниченны! И откуда это берется? Почему считается, что найти место для обсерватории важнее, чем пройти планету по меридиану, от полюса до полюса? Почему важнее искать нефть, чем тайны? Что нам — нефти не хватает?

— Что тебе — тайн не хватает? — сказал Матти. — Себя и решил ограниченную Т-задачу...

— Да не хочу я ее решать! Скучно ее решать, бедный ты мой Матти! Скучно! Я же здоровый, сильный парень, я гвозди гну пальцами... Почему я должен сидеть над бумажками?

Он замолчал. Молчание было тяжелым, и Матти подумал, что неплохо было бы переменить тему, но не знал, как это сделать.

Наташа сказала:

— Я с Сережкой вообще-то не согласна, но это верно: мы немножко слишком погрязли в обычных делах. И такая иногда берет досада... Ну, пусть не мы, пусть кто-нибудь все-таки занялся бы Марсом, как новой землей. Веет-таки ведь это не остров, даже не континент — терра инкогнита, — это же планета! А мы тридцать лет сидим тут тихонько и трусливо, жемемся к воде и ракетодромам. И мало нас до смешного. Это, правда, досадно. Сидит там кто-нибудь в управлении, какой-нибудь убеленный старец, и брюзжит: «Рано, рано».

Услыхав слово «рано», Пеньков вздрогнул и посмотрел на часы.

— Ох, мать честная! — пробормотал он, вылезая из-за стола. — Я уже две звезды здесь с вами просидел. — Тут он посмотрел на Наташу, открыл рот и торопливо сел. У него было такое забавное лицо, что все, даже Сергей, засмеялись.

Матти вскочил и подошел к окну.

— А ночь-то какая! — сказал он. — Качество изображения сегодня, наверное, наводит изумление. — Он оглянулся через плечо на Наташу.

Феликс оживился.

— Наташа, — сказал он, — если нужно, я могу посторожить, пока вы будете работать.

— А как же вы... Ведь вам пора идти... — Наташа покраснела. — Я хочу сказать, что обычно вы в это время уходите...

— Чего нас сторожить? — сказал Матти. — Я и сам могу посторожить. У меня все равно камера полетела.

— Так я пойду одеваться, — сказал Пеньков.

— Ну ладно, — уступила Наташа. — Во изменение моего приказа от семи часов вечера...

Пенькова уже не было. Сергей тоже поднялся и, ни на кого не глядя, вышел. Матти стал собирать со стола.

— Давайте я помогу, — предложил Феликс.

— А что тут помогать, — возразил Матти. — Пять чашек, пять тарелок...

Он взглянул на руки Феликса и осекся.

— А это зачем? — спросил он с удивлением. На правом и на левом запястье у Феликса было по две пары часов.

Феликс серьезно сказал:

— Это тоже одна гипотеза. Так вы сами помоете?

— Сам, — сказал Матти. «Странный все-таки парень этот Феликс», — подумал он.

— Тогда я пойду, — сказал Феликс и вышел.

Рация в углу комнаты вдруг зашипела, щелкнула, и густой усталый голос сказал:

— Первая, говорит Сырт. Сырт вызывает первую.

Матти крикнул:

— Наташа, Сырт вызывает!.. — Он подошел к микрофону и сказал: — Первая слушает!

— Позовите начальника, — сказал голос из репродуктора.

— Одну минуту.

Вбежала Наташа в расстегнутой дохе и с кислородной маской на груди.

— Начальник слушает, — сказала она.

— Еще раз подтверждаю распоряжение, — сказал голос. — Ночные работы запрещаются. Теплый Сырт окружен пиявками. Повторяю...

Матти слушал и вытикал тарелки. Вошли Пеньков и Сергей. Матти с интересом следил, как у них вытягиваются лица.

— ...Теплый Сырт окружен пиявками. Как поняли меня?

— Поняла вас хорошо, — расстроенно сказала Наташа. — Сырт окружен пиявками, ночные работы запрещаются.

— Спокойной ночи, — сказал голос, и репродуктор перестал шипеть.

— Спокойной ночи, Пеньков, — сказал Сергей и стал расстегивать доху.

Пеньков ничего не ответил. Он сердито засопел и ушел в свою комнату.

— Так я пойду, — сказал Феликс.

Все обернулись. Он стоял в дверях, маленький, крепкий, с непропорционально большим карабином у ноги.

— Как пойдешь? — сказал Матти.

Феликс показал пальцами, как он пойдет.

— Ты с ума сошел! — сказал Матти.

Феликс удивленно улыбнулся.

— Да что это с тобой?

— Вы слыхали радио? — быстро спросила Наташа.

— Да, слыхал, — сказал Феликс. — Но коменданту Сырта я не подчинен. Я же следопыт.

Он натянул маску, опустил очки, махнул рукой в перчатке и вышел. Все остолбенело глядели на дверь.

— Как же это? — растерянно сказала Наташа. — Ведь его съедят...

Сергей вдруг сорвался с места и, застегивая на ходу доху, кинулся вслед.

— Куда?! — крикнула Наташа.

— Я подвезу его! — на ходу откликнулся Сергей и захлопнул дверь.

Наташа побежала за ним. Матти схватил ее за руку.

— Куда ты, зачем? — спокойно сказал он. — Сережа правильно решил.

— А кто ему позволил? — запальчиво спросила Наташа. — Почему он не слушается?

— Надо же человеку помочь, — рассудительно сказал Матти.

Они почувствовали, как мелко задрожал пол. Сергей вывел краулер. Наташа опустилась на стул, скжала руки.

— Ничего, — сказал Матти. — Через десять — пятнадцать минут он вернется.

— А если они бросятся на Сережу, когда он будет возвращаться?

— Не было еще такого, чтобы пиявка бросилась на машину, — сказал Матти. — И вообще Сережка был бы только рад...

Они сидели и ждали. Матти вдруг подумал, что Феликс Рыбкин уже раз десять приходил к ним на обсерваторию по вечерам и уходил вот так же поздно. А ведь пиявки каждую ночь возятся вокруг Сырта. Смелый парень этот Феликс, подумал Матти. Странный парень. Впрочем, не такой уж и странный. Матти посмотрел на Наташу. Способ ухаживания, может быть, действительно немножко странный: робкая осада...

Матти поглядел в окно. В черной пустоте видны были только острые немигающие звезды. Вошел Пеньков, неся в руках кипу бумаг, сказал, ни на кого не глядя:

— Ну, кто мне поможет графики вычертить?

— Я могу, — сказал Матти.

Пеньков стал с шумом устраиваться за столом.

Наташа сидела выпрямившись, настороженно прислушиваясь. Пеньков, разложив бумаги, оживленно заговорил:

— Получается удивительно интересная вещь, ребята! Помните закон Дега?

— Помним, — сказал Матти. — Секанс в степени две трети.

— Нет тебе на Марсе секанса две трети! — ликующее сказали Пеньков. — Наташ, посмотри-ка... Наташа!

— Отстань ты от нее, — сказал Матти.

— А что? — шепотом спросил Пеньков.

Наташа вскочила.

— Едет! — сказала она.

— Кто? — спросил Пеньков.

Пол под ногами снова задрожал, потом стало тихо, звякнула шлюзовая дверь. Вшел Сергей, сдирая с лица заиндевевшую маску.

— Ух и мороз — ужас! — сказал он весело.

— Ты где был? — изумленно спросил Пеньков.

— Рыбкина на Сырт отвозил, — сказал Сергей.

— Ну и молодец, — сказала Наташа. — Какой ты молодец, Сережка! Теперь я могу спокойно спать.

— Спокойной ночи, Наташенька, — вразноголосицу сказали ребята.

Наташа ушла.

— Что ж ты меня не взял? — с обидой сказал Пеньков.

На лице Сергея пропала улыбка. Он подошел к столу, сел и отодвинул бумаги.

— Слушайте, ребята, — сказал он вполголоса. — А ведь я Рыбкина не нашел. До самого Сырта доехал, сигналил, прожекторами светил — нигде нет. Как сквозь землю провалился.

Все молчали. Матти опять подошел к окну. Ему показалось, что где-то в районе Старой Базы медленно движется слабый огонек, словно кто-то идет с фонариком.

4. Марс. Старая База

В семь часов утра начальники групп и участков системы Теплый Сырт собрались в кабинете директора системы Александра Филипповича Лямина. Всего собралось человек двадцать пять, и все расселись вокруг длинного низкого стола для совещаний. Вентиляторы и озонаторы были пущены на полную мощность. Наташа была единственной женщиной в кабинете. Ее редко приглашали на общие

совещания, и многие из собравшихся ее не знали. На нее поглядывали с благожелательным любопытством. Наташа услыхала, как кто-то сказал кому-то сипловатым шепотом: «Знал бы — побрился».

Лямин, не вставая, сказал:

— Первый вопрос, товарищи, вне повестки дня. Все ли позавтракали? А то я могу попросить принести консервы и какао.

— А вкусненького ничего нет, Александр Филиппович? — осведомился полный розовощекий мужчина с забинтованными руками.

В кабинете заплумели.

— Вкусненького ничего нет, — ответил Лямин и сокруশно покачал головой. — Вот консервированную курицу разве...

Раздались голоса:

— Правильно, Александр Филиппович! Пусть принесут! Не успели поесть!

Лямин кому-то махнул рукой.

— Сейчас принесут, — сказал он и встал. — Все собрались? — Он оглядел собравшихся. — Азибеков... Горин... Барабанов... Накамура... Малумян... Наташа... Ван... Джейфереона не вижу... Ах, да, прости... А где Опанасенко?.. От следопытов есть кто-нибудь?

— Опанасенко в рейде, — сказал тихий голос, и Наташа увидела Рыбкина. Впервые она увидела его небритым.

— В рейде? — сказал Лямин. — Ну ладно, начнем без Опанасенко. Товарищи, как вам известно, за последние недели летающие пиявки активизировались. С позавчерашнего дня началось уже совершенное безобразие. Пиявки стали нападать днем. К счастью, обошлось без жертв, но ряд начальников групп и участков потребовали решительных мер. Я хочу подчеркнуть, товарищи, что проблема пиявок — старая проблема. Всем нам они надоели. Спорим мы о них ненормально много, иногда даже ссоримся, полевым группам эти твари, видимо, очень мешают, и вообще пора наконец принять о них, о пиявках то есть, какое-то окончательное решение. Коротко говоря, у нас определились два мнения по этому вопросу. Первое — немедленная облава и посильное уничтожение пиявок. Второе — продолжение политики пассивной обороны, как палиатив, вплоть до того времени, когда колония достаточно окрепнет. Товарищи, — он прижал руки к груди, — я вас прошу сейчас высказываться в произвольном порядке. Но только, пожалуйста, постарайтесь обойтись

без личных выпадов. Это нам совершенно ни к чему. Я знаю, все мы устали, раздражены и каждый чем-нибудь недоволен. Но убедительно прошу забыть сейчас все, кроме интересов дела. — Глаза его сузились. — Особенно горячих я буду удалять с совещания независимо от рангов.

Он сел. Сейчас же поднялся высокий, очень худой человек, с пятнистым от загара лицом, небритый, с воспаленными глазами. Это был заместитель директора по строительству Виктор Кириллович Гайдадымов.

— Я не знаю, — начал он, — сколько времени продлится ваша облава — декаду, месяц, может быть, полгода. Я не знаю, сколько людей вы заберете на облаву — людей, по-видимому, самых лучших, может быть, даже всех. Я не знаю, наконец, выйдет ли что-нибудь из вашей облавы. Но вот что я твердо знаю и считаю своим долгом довести до сведения. Во-первых, из-за облавы придется прервать строительство жилых корпусов. А между прочим, через два месяца к нам прибудет пополнение, а жилищный кризис дает о себе знать уже сейчас. На Теплом Сырте я не имею возможности выделить комнаты даже женатым. Кстати, не к чести наших иностранных друзей будь сказано, они слишком много волнуются по этому поводу. Но это между прочим. Во-вторых, из-за облавы задержится строительство завода стройматериалов. Что такое завод стройматериалов в наших условиях, вы должны понимать сами. Об оранжереях и теплицах, которые мы из-за облавы не получим и этим летом, я даже говорить не буду. В-третьих, самое главное. Облава сорвет строительство регенерационного завода. Через месяц начнутся осенние бури, и на этом строительстве придется поставить крест. — Он стиснул зубы, закрыл и снова открыл глаза. — Вы знаете, товарищи, что мы все здесь висим на волоске. Может быть, я раскрываю какие-то секреты администрации, но черт с ними в конце концов: мы все здесь взрослые и опытные люди! Запасы воды под Теплым Сыртом иссякают. Они уже фактически иссякли. Уже сейчас мы возим воду на песчаных танках за двадцать шесть километров. (За столом зашумели и задвигались, кто-то крикнул: «А куда раньше смотрели?!») Если мы не закончим к концу месяца регенерационный завод, то осенью мы сядем на голодный паек, а зимой нам придется перетаскивать Теплый Сырт на двести километров отсюда. Я кончил.

Он сел и залпом выпил стакан остывшего какао. После минутной паузы Лямин сказал:

— Кто следующий?

— Я, — сказал кто-то. Встал маленький бородатый человек в темных очках — начальник ремонтных мастерских Захар Иосифович Пучко. — Я полностью присоединяюсь к Виктору Кирилловичу. — Он снял очки и подслеповато оглядел стол. — Как-то все у нас по-детски получается: облава, пиф-паф, ой-ёй-ёй... А я спрошу вас: а на чем это вы собираетесь гоняться за пиявками? Может быть, на палочке верхом, а? Вам сейчас Виктор Кириллович очень хорошо объяснил: у нас песчаные танки возят воду. А какие это танки? Это же горе, а не танки. Четверть нашего транспортного парка стоит у меня в мастерских, а ремонтировать их некому. Тот, кто умеет ремонтировать, тот не ломает, а кто умеет ломать, тот не умеет ремонтировать. Обращаются с танками так, будто это авторучка — выбросил и купил новую. Я, Наташа, посмотрел на ваш краулер. Это ж довести машину до такого состояния! Можно подумать, вы на нем ходите сквозь стены...

— Захар, Захар, ближе к делу, — сказал Лямин.

— Я хочу только сказать вот что. Знаю я эти облавы, знаю. Половина машин останется в пустыне, другая половина, может быть, доползет до меня, и мне скажут: чини. А чем я буду чинить — ногами? Рук у меня не хватает. И тогда начнется: «Пучко такой, Пучко сякой». Пучко думает, что не мастерские для Теплого Сырта, а Теплый Сырт для мастерских». Я начну просить людей у товарища Азизбекова, и он мне их не даст. Я начну просить людей у товарища Накамуры — простите, у господина Накамуры, — и он скажет, что у него и так летит программа...

— Ближе к делу, Захар, — нетерпеливо сказал Лямин.

— Ближе к делу начнется, когда у нас не останется ни одной машины. Тогда мы начнем носить продукты и воду на своем горбу за сто километров, и тогда меня спросят: «Пучко, где ты был, когда делали облаву?»

Пучко надел очки и сел.

— Дрянь дела, — пробормотал кто-то.

Наташа сидела как пришибленная. «Ну какой я начальник! — думала она. — Ведь я же ничего этого не знала, и даже не могла предположить, и еще ругала, свинья такая, этих стариков за бюрократизм...»

— Разрешите мне, — послышался мягкий голос.

— Старший ареолог¹ системы Ливанов, — сказал Лямин.

¹ Ареолог — специалист по геологии Марса.

Лицо Ливанова тоже было покрыто пятнистым загаром, широкое квадратное лицо с черными, близко посаженными глазами.

— Возражения против облавы, высказанные здесь, — проговорил он, — представляются мне чрезвычайно важными и значительными. (Наташа посмотрела на Гайдадымова. Гайдадымов спал, бессильно уронив голову.) И тем не менее облаву провести необходимо. Вот некоторые статистические данные. За тридцать лет пребывания человека на Марсе летающие пиявки совершили более полутора тысяч зарегистрированных нападений на людей. Три человека было убито, двенадцать искалечено. Население системы Теплый Сырт составляет тысячу двести человек, из них восемьсот человек постоянно работают в поле и, следовательно, перманентно находятся под угрозой нападения. До четверти ученых вынуждены нести сторожевую службу в ущерб государственным и личным научным планам. Мало того. Помимо морального ущерба пиявки наносят весьма значительный материальный ущерб. Только за последние несколько недель и только у ареологов они непоправимо разрушили пять уникальных установок и вывели из строя двадцать восемь ценных приборов. Представляется очевидным, что дальше так продолжаться не может. Пиявки ставят под угрозу всю научную работу системы Теплый Сырт. В мои намерения никоим образом не входит сколько-нибудь умалить значение соображений, высказанных здесь товарищами Гайдадымовым и Пучко. Эти соображения были учтены при составлении плана облавы, который я имею предложить совещанию от имени ареологов и следопытов.

Все зашевелились и снова замерли. Гайдадымов вздрогнул и открыл глаза. Ливанов продолжал размеренным голосом:

— Наблюдения показали, что апексом¹ распространения пиявок в районе Теплого Сырта является участок так называемой Старой Базы — на карте отметка 211. Операция начинается за час до восхода солнца. Группа из сорока хорошо подготовленных стрелков на четырех песчаных танках с запасом продовольствия на три дня занимает Старую Базу. Две группы загонщиков — ориентированочно по двести человек в каждой — на танках и краулерах развертываются в цепи из районов: первая группа — в ста километрах к западу от Сырта, вторая

¹ Апекс — центр.

группа — в ста километрах к северу от Сырта. В час ноль-ноль обе группы начинают медленное движение соответственно к северо-востоку и к югу, производя на ходу как можно больше шума и отгоняя пиявок, пытающихся прорваться через цепь. Двигаясь медленно и методически, обе группы смыкаются флангами, оттесняя пиявок в район Старой Базы. Таким образом, вся масса пиявок, оказавшихся в зоне охвата, будет сосредоточена в районе Старой Базы и уничтожена. Такова первая часть плана. Я хотел бы выслушать возможные вопросы и возражения.

— Медленно и методически — это хорошо, — сказал Пучко. — Но меня все-таки интересует, сколько потребуется машин.

— И людей, — сказал Гайдадымов. — И дней.

— Пятьдесят машин, четыреста пятьдесят человек и максимум трое суток.

— Как вы думаете уничтожать пиявок? — спросил Джейферсон.

— Мы очень мало знаем о пиявках, — сказал Ливанов. — Пока мы можем полагаться только на два средства: пули и огнеметы.

— Хороший план, — сказал Лямин. — Как вы думаете, товарищи?

Гайдадымов поднялся.

— Против такого плана я не возражаю, — сказал он. — Только постарайтесь не брать у меня строителей. И разрешите мне сейчас удалиться.

За столом зашумели:

— Отличный план, что и говорить!

— А где вы возьмете стрелков?

— Наберутся! Это строителей не хватает, а стрелков хватит!..

— Я еще не кончил, товарищи, — сказал Ливанов. — Есть вторая часть плана. Видимо, территория Старой Базы изрыта трещинами и кавернами, через которые пиявки выходят на поверхность. И там, конечно, полно подземных помещений. Когда кольцо замкнется и мы перебьем пиявок, мы можем либо зацементировать эти каверны, трещины и тоннели, либо продолжать преследование под землей. В обоих случаях нам совершенно необходим план Старой Базы.

— Нет, о преследовании под землей не может быть и речи, — сказал кто-то. — Это слишком опасно.

— А интересно было бы, — пробормотал розовый толстяк с перевязанными руками.

— Товарищи, этот вопрос мы решим после окончания облавы, — сказал Ливанов. — Сейчас нам нужен план Старой Базы. Мы обращались в архив, но там плана почему-то не оказалось. Может быть, кто-нибудь из старожилов имеет план?

За столом многие недоуменно переглядывались.

— Я не понимаю, — сказал сердито костлявый пожилой ареодезист. — О каком плане идет речь?

— О плане Старой Базы.

— Старая База была построена пятнадцать лет назад, на моих глазах. Это был бетонированный купол, и не было там никаких каверн и тоннелей. Правда, я улетал на Землю, может быть, без меня построили?

Другой ареодезист сказал:

— Кстати, Старая База находится не на отметке 211, а на отметке 205.

— Почему 205? — сказала Наташа. — На отметке 211! Это к западу от обсерватории.

— При чем здесь обсерватория? — Костлявый ареодезист совсем рассердился. — Старая База находится в одиннадцати километрах к югу от Теплого Сырта...

— Подождите, подождите! — закричал Ливанов. — Имеется в виду Старая База, расположенная на отметке 211, в трех километрах к западу от обсерватории.

— А! — сказал костлявый ареодезист. — Так вы имеете в виду Серые Развалины — остатки первопоселения. Кажется, там пытался обосноваться Нортон.

— Нортон высадился в трехстах километрах к югу отсюда! — закричал кто-то.

Поднялся шум.

— Тише,тише! — сказал Лямин и похлопал ладонью по столу. — Прекратите споры. Нам надо выяснить, кто знает что-нибудь о Старой Базе, или о Серых Развалинах, как угодно, одним словом, о высоте с отметкой 211?

Все молчали. Ходить на развалины старых поселений никто не любил, да и некогда было.

— Одним словом, никто не знает, — сказал Лямин. — И плана нет.

— Могу дать справку, — сказал секретарь директора, он же зам по научной части, он же архивариус. — С этой Старой Базой вообще какая-то чепуха получается. На отчетных кроках Нортонова эта база не отмечена, потом она появляется на отметке 211, а два года спустя на докладной записке Вельяминова, просившего разрешения исследовать развалины Старой Базы, тогдашний началь-

ник экспедиции Юрковский собственоручно начертать соизволил... — Секретарь поднял над головой пожелтевший листок бумаги: — «Ничего не понял. Учтесь правильно читать карту. Отметка не 211, а 205. Разрешаю. Юрковский».

Все удивленно засмеялись.

— Разрешите предложение, — тихо сказал Рыбин. Все посмотрели на него. — Можно сейчас же отправиться на отметку 211 и снять крохи Старой Базы.

— И то правильно, — сказал Лямин. — У кого есть время — поезжайте. Старшим назначается товарищ Ливанов. Совещание возобновим в одиннадцать часов.

От Теплого Сырта до Старой Базы по прямой было около шести километров. Отправились туда на двух песчаных танках. Желающих оказалось много — больше, чем участников совещания, — и Наташа решила ехать на своем краулере. Танки с ревом и скрежетом покатились к окраине Сырта. Чтобы не попасть в пыль, Наташа пустила краулер в обход. Поравнявшись с Центральной метеобашней, она вдруг увидела Рыбкина. Маленький следопыт шел привычным быстрым шагом, положив руки на свой длинный карабин, висевший на шее. Наташа затормозила.

— Феликс! — крикнула она. — Куда вы?

Он остановился и подошел к краулеру.

— Я решил идти пешком, — сказал он, спокойно глядя на нее снизу вверх. — Мне не хватило места.

— Садитесь, — сказала Наташа. Она неожиданно почувствовала себя с Феликсом свободно, совсем не так, как по вечерам в обсерватории.

Феликс легко поднялся на сиденье рядом с нею, снял с шеи карабин и поставил между колен. Краулер тронулся.

— Я очень испугалась вчера вечером, когда вы ушли один, — призналась Наташа. — Сергей вас быстро догнал?

— Сергей? — Он посмотрел на нее. — Да... довольно быстро. Это была удачная мысль.

Они помолчали. В полукилометре слева шли танки, оставляя за собой над пустыней плотную неподвижную стену пыли.

— Интересное было совещание, правда? — сказала Наташа.

— Очень интересное, — сказал Рыбин. — И что-то странное получается со Старой Базой.

— Я там бывала с ребятами, — сказала Наташа. — Еще когда строили нашу обсерваторию. Ничего особенного. Цементные плиты, все растрескалось, проросло саксаулом. Вы тоже думаете, что пиявки вылезают оттуда?

— Уверен, — сказал Рыбкин. — Там огромное гнездо пиявок, Наташа. Там под холмом огромная каверна. И она, наверное, имеет сообщение с другими пустотами под почвой. Хотя я этих ходов не нашел.

Наташа с ужасом на него посмотрела. Краулер вильнул. Справа из-за барханов открылась обсерватория. На наблюдательной площадке стоял длинный, как жердь, Матти и махал рукой. Феликс вежливо помахал в ответ. Купола и здания Теплого Сырта скрылись за близким горизонтом.

— Неужели вы их не боитесь? — спросила Наташа.

— Боюсь, — сказал Феликс. — Иногда, Наташа, просто до тошноты страшно бывает. Вы бы посмотрели, какие у них пасти. Только они еще более трусливы.

— Знаете что, Феликс, — сказала Наташа, глядя прямо перед собой, — Матти говорит, что вы странный человек. Я тоже думаю, что вы очень странный человек.

Феликс засмеялся.

— Вы мне льстите, — сказал он. — Вам, конечно, кажется странным, что я всегда прихожу к вам на обсерваторию поздним вечером только для того, чтобы выпить кофе. Но я не могу приходить днем. Днем я занят. Да и вечером я почти всегда занят. А когда у меня бывает свободное время, я прихожу к вам.

Наташа почувствовала, что начинает краснеть. Но краулер был уже у подножия плоского холма, того самого, который изображался на ареографических картах искривленным овалом с отметкой 211. На вершине холма среди неровных серых глыб уже копошились люди.

Наташа поставила краулер подальше от песчаных танков и выключила двигатель. Феликс стоял внизу, серьезно глядя на нее и протянув руку.

— Не надо, спасибо, — пробормотала Наташа, но на руку все-таки оперлась.

Они пошли среди развалин Старой Базы. Странные это были развалины: по ним никак нельзя было понять, каков первоначальный вид или хотя бы план сооружения. Проломленные купола на шестиугольных основаниях, обвалившиеся галереи, штабеля растрескавшихся цементных блоков. Все это густо поросло марсианской колоч-

кой и потонуло в пыли и песке. Кое-где под серыми сводами зияли темные провалы. Некоторые из них вели куда-то в глубокий, непроглядный мрак.

Над развалинами стоял гомон голосов.

— Еще одна каверна! Тут никакого цемента не хватит!

- Что за идиотская планировка!
- А что вы хотите от Старой Базы?
- Колючек-то, колючек! Как на солончаке...
- Вилли, не лезьте туда!
- Там пусто, никого нет...
- Товарищи, начинайте же съемку в конце концов.
- Доброе утро, Володя! Давно уже начали...
- Смотрите, а здесь следы ботинок!
- Да, кто-то здесь бывает... Вон еще...
- Следопыты, наверное...

Наташа посмотрела на Феликса. Феликс кивнул.

— Это я, — сказал он.

Он вдруг остановился, присел на корточки и стал что-то разглядывать.

— Вот, — сказал он. — Посмотрите, Наташа.

Наташа наклонилась. Из трещины в цементе свисал толстый стебель колючки с крошечным цветком на конце.

— Какая прелесть! — сказала она. — А я и не знала, что колючка цветет. Красиво как — красное с синим...

— Колючка дает цветок очень редко, — медленно сказал Феликс. — Известно, что она цветет раз в пять марсианских лет.

— Нам повезло, — сказала Наташа.

— Каждый раз, когда цветок осыпается, на его месте выступает новый побег, а там, где был цветок, остается блестящее колечко. Такое вот, видите?

— Интересно, — сказала Наташа. — Значит, можно подсчитать, сколько колючке лет... Раз... Два... Три... Четыре...

Она остановилась и посмотрела на Феликса.

— Тут восемь ободков, — сказала она неуверенно.

— Да, — сказал Феликс. — Восемь. Цветок — девятый. Этой трещине в цементе восемьдесят земных лет.

— Не понимаю, — сказала Наташа и вдруг поняла. — Значит, это не наша база? — сказала она шепотом.

— Не наша, — сказал Феликс и выпрямился.

— Вы об этом знали! — сказала Наташа.

— Да, мы об этом знаем, — сказал Феликс. — Это

здание строили не люди. Это не цемент. Это не просто холм. И пиявки не зря нападают на двуногих прямостоящих.

Наташа несколько секунд глядела на него, а затем повернулась и закричала во весь голос:

— Товарищи! Сюда! Скорее! Все сюда! Смотрите! Смотрите, что здесь есть! Сюда!

Кабинет директора системы Теплый Сырт был набит до отказа. Директор вытирая лысину платком и ошалело мотал головой. Ареолог Ливанов, утратив сдержанность и корректность, орал, надсаживаясь, стараясь перекрыть шум:

— Это просто уму непостижимо! Теплый Сырт существует шесть лет. За шесть лет не разобрались, что здесь наше и что не наше. Никому и в голову не пришло поинтересоваться Старой Базой!..

— А что там интересоваться! — кричал Азизбеков. — Я двадцать раз проезжал мимо. Развалины как развалины. Разве мало развалин оставили после себя первопоселенцы?

— А я там был года два назад! Смотрю, валяется ржавая гусеница от краулерса. Посмотрел и поехал дальше.

— А сейчас она там валяется?

— Да что там говорить? Посередине Базы стоит с незапамятных времен тригонометрический знак. Тоже, может быть, марсиане ставили?

— Следопыты просто опозорились, срам на них смотреть!

— Ну почему? Это же они и открыли!

Начальник группы следопытов Опанасенко, прибывший всего несколько минут назад, огромный, широкий, ухмыляющийся, обмахивался сложенной картой и что-то говорил директору. Директор мотал головой.

К столу пробирался, наступая всем на ноги, Пучко. Борода у него была взъерошенная, очки он держал высоко над головой.

— Потому что в системе творится тихий бедлам! — фальцетом закричал он. — Скоро ко мне будут приходить марсиане и просить, чтобы я им починил танк или там краулер, и я им буду чинить! У меня уже были случаи, когда приходят незнакомые люди и просят починить! Потому что я вижу: по городу ходят какие-то неизвестные люди! Я не знаю, откуда они приходят, и я

не знаю, куда они уходят! А может быть, они приходят со Старой Базы и уходят на Старую Базу!

Шум в кабинете внезапно затих.

— Может быть, вы хотите пример? Пожалуйста! Один такой гражданин сидит здесь с нами с утра! Я о вас говорю, товарищ!

Пучко ткнул очками в сторону Феликса Рыбкина. Кабинет взорвался хохотом. Опанасенко сказал гулким басом:

— Ну-ну, Захар, это же мой Рыбкин.

Феликс покачал головой, почесал в затылке и искоса поглядел на Наташу.

— Ну и что же, что Рыбкин? — закричал Пучко. — А я откуда знаю, что он Рыбкин? Вот и я говорю: нужно, чтобы всех знали... — Он махнул рукой и полез на свое место.

Директор встал и громко постучал карандашом по столу.

— Хватит, хватит, товарищи, — строго сказал он. — Повеселились, и хватит. Открытие, которое сделали следопыты, представляет огромный интерес, но мы собрались не для того. Схема Старой Базы у нас теперь есть. Облаву начнем через три дня. Приказ на облаву будет отдан сегодня вечером. Предварительно сообщаю, что начальником группы облавы назначается Опанасенко, его заместителем — Ливанов. А теперь прошу всех, кроме моих заместителей, покинуть кабинет и разойтись по рабочим местам.

В кабинете была только одна дверь в коридор, и кабинет пустел медленно. В дверях вдруг образовалась пробка.

— Радиограмма директору! — закричал кто-то.

— Передайте по рукам!

Сложенный листок бумаги поплыл над головами. Директор, споривший о чем-то с Опанасенко, взял и развернул его. Наташа увидела, как он побледнел, а потом покраснел.

— Что случилось? — пробасил Опанасенко.

— С ума можно сойти, — сказал директор с отчаянием. — Завтра сюда прибывает Юрковский.

— Володя? — сказал Опанасенко. — Это хорошо!

— Кому Володя, — с тихим отчаянием сказал директор, — а кому генеральный инспектор Международного управления космических сообщений.

Директор еще раз перечитал радиограмму и тяжело вздохнул.

5. «Тахмасиб». Генеральный инспектор и другие

Мягкий свисток будильника разбудил Юру ровно в восемь утра по бортовому времени. Юра приподнялся на локте и сердито посмотрел на будильник. Будильник подождал немного и засвистел снова. Юра застонал и сел на койке. «Нет, больше я по вечерам читать не буду, — подумал он. — Почему это вечером никогда не хочется спать, а утром испытываешь такие мучения?»

В каюте было прохладно, даже холодно. Юра обхватил руками голые плечи и постучал зубами. Затем он спустил ноги на пол, протиснулся между койкой и стеной и вышел в коридор. В коридоре было еще холоднее, но зато там стоял Жилин, могучий, мускулистый, в одних трусах. Жилин делал зарядку. Некоторое время Юра, обхватив руками плечи, стоял и смотрел, как Жилин делает зарядку. В каждой руке у Жилина было зажато по десятикилограммовой гантели. Жилин вел бой с тенью. Тени приходилось плохо. От страшных ударов по коридору носился ветерок.

— Доброе утро, Ваня, — сказал Юра.

Жилин мгновенно и бесшумно повернулся и скользящими шагами двинулся на Юру, ритмично раскачиваясь всем телом. Лицо у него было серьезное и сосредоточенное. Юра принял боевую стойку. Тогда Жилин положил гантели на пол и кинулся в бой. Юра кинулся ему навстречу, и через несколько минут ему стало жарко. Жилин хлестко и больно избивал его полураскрытой ладонью. Юра три раза попал ему в лоб, и каждый раз на лице Жилина появлялась улыбка удовольствия. Когда Юра взмок, Жилин сказал: «Брэк!» — и они остановились.

— Доброе утро, стажер, — сказал Жилин. — Как спалось?

— Спа...си...бо, — сказал Юра. — Ни...чего.

— В душ! — скомандовал Жилин.

Душевая была маленькая, на одного человека, и возле нее уже стоял с брезгливой усмешкой Юрковский в роскошном, красном с золотом халате, с колossalным мохнатым полотенцем через плечо. Он говорил сквозь дверь:

— Во всяком случае... э-э... я отлично помню, что Краюхин тогда отказался утвердить этот проект... Что?

Из-за двери слабо слышался шум струй, плеск и неразборчивый тонкий тенорок.

— Ничего не слышу, — негодующе сказал Юрковский. Он повысил голос: — Я говорю, что Краюхин отклонил этот проект, и если ты напишешь, что это была историческая ошибка, то ты будешь прав... Что?

Дверь душевой отворилась, и оттуда, еще продолжая вытиратся, вышел розовый, бодрый Михаил Антонович Крутиков, штурман «Тахмасиба».

— Ты тут что-то говорил, Володенька, — благодушно сказал он. — Только я ничего не слышал. Вода очень шумит.

Юрковский с сожалением на него посмотрел, вошел в душевую и закрыл за собой дверь.

— Мальчики, он не рассердился? — спросил встревоженный Михаил Антонович. — Мне почему-то показалось, что он рассердился.

Жилин пожал плечами, а Юра сказал неуверенно:

— По-моему, ничего.

Михаил Антонович вдруг закричал:

— Ах, ах! Каша разварится! — и быстро побежал по коридору на камбуз.

— Говорят, сегодня прибываем на Марс? — деловито сказал Юра.

— Был такой слух, — сказал Жилин. — Правда, тридцать-тридцать по курсу обнаружен корабль под разевающимся пиратским флагом, но я полагаю, что мы проскочим.

Он вдруг остановился и прислушался. Юра тоже прислушался. В душевой обильно лилась вода. Жилин пошевелил коротким носом.

— Чую, — сказал он.

Юра тоже принюхался.

— Каша, что ли? — спросил он неуверенно.

— Нет, — сказал Жилин. — Зашалил недублированный фазоциклёр. Ужасный шалун этот недублированный фазоциклёр. Чую, что сегодня его придется регулировать.

Юра с сомнением посмотрел на него. Это могло быть шуткой, а могло быть и правдой. Жилин обладал изумительным чутьем на неисправности.

Из душевой вышел Юрковский. Он величественно посмотрел на Жилина и еще более величественно на Юру.

— Э-э... — сказал он, — кадет и поручик. А кто сегодня дежурный на камбузе?

— Михаил Антонович, — сказал Юра застенчиво.

— Значит, опять овсяная каша, — величественно сказал Юрковский и прошел к себе в каюту.

Юра проводил его восхищенным взглядом. Юрковский поражал его воображение.

— А? — сказал Жилин. — Громовержец! Зевес! А? Ступай мыться.

— Нет, — сказал Юра. — Сначала вы, Ваня.

— Тогда пойдем вместе. Что ты здесь будешь один торчать? Как-нибудь втиснемся.

После душа они оделись и явились в кают-компанию. Все уже сидели за столом, и Михаил Антонович раскладывал по тарелкам овсянную кашу. Увидев Юру, Быков посмотрел на часы и потом снова на Юру. Он делал так каждое утро. Сегодня замечания не последовало.

— Садитесь, — сказал Быков.

Юра сел на свое место — рядом с Жилиным и напротив капитана, — и Михаил Антонович, ласково на него поглядывая, положил ему каши. Юрковский ел кашу с видимым отвращением и читал какой-то толстый переплетенный машинописный отчет, положив его перед собой на корзинку с хлебом.

— Иван, — сказал Быков, — недублированный фазоциклёр теряет настройку. Займись.

— Я, Алексей Петрович, займусь им, — сказал Иван. — Последние рейсы я только им и занимаюсь. Надо либо менять схему, либо ставить дублер.

— Схему менять надо, Алешенька, — сказал Михаил Антонович. — Устарело это все — и фазоциклёры, и веритальная развертка, и телетакторы... Вот, я помню, мы ходили к Урану на «Хиусе-8»... в две тысячи первом...

— Не в две тысячи первом, а в девяносто девятом, — сказал Юрковский, не отрываясь от отчета. — Мемуарщик...

— А по-моему... — сказал Михаил Антонович и задумался.

— Не слушай ты его, Михаил, — сказал Быков. — Какое кому дело, когда это было? Главное — кто ходил. На чем ходил. Как ходил.

Юра тихонько поерзал на стуле. Начинался традиционный утренний разговор. Бойцы вспоминали минувшие дни. Михаил Антонович, собираясь в отставку, писал мемуары.

— То есть как это? — сказал Юрковский, поднимая глаза от бумаг. — А приоритет?

— Какой еще приоритет? — сказал Быков.

— Мой приоритет.

— Зачем это тебе понадобился приоритет?

— По-моему, очень приятно быть... э-э... первым.

— Да на что тебе быть первым? — удивился Быков.

Юрковский подумал.

— Честно говоря, не знаю, — сказал он. — Мне просто приятно.

— Лично мне это совершенно безразлично, — сказал Быков.

Юрковский, снисходительно улыбаясь, помотал в воздухе указательным пальцем.

— Так ли, Алексей?

— Может быть, и неплохо оказаться первым, — сказал Быков, — но лезть из кожи вон, чтобы быть первым, занятие нескромное. По крайней мере, для ученого.

Жилин подмигнул Юре. Юра понял это так: «Мотай на ус».

— Не знаю, не знаю, — сказал Юрковский, демонстративно возвращаясь к отчету. — Во всяком случае, Михаил обязан придерживаться исторической правды. В девяносто девятом году экспедиционная группа Дауге и Юрковского впервые в истории науки открыла и исследовала бомбозондами так называемое аморфное поле на северном полюсе Урана. Следующее исследование пятна было произведено годом позже.

— Кем? — с очень большим интересом спросил Жилин.

— Не помню, — сказал рассеянно Юрковский. — Кажется, Лекруа. Михаил, нельзя ли... э-э... освободить стол? Мне надо работать.

Наступали священные часы работы Юрковского. Юрковский всегда работал в кают-компании. Он так привык. Михаил Антонович и Жилин ушли в рубку. Юра хотел последовать за ними — было очень интересно посмотреть, как настраивают недублированный фазоциклёр, — но Юрковский остановил его.

— Э-э... кадет, — сказал он, — не считите за труд, принесите мне, пожалуйста, бювар из моей каюты. Он лежит на койке.

Юра сходил за бюваром. Когда он вернулся, Юрковский что-то печатал на портативной электромашинке, небрежно порхая по контактам пальцами левой руки. Быков уже сидел на обычном месте, в большом персональном кресле; рядом с ним на столике возвышалась огромная пачка газет и журналов. На носу Быкова были большие старомодные очки.

Первое время Юра поражался, глядя на Быкова. На

корабле работали все. Жилин ежедневно вылизывал ходовую и контрольную системы, Михаил Антонович считал и пересчитывал курс, вводил дополнительные команды на киберуправление, заканчивал большой учебник и еще ухитрялся как-то находить время для мемуаров. Юрковский до глубокой ночи читал какие-то пухлые отчеты, получал и отправлял бесчисленные радиограммы, что-то расшифровывал и зашифровывал на электромашинке. А капитан корабля Алексей Петрович Быков читал газеты и журналы. Раз в сутки он, правда, выстаивал очередную вахту. Но все остальное время он проводил в своей каюте либо в кают-компании. Юра это шокировало. На третьи сутки он не выдержал и спросил у Жилина, зачем на корабле капитан. «Для ответственности, — сказал Жилин. — Если, скажем, кто-нибудь потеряется». У Юры вытянулось лицо. Жилин засмеялся и сказал: «Капитан отвечает за всю организацию рейса. Перед рейсом у него нет ни одной свободной минуты. Ты заметил, что он читает? Это газеты и журналы за последние два месяца». — «А во время рейса?» — спросил Юра. Они стояли в коридоре и не заметили, как подошел Юрковский. «Во время рейса капитан нужен только тогда, когда случается катастрофа, — сказал он со странной усмешкой. — И тогда он нужен больше чем кто-нибудь другой».

Юра, ступая на цыпочках, положил рядом с Юрковским бювар. Бювар был роскошный, как и все у Юрковского. В углу бювара была врезана золотая пластина с надписью: «IV Всемирный Конгресс планетологов. 20. XII. 02. Конакри».

— Спасибо, кадет, — сказал Юрковский, откинулся на стуле и задумчиво посмотрел на Юру. — Вы бы сели да побеседовали со мной, стариком, — сказал он негромко. — А то через десять минут принесут радиограммы и опять начнется кавардак на целый день.

Юра сел. Он был безмерно счастлив.

— Вот давеча я говорил о приоритете и, кажется, немного погорячился. Действительно, что значит одно имя в океане человеческих усилий, в бурях человеческой мысли, в грандиозных приливах и отливах человеческого разума? Вот подумайте, Юра, сотни людей в разных концах Вселенной собрали для нас необходимую информацию, дежурный на Спу-5, усталый, с красными от бессонницы глазами, принимал и кодировал ее, другие дежурные программировали трансляционные установки,

а затем еще кто-то нажмет на пусковую клавишу, гигантские отражатели заворачиваются, разыскивая в пространстве наш корабль, и мощный квант, насыщенный информацией, сорвется с острия антенны и устремится в пустоту вслед за нами...

Юра слушал, глядя ему в рот. Юрковский продолжал:

— Капитан Быков, несомненно, прав. Собственное имя на карте не должно означать слишком много для настоящего человека. Радоваться своим успехам надо скромно, один на один с собой. А с друзьями надо делиться только радостью поиска, радостью погони и смертельной борьбы. Вы знаете, Юра, сколько людей на Земле? Четыре миллиарда! И каждый из них работает. Или гонится. Или ищет. Или дерется насмерть. Иногда я пробую представить себе все эти четыре миллиарда одновременно. Капитан Фред Дулитл ведет пассажирский лайнер, и за сто мегаметров до финиша выходит из строя питающий реактор, и у Фреда Дулитла за пять минут седеет голова, но он надевает большой черный берет, идет в кают-компанию и хочет там с пассажирами, с теми самыми пассажирами, которые так ничего и не узнают и через сутки разъедутся с ракетодрома и навсегда забудут даже имя Фреда Дулитла. Профессор Канаяма отдает всю свою жизнь созданию стереосинтетиков, и в одно жаркое сырое утро его находят мертвым в кресле возле лабораторного стола, и кто из сотен миллионов, которые будут носить изумительно красивые и прочные одежды из стереосинтетиков профессора Канаямы, вспомнит его имя? А Юрий Бородин будет в необычайно трудных условиях возводить жилые купола на маленькой каменистой Рее, и можно поручиться, что ни один из будущих обитателей этих жилых куполов никогда не услышит имени Юрия Бородина. И вы знаете, Юра, это очень справедливо. Ибо и Фред Дулитл тоже уже забыл имена своих пассажиров, а ведь они идут на смертельно опасный штурм чужой планеты. И профессор Канаяма никогда в глаза не видел тех, кто носит одежду из его тканей, а ведь эти люди кормили и одевали его, пока он работал. И ты, Юра, никогда, наверное, не узнаешь о героизме учёных, что поселятся в домах, которые ты выстроишь. Таков мир, в котором мы живем. Очень хороший мир.

Юрковский кончил говорить и посмотрел на Юру с таким выражением, словно ожидал, что Юра тут же переменится к лучшему. Юра молчал. Это называлось

«беседовать со стариком». Оба очень любили такие беседы. Ничего особенно нового для Юры в этих беседах, конечно, не было, но у него всегда оставалось впечатление чего-то огромного и сверкающего. Вероятно, дело было в самом обличии великого планетолога — весь он был какой-то красный с золотом.

В кают-компанию вошел Жилин, положил перед Юрковским катушки радиограмм.

— Утренняя почта, — сказал он.

— Спасибо, Ваня, — расслабленным голосом сказал Юрковский. Он взял наугад катушку, вставил ее в машинку и включил дешифратор. Машинка бешено застучала. — Ну вот, — тем же расслабленным голосом сказал Юрковский, вытягивая из машинки лист бумаги. — Опять на Церере программу не выполнили.

Жилин крепко взял Юру за рукав и повлек в рубку. Позади раздавался крепнущий голос Юрковского:

— Снять его надо к чертовой бабушке и перевести на Землю, пусть сидит смотрителем музея...

Юра стоял за спиной Жилина и глядел, как настраивают фазоцикёр. «Ничего не понимаю, — думал он с унынием. — И никогда не пойму». Фазоцикёр был деталью комбайна контроля отражателя и служил для измерения плотности потока радиации в рабочем объеме отражателя. Следить за настройкой фазоцикёра нужно было по двум экранам. На экранах вспыхивали и медленно гасли голубоватые искры и извилистые линии. Иногда они смешивались в одно сплошное светящееся облако, и тогда Юра думал, что все пропало и настройку нужно начинать сначала, а Жилин со вкусом приговаривал: «Превосходно. А теперь еще на полградуса». Все действительно начиналось сначала.

На возвышении в двух шагах позади Юры сидел за пультом счетной машины Михаил Антонович и писал мемуары. Пот градом катился по его лицу. Юра уже знал, что писать мемуары Михаила Антоновича заставил архивный отдел Международного управления космических сообщений. Михаил Антонович трудолюбиво царпал первом, возводил очи горé, что-то считал на пальцах и время от времени грустным голосом принимался петь веселые песни. Михаил Антонович был добряк, каких мало. В первый же день он подарил Юре плитку шоколада и попросил прочитать написанную часть мемуаров. Критику прямодушной молодости он воспринял

крайне болезненно, но с тех пор стал считать Юру непререкаемым авторитетом в области мемуарной литературы.

— Вот послушай, Юрик! — вскричал он. — И ты, Ванюша, послушай.

— Слушаем, Михаил Антонович, — с готовностью сказал Юра.

Михаил Антонович откашлялся и стал читать:

— «С капитаном Степаном Афанасьевичем Варшавским я встретился впервые на солнечных и лазурных берегах Таити. Яркие звезды мерцали над бескрайним Великим, или Тихим, океаном. Он подошел ко мне и попросил закурить, сославшись на то, что забыл свою трубку в отеле. К сожалению, я не курил, но это не помешало нам разговориться и узнать друг о друге. Степан Афанасьевич произвел на меня самое благоприятное впечатление. Это оказался милейший, превосходнейший человек. Он был очень добр, умен, с широчайшим кругозором. Я поражался обширности его познаний. Ласковость, с которой он относился к людям, казалась мне иногда необыкновенной...»

— Ничего, — сказал Жилин, когда Михаил Антонович замолк и застенчиво на них посмотрел.

— Я здесь только попытался дать портрет этого превосходного человека, — сказал Михаил Антонович.

— Да, ничего, — повторил Жилин, внимательно наблюдая за экранами. — Как это у вас сказано: «Над солнечными и лазурными берегами мерцали яркие звезды». Очень свежо.

— Где? Где? — засуетился Михаил Антонович. — Ну, это просто описка, Ваня. Ну, не нужно так шутить.

Юра напряженно думал, к чему бы прицепиться. Ему очень хотелось поддержать свое реноме.

— Вот я и раньше читал вашу рукопись, Михаил Антонович, — сказал он наконец. — Сейчас я не буду касаться литературной стороны дела. Но почему они у вас все такие милейшие и превосходнейшие? Нет, они действительно, наверное, хорошие люди, но у вас их совершенно нельзя отличить друг от друга.

— Что верно, то верно, — сказал Жилин. — Уж кого-кого, а капитана Варшавского я отличу от кого угодно. Как это он выражается? «Динозавры, прохвосты, тунеядцы несчастные».

— Нет, извини, Ванюша, — с достоинством сказал Михаил Антонович, — мне он ничего подобного не говорил. Вежливейший и культурнейший человек.

— Скажите, Михаил Антонович, — сказал Жилин, — а что будет написано про меня?

Михаил Антонович растерялся. Жилин отвернулся от приборов и с интересом на него смотрел.

— Я, Ванюша, не собирался... — Михаил Антонович вдруг оживился. — А ведь это мысль, мальчики! Правда, я напишу главу. Это будет заключительная глава. Я ее так и назову: «Мой последний рейс». Нет, «мой» — это как-то нескромно. Просто: «Последний рейс». И там я напишу, как мы сейчас все летим вместе: и Алеша, и Володя, и вы, мальчики. Да, это хорошая идея — «Последний рейс».

И Михаил Антонович снова обратился к мемуарам.

Успешно завершив очередную настройку недублированного фазоциклира, Жилин пригласил Юру спуститься в машинные недра корабля — к основанию фотогенатора. У основания фотогенатора оказалось холодно и неуютно. Жилин неторопливо принял за свой каждодневный чек-ап.¹ Юра медленно шел за ним, засунув руки глубоко в карманы, стараясь не касаться покрытых инем поверхностей.

— Здорово это все-таки! — сказал он с завистью.

— Что именно? — спросил Жилин.

Он со звоном откидывал и снова захлопывал какие-то крышки, отодвигал полупрозрачные заслонки, за которыми кабалистически мерцала путаница печатных схем, включал маленькие экраны, на которых тотчас возникали яркие точки импульсов, прыгающие по координатной сетке, запускал крепкие ловкие пальцы во что-то невообразимо сложное, многоцветное, вспыхивающее, и делал он все это небрежно, легко, не задумываясь и до того ладно и вкусно, что Юре захотелось сейчас же сменить специальность и вот так же непринужденно повелевать поражающим воображение гигантским организмом фотонного чуда.

— У меня слонки текут, — сказал Юра.

Жилин засмеялся.

— Правда, — сказал Юра. — Не знаю, для вас это все, конечно, привычно и буднично, может быть, даже надоело, но это все равно здорово. Я люблю, когда большой и сложный механизм — и рядом один человек... повелитель. Это здорово, когда человек — повелитель.

Жилин чем-то щелкнул, и на шершавой серой стене радугой загорелись сразу шесть экранов.

¹Check-up — проверка, контроль (англ.).

— Человек уже давно такой повелитель, — сказал он, внимательно разглядывая экраны.

— Вы, наверное, гордитесь, что вы такой...

Жилин выключил экраны.

— Пожалуй, — сказал он. — Радуюсь, горжусь и прочее. — Он двинулся дальше вдоль заиндевевших пультов. — Я, Юрочка, уже десять лет хожу в повелителях, — сказал он с какой-то странной интонацией.

— И вам... — Юра хотел сказать «надоело», но промолчал.

Жилин задумчиво отвинчивал тяжелую крышку.

— Главное! — сказал он вдруг. — Во всякой жизни, как и во всяком деле, главное — это определить главное. — Он посмотрел на Юру. — Не будем сегодня говорить об этом, а?

Юра молча кивнул. «Ой-ёй-ёй, — подумал он. — Неужели Ивану надоело? Это, наверное, ужасно, когда десять лет занимаешься любимым делом и вдруг оказывается, что ты его разлюбил. Вот тошно, наверное! Но что-то не похоже, чтобы Ивану было тошно...»

Он огляделся и сказал, чтобы переменить тему:

— Здесь должны водиться привидения...

— Чш-ш-ш! — сказал Жилин с испугом и тоже огляделся по сторонам. — Их здесь полным-полно. Вот тут, — он указал в темный проход между двумя панелями, — я нашел... только не говори никому... детский чепчик!

Юра засмеялся.

— Тебе следует знать, — продолжал Жилин, — что наш «Тахмасиб» — весьма старый корабль. Он побывал на многих планетах, и на каждой планете на него грузились местные привидения. Целыми дивизиями. Они таскаются по кораблю, стонут, ноют, набиваются в приборы, нарушают работу фазоциклёра... Им, видишь ли, очень досаждают призраки бактерий, убитых во время дезинфекций... И никак от них не избавиться.

— Их надо святой водой.

— Пробовал. — Жилин махнул рукой, открыл большой люк и погрузился в него верхней частью туловища. — Все пробовал, — гулко сказал он из люка. — И простой святой водой, и дейтериевой, и тритиевой. Никакого впечатления. Но я придумал, как избавиться. — Он вылез из люка, захлопнул крышку и посмотрел на Юру серьезными глазами. — Надо проскочить на «Тахмасибе» сквозь Солнце. Ты понимаешь? Не было еще случая,

чтобы привидение выдержало температуру термоядерной реакции. Кроме шуток, ты серьезно не слыхал о моем проекте сквозьсолнечного корабля?

Юра помотал головой. Ему никогда не удавалось определить тот момент, когда Жилин переставал шутить и начинал говорить серьезно.

— Пойдем, — сказал Жилин, взяв его под руку. — Пойдем наверх, я расскажу тебе подробно.

Наверху, однако, Юру поймал Быков.

— Стажер Бородин, — сказал он, — ступайте за мной.

Юра горестно вздохнул и поглядел на Жилина. Жилин едва заметно развел руками. Быков привел Юру в кают-компанию и усадил за стол напротив Юрковского. Предстояло самое неприятное: два часа принудительных занятий физикой металлов. Быков рассудил, что время перелета стажер должен использовать рационально, и с первого же дня усадил Юру за теоретические вопросы сварочного дела. Честно говоря, это было не так уж неинтересно, но Юру угнетала мысль, что его, опытного рабочего, заставляют заниматься, как школьера. Сопротивляться он не смел, но занимался с большой прохладцей.

Гораздо интереснее было смотреть и слушать, как работает Юрковский.

Быков вернулся в свое кресло, несколько минут смотрел, как Юра нехотя листает страницы книги, а затем развернул очередную газету. Юрковский вдруг перестал шуметь электромашинкой и повернулся к Быкову.

— Ты слыхал что-нибудь о статистике безобразий?

— Каких безобразий? — спросил Быков из-за газеты.

— Я имею в виду безобразия... э-э... в космосе. Число неблаговидных поступков и противозаконных действий быстро растет с удалением от Земли, достигает максимума в поясе астероидов и снова спадает к границам... э-э... Солнечной системы.

— Нет ничего удивительного, — проворчал Быков, не опуская газеты. — Вы же сами разрешили всяkim лишенцам вроде «Спейс Пёрл» копаться в астероидах, так чего ж вы теперь хотите?

— Мы разрешили! — Юрковский рассердился. — Не мы, а эти лондонские дурачки. И теперь сами не знают, что делать...

— Ты генеральный инспектор, тебе и карты в руки, — сказал Быков.

Юрковский некоторое время молча смотрел в бумаги.

— Душу выну из мер-рзавцев! — сказал вдруг он и снова зашумел машинкой.

Юра уже знал, что такое спецрейс 17. Кое-где в огромной сети космических поселений, охватившей всю Солнечную систему, происходило неладное, и Международное управление космических сообщений решило покончить с этим раз и, по возможности, навсегда. Юрковский был генеральным инспектором МУКСа и имел, по-видимому, неограниченные полномочия. Он обладал правом понижать в должности, давать выговоры, разносить, снимать, смещать, назначать, даже, кажется, применять силу и, судя по всему, был намерен делать все это. Более того, Юрковский намеревался падать на виновных как снег на голову, и поэтому спецрейс 17 был совершенно секретным. Из обрывков разговоров и из того, что Юрковский зачитывал вслух, следовало, что фотонный планетолет «Тахмасиб» после кратковременной остановки у Марса пройдет через пояс астероидов, задержится в системе Сатурна, затем оверсаном выйдет к Юпитеру и опять-таки через пояс астероидов вернется на Землю. Над такими именно небесными телами нависла грозная тень генерального инспектора, Юра так и не понял. Жилин только сказал Юре, что «Тахмасиб» высадит Юру на Япете, а оттуда планетолеты местного сообщения перебросят его, Юру, на Рею.

Юрковский опять перестал шуметь машинкой.

— Меня очень беспокоят научники у Сатурна, — озабоченно сказал он.

— Умгу, — донеслось из-за газеты.

— Представь себе, они до сих пор не могут раскаться... э-э... и взяться наконец за программу.

— Умгу.

Юрковский сказал сердито:

— Не воображай, пожалуйста, что я беспокоюсь за эту программу оттого, что она моя...

— А я и не воображаю.

— Я думаю, мне придется их подтолкнуть, — заявил Юрковский.

— Ну что ж, в час добрый, — сказал Быков и перевернул газетную страницу.

Юра почувствовал, что весь разговор этот — и странная нервозность Юрковского, и нарочитое равнодушие Быкова — имеет какой-то второй смысл. Покаже было, что необозримые полномочия генерального инспектора

имели все-таки где-то границы. И что Быков и Юрковский об этих границах великолепно знали.

Юрковский сказал:

— Однако не пора ли пообедать? Кадет, не могли бы вы вакуумно сварить обед?

Быков сказал из-за газеты:

— Не мешай работать.

— Но я хочу есть! — сказал Юрковский.

— Потерпишь, — сказал Быков.

6. Марс. Облава

В четыре часа утра Феликс Рыбкин сказал: «Пора» — и все стали собираться. На дворе было минус восемьдесят три градуса. Юра натянул на ноги две пары пуховых носков, одолженных ему Наташей, тяжелые меховые штаны, которые ему дал Матти, нацепил поверх штанов аккумуляторный пояс и влез в унты. Следопыты Феликса, невыспавшиеся и мрачноватые, торопливо пили горячий кофе. Наташа бегала на кухню и обратно, носила бутерброды, горячий кофе и термосы. Кто-то попросил бульону — Наташа побежала на кухню и принесла бульон. Рыбкин и Жилин сидели на корточках в углу комнаты над раскрытым плоским ящиком, из которого торчали блестящие хвосты ракетных гранат. Ракетные ружья привез на Терпкий Сырт Юрковский. Матти в последний раз проверял электрообогреватель куртки, предназначенный для Юры.

Следопыты напились кофе и молча потянулись к выходу, привычным движением натягивая на лицо кислородные маски. Феликс с Жилиным взяли ящик с гранатами и тоже пошли к выходу.

— Юра, ты готов? — спросил Жилин.

— Сейчас, сейчас, — ответил Юра.

Матти помог ему облачиться в куртку и сам подключил электрообогреватели к аккумуляторам.

— А теперь беги на улицу, — сказал он. — А то вспотеешь.

Юра сунул руки в рукавицы и побежал за Жилиным.

На дворе было совсем темно. Юра пересек наблюдательную площадку и спустился к танку. Здесь в темноте негромко переговаривались, слышалось позвякивание металла о металл. Юра налетел на кого-то. Из темноты посоветовали надеть очки. Юра посоветовал не торчать на дороге.

— Вот чудак, — сказали из темноты. — Надень тепловые очки.

Юра вспомнил про инфракрасные очки и надвинул их на глаза. Намного лучше от этого не стало, но теперь Юра смутно различал силуэты людей и широкую корму танка, нагретую атомным реактором. На танк грузили ящики с боеприпасами. Сначала Юра встал на подачу, но потом рассудил, что места в танке может не хватить и тогда его наверняка оставят в обсерватории. Он тихонько отошел к танку и вскарабкался на корму. Там двое в надвинутых на самый нос капюшонах принимали ящики.

— Кого это несет? — добродушно спросил один.

— Это я, — отозвался Юра.

— А, столичная штучка? — сказал другой. — Ступай в кузов, задвигай ящики под сиденья.

«Столичной штучкой» Юру называли местные сварщики, которым он накануне помогал оборудовать танки турелями для ракетных ружей и демонстрировал новейшие методы сварки в разреженных атмосферах.

В кузове были все те же восемьдесят три градуса ниже нуля, поэтому тепловые очки не помогали. Юра с энтузиазмом таскал ящики по гремящему дну кузова и на ощупь запихивал их под сиденья, натыкаясь на какие-то острые твердые углы, торчащие отовсюду. Потом таскать стало нечего. Через высокие борта полезли молчаливые следопыты и стали рассаживаться, гремя карабинами. Юре несколько раз чувствительно наступали на ноги, и кто-то надвинул ему капюшон на глаза. В передней части кузова послышался отвратительный скрип — по-видимому, Феликс пробовал турель. Потом кто-то сказал:

— Едут.

Юра осторожно высунул из-за борта голову. Он увидел серую стену обсерватории и блики прожекторов, скользящие по наблюдательной площадке. Это подходили остальные три танка центральной группы. Голос Феликса негромко сказал:

— Малинин!

— Я, — откликнулся следопыт, сидевший рядом с Юрай.

— Петровский!

— Здесь.

— Хомерики!

Закончив перекличку (фамилии Юры и Жилина названы почему-то не были), Феликс сказал:

— Поехали.

Песчаный танк «Мимикродон» заворчал двигателем, лязгнул и, грузно кренясь, с ходу полез куда-то в гору. Юра посмотрел вверх. Звезд видно не было — их заволокло пылью. Смотреть стало абсолютно не на что. Танк немилосердно тряслось. Юра поминутно слетал с жесткого сиденья, натыкаясь все на те же острые твердые углы. В конце концов, следопыт, сидевший рядом, спросил:

— Ну что ты все время прыгаешь?

— Откуда я знаю? — сердито сказал Юра.

Он ухватился за какой-то стержень, торчавший из борта, и ему стало легче. Время от времени в клубах пыли, нависших над танком, вспыхивал свет прожекторов, и тогда на светлом фоне Юра видел черное кольцо турели и длинный ствол ракетного ружья, задранный к небу. Следопыты переговаривались.

— Я вчера ходил на эти развалины.

— Ну и как?

— Разочаровался, честно говоря.

— Да, архитектура только на первый взгляд кажется странной, а потом начинаешь чувствовать, что ты это где-то уже видел.

— Купола, параллелепипеды...

— Вот именно. Совершенно как Теплый Сырт.

— Потому никому и в голову не приходило, что это не наше.

— Еще бы... После чудес Фобоса и Деймоса...

— А мне вот как раз это сходство и странно.

— Материал анализировали?

Юре было неудобно, жестко и как-то одиноко. Никто не обращал на него внимания. Люди казались чужими, равнодушными. Лицо обжигал свирепый холод. В днище под ногами со страшной силой били фонтаны песка из-под гусениц. Где-то рядом находился Жилин, но его не было ни слышно, ни видно. Юра даже почувствовал какую-то обиду на него. Хотелось, чтобы скорее взошло солнце, чтобы стало тепло и светло. И чтобы перестало так трясти.

Быков отпустил Юру на Марс с большой неохотой и под личную ответственность Жилина. Сам он с Михаилом Антоновичем остался на корабле и крутился сейчас вместе с Фобосом на расстоянии девяти тысяч километров от Марса. Где был сейчас Юрковский, Юра не знал. Наверное, он тоже участвовал в облаве.

«Хоть бы карабин дали, — уныло думал Юра. — Я же им все-таки турели варил».

Все вокруг были с карабинами и, наверное, поэтому чувствовали себя так свободно и спокойно.

«Все-таки человек по своей природе неблагодарен и равнодушен, — с горечью подумал Юра. — И чем старше, тем больше. Вот если бы здесь были наши ребята, все было бы наоборот. У меня был бы карабин, я знал бы, куда мы едем и зачем. И я знал бы, что делать».

Танк вдруг остановился. От света прожекторов, метавшегося по тучам пыли, стало совсем светло. В кузове все замолчали, и Юра услышал незнакомый голос:

— Рыбкин, выходите на западный склон. Кузьмин — на восточный. Джейферсон, останьтесь на южном.

Танк снова двинулся. Свет прожектора упал в кузов, и Юра увидел Феликса, стоявшего у турели с радиофоном в руке.

— Становись своим бортом к западу, — сказал Рыбкин водителю.

Танк сильно накренился, и Юра расставил локти, чтобы не сползти на дно.

— Так, хорошо, — сказал Феликс. — Подай еще немного вперед. Там ровнее.

Танк снова остановился. Рыбкин сказал в радиофон:

— Рыбкин на месте, товарищ Ливанов.

— Хорошо, — сказал Ливанов.

Все следопыты стояли, заглядывая через борта. Юра тоже посмотрел. Ничего не было видно, кроме плотных туч пыли, медленно оседающей в лучах прожекторов.

— Кузьмин на месте. Только тут рядом какая-то башня.

— Спуститесь ниже.

— Слушаюсь.

— Внимание! — сказал Ливанов. На этот раз он говорил в мегафон, и его голос громом покатился над пустыней. — Облава начнется через несколько минут. До восхода солнца остался час. Загонщики будут здесь через полчаса. Через полчаса включить ревуны. Можно стрелять. Всё.

Следопыты зашевелились. Снова послышался отвратительный скрежет турели. Борта танка ощетинились карабинами. Пыль оседала, и силуэты людей постепенно таяли, сливаясь с ночной темнотой. Снова стали видны звезды.

— Юра! — негромко позвал Жилин.

— Что? — сердито сказал Юра.

— Ты где?

- Здесь.
- Иди-ка сюда, — строго сказал Жилин.
- Куда? — спросил Юра и полез на голос.
- Сюда, к турели.

В кузове оказалось огромное количество ящиков. «И откуда они здесь взялись?» — подумал Юра. Мощная рука Жилина ухватила его за плечо и подтащила под турель.

— Сиди здесь, — строго сказал Жилин. — Будешь помогать Феликсу.

— А как? — спросил Юра. Он был еще обижен, но уже отходил.

Феликс Рыбкин тихо сказал:

— Вот здесь ящики с гранатами. — Он посветил фонариком. — Вынимайте гранаты по одной, снимайте колпачок с хвостовой части и подавайте мне.

Следопыты переговаривались:

- Ничего не вижу.
- Очень холодно сегодня, все остыло.
- Да, осень скоро. Погоды стоят холодные...
- Вот я, например, вижу на фоне звезд какой-то купол наверху и целюсь в него.
- Зачем?
- Это единственное, что я вижу.
- А спать можно?

Феликс над головой Юры тихо сказал:

— Ребята, за восточной стороной слежу я. Не стреляйте пока, я хочу опробовать ружье.

Юра сейчас же взял гранату и снял колпачок. На несколько минут наступила мертвая тишина.

— А славная девушка Наташа, правда? — сказал кто-то шепотом.

Феликс сделал движение. Турель скрипнула.

— Зря она так коротко стрижется, — отзвались с западного борта.

— Много ты понимаешь...

— Она на мою жену похожа. Только волосы короче и светлее.

— И чего это Сережка зевает! Такой лихой парень, не похоже на него.

- Какой Сережка?
- Сережка Белый, астроном.
- Женат, наверное.
- Нет.
- Они ее все очень любят. Просто по-товарищески.

Она ведь па редкость славный человек. И умница. Я ее еще по Земле немножко знаю.

— То-то ты ее за бульоном гонял.

— А что такого?

— Да нехорошо просто. Она всю ночь работала, потом завтрак нам готовила. А тебе вдруг приспичило бульона...

— Тс-с-с!

В мгновенно наступившей тишине Феликс тихо сказал:

— Юра, хотите посмотреть на пиявку? Смотрите!

Юра немедленно высунулся. Сначала он увидел только черные изломанные силуэты развалин. Потом что-то бесшумно задвигалось там. Длинная гибкая тень поднялась над башнями и медленно закачалась, закрывая и открывая яркие звезды. Снова скрипнула турель, и тень застыла. Юра затаил дыхание. «Сейчас, — подумал он. — Сейчас». Тень изогнулась, словно складываясь, и в ту же секунду ракетное ружье выпалило.

Раздался длинный шипящий звук, брызнули искры, огненная дорожка протянулась к вершине холма, что-то гулко лопнуло, ослепительно вспыхнуло, и снова наступила тишина. С вершины холма посыпались камешки.

— Кто стрелял? — проревел мегафон.

— Рыбкин, — сказал Феликс.

— Попал?

— Да.

— Ну, в добный час, — проревел мегафон.

— Гранату, — тихо сказал Феликс.

Юра поспешил сунул ему в руку гранату.

— Это здорово, — с завистью сказал кто-то из следопытов. — Прямо напополам.

— Да, это не карабин.

— Феликс, а почему нам всем таких не дали?

Феликс ответил:

— Юрковский привез всего двадцать пять штук.

— Жаль. Доброе оружие.

С восточного борта вдруг начали палить. Юра азартно вертел головой, но ничего не видел. Зашипела и лопнула над развалинами ракета, пущенная с какого-то другого танка. Феликс выстрелил еще раз.

— Гранату, — сказал он громко.

Пальба с небольшими перерывами продолжалась минут двадцать. Юра ничего не видел. Он подавал гранату за

гранатой и вспотел. Стреляли с обоих бортов. Феликс со страшным скрежетом поворачивал ружье на турели. Затем включили ревуны. Тосклиwy грубый вой понесся над пустыней. У Юры заныли зубы и зачесались пятки. Стрелять перестали, но разговаривать было совершенно невозможно.

Быстро светало. Юра теперь видел следопытов. Почти все они сидели, прижавшись спиной к бортам, находясь, плотно надвинув капюшоны. На дне стояли раскрытые пластмассовые ящики с торчащими из них ключьями цветного целлофана, в изобилии валялись расстрелянные гильзы, пустые обоймы. Перед Юрай на ящики сидел Жилин, держа карабин между колен. На открытых щеках его слабо серебрилась изморозь. Юра встал и посмотрел на Старую Базу. Серые изъеденные стены, колючий кустарник, камни. Юра был разочарован. Он ожидал увидеть дымящиеся груды трупов. Только присмотревшись, он заметил желтоватое щетинистое тело, застрявшее в расщелине среди колючек, да на одном из куполов что-то мокро и противно блестело.

Юра повернулся и посмотрел в пустыню. Пустыня была серая под темно-фиолетовым небом, покрытая серой рябью барханов, мертвая и скучная. Но высоко над ровным горизонтом Юра увидел яркую желтую полосу, клочковатую, рваную, протянувшуюся через всю западную часть неба. Полоса быстро ширилась, росла, наливаясь светом.

— Загонщики идут! — заорал кто-то еле слышно в реве сирен.

Юра догадался, что желтая яркая полоса над горизонтом — это туча пыли, поднятая облавой. Солнце поднималось навстречу загонщикам, на пустыню легли красные пятна света, и вдруг осветилось огромное желтое облако, заволакивающее горизонт.

— Загонщики, загонщики! — завопил Юра.

Весь горизонт — прямо, справа, слева — покрылся черными точками. Точки появлялись, исчезали, и снова появлялись на гребнях далеких барханов. Уже сейчас было видно, что танки и краулеры идут на максимальной скорости и каждый волочит за собой длинный клубящийся шлейф. Вдоль всего горизонта сверкали яркие быстрые вспышки, и непонятно было — то ли это вспышки выстрелов, то ли разрывы гранат, а может быть, просто сверкание солнца на ветровых стеклах.

Юру пнули в бок, и он сел, споткнувшись, на ящики.

Феликс Рыбкин лихо разворачивал на турели свой длинный гранатомет. Несколько следопытов кинулись к левому борту. Загонщики стремительно приближались. Теперь до них было километров пять — семь, не больше. Горизонт заволокло совершенно, и было видно, что перед загонщиками катится по пустыне дымная полоса вспышек. Мегафон проревел, перекрывая вой сирен:

— Весь огонь на пустыню! Весь огонь на пустыню!

С танка начали стрелять. Юра видел, как широченные плечи Жилина вздрагивают от выстрелов, и видел белые вспышки над бортом, и никак не мог понять, куда стреляют и по ком стреляют. Феликс хлопнул его по капюшону, Юра быстро подал гранату и сорвал колпачок со следующей. Тупо и упрямо выли сирены, грохотали выстрелы, и все были очень заняты, и не у кого было спросить, что происходит. Потом Юра увидел, как с одного из приближающихся танков сорвалась длинная красная струя огня, похожая на плевок, и утонула в дымной полосе перед цепью загонщиков. Тогда он понял. Все стреляли по этой дымной полосе: там были пиявки. И полоса приближалась.

Из-за холма, кормой вперед, медленно выкатился танк Кузьмина. Танк еще не остановился, когда кузов его распахнулся и оттуда выдвинулась огромная черная труба. Труба стала задираться к небу, и, когда она застыла под углом в сорок пять градусов, следопыты Кузьмина горохом посыпались через борта и полезли под гусеницы. Из кузова повалил густой черный дым, труба с протяжным хрипом выбросила огромный язык пламени, после чего танк заволокло тучами пыли. На минуту стрельба прекратилась. На гребне бархана, метрах в трехстах, ни к селу ни к городу вспучился лохматый гриб дыма и пыли.

Феликс опять шлепнул Юру по капюшону. Юра подал ему сразу одну за другой две гранаты и оглянулся на танк Кузьмина. В пыли было видно, как следопыты с натугой выволакивают трубу из кузова. Юре даже показалось, что сквозь рев и треск выстрелов он слышит невнятные проклятия.

Дымная полоса, в которой вспыхивали огоньки разрывов, надвигалась все ближе. И наконец Юра увидел. Пиявки были похожи на исполинских серо-желтых головастиков. Гибкие, необычайно подвижные, несмотря на свои размеры и, вероятно, немалый вес, они стремительно высакивали из тучи пыли, проносились в воздухе несколько десятков метров и снова исчезали в пыли. А за

ними, почти по пятам, неслись, подскакивая на барханах, широкие квадратные танки и маленькие краулеры, сверкающие огоньками выстрелов. Юра нагнулся за гранатами, а когда он выпрямился, пиявки были уже совсем близко, огоньки выстрелов исчезли, танки замедлили ход, на крыши кабин высаживали люди и размахивали руками, и вдруг откуда-то слева, огибая машину Кузьмина, на сумасшедшей скорости вылетел песчаный танк и пошел, пошел, пошел вдоль пыльной стены, через самую гущу пиявок. Кузов его был пуст. Вслед за ним из пыли выскоцил второй такой же пустой танк, за ним третий, и больше уже ничего нельзя было разобрать в желтой, непроглядно густой пыли.

— Прекратить огонь! — заревел мегафон.

— Гони! Гони! — отзывался мегафон у загонщиков.

Пыль закрыла все, наступили сумерки.

— Берегись! — крикнул Феликс и пригнулся.

Длинное темное тело пронеслось над танком. Феликс выпрямился и круто развернул ракетное ружье в сторону Старой Базы. Внезапно сирены замолкли, и сразу стал слышен грохот десятков двигателей, лязг гусениц и крики. Феликс больше не стрелял. Он потихоньку передвигал ружье то вправо, то влево, и пронзительный скрип казался Юре райской музыкой после сирен. Из пыли появились несколько человек с карабинами. Они подбежали к танку и спешно вскарабкались через борта.

— Что случилось? — спросил Жилин.

— Краулер перевернулся, — быстро ответил кто-то.

Другой, нервно рассмеявшись, сказал:

— Медленное и методическое движение.

— Каша, — сказал третий. — Не умеем мы воевать.

Грохот моторов надвинулся, мимо медленно и неуверенно проползли два танка. У последнего за гусеницей тащилось что-то бесформенное, облепленное пылью.

Удивленный голос вдруг сказал:

— Ребята, а сирены-то не воют!

Все засмеялись и заговорили.

— Ну и пылища!

— Словно осенняя буря началась.

— Что теперь делать, Феликс? Эй, командир!

— Будем ждать, — негромко сказал Феликс. — Пыль скоро осядет.

— Неужели мы от них избавились?

— Эй, загонщики, много вы там настреляли?

— На ужин хватит, — сказал кто-то из загонщиков.

— Они, подлые, все ушли в каверны.

— Здесь только одна прошла. Они сирен боятся.

Пыль медленно оседала. Стал виден неяркий кружок солнца, проглянуло фиолетовое небо. Затем Юра увидел мертвую пиявку — вероятно, ту самую, которая перепрыгнула через кузов. Она валялась на склоне холма, прямая, как палка, длинная, покрытая рыжей жесткой щетиной. От хвоста к голове она расширялась, словно воронка, и Юра разглядывал ее пасть, чувствуя, как по спине ползет холодок. Пасть была совершенно круглая, в полметра диаметром, усаженная большими плоскими треугольными зубами. Смотреть на нее было тошно. Юра огляделся и увидел, что пыль почти осела и вокруг полно танков и краулеров. Люди прыгали через борта и медленно брали вверх по склону к развалинам Старой Базы. Моторы затихли. Над холмом стоял шум голосов, да слабо потрескивал неизвестно как подожженный кустарник.

— Пошли, — сказал Феликс.

Он снял с турели ружье и полез через борт. Юра двинулся было за ним, но Жилин поймал его за рукав.

— Тихо, тихо, — сказал он. — Ты пойдешь со мной, голубчик.

Они вылезли из танка и стали подниматься вслед за Феликсом. Феликс направлялся к большой группе людей, толпившихся метрах в пяти ниже развалин. Люди обступили каверну — глубокую черную пещеру, круто уходившую под развалины. Перед входом, уперев руки в бока, стоял человек с карабином на шее.

— И много туда... э-э... проникло? — спрашивал он.

— Две пиявки наверняка, — отвечали из толпы. — А может быть, и больше.

— Юрковский! — сказал Жилин.

— Как же вы их... э-э... не задержали? — спросил Юрковский укоризненно.

— А они... э-э... не захотели задержаться, — объяснили в толпе.

Юрковский сказал пренебрежительно:

— Надо было... э-э... задержать! — Он снял карабин. — Пойду посмотрю, — сказал он.

Никто не успел и слова сказать, как он пригнулся и с неожиданной ловкостью нырнул в темноту. Вслед за ним тенью скользнул Феликс. Юра больше не раздумывал. Он сказал: «Позвольте-ка, товарищ» — и отобрал карабин у соседа. Ошарашенный сосед не сопротивлялся.

— Ты куда? — удивился Жилин, оглядываясь с порога пещеры.

Юра решительно шагнул к каверне.

— Нет-нет, — скороговоркой сказал Жилин, — тебе туда нельзя.

Юра, нагнув голову, пошел на него.

— Нельзя, я сказал! — рявкнул Жилин и толкнул его в грудь.

Юра с размаху сел, подняв много пыли. В толпе захочотали. Мимо бежали следопыты, один за другим скрывались в пещере. Юра вскочил, он был в ярости.

— Пустите! — крикнул он. Он кинулся вперед и налетел на Жилина, как на стену.

Жилин сказал просительно:

— Юрка, прости, но тебе туда и правда не надо.

Юра молча рвался.

— Ну что ты ломишься? Ты же видишь, я тоже остался.

В пещере глухо забухали выстрелы,

— Вот видишь, прекрасно обошлись без нас с тобой.

Юра стиснул зубы и отошел. Он молча сунул карабин опомнившемуся загонщику и понуро остановился в толпе. Ему казалось, что все на него смотрят. «Срам-то, срам какой! — думал он. — Только что уши не надрали. Ну пусть бы один на один — в конце концов, Жилин это Жилин. Но ни при всех же...» Он вспомнил, как десять лет назад забрался в комнату к старшему брату и раскрасил цветными карандашами чертежи. Он хотел, как лучше. И как старший брат вывел его за ухо на улицу, и какой это был срам!

— Не обижайся, Юрка, — сказал Жилин. — Я нечаянно. Совершенно забыл, что здесь тяжесть меньше.

Юра упрямо молчал.

— Да ты не беспокойся, — ласково сказал Жилин, поправляя его капюшон. — Ничего с ним не случится. Там ведь Феликс возле него, следопыты... А я тоже сгоряча решил, что пропадет старик, и кинулся, но потом, спасибо тебе, опомнился...

Жилин говорил еще что-то, но Юра больше не слышал ни слова. «Уж лучше бы мне надрали уши, — в отчаянии думал он. — Лучше бы публично побили по лицу. Мальчишка, сопляк, эгоист неприличный! Правильно Иван сделал, что треснул меня. Не так еще меня надо было треснуть. — Юра даже зашипел сквозь зубы — так ему стало стыдно. — Иван вот заботился и обо мне, и о

Юрковском, и он нисколько не сомневается, что и я тоже заботился о Юрковском и о нем... А я?.. То, что Юрковский прыгнул в пещеру, я воспринял только как разрешение на геройские подвиги. Ни на секунду не подумал о том, что Юрковскому угрожает опасность. Жаждал, дурак, сразиться с пиявками и стяжать славу... Хорошо еще, что Иван не знает».

— Па-аберегись! — завопили сзади.

Юра машинально отошел в сторону. Сквозь толпу к пещере вскарабкался краулер, тащивший за собой прицеп с огромным серебристым баком. От бака тянулся металлический шланг со странным длинным наконечником. Наконечник держал под мышкой человек на переднем сиденье.

— Здесь? — деловито осведомился человек и, не дождаясь ответа, направил наконечник в сторону пещеры. — Подведи еще поближе, — сказал он водителю. — А ну, ребята, посторонитесь, — сказал он в толпу. — Дальше, дальше, еще дальше. Да отойдите же, вам говорят! — крикнул он Юре.

Он прицелился наконечником шланга в черный провал пещеры, но на пороге пещеры появился один из следопытов.

— Это еще что? — спросил он.

Человек со шлангом сел.

— Елки-палки, — сказал он. — Что вы там делаете?

— Да это же огнемет, ребята! — догадался кто-то в толпе.

Огнеметчик озадаченно почесал где-то под капюшоном.

— Нельзя же так, — сказал он. — Надо же предупреждать.

Под землей вдруг стали стрелять так ожесточенно, что Юрэ показалось, будто из пещеры полетели клочья.

— Зачем вы это затеяли? — спросил огнеметчик.

— Это Юрковский, — ответили из толпы.

— Какой Юрковский? — спросил огнеметчик. — Сын, что ли?

— Нет, пэр.

Из пещеры один за другим вышли еще трое следопытов. Один из них, увидев огнемет, сказал:

— Вот хорошо. Сейчас все выйдут, и дадим.

Из пещеры выходили люди. Последними выбрались Феликс и Юрковский. Юрковский говорил запыхавшимся голосом:

— Значит, вот эта вот башня над нами должна быть чем-то вроде... э-э... водокачки. Очень... э-э... возможно! Вы молодец, Феликс. — Он увидел огнемет и остановился. — А-а, огнемет! Ну что ж... э-э... можно. Можете работать. — Он благосклонно покивал огнеметчику.

Огнеметчик оживился, соскочил с сиденья и подошел к порогу пещеры, волоча за собой шланг. Толпа подалась назад. Один Юрковский остался возле огнеметчика, упев руки в бока.

— Громовержец, а? — сказал Жилин над ухом Юры.

Огнеметчик прицелился. Юрковский вдруг взял его за руку.

Постойте. А собственно... э-э... зачем это нужно? Живые пиявки давно... э-э... мертвые, а мертвые... э-э... понадобятся биологам. Не так ли?

— Зевес, — сказал Жилин.

Юра только повел плечом. Ему было стыдно.

Пеньков залпом допил чашку, отдулся и задумчиво сказал:

— Выпить, что ли, еще чашку кофе?

Давай я налью, — сказал Матти.

— А я хочу, чтобы Наташа, — сказал Пеньков.

Наташа налила ему кофе. За окном была черная, кристально ясная ночь, какие часто бывают в конце лета, накануне осенних бурь. В углу столовой беспорядочной кучей громоздились меховые куртки, аккумуляторные пояса, унты, карабины. Уютно пощелкивали электрические часы над дверью в мастерскую. Матти сказал:

— Все-таки я не понимаю, уничтожили мы пиявок или нет?

Сережа оторвался от книжки.

— Коммюнике главного штаба, — сказал он. — На поле боя осталось шестнадцать пиявок, один танк и три краулера. По непроверенным данным, еще один танк застрял на солончаках в самом начале облавы, и извлечь его оттуда пока не удалось.

— Это я знаю, — объявил Матти. — Меня интересует, могу я теперь ночью сходить в Теплый Сырт?

— Можешь, — сказал Пеньков, отдуваясь. — Но нужно взять карабин, — добавил он, подумав.

Понятно, — сказал Матти необычайно язвительно.

— А зачем тебе, собственно, ночью на Теплый Сырт? — спросил Сергей.

Матти посмотрел на него.

— А вот зачем, — сказал он вкрадчиво. — Например, приходит время товарищу Белому Сергею Александровичу выходить на наблюдения. Три часа ночи, а товарища Белого, вы сами понимаете, в обсерватории нет. Тогда я иду в Теплый Сырт на Центральную метеостанцию, поднимаюсь на второй этаж...

— Лаборатория восемь, — вставил Пеньков.

— Я все понял, — сказал Сергей.

— А почему я ничего не знаю? — спросила Наташа обиженно. — Почему мне никогда ничего не говорят?

— Что-то Рыбкина давно нет, — задумчиво сказал Сергей.

— Да, действительно, — сказал Пеньков глубокомысленно.

— Уж полночь близится, — заявил Матти, — а Рыбкина все нет.

Наташа вздохнула.

— До чего вы мне все надоели, — сказала она.

В тамбуре звякнула дверь шлюза.

— Вот он сейчас придет, он нам посмеется, — сказал Пеньков.

В дверь столовой постучали.

— Войдите, — сказала Наташа и сердито посмотрела на ребят.

Вошел Рыбкин, аккуратный и подтянутый, в чистом комбинезоне, в белоснежной сорочке, безукоризненно выбритый.

— Можно? — спросил он тихо.

— Заходи, Феликс, — сказал Матти и налил кофе в заранее приготовленную чашку.

— Я немного запоздал сегодня, — сказал Феликс. — Было совещание у директора.

Все выжидательно посмотрели на него.

— Больше всего говорили о регенерационном заводе. Юрковский приказал на два месяца прекратить все научные работы. Все научники мобилизуются в мастерские и на строительство.

— Все? — спросил Сергей.

— Все. Даже следопыты. Завтра будет приказ.

— Полетела моя программа, — уныло сказал Пеньков. — И почему это наша администрация никак не может наладить работу?

Наташа сказала с сердцем:

— Молчи, Володя! Ведь ты же ничего не знаешь!..

— Да, — сказал Сергей задумчиво. — Я слыхал, что

с водой у нас неважно. А что еще было на совещании?

— Юрковский произнес большую речь. Он сказал, что мы захлебнулись в повседневщине. Что мы слишком любим жить по расписанию, обожаем насиженные места и за тридцать лет успели создать... как это он сказал... «скучные и сложные традиции». Что у нас сгладились извилины, ведающие любознательностью, чем только и можно объяснить анекдот со Старой Базой. В общем, говорил примерно то же, что и ты, Сергей, помнишь, на прошлой декаде? О том, что кругом тайны, а мы копаемся... Очень была горячая речь — по-моему, экспромтом. Потом он похвалил нас за облаву, сказал, что приехал нас подталкивать, и очень рад, что мы сами на эту облаву решились... А потом выступил Пучко и потребовал голову Ливанова. Кричал, что покажет ему «медленно и методично»...

— А что такое? — спросил Пеньков.

— Очень сильно покалечили танки. А через два месяца нашу группу переводят на Старую Базу, так что будем соседями...

— А Юрковский уезжает? — спросил Матти.

— Да, сегодня ночью.

— Интересно, — задумчиво сказал Пеньков, — зачем он возит с собой этого сварщика?

— Турели варить, — сказал Матти. — Говорят, он собирается провести еще несколько облав — на астероидах.

— С Юрковским у меня был инцидент, — сказал Сергей. — Еще в институте. Сдавал я ему как-то курс теоретической планетологии, и он меня выгнал очень оригинальным способом. «Дайте, — говорит, — товарищ Белый, вашу зачетку и откройте, пожалуйста, дверь». Я с большим удивлением иду и открываю дверь. Тут он кидает мою зачетку в коридор и говорит: «Идите и возвращайтесь через месяц».

— Ну? — сказал Пеньков.

— Ну, я и пошел.

— А что это он так грубо? — спросил Пеньков с неудовольствием.

— А я молодой был тогда, — сказал Сергей.
Наглый...

— Ты и сейчас хороши, — заметила Наташа.

— Так перебили мы все-таки пиявок или нет?
спросил Матти.

Все посмотрели на Феликса.

— Трудно сказать, — сказал Феликс. — Убито шестнадцать штук, а мы никак не ожидали, что их будет больше десяти. Практически, наверное, перебили.

— А ты пришел с карабином? — спросил Матти. Феликс кивнул.

— Понятно, — сказал Матти.

— А правда, что Юрковского чуть из огнемета не сожгли? — спросила Наташа.

— И меня вместе с ним, — сказал Феликс. — Мы спустились в каверну, а отнеметчики не знали, что мы там. С этой каверны мы начнем работу через два месяца. Там, по-моему, сохранились остатки водопровода. Водопровод очень странный — не круглые трубы, а овальные.

— Ты еще надеешься найти двуногих прямостоящих? — спросил Сергей.

Феликс помотал головой.

— Нет, здесь мы их не найдем, конечно.

— Где здесь?

— Возле воды.

— Не понимаю, — сказал Пеньков. — Наоборот! Если их нет здесь, у воды, значит, их и вообще нет.

— Нет-нет-нет, — сказала Наташа. — Я, кажется, понимаю. У нас на Земле марсиане стали бы искать людей в пустыне. Это же естественно. Подальше от ядовитой зелени, подальше от областей, закрытых тучами. Искали бы где-нибудь в Гоби. Так, Феликс? Я хочу сказать, что я тоже так думаю.

— Значит, мы должны искать марсиан в пустынях? — сказал Пеньков. — Хорошенькое дело! А зачем же им тогда водопроводы?

— Может быть, это не водопроводы, — сказал Феликс, — а водоотводы. Вроде наших дренажных каналов.

— Ну, это ты, по-моему, слишком, — сказал Сергей. — Скорее уж, они живут в подземных пустотах. Впрочем, я сам не знаю, почему это, собственно, скорее, но все равно то, что ты говоришь, — это слишком уж смело... Ненормально смело.

— А иначе нельзя, — сказал Феликс тихо.

— Мать честная! — сказал Пеньков и вылез из-за стола. — Мне ведь пора!

Он пошел через комнату к груде меховой одежды.

— И мне пора, — сказала Наташа.

— И мне, — сказал Сергей.

Матти принял убирать со стола. Феликс аккуратно подвернул рукава и стал ему помогать.

— Так зачем у тебя так много часов? — спросил Матти, косясь на Феликсовы запястья.

— Забыл снять, — пробормотал Феликс. — Теперь это, наверное, ни к чему.

Он ловко мыл тарелки.

— А когда они были к чему?

— Я проверял одну гипотезу, тихо сказал Феликс. — Почему пиявки нападают всегда справа. Был только один случай, когда пиявка напала слева — на Крейцера, который был левша и носил часы на правой руке.

Матти с изумлением воззрился на Феликса.

— Ты думаешь, пиявки боялись тиканья?

— Вот это я и хотел выяснить. На меня лично пиявки не нападали ни разу, а ведь я ходил по очень опасным местам.

— Странный ты человек, Феликс, — сказал Матти и снова принялся за тарелки.

В столовую вошла Наташа и весело спросила:

— Феликс, вы идете? Пошли вместе.

— Иду, — сказал Феликс и направился в переднюю, на ходу опуская засученные рукава.

7. «Тахмасиб». Польза инструкций

Жилин читал, сидя за столом. Глаза его быстро скользили по страницам, влажно поблескивая в голубоватом свете настольной лампы. Некоторое время Юра следил за Жилиным и вдруг поймал себя на том, что любуется им. У Ивана было тяжеловатое коричневое лицо, четкое, как гравюра. Такое по-настоящему мужественное лицо настоящего человека.

Хороший человек Ваня Жилин. Можно прийти к нему в любое время и сидеть и болтать, что в голову взбредет, и никогда ты ему не мешаешь. И он всегда тебе рад. Есть такие люди на свете, и это здорово. Женька Сегал, например. С ним можно идти на любое дело, на любой риск, и точно известно, что не придется его подгонять, он сам кого хочешь подгонит. Юра представил себе Женьку на Рее, как он вместе с ребятами варит щелевые конструкции в черной пустоте. Белый огонь окситана пляшет на силикетовом забрале, и он орет песни на весь эфир, придерживая локтями цилиндр смесителя, который у него всегда висит на груди, а не на спине, как требует инструкция. Так ему удобно, и ни за что его не переубе-

дить, пока кто-нибудь с цилиндром на спине не обгонит его на инерционном шве, на продольном стыке или хотя бы на простой косоугольной распорке без троса. Вот тогда он посмотрит и, возможно, перебросит цилиндр за спину, да и то не обязательно. А на инструкцию он плевал. «Инструкция — это для тех, кто еще не умеет». Но вот слуха у него нет. Погет он просто безобразно. И это даже хорошо, потому что куда годится человек, к которому и придраться нельзя? У порядочного человека всегда должна быть этакая дырка в способностях, лучше даже несколько, и тогда он будет по-настоящему приятен. Тогда ты точно знаешь, что он не перл какой-нибудь. Вот Женька — стоит ему запеть, и сразу видно, что он не перл, а славный парень.

— Ваня, — сказал Юра, — у вас есть слух?

— Что ты, братец! — сказал Жилин, не отрываясь от книжки. — За кого ты меня принимаешь?

— Я так и думал, — сказал Юра с удовлетворением. — А что это у вас за книжка?

Жилин поднял голову, некоторое время смотрел на Юру, затем медленно произнес:

— «Правила санитарной дисциплины для лейб-гусар Ея Императорского Величества».

Юра фыркнул. Было, однако, ясно, что Иван не хочет говорить, что это за книга. Что ж, в этом нет ничего такого...

— Я сегодня одолел наконец «Физику металлов», — сказал Юра. — Ну и скучища! Разве можно так писать книги? Алексей Петрович меня слегка проэкзаменовал, — последнее слово Юра выговорил с особым отвращением, — и все время придирился. Почему он ко мне все время придириается, вы не знаете, Ваня?

Жилин закрыл книжку и спрятал в стол.

— Это тебе кажется, — сказал он. — Капитан Быков никогда не придириается. Он только требует то, что следует требовать. Он очень справедливый человек, наш капитан.

Несколько минут Юра размышлял, удобно ли и честно будет сказать то, что ему хочется сказать. В глаза Быкову сказать такое, пожалуй, не рискнешь. За глаза говорить нехорошо. А сказать очень хочется...

— Ваня, а каких людей вы больше всего не любите?

Жилин немедленно ответил:

— Людей, которые не задают вопросов. Есть такие — уверенные...

Он прищурил глаз, посмотрел на Юру, схватил карандаш и быстро нарисовал его портрет. Стажер Бородин, очень похожий, вот с таким носом, сидел, перекосив физиономию, за чтением толстенной книги «Физика металлов».

— А я так не люблю скучных, — заявил Юра, разглядывая рисунок. — Можно я его возьму? Спасибо... Я вот, Ваня, очень не люблю скучных. У них такая скучная, тошная жизнь. На работе пишут бумажки или считают на машинах, которые не они придумали, а сами придумать что-нибудь даже не пытаются. Им и в голову не приходит что-нибудь придумать. Они все делают «как люди». Вот примутся рассуждать: эти ботинки красивые и прочные, а эти нет; и не умеют у нас в Вязьме красивую мебель делать, придется из Москвы выписать; а вот об этой книге говорят, что ее надо прочесть; и пойдемте завтра по грибы — по слухам, хорошие в этом году грибы... Елки-палки, меня по эти грибы ничем на свете не загонишь!

Жилин задумчиво слушал, тщательно разрисовывая на бумаге огромный интеграл от нуля до бесконечности.

— Всегда у них уйма свободного времени, — продолжал Юра, — и никогда они не знают, куда это время девать. Катаются на машинах большой глупой компанией, и тошно смотреть, как они это по-идиотски делают. Сначала по грибы, потом идут в кафе и едят так — просто от безделья, — потом начинают гонять по шоссе, только по самым лучшим и благоустроенным, где, значит, безопасно, и ремонтные автоматы под рукой, и мотели, и все что хочешь. Потом собираются на какой-нибудь даче и там опять ничего не делают, даже не беседуют. Скажем, перебирают эти свои паршивые грибы и спорят, где подберезовик, а где подосиновик. А уж начнут спорить о чем-нибудь дельном, тут уж беги — спасайся. Почему, видите ли, их до сих пор непускают в космос? А спроси, зачем им это, — ничего толком ответить не могут, бормочут что-то про свои права. Ужасно они любят говорить про свои права. Но самое противное у них — это то, что у них всегда масса времени, и они это время убивают. Я тут на «Тахмасибе» не знаю, куда деваться от безделья, мне работать не терпится, а они были бы здесь как рыба в воде...

Юра потерял нить и замолчал. Жилин все разрисовывал свой интеграл, лицо у него стало почему-то печальное. Потом он сказал:

- А при чем здесь капитан Быков?
Юра вспомнил, с чего он начал.
— Алексей Петрович, — нерешительно пробормотал он, — он... какой-то скучноватый...
Жилин кивнул.
— Я так и думал, — сказал он. — Но ты ошибаешься, дружище, если мешаешь все в одну кучу — и Быкова, и любителей безопасных шоссе...
— Я совсем не это имел в виду...
— Я понимаю тебя. Так вот. Быков любит свое дело — раз. Не мыслит себя в каком-либо другом качестве — два. И потом, ведь Алексей Петрович работает даже тогда, когда читает журналы или дремлет в своем кресле. Ты никогда не задумывался над этим?
— Н-нет...
— Зря. Знаешь, в чем работа Быкова? Быть всегда готовым. Это очень сложная работа. Тяжелая, изматывающая. Нужно быть Быковым, чтобы выдерживать все это. Чтобы привыкнуть к постоянному напряжению, к состоянию непрерывной готовности. Не понимаешь?
— Не знаю... Если это действительно так...
— Но это действительно так! Он солдат космоса. Ему можно только позавидовать, Юрочка, потому что он нашел главное в себе и в мире. Он нужен, необходим и труднозаменим. Понимаешь?
Юра молча нерешительно кивнул. Перед ним встала осточертевшая картина: прославленный капитан в шлепанцах и полосатых носках в позе бюргера в своем любимом кресле.
— Я знаю, тебя покорил Владимир Сергеевич. Что ж, это понятно. С одной стороны, Юрковский, который считает, что жизнь — это довольно скучная возня с довольно скучными делами и нужно пользоваться всяkim случаем, чтобы разрядиться в великолепной вспышке. С другой стороны, Быков, который полагает истинную жизнь в непрерывном напряжении, не признает никаких случаев, потому что он готов к любому случаю, и никакой случай не будет для него неожиданностью... Но есть еще и третья сторона. Представь себе, Юра, — Жилин положил ладони на стол и откинулся в кресле, — огромное здание человеческой культуры: все, что человек создал сам, вырвал у природы, переосмыслил и сделал заново так, как природе было бы не под силу. Величественное такое здание! Строят его люди, которые отлично знают свое дело и очень любят свое дело. Например,

Юрковский, Быков... Таких людей меньше пока, чем других. А другие — это те, на ком стоит это здание. Так называемые маленькие люди. Просто честные люди, которые, может быть, и не знают, что они любят, а что нет. Не знают, не имели случая узнать, что они могут, а что нет. Просто честно работают там, где поставила их жизнь. И вот они-то в основном и держат на своих плечах дворец Мысли и Духа. С девяти до пятнадцати держат, а потом едут по грибы... — Жилин помолчал. — Конечно, хочется, чтобы каждый и держал и строил. Очень, брат, хочется. И так обязательно будет когда-нибудь. Но на это нужно время. И силы. Такое положение вещей тоже ведь надо создать.

Юра сосредоточенно думал. Что-то было в словах Ивана. Что-то непривычное.

Это надо было еще осмыслить.

Жилин заложил руки за голову.

— Я вспоминаю одну историю, — проговорил он. Он глядел прямо на лампу, зрачки у него стали как точки. — У меня был товарищ, звали его Толя. Мы вместе в школе учились. Он был всегда такой незаметный, все, бывало, копался в мелочах. Мастерил какие-то тетрадочки, клеил коробочки. Очень любил переплетать старые зачитанные книжки. Добряк был большой, до того добряк, что обидных шуток не понимал. Воспринимал их как-то странно и, на наш тогдашний развеселый взгляд, как-то даже дико. Запустишь ему, бывало, в кровать тритона, а он его вытащит, положит на ладонь и долго рассматривает. Мы вокруг гогочем, потому что смешно, а он его разглядывает, а потом скажет негромко: «Вот бедняга» — и отнесет в пруд. Потом он вырос и стал где-то статистиком. Всем известно, работа эта тихая и незаметная, и все мы считали, что так ему и надо и ни на что другое наш Толя не годится. Работал он честно, без всякого увлечения, но добросовестно. Мы летали к Юпитеру, поднимали вечную мерзлоту, строили новые заводы, а он все сидел в своем учреждении и считал на машинах, которые не сам придумал. Образцовый маленький человек. Обложи его ватой и помести в музей под колпак с соответствующей надписью: «Типичный самодовлеющий человечек конца двадцатого века». Потом он умер. Запустил пустяковое заболевание, потому что боялся операции, и умер. Это случается с маленькими людьми, хотя об этом никогда не пишут в газетах.

Жилин замолчал, словно прислушиваясь. Юра ждал.

— Это было в Карелии, на берегу лесного озера. Его кровать стояла на застекленной веранде, и я сидел рядом и видел сразу и его небритое темное лицо... мертвое лицо... и огромную синюю тучу над лесом на той стороне озера. Врач сказал: «Умер». И тотчас же ударил гром невиданной силы, и разразилась такая гроза, какая в редкость даже на южных морях. Ветер ломал деревья и кидал их на мокрые розовые скалы, так что они разлетались в щепки, но даже их треска не было слышно в реве ветра. Озеро стеной шло на берег, и в эту стену били не по-северному яркие молнии. С домов срывало крыши. Повсюду остановились часы — никто не знает почему. Животные умирали с разорванными легкими. Это была неистовая, зверская буря, словно весь неживой мир встал на дыбы. А он лежал тихий, обыкновенный, и, как всегда, это его не касалось. — Жилин снова прислушался. — Я, Юрик, человек не трусливый, спокойный, но тогда мне было страшно. Я вдруг подумал: «Так вот ты какой был, наш маленький скучный Толик. Ты тихо и незаметно, сам не подозревая ни о чем, держал на плечах равновесие Мира. Умер — и равновесие рухнуло, и Мир встал дыбом». Если бы мне тогда прокричали на ухо, что Земля сорвалась с орбиты и ринулась на Солнце, я бы только кивнул головой. И еще я тогда подумал... — Жилин помолчал. — Я подумал: почему он был таким скучным и таким маленьким? Ведь он был очень скучным человеком, Юра. Очень. Если бы эта буря случилась у него на глазах, он наверняка бы закричал: «Ах! Тапочки! Тапочки мои сохнут на крыльце!» И побежал бы спасать тапочки. Но почему, как он стал таким?

Жилин замолчал и строго посмотрел на Юру.

— Но он же сам был виноват... — робко сказал Юра.

— Неправда. Никто никогда не бывает виноват только сам. Такими, какими мы становимся, нас делают люди. Вот в чем дело. А мы... Как часто мы не платим этот долгок... Почти никогда. А ведь нет ничего важнее этого. Это главное. Сейчас это главное. Раньше главным было дать человеку свободу стать тем, чем ему хочется быть. А теперь главное — показать человеку, каким надо стать для того, чтобы быть по-человечески счастливым. Вот это сейчас главное. — Жилин посмотрел на Юру и вдруг спросил: — Правда?

— Наверное, — сказал Юра. Все это было правильно, но как-то чуждо ему. Как-то не трогало. Безнадежным казалось это дело. Или скучным.

Жилин сидел, настороженно прислушиваясь. Глаза у него совсем остановились.

— Что случилось? — спросил Юра.

— Тихо! — Жилин поднялся. — Странно, — сказал он. Он все прислушивался.

Юра вдруг ощущил, как пол дрогнул под ногами, и в ту же секунду пронзительно завыла сирена. Он вскочил и кинулся к двери. Жилин поймал его за плечо.

— Спокойно, — сказал он. — Свое место по расписанию помнишь?

— Да! — сказал Юра и задохнулся.

— Обязанности тоже? — Жилин отпустил его. —

Марш!

Юра кинулся в коридор.

Он бежал по кольцевому коридору в вакуум-отсек, где было его место по аварийному расписанию, бежал быстро, но все же сдерживался, чтобы не пуститься во всю прыть. Стажеру надлежит быть «спокойну, выдержану и всегда готову», однако когда по кораблю несется тоскливыи угрожающий вой, когда корабль судорожно вздрагивает, словно раненый, у которого копаются в ране неумелыми пальцами, когда плохо понимаешь, что ты должен делать, и совсем не понимаешь, что происходит... В конце коридора вспыхнули красные лампы. Юра не выдержал и кинулся со всех ног.

Навалившись, он откатил тяжелую дверь и влетел в серую комнату, где вдоль стен темнели стеклянные шторы боксов с вакуум-скафандрами. Надо было поднять все шторы, проверить комплектность скафандров, давление в баллонах, энергопитание, перевести крепление каждого скафандра в аварийное положение и сделать что-то еще... Потом надо было надеть свой скафандр и с откинутым колпаком ждать дальнейших распоряжений.

Юра проделал все это довольно быстро и, как ему показалось, толково, хотя сильно дрожали пальцы и он ощущал напряжение во всем теле, сильное и неприятное, похожее на затянувшуюся судорогу. Сирена замолчала, наступила зловещая тишина. Юра покончил с последним скафандром и огляделся. В боксах под поднятыми шторами горел сильный голубой свет, блестели огромные, с раскинутыми рукавами скафандры, похожие на уродливые безголовые статуи. Юра вытащил свой скафандр и влез в него. Костюм был великоват, в нем было жестко и неудобно, совсем не так, как в костюме сварщика, удобном, гибком, уютном. А в этом сразу стало жарко. Юра

включил потоуловитель, потом, тяжело переставляя толстые ноги, лязгая металлом о металл, подошел к двери.

Корабль все вздрогивал, было тихо, вдоль коридора горели под потолком красные аварийные сигналы. Юра прислонился спиной к одному косяку двери и уперся ногой в противоположный. Он перегородил дверь, и теперь войти в отсек можно было, только сбив его с ног. (Было странно читать это место в инструкции, где предписывалось охранять вакуум-отсек во время тревоги. От кого охранять? Зачем?) Войти в отсек во время тревоги имел право только тот человек — член экипажа или пассажир, — о котором капитан лично распоряжался: «Пропустить». Для этого в косяке вмонтирован радиофон, постоянно работающий на волне капитанского радиофона. Юра посмотрел на радиофон и вспомнил, что он еще не сделал. Он торопливо ткнул коленчатым пальцем в кнопку вызова.

— Слушаю, — сказал голос Быкова. Голос был, как всегда, скрипучий и равнодушный.

— Стажер Бородин занял пост по расписанию, — сообщил Юра.

— Хорошо, — сказал Быков и сейчас же отключился.

Юра сердито посмотрел на радиофон и произнес скрипучим голосом: «Хорошо». «Дерево», — подумал он и скорчил рожу, высунув язык. Корабль тряхнуло, и он чуть не прикусил язык. Он стыдливо огляделся, а затем ему в голову пришла мысль: что, если всезнающий и всепредусматривающий Быков нарочно тряхнул корабль, чтобы прищемить язык обнаглевшему стажеру? Можно было легко представить себе, как Быков делает это. «Наверное, жизнь у него была нелегкая, — подумал Юра. — Наверное, жизнь терла его и перемалывала, пока не содрала с него шелуху всяких эмоций, которые, в общем-то, не нужны, но без которых человек уже не человек, а дерево. Жилин как-то сказал, что с годами человек меняется только в одном — становится терпимее. К Быкову это, вероятно, не относится...»

Корабль снова дрогнул, и Юра уперся попрочнее. Непонятно было, что происходит. На метеоритную атаку не похоже, на какое-нибудь там столкновение — тем более. Мишка Ушаков сказал, что опасность в космосе — словно удар шпаги, от нее либо умирают сразу же, либо вообще не умирают... Это заявил Мишка Ушаков, который в космосе был только на практике по строительной сварке и который даже о космосе судит в терминах мушкетерских романов.

У Юры свело икру, и он переменил ногу. Вдоль коридора светились красные огни. Юра все пытался вспомнить, что это ему напоминает, и никак не мог, но было какое-то неприятное воспоминание, это он знал твердо. «Хоть бы пришел кто, — подумал он. — Спросить бы, что случилось, чего надо ждать...» Он посмотрел на кнопку вызова. Взять и обратиться прямо к Быкову: «Товарищ капитан, прошу объяснить задачу...» Потом Юра вдруг представил себе, сколько стажеров стояло здесь, потных от волнения, уперев ногу в косяк; страшно переживали, пытались понять, что происходит, и все прикидывали: «Успею надвинуть колпак или не успею?» Это были славные ребята, с которыми можно отлично сыграть в бок-ап-штаг или почесать язык насчет смысла жизни. Теперь они все уже опытные и умудренные, теперь они все в рубках, и их корабли носятся в пространстве... и тоже иногда трясутся и вздрогивают... От этих мыслей ни с того ни с сего представилось вдруг залитое потом и кровью лицо Быкова, который с чисто человеческим понятным отчаянием следит остановившимися глазами за чем-то, что учесть не удалось и что приближается теперь совершенно неотвратимо...

В глазах у Юры все поплыло, он потерял равновесие и очутился на полу. Под низким потолком залязгало, загремело. Юра, торопливо царапая башмаками по металлическому полу, перевернулся на живот, поднялся и бросился к двери. Он стал в прежнюю позу и изо всех сил растопырился между косяками.

Теперь «Тахмасиб» выбрировал непрерывно, словно ему тоже было страшно. Юра весь напрягся, стараясь унять дрожь. Хоть бы пришел кто-нибудь, хоть бы понять, что к чему, хоть бы Быков приказал что-нибудь... Мама будет горевать ужасно — как ей скажут? Кто найдется такой, чтобы это сказать? Она ведь умереть может, она недавно оперировалась, у нее сердце ну никуда не годится, ей нельзя этого говорить... Юра закусил губу и крепко скжал зубы. Стало больно, но дрожь не проходила. Ну что это, в самом деле... Нет, надо немедленно сходить и посмотреть. Сунуть голову в рубку, небрежно бросить: «Ну, долго еще?» — и уйти... А вдруг их всех поубивало? Юра с ужасом посмотрел в коридор, ожидая, что вот-вот из-за поворота выползет Жилин, посмотрит потухшими глазами и уронит голову на закоченевшие руки...

Юра отпустил ногу, оттолкнулся от косяка и сделал

несколько неуверенных шагов по коридору. По трясущемуся полу, мимо красных огней, к лифту, навстречу тому, кто ползет... Он остановился и вернулся к двери. «Поспокойнее, — сказал он и откашлялся, чтобы не хрюпело в горле. — Воображение любит пошутить, но шутит оно зло и нечестно. Не свой друг — воображение». Он снова прочно растопырился в дверях. «Так вот оно каково, — подумал он вдруг. — Так вот оно каково — ждать и всегда быть готовым в шлепанцах и полосатых носочках, с прошлогодней газеткой, чтобы никто не заметил и не подумал... Ничего не знать наверняка и быть всегда готовым...»

Вибрация усиливалась, и спадала, и снова усиливалась. Юра представил себе «Тахмасиб» — километровое сооружение из титановых сплавов, похожее на гигантский бокал. Сейчас вдоль всего тела корабля, от грузового трюма до кромки отражателя, волной проходят судороги вибраций. То усиливаются, то спадают... Тут не надо быть сверхчутким, чтобы разобраться, что к чему. Если бы так завибрировал, скажем, окситановый датчик, все было бы ясно: надо отрегулировать компрессор или хотя бы сменить гаситель... Юра отчетливо ощутил, как корабль заваливается набок — это стало заметно по давлению на ступню. «Тахмасиб» разворачивался сначала плавно, а потом начались рывки. От каждого рывка тряслась голова и все, что в голове... «Что же это? — думал Юра, упираясь изо всех сил в косяки. — Что же у них там, а?..» И тут в страшной глухой тишине раздались шаги. Неторопливые, уверенные, незнакомые шаги, а может быть, Юра просто не узнавал их. Он смотрел вдоль коридора, а шаги все приближались, и вот из-за поворота появился Жилин в рабочем комбинезоне, с плоским ящиком тестера на груди. Лицо у него было серьезное и как будто недовольное, на глаза падал светлый чуб. Жилин подошел вплотную и, похлопав Юру по коленке, сказал негромко:

— Ну-ка...

Он хотел войти в вакуум-отсек. Юра открыл и закрыл рот, но ногу не убрал. Это был Жилин, милый, славный, долгожданный Жилин, но Юра ногу не убрал, а вместо этого спросил:

— Что там у вас?

Он хотел произнести это небрежно, но на последнем слоге глотнул, и впечатление было испорчено.

— Да что у нас может быть... — неохотно сказал

Жилин. — Пропусти-ка меня, — сказал он. — Мне там нужно взять кое-что...

В голове у Юры была каша, и в этой каше из собственных Юриных принципов и понятий в целости оставалась одна только инструкция.

— Подождите, Ваня, — пробормотал он и нажал кнопку вызова.

Капитан не отвечал.

— Юрка, — сказал Жилин, — да что с тобой, братец? Пропусти же меня, я оставил в скафандре...

— Не могу, — сказал Юра и облизнул губы. — Как я могу?.. Вот сейчас капитан отзовется...

Жилин внимательно смотрел на него.

— А если не отзовется?

— Почему же не отзовется? — Юра уставился на Жилина круглыми глазами и вдруг схватил его за рукав. — Что случилось?

— Да ничего не случилось. — Жилин вдруг заулыбался. — Так не пропустишь?

Юра отчаянно замотал головой.

— Ведь нельзя же, Ваня... Ты же должен понять! — Он даже перешел на «ты» от избытка чувств, ему очень хотелось расплакаться и в то же время было отчего-то хорошо и спокойно, и он знал, что ни за что не пропустит Жилина. — Ведь ты сам был стажером...

— Да-а... — неопределенно протянул Жилин, разглядывая его. — Соблюдаем букву и дух инструкции?

— Не знаю... — пробормотал Юра. Ему было стыдно и вместе с тем он знал, что ногу он не отпустит. «Если тебе действительно надо войти, то не стой так, — мысленно взывал он к Жилину. — Бей меня в челюсть и бери, что тебе тут нужно...»

— Капитан Быков слушает, — раздалось из радиофона.

Юра все еще не в силах был собраться с мыслями.

— Алексей Петрович, — сказал Жилин в радиофон, — я хочу пройти в вакуум-отсек, а стажер меня не пускает.

— Зачем тебе понадобился вакуум-отсек? — осведомился Быков.

— Я оставил там «сириус» в прошлый раз... В скафандре забыл.

— Так, — сказал Быков. — Стажер Бородин, пропустите бортинженера Жилина.

Быков выключился. Юра с огромным облегчением

убрал ногу. Он только сейчас заметил, что корабль больше не вибрирует. Жилин ласково посмотрел на него и похлопал по плечу.

— Ваня, вы только не сердитесь... — пробормотал Юра.

— Наоборот! — сказал Жилин. — На тебя исключительно интересно было смотреть.

— У меня такая каша в голове...

— Вот-вот... — Жилин остановился перед своим скафандром. — На этот случай и сочиняются инструкции. Хорошее дело, правда?

— Не знаю. Я теперь что-то перестал понимать, что к чему. Что хоть случилось?

Жилин снова потускнел.

— Что у нас могло случиться? — сказал он сквозь зубы. — Искусственное питание. Таблетки вместо котлетки. Учебная тревога, стажер Бородин, только и всего. Рутинная, не реже одного-двух раз в течение рейса. В целях проверки знания инструкций. Великая вещь — инструкция! — Он вытащил из скафандра белый цилиндрик толщиной в палец и со злостью грохнул шторой. — Бежать мне пора отсюда, Юра. Бежать со всех ног, пока не надоело.

Юра глубоко вздохнул и посмотрел в коридор. Красные огни больше не горели. Пол больше не вибрировал. Юра увидел, как из каюты вышел Юрковский, посмотрел на Юру, величественно кивнул и неспешно скрылся за поворотом.

Жилин проворчал:

— Рыба ищет где глубже, а человек — где хуже. Понял, Юрка? Здесь все хорошо. Тревоги учебные, аварии понарошку. А вот кое-где — похуже. Гораздо хуже. Туда и надо идти, а не ждать, пока тебя поведут... Ты меня слушаешь, стажер? По инструкции ты меня должен слушать.

— Подождите, Ваня, — сказал Юра, сморшившись. — Я еще, кажется, не очухался...

8. Эйномия. Смерть-планетчики

— Стажер Бородин, — сказал Быков, складывая газету, — пора спать, стажер.

Юра встал, закрыл книжку и, немного поколебавшись, сунул ее в шкаф. «Не буду сегодня читать, — подумал он. — Надо наконец выспаться».

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи, — ответил Быков и развернул очередную газету.

Юрковский, не отрываясь от бумаг, небрежно сделал ручкой. Когда Юра вышел, Юрковский спросил:

— Как ты думаешь, Алексей, что он еще любит?

— Кто?

— Наш кадет. Я знаю, что он любит и умеет вакуумно варить. Я видел на Марсе. А вот что он еще любит?

— Девушек, — сказал Быков.

— Не девушек, а девушку. У него есть фотография девушки.

— Я не знал.

— Можно было догадаться. В двадцать лет, отправляясь в дальний поход, все берут с собой фотографии и потом не знают, что с ними делать. В книгах говорится, что на эти фотографии нужно смотреть украдкой и чтобы при этом глаза были полны слез или уж, во всяком случае, затуманивались. Только на это никогда не хватает времени. Или еще чего-нибудь, более важного. Но вернемся к нашему стажеру.

Быков отложил газету, снял очки и посмотрел на Юрковского.

— Ты уже кончил дела на сегодня? — спросил он.

— Нет, — сказал Юрковский с раздражением. — Не кончил и не желаю о них говорить. От этой идиотской канцеляршины у меня распухла голова. Я желаю рассеяться. Можешь ты ответить на мой вопрос?

— На этот вопрос лучше всего тебе ответит Иван, — сказал Быков. — Он с ним все время возится.

— Но поскольку Ивана здесь нет, я спрашиваю тебя. Кажется, совершенно ясно.

— Не волнуйся так, Володя, печенка заболит. Наш стажер еще просто мальчик. Умелые руки, а любить он ничего особенно не любит, потому что ничего не знает. Алексея Толстого он любит. И Уэллса. А Голсуорси ему скучен, и «Дорога дорог» ему скучна. Еще он очень любит Жилина и не любит одного бармена в Мирзачарле. Мальчишка он еще. Почка.

— В его возрасте, — сказал Юрковский, — я очень любил сочинять стихи. Я мечтал стать писателем. А потом я где-то прочитал, что писатели чем-то похожи на покойников: они любят, когда о них либо говорят хорошо, либо ничего не говорят... Да. К чему это я все?

— Не знаю, — сказал Быков. — По-моему, ты просто отлыниваешь от работы.

— Нет-нет, позволь... Да! Меня интересует внутренний мир нашего стажера.

— Стажер есть стажер, — сказал Быков.

— Стажер стажеру рознь, — возразил Юрковский. — Ты тоже стажер, и я стажер. Мы все стажеры на службе у будущего. Старые стажеры и молодые стажеры. Мы стажиремся всю жизнь, каждый по-своему. А когда мы умираем, потомки оценивают нашу работу и выдают диплом на вечное существование.

— Или не выдают, — задумчиво сказал Быков, глядя в потолок. — Как правило, к сожалению, не выдают.

— Ну что же, это наша вина, а не наша беда. Между прочим, знаешь, кому всегда достается диплом?

— Да?

— Тем, кто воспитывает смену. Таким, как Краюхин.

— Пожалуй, — сказал Быков. — И вот что интересно: эти люди, не в пример многим иным, нимало не заботятся о дипломах.

— И напрасно. Меня вот всегда интересовал вопрос: становимся ли мы лучше от поколения к поколению? Поэтому я и заговорил о кадете. Старики всегда говорят: «Ну и молодежь нынче пошла! Вот мы были!»

— Это говорят очень глупые старики, Владимир Краюхин так не говорил.

— Краюхин просто не любил теории. Он брал молодых, кидал их в печку и смотрел, что получится. Если не сгорали, он признавал в них равных.

— А если сгорали?

— Как правило, мы не сгорали.

— Ну вот, ты и ответил на свой вопрос, — сказал Быков и снова взялся за газету. — Стажер Бородин сейчас на пути в печку, в печке он, пожалуй, не сгорит, через десять лет ты с ним встретишься, он назовет тебя старой песочницей, и ты, как честный человек, с ним согласишься.

— Позволь, — возразил Юрковский, — но ведь на нас тоже лежит какая-то ответственность. Мальчика нужно чему-то учить!

— Жизнь научит, — коротко сказал Быков из-за газеты.

В кают-компанию вошел Михаил Антонович, в пижаме, в шлепанцах на босу ногу, с большим термосом в руке.

— Добрый вечер, мальчики, — сказал он. — Что-то мне захотелось чайку.

— Чаек — это неплохо, — оживился Быков.

— Чаек так чаек, — сказал Юрковский и стал собирать свои бумаги.

Капитан и штурман накрыли на стол, Михаил Антонович разложил варенье в розетки, а Быков налил всем чаю.

— А где Юрик? — спросил Михаил Антонович.

— Спит, — ответил Быков.

— А Ванюша?

— На вахте, — терпеливо ответил Быков.

— Ну и хорошо, — сказал Михаил Антонович. Он отхлебнул чаю, зажмурился и добавил: — Никогда, мальчики, не соглашайтесь писать мемуары. Такое нудное занятие, такое нудное!

— А ты побольше выдумывай, — посоветовал Быков.

— Как это?

— А как в романах. «Юная марсианка закрыла глаза и потянулась ко мне полуоткрытыми устами. Я страстно и длинно обнял ее».

— «Всю», — добавил Юрковский.

Михаил Антонович зарделся.

— Ишь закраснелся, старый хрыч, — сказал Юрковский. — Было дело, Миша?

Быков захочтал и поперхнулся чаем.

— Фу! — сказал Михаил Антонович. — Фу на вас! — Он подумал и заявил вдруг: — А знаете что, мальчики? Плюну-ка я на эти мемуары. Ну что мне сделают?

— Ты нам вот что объясни, — сказал Быков. — Как повлиять на Юру?

Михаил Антонович испугался.

— А что случилось? Он нашалил что-нибудь?

— Пока нет. Но вот Владимир считает, что на него нужно влиять.

— Мы, по-моему, и так на него влияем. От Ванюши он не отходит, а тебя, Володенька, просто боготворит. Раз двадцать уже рассказывал, как ты за пиявками в пещеру полез.

Быков поднял голову.

— За какими это пиявками? — спросил он.

Михаил Антонович виновато заерзal.

— А, это легенды, — сказал Юрковский, не моргнув глазом. — Это было еще... э-э... давно. Так вот вопрос: как нам влиять на Юру? Мальчику представился единст-

венный в своем роде шанс посмотреть мир лучших людей. С нашей стороны было бы просто... э-э...

— Видишь ли, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Ведь Юра очень славный мальчик. Его очень хорошо воспитали в школе. В нем уже заложен... как бы это сказать... фундамент хорошего человека. Ведь пойми, Володенька, Юра уже никогда не спутает хорошее с плохим...

— Настоящего человека, — веско сказал Юрковский, — отличает широкий кругозор.

— Правильно, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Вот и Юрик...

— Настоящего человека формируют только настоящие люди, работники, и только настоящая жизнь, полно-кровная и нелегкая.

— Но ведь и наш Юрик...

— Мы должны воспользоваться случаем и показать Юрию настоящих людей в настоящей, нелегкой жизни.

— Правильно, Володенька, и я уверен, что Юрик...

— Извини, Михаил, я еще не кончил. Вот завтра мы пройдем до смешного близко от Эйномии. Вы знаете, что такое Эйномия?

— А как же? — сказал Михаил Антонович. — Астероид, большая полуось — две и шестьдесят четыре астрономических единицы, эксцентриситет...

— Я не об этом, — нетерпеливо сказал Юрковский. — Известно ли вам, что на Эйномии уже три года функционирует единственная в мире физическая станция по исследованию гравитации?

— А как же! — сказал Михаил Антонович. — Ведь там же...

— Люди работают там в исключительно сложных условиях, — продолжал Юрковский с воодушевлением. Быков пристально смотрел на него. — Двадцать пять человек, крепкие, как алмаз, умные, смелые, я бы сказал даже — отчаянно смелые! Цвет человечества! Вот прекрасный случай познакомить мальчишку с настоящей жизнью!

Быков молчал. Михаил Антонович сказал озабоченно:

— Очень славная мысль, Володенька, но это...

— И как раз сейчас они собираются произвести интереснейший эксперимент. Они изучают распространение гравитационных волн. Вы знаете, что такое смерть-планета? Скалистый обломок, который в нужный момент

целиком превращают в излучение! Чрезвычайно поучительное зрелище!

Быков молчал. Молчал и Михаил Антонович.

— Увидеть настоящих людей в процессе настоящей работы — разве это не прекрасно?

Быков молчал.

— Я думаю, это будет очень полезно нашему стажеру, — сказал Юрковский и добавил тоном ниже: — Даже я не отказался бы посмотреть. Меня давно интересуют условия работы смерть-планетчиков.

Быков наконец заговорил.

— Что ж, — сказал он. — Действительно небезынтересно.

— Уверяю тебя, Алексей! — воскликнул Юрковский. — Я думаю, мы зайдем туда, не так ли?

— М-да, — неопределенно пробормотал Быков.

— Ну, вот и прекрасно, — сказал Юрковский. Он посмотрел на Быкова и спросил: — Тебя что-то смущает, Алексей?

— Меня смущает вот что, — сказал Быков. — В моем маршруте есть Марс. В маршруте есть Бамберга с этими паршивыми копиями. Есть несколько спутников Сатурна. Есть система Юпитера И еще кое-что. Одного там нет: Эйномии там нет.

— Н-ну, как тебе сказать... — сказал Юрковский, опустив глаза и барабаня пальцами по столу. — Будем считать, что это недосмотр управления, Алеша.

— Придется тебе, Владимир, посетить Эйномию в следующий раз.

— Позволь, позволь, Алеша. Э-э... Все-таки я генеральный инспектор, я могу отдать приказ, сказать... э-э... во изменение маршрута...

— Вот сразу бы и отдал. А то морочит мне голову воспитательными задачами.

— Н-ну, воспитательные задачи, конечно, тоже... да.

— Штурман, — сказал Быков. — Генеральный инспектор приказывает изменить курс. Рассчитайте курс на Эйномию.

— Слушаюсь, — сказал Михаил Антонович и озабоченно посмотрел на Юрковского. — Ты знаешь, Володенька, горючего у нас маловато. Эйномия — это крючок... Ведь два раза тормозить придется. И один раз разгоняться. Тебе бы неделю назад об этом сказать.

Юрковский гордо выпрямился.

— Э-э... вот что, Михаил. Есть тут автозаправщики поблизости?

— Есть, как не быть, — сказал Михаил Антонович.

— Будет горючее, — сказал Юрковский.

— Будет горючее — будет и Эйномия, — сказал Быков, встал и пошел к своему креслу. — Ну, мы с Мишой стол накрывали, а ты, генеральный инспектор, прибери.

— Вольтерьянцы, — сказал Юрковский и стал прибирать со стола. Он был очень доволен своей маленькой победой. Быков мог бы и не подчиниться. У капитана корабля, который вез генерального инспектора, тоже были большие полномочия.

Физическая обсерватория «Эйномия» двигалась вокруг Солнца приблизительно в той точке, где когда-то находился астероид Эйномия. Гигантская скала диаметром в двести километров была за последние несколько лет почти полностью истреблена в процессе экспериментов. От астероида остался только жиidenъкий рой сравнительно небольших обломков да семисоткилометровое облако космической пыли, огромный серебристый шар, уже слегка растянутый приливной силой. Сама физическая обсерватория мало отличалась от тяжелых искусственных спутников Земли: это была система торов, цилиндров и шаров, связанных блестящими тросами, вращающихся вокруг общей оси.

В обсерватории работали двадцать семь физиков и астрофизиков, «крепких, как алмаз, умных, смелых» и зачастую «отчаянно смелых». Самому младшему из них было двадцать пять лет, самому старшему — тридцать четыре.

Экипаж «Эйномии» занимался исследованием космических лучей, экспериментальными проверками единых теорий поля, вакуумом, сверхнизкими температурами, экспериментальной космогонией. Все небольшие астероиды в радиусе двадцати мегаметров от «Эйномии» были объявлены смерть-планетами: они либо были уже уничтожены, либо подлежали уничтожению. В основном этим занимались космогонисты и релятивисты. Истребление маленьких планеток производилось по-разному. Их обращали в рой щебня, или в тучу пыли, или в облако газа, или во вспышку света. Их разрушали в естественных условиях и в мощном магнитном поле, мгновенно или постепенно, растягивая процесс на декады и месяцы. Это

был единственный в Солнечной системе космогонический полигон, и если возлеzemные обсерватории обнаруживали теперь вспыхнувшую новую звезду со странными линиями в спектре, то прежде всего вставал вопрос: где находилась в этот момент «Эйномия» и не в районе ли «Эйномии» вспыхнула новая звезда. Международное управление космических сообщений объявило зону «Эйномия» запретной для всех рейсовых планетолетов.

«Тахмасиб» затормозил у «Эйномии» за два часа до начала очередного эксперимента. Релятивисты собирались превратить в излучение каменный обломок величиной с Эверест и с массой, определенной с точностью до нескольких граммов. Очередная смерть-планета двигалась на периферии полигона. Туда уже были посланы десять космоскафов с наблюдателями и приборами, и на обсерватории остались всего два человека — начальник и дежурный диспетчер.

Дежурный диспетчер встретил Юрковского и Юру у кессона. Это был долговязый, очень бледный, веснушчатый человек. Глаза у него были бледно-голубые и равнодушные.

— Э... здравствуйте, — сказал Юрковский. — Я Юрковский, генеральный инспектор МУКСа.

По всей видимости, голубоглазому человеку было не впервые встречать генеральных инспекторов. Он спокойно, не торопясь оглядел Юрковского и сказал:

— Что ж, заходите.

Голубоглазый спокойно повернулся спиной к Юрковскому и, клацая магнитными подковами, пошел по коридору.

— Постойте! — вскричал Юрковский. — А где здесь... э-э... начальник?

Голубоглазый, не оборачиваясь, сказал:

— Я вас веду.

Юрковский и Юра поспешили за ним. Юрковский вполголоса приговаривал:

— Странные, однако... э-э... порядки. Удивительные...

Голубоглазый открыл в конце коридора круглый люк и полез в него. Юрковский и Юра услышали:

— Костя, к тебе пришли...

Было слышно, как кто-то кричал звонким веселым голосом:

— Шестой! Сашка! Куда ты лезешь, безумный? Пожалей своих детей! Отойди на сто километров, ведь там опасно! Третий! Третий! Тебе же русским языком было

сказано! Держись в створе со мной! Шестой, не ворчи на начальство! Начальство проявило заботу, а ему уже нудно!..

Юрковский и Юра пролезли в небольшую комнату, плотно уставленную приборами. Перед вогнутым экраном висел сухощавый, очень смуглый парень лет тридцати, в синих брюках со складкой и белой рубашке с черным галстуком.

— Костя, — позвал голубоглазый и замолчал.

Костя повернул к вошедшим веселое красивое лицо с горбатым носом, несколько секунд рассматривал их, изысканно поздоровался, затем снова отвернулся к экрану. На экране медленно перемещались по линиям координатной сетки несколько ярких разноцветных точек.

— Девятый, зачем ты остановился? Что, у тебя пропал энтузиазм? А ну прогуляйся еще чуть вперед.... Шестой, ты делаешь успехи. Я от тебя уже заболел. Ты что, полетел домой, на Землю?

Юрковский солидно кашлянул. Веселый Костя выдернулся из правого уха блестящий шарик и, повернувшись к Юрковскому, спросил:

— Кто вы, гости?

— Я Юрковский, — очень веско сказал Юрковский.

— Какой Юрковский? — весело и нетерпеливо спросил Костя. — Я знал одного, он был Владимир Сергеевич.

— Это я, — сказал Юрковский.

Костя очень обрадовался.

— Вот кстати! — воскликнул он. — Тогда встаньте вон к тому пульту. Будете крутить четвертый верньер — на нем написано по-арабски «четыре», — чтобы вон та звездочка не выходила из вон того кружочка...

— Но позвольте, однако... — сказал Юрковский.

— Только не говорите мне, что вы не поняли! — закричал Костя. — А то я в вас разочаруюсь.

Голубоглазый подплыл к нему и начал что-то шептать. Костя выслушал и заткнул ухо блестящим шариком.

— Пусть ему от этого будет лучше, — сказал он и звонко закричал: — Наблюдатели, слушайте меня, я опять командую! Все сейчас стоят хорошо, как запорожцы на картине у Репина! Только не касайтесь больше управления! Выключаетесь на две минуты. — Он снова выдернул блестящий шарик. — Так вы стали генеральным инспектором, Владимир Сергеевич? — спросил он.

— Да, стал, — сказал Юрковский. — И я...

— А кто этот молодой юноша? Он тоже генеральный инспектор? Эзра, — он повернулся к голубоглазому, — пусть Владимир Сергеевич держит ось, а мальчику ты дай чем-нибудь полезно поиграть. Лучше всего поставь его к своему экрану, и пусть он посмотрит...

— Может быть, мне все-таки дадут здесь сказать два слова? — спросил Юрковский в пространство.

— Конечно, говорите, — сказал Костя. — У вас еще целых девяносто секунд.

— Я хотел... э-э... попасть на один из космоскафов, — сказал Юрковский.

— Ого! — сказал Костя. — Лучше бы вы захотели колесо от троллейбуса. А еще лучше, если бы вы захотели крутить верньер номер четыре. На космоскафы нельзя даже мне. Там все занято, как на концерте Блюмберга. А старательно поворачивая верньер, вы увеличиваете точность эксперимента на полтора процента.

Юрковский величественно пожал плечами.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Я вижу, мне придется... А почему... э-э... у вас это не автоматизировано?

Костя уже вставлял в ухо блестящий шарик. Долговязый Эзра прогудел, как в бочку:

— Оборудование. Дрянь. Устарело.

Он включил большой экран и поманил к себе Юру пальцем. Юра подошел к экрану и оглянулся на Юрковского. Юрковский, скорбно перекосив брови, держался за верньер и глядел на экран, перед которым стоял Юра. Юра тоже стал глядеть на экран. На экране светилось несколько ярких круглых пятен, похожих не то на кляксы, не то на репейник. Эзра ткнул в одно из пятен костлявым пальцем.

— Космоскаф, — сказал он.

Костя опять начал командовать:

— Наблюдатели, вы еще не спите? Что там у вас тянется? Ах, время? Сгори со стыда, Саша, ведь осталось всего три минуты. Корыто? Ах, фотонное корыто? Это к нам прибыл генеральный инспектор. Внимание, я стал серьезным. Осталось тридцать... двадцать девять... двадцать восемь... двадцать семь...

Эзра ткнул пальцем в центр экрана.

— Сюда, — сказал он.

Юра уставился в центр. Там ничего не было.

— ...пятнадцать... четырнадцать... Владимир Сергеевич, держите ось... десять... девять...

Юра смотрел во все глаза. Эзра тоже вертел верньер, должно быть, тоже держал какую-нибудь ось.

— ...три... два... один... Ноль!

В центре экрана вспыхнула яркая белая точка. Затем экран сделался белым, потом ослепительным и черным. Где-то над потолком пронзительно и коротко проверещали звонки. Вспыхнули и погасли красные огоньки на пульте возле экрана. И снова на экране появились округлые пятна, похожие на репейник.

— Все, — сказал Эзра и выключил экран.

Костя ловко спустился на пол.

— Ось можно больше не держать, — сказал он. — Раздевайтесь, я начинаю прием.

— Что такое? — спросил Юрковский.

Костя достал из-под пульта коробочку с пилюлями.

— Одолжайтесь, — сказал он. — Это, конечно, не шоколад, но зато полезнее.

Эзра подошел и молча взял две пилюли. Одну он протянул Юре. Юра нерешительно посмотрел на Юрковского.

— Я спрашиваю, что это? — повторил Юрковский.

— Гамма-радиофаг, — объяснил Костя. Он оглянулся на Юру. — Кушайте, кушайте, юноша, — сказал он. — Вы сейчас получили четыре рентгена, и с этим нужно считаться.

— Да, — сказал Юрковский. — Верно.

Он протянул руку к коробочке. Юра положил пилюлю в рот. Пилюля была очень горькая.

— Так чем же мы можем помочь генеральному инспектору? — осведомился Костя, пряча коробочку обратно под пульт.

— Собственно, я хотел... э-э... присутствовать при эксперименте, — сказал Юрковский, — ну и заодно... э-э... выяснить положение на станции... нужды работников... жалобы, наконец... Что? Вот я вижу, лаборатория плохо защищена от излучений... Тесно. Плохая автоматизация, устаревшее оборудование... Что?

Костя сказал со вздохом:

— Да, это правда, правда горькая, как гамма-радиофаг. Но если вы меня спросите, на что я жалуюсь, я вам вынужден буду ответить, что я ни на что не жалуюсь. Конечно, жалобы есть. Как в этом мире можно без жалоб? Но это не наши жалобы, это жалобы на нас. И согласитесь, что будет смешно, если я вам, генеральному инспектору, стану рассказывать, за что на нас жалуются.

Кстати, вы не хотите кушать? Очень хорошо, что вы не хотите. Попробуйте поискать что-нибудь съедобное в нашем погребе... Ближайший продовольственный танкер придет сегодня вечером или завтра днем, и это, поверьте мне, очень грустно, потому что физики привыкли есть каждый день, и никакие ошибки снабжения не могут их от этого отучить. Ну а если вы серьезно хотите узнать мое мнение о жалобах, то я скажу вам все коротко и ясно, как любимой девушке: эти дипломированные кое-какеры из нашего дорогого МУКСа всегда на что-нибудь жалуются. Если мы работаем быстро, то они жалуются, что мы работаем быстро и быстро изнашиваем драгоценное, оно же уникальное, оборудование, что у нас все горит и что они не успевают. А если мы работаем медленно... Впрочем, что я говорю? Еще не было такого оригинала, который бы жаловался, что мы работаем медленно. Кстати, Владимир Сергеевич, вы же были порядочным планетологом, мы же все учились по вашим роскошным книжкам и всяким там отчетам! Для чего же вы попали в МУКС, да еще занялись генеральной инспекцией?

Юрковский ошеломленно смотрел на Костя. Юра весь поджался, ожидая, что вот-вот разразится гром. Эзра стоял и совершенно равнодушно моргал желтыми коровьими ресницами.

— Э-э-э... — хмурясь, затянулся Юрковский. — Собственно, почему же нет?

— Я вам объясню, почему нет, — сказал Костя, толкая его пальцами в грудь. — Вы же хороший ученый, вы же родитель современной планетологии! Из вас же с детства был фонтан идей! Что гигантские планеты должны иметь кольца, что планеты могут конденсироваться без центрального светила, что кольцо Сатурна имеет искусственное происхождение, — спросите у Эзы, кто это все придумал? Эзра вам сразу скажет: Юрковский! И вы отдали все эти лакомые куски на растерзание всякой макрели, а сами подались в кое-какеры!

— Ну что вы! — сказал Юрковский благодушно. — Я всего лишь... э-э... простой ученый...

— Были вы простым ученым! Теперь вы, извините за выражение, простой генеральный инспектор. Ну, вот скажите мне серьезно: зачем вы приехали сюда? Ни спросить вы ничего толком не можете, ни посоветовать, я уж не говорю, чтобы помочь. Ну, скажем, я в порядке вежливости поведу вас по лабораториям, и мы станем ходить как два лунатика и уступать друг другу дорогу перед люка-

ми. И мы будем вежливо молчать, потому что вы не знаете, как спросить, а я не знаю, как ответить. Это же нужно собрать все двадцать семь человек, чтобы объяснить, что делается на станции, а двадцать семь сюда не влезут даже изуважения к генеральному инспектору, потому что тесно, и один у нас даже живет в лифте...

— Вы напрасно думаете... э-э... что меня это радует, — казенным голосом перебил его Юрковский. — Я имею в виду такую... э-э... перенаселенность станции. Насколько мне известно, станция рассчитана на экипаж из пяти гравиметристов. И если бы вы, как руководитель станции, придерживались существующих положений, утвержденных МУКСом...

— Так ведь, Владимир Сергеевич! — восхликал веселый Костя. — Товарищ генеральный инспектор! Люди же хотят работать! Гравиметристы хотят работать? Хотят. Релятивисты хотят? Тоже хотят. Я уже не говорю про космогонистов, которые втиснулись сюда прямо через мой труп. И на Земле еще полтораста человек роют землю от нетерпения... Подумаешь, ночевать в лифте! Что же, ждать, пока МУКС закончит постройку новой станции? Нет, планетолог Юрковский рассудил бы совсем иначе. Он не стал бы выговаривать мне за перенаселенность. И не стал бы требовать, чтобы я ему все объяснял. Тем более что он не Гейзенберг и все равно понял бы не больше половины. Нет, планетолог Юрковский сказал бы: «Костя! Мне нужно, чтобы вы экспериментально обосновали мою новую роскошную идею. Давайте займемся, Костя!» Тогда я уступил бы вам свою койку, а сам бы занял аварийный лифт, и мы бы с вами работали до тех пор, пока бы все не стало ясно, как весеннее утро! А вы приезжаете собирать жалобы. Какие могут быть жалобы у человека, имеющего интересную работу?

Юра вздохнул с облегчением. Гром так и не разразился. Лицо Юрковского становилось все более задумчивым и даже грустным.

— Да, — сказал он. — Вы, пожалуй, правы... э-э... Костя. Мне действительно не следовало приезжать сюда в таком... э-э... качестве. И я вам... э-э... завидую, Костя. С вами я с удовольствием бы поработал. Но... э-э... есть станции и есть... э-э... станции. Вы себе представить не можете, Костя, сколько безобразий еще у нас в системе. И поэтому планетологу Юрковскому пришлось... э-э... сделаться генеральным инспектором Юрковским.

— Безобразия, — быстро сказал Костя, — это дело космической полиции...

— Не всегда, — сказал Юрковский, — к сожалению, не всегда.

В коридоре что-то лязгнуло и загрохотало. Послышалось беспорядочное клацанье магнитных подков. Кто-то завопил:

— Костя-а! Есть упреждение-е! На три миллисекунды!..

— О! — сказал Костя. — Это идут мои работнички, сейчас они потребуют кушать. Эзра, — сказал он, — как им помягче сообщить, что танкер будет только завтра?

Костя, — сказал Юрковский, — я вам дам ящик консервов.

— Шутите! — обрадовался Костя. — Вы бог. Вдвое подает тот, кто подает вовремя. Считайте, что я вам должен два ящика консервов!

В люк один за другим претиснулись четверо, и в помещении сразу стало негде повернуться. Юру затиснули в угол и огородили широкими спинами. По-настоящему он мог видеть только худой вихрастый затылок Эзы, чей-то зеркально выбритый череп и еще один мускулистый затылок. Кроме того, Юра видел ноги — они располагались над головами, и гигантские ботинки с блестящими стертymi подковами осторожно шевелились в двух сантиметрах от бритого черепа. В просветы между спинами и затылками Юра видел иногда горбоносый Костиин профиль и густо бородатое лицо четвертого работничка. Юрковского видно не было — вероятно, его тоже затерли. Говорили все сразу.

— Разброс точек очень маленький. Я считал наскоро, но три миллисекунды, по-моему, совершенно бесспорно...

— Но все-таки три, а не шесть!

— Не в этом дело! Важно, что за пределами ошибок!

— Марс бы взорвать, вот это была бы точность!

— Да, брат, тогда можно было бы половину гравископов убрать.

— Ненавистный прибор — гравископ. И кто его такого выдумал!

— Скажи спасибо, что хоть такие есть. Знаешь, как мы это раньше делали?

— Скажите, ему уже не нравятся гравископы!

— А поесть дадут?

— Кстати о еде. Костя, радиофаг мы весь съели.

— Да-да, хорошо, что ты вспомнил. Костя, выдай нам таблеток.

— Ребята, я, кажется, наврал. Не три миллисекунды, а четыре.

— Болтовня это все. Отдай Эзре, Эзра посчитает как следует.

— Правильно... Эзра, вот возьми, голуба, ты у нас самый хладнокровный, а то у меня руки от жадности трянутся.

— Вспышка была сегодня красоты изумительной. Я чуть не ослеп. Люблю взрывы на аннигиляцию! Чувствуешь себя этаким творцом, человеком будущего...

— Слушай, Костя, что это Пагава говорит, что теперь будут только очаговые взрывы? А как же мы?

— А у тебя есть совесть? Ты что, воображаешь, что это гравитационная обсерватория? А космогонисты тебе так, мальчики?

— Ой, Фанас, не ввязывайся в этот спор. Все-таки Костя начальник. А зачем существует начальник? Чтобы все было справедливо.

— Какой же тогда смысл иметь начальником своего человека?

— Ого! Я уже не гожусь в начальники? Это что, бунт? Где мои ботфорты, брабантские манжеты и пистолеты?

— Между прочим, я бы поел.

— Сосчитал, — сказал Эзра.

— Ну?

— Не торопите его, он не может так быстро.

— Три и восемь.

— Эзра! Каждое твое слово — золото!

— Ошибка плюс-минус два и два.

— Как сегодня словоохотлив наш Эзра!

Юра не выдержал и прошептал Эзре прямо в ухо:

— Что случилось? Почему все так радуются?

Эзра, слегка повернув голову, пробубнил:

— Получили упреждение. Доказали. Что гравитация распространяется. Быстрее света. Впервые доказали.

— Три и восемь, ребята, — объявил бритоголовый, — это значит, что мы утерли нос этому кое-какеру из Ленинграда. Как, бишь, его...

— Отличное начало. Сейчас бы только поесть, перебить космогонистов и взяться за дело по-настоящему.

— Слушайте, ученые, а для чего здесь нет Крамера?

— Он врет, что у него есть две банки консервов. Он сейчас их ищет у себя в старых бумагах. Устроим ширчество тощих — по банке на четырнадцать человек.

— Пиршество тощих телом и нищих духом.

- Тихо, ученые, и я вас порадую.
- А про какие консервы врал Валерка?
- По слухам, там у него банка компота из персиков и банка қабачков...
- Колбаски бы...
- Меня здесь будут слушать или нет? Смирно, вы, ученые! Вот так. Могу вам сообщить, что среди нас имеется один генеральный инспектор — Юрковский Владимир Сергеевич. Он жалует нам ящик консервов со свово стола!
- Ну-у? — сказал кто-то.
- Нет, это даже не остроумно. Кто же так шутит? Откуда-то из угла послышалось:
- Э-э... Здравствуйте.
- Ба! Владимир Сергеевич? Как же мы вас не заметили?
- Охамели мы здесь, братцы смерть-планетчики!
- Владимир Сергеевич! Про консервы это правда?
- Истинная правда, — сказал Юрковский.
- Ура!
- И еще раз...
- Ура!
- И еще раз...
- Ур-р-а-а!
- Консервы мясные, — сказал Юрковский.
- По комнате пронесся голодный стон.
- Эх, ну почему здесь невесомость? Качать надо такого человека. На руках носить!
- В открытый люк просунулась еще одна борода.
- Что вы тут разорались? — сумрачно спросила она. — Упреждение получили, а что лопать нечего — вы знаете? Танкер только завтра приковыляет.
- Некоторое время все смотрели на бороду. Потом человек с мускулистым затылком сказал задумчиво:
- Узнаю космогониста по изящным словесам.
- Ребята, а ведь он голоден.
- Еще бы! Космогонисты всегда голодны!
- А не послать ли его за консервами?
- Павел, друг мой, — сказал Костя, — сейчас ты пойдешь за консервами. Пойди надень вакуум-скафандр. Бородатый парень подозрительно на него посмотрел.
- Юра, — сказал Юрковский, — проводи товарища на «Тахмасиб». Впрочем, ладно, я сам схожу.
- Здравствуйте, Владимир Сергеевич, — сказал бородатый, расплываясь в улыбке. — Как это вы к нам?

Он отступил от люка, давая Юрковскому дорогу. Они вышли.

— Хороший человек Юрковский. Добрый человек.

— А зачем нас инспектировать?

— Он приехал не инспектировать. Я понял так, что ему просто любопытно.

— Тогда пусть.

— А нельзя, чтобы он похлопотал насчет расширения программы?

— Расширение программы — ладно. А вот не сократил бы он штаты. Пойду уберу свою постель из лифта.

— Да, инспекторы не любят, чтобы жили в лифтах.

— Ученые, не пугайтесь. Я ему уже все рассказал. Он не такой. Это же Юрковский!

— Ребята, пойдемте искать столовую. В библиотеку, что ли?

— В библиотеке космогонисты все заставили.

Все по очереди стали вылезать через люк. Тогда человек с мускулистым затылком подошел к Косте и сказал тихо:

— Дай-ка мне еще одну пилюлю, Костя. Мутит меня что-то.

«Эйномия» осталась далеко позади. «Тахмасиб» держал курс на астероид Бамбергу — в царство таинственной «Спейс Перл Лимитед». Юра проснулся глубокой ночью — болел и чесался укол под лопаткой, ужасно хотелось пить. Юра услышал тяжелые неровные шаги в коридоре. Ему показалось даже, что он слышит сдавленный стон. «Привидения, — подумал он с досадой. — Только этого еще и не хватало». Не слезая с койки, он приоткрыл дверь и выглянул. В коридоре, странно скособочившись, стоял Юрковский в своем великолепном халате. Лицо у него обрюзгло, глаза были закрыты. Он тяжело и часто дышал искривленным ртом.

— Владимир Сергеевич! — испуганно позвал Юра. — Что с вами?

Юрковский быстро открыл глаза и попробовал выпрямиться, но его снова согнуло.

— Ти-хо! — сказал он угрожающе и торопливо, весь искривившись, пошел к Юре.

Юра отодвинулся и пропустил его в каюту. Юрковский плотно притворил за собою дверь и осторожно сел рядом с Юрай.

— Ты чего не спишь? — сказал он шепотом.

— Что с вами, Владимир Сергеевич? — пробормотал Юра. Вам плохо?..

— Ерунда, печень.

Юра с ужасом смотрел на его судорожно прижатые к бокам, словно оцепеневшие руки.

— Всегда она, подлая, после лучевого удара... А все-таки не зря мы побывали на «Эйномии». Вот они, люди, Юра! Настоящие люди! Работники. Чистые. И никакие кое-какеры им не помешают. — Он осторожно откинулся спиной к стене, и Юра торопливо подсунул ему подушку. — Смешное слово «кое-какеры» — правда, Юра? А вот скоро мы увидим других людей... Совсем других... Гнилушки, дрянь... Хуже марсианских пиявок... Ты-то их, конечно, не увидишь, а вот мне придется... — Он закрыл глаза. — Юра... ты прости... я, может быть, тут... засну... Я принял... лекарство... Если засну... иди... спать ко мне...

9. Бамберга. Нищие духом

Бэла Барабаш перешагнул через комингс и плотно прикрыл за собой дверь. На двери красовалась черная пластмассовая табличка: «The chief manager of Bamberg mines. Space Pearl Limited»¹. Табличка была расколота. Еще вчера она была цела. Пуля попала в левый нижний уголок таблички, и трещина проходила через заглавную букву «В». «Подлый слизняк, — подумал Бэла. — Уверяю вас, на копях нет никакого оружия. Только у вас, мистер Барабаш, да у полицейских. Даже у меня нет. Мерзавец».

Коридор был пуст. Прямо перед дверью висел жизнерадостный плакат: «Помни: ты пайщик. Интересы компании — твои интересы». Бэла взялся за голову, закрыл глаза и некоторое время постоял так, слегка покачиваясь. «Боже мой! — подумал он. — Когда же все это кончится? Когда меня отсюда уберут? Ну какой я комиссар? Ведь я же ничего не могу. У меня сил больше нет. Вы понимаете? У меня больше нет сил. Заберите меня отсюда, пожалуйста. Да, мне очень стыдно и все такое. Но больше я не могу...»

Где-то с лязгом захлопнулся люк. Бэла опустил руки и побрел по коридору. Мимо осточертевших рекламных

¹ Главный управляющий копями Бамберги. Спейс Перл Лимитед (англ.).

проспектов на стенах. Мимо запертых кают инженеров. Мимо высоких узких дверей полицейского отделения. «Интересно, в кого могли стрелять на этаже администрации? Конечно, мне не скажут, кто стрелял. Но может быть, удастся узнать, в кого стреляли?» Бэла вошел в полицию. За столом, подперев рукой щеку, дремал сержант Хиггинс, начальник полиции и один из трех полицейских шахты Бамберги. На столе перед Хиггинсом стоял микрофон, справа — рация, слева лежал журнал в пестрой обложке.

— Здравствуйте, Хиггинс, — сказал Бэла.

Хиггинс открыл глаза.

— Добрый день, мистер Барабаш.

Голос у него был мужественный, но немножко спившийся.

— Что нового, Хиггинс?

— Пришла «Гея», — сказал Хиггинс. — Привезли почту. Жена пишет, что очень скучает. Как будто я не скучаю. Вам тоже есть четыре пакета. Я сказал, чтобы вам занесли. Я думал, что вы у себя.

— Спасибо, Хиггинс. Вы не знаете, кто сегодня стрелял на этом этаже?

Хиггинс подумал.

— Что-то я не помню, чтобы сегодня стреляли, — сказал он.

— А вчера вечером? Или ночью?

Хиггинс сказал неохотно:

— Ночью кто-то стрелял в инженера Мейера.

— Это сам Мейер вам сказал? — спросил Барабаш.

— Меня не было. Я дежурил в салуне.

— Видите ли, Хиггинс, — сказал Барабаш. — Я сейчас был у управляющего. Управляющий в десятый раз заверил меня, что оружие здесь имеется только у вас, у полицейских.

— Очень может быть.

— Значит, в Мейера стрелял кто-нибудь из ваших подчиненных?

— Не думаю, — сказал Хиггинс. — Том был со мной в салуне, а Конрад... Зачем Конраду стрелять в инженера?

— Значит, оружие есть у кого-нибудь еще?

— Я его не видел, мистер Барабаш, этого оружия. Если бы видел — отобрал бы. Потому что оружие запрещено. Но я его не видел.

Бэле вдруг стало все совершенно безразлично.

— Ладно, — вяло сказал он. — В конце концов.

следить за законностью — дело ваше, а не мое. Мое дело — информировать МУКС о том, как вы справляетесь со своими обязанностями.

Он повернулся и вышел. Он спустился в лифте на второй этаж и пошел через салун. В салуне никого не было. Вдоль стен мигали желтыми огоньками продавцы-автоматы. «Напиться, что ли? — подумал Бэла. — Нализаться, как свинья, лечь в постель и проспать двое суток. А потом встать и опять напиться». Он прошел салун и пошел по длинному широкому коридору. Коридор назывался «Бродвеем» и тянулся от салуна до уборных. Здесь тоже висели плакаты, напоминавшие о том, что «интересы компаний — твои интересы», висели программы кино на ближайшую декаду, биржевые бюллетени, лотерейные таблицы, висели таблицы бейсбольных и баскетбольных соревнований, проводившихся на Земле, и таблицы соревнований по боксу и по вольной борьбе, проводившихся здесь, на Бамберге. На «Бродвей» выходили двери обоих кинозалов и дверь библиотеки. Спортзал и церковь находились этажом ниже. По вечерам на «Бродвее» было не протолкнуться, и глаза слепили разноцветные огни бесмысленных реклам. Впрочем, не так уж и бессмысленных — они ежевечерне напоминали рабочему, что ждет его на Земле, когда он вернется к родным пенатам с набитым кошельком.

Сейчас на «Бродвее» было пусто и полутемно. Бэла свернул в один из коридоров. Справа и слева потянулись одинаковые двери. Здесь располагались общежития. Из дверей тянуло запахом табака и одеколона. В одной из комнат Бэла увидел лежащего на койке человека и вошел. Лицо лежавшего было облеплено пластырем. Одинокий глаз грустно смотрел в низкий потолок.

— Что с тобой, Джошуа? — спросил Бэла, подходя.

Печальный глаз Джошуа обратился на него.

— Лежу, — сказал Джошуа. — Мне следует быть в шахте, а я лежу. И каждый час теряю уйму денег. Я даже боюсь подсчитать, сколько я теряю.

— Кто тебя побил?

— Почем я знаю? — ответил Джошуа. — Напился вчера так, что ничего не помню. Черт меня дернул... Целый месяц крепился. А теперь вот пропил дневной заработок, лежу и еще буду лежать. — Он снова печально уставился в потолок.

— Да, — сказал Бэла.

«Ну вот что ты с ним сделаешь! подумал он. —

Убеждать его, что пить вредно, — он и сам это знает. Когда он встанет, то будет сидеть в шахте по четырнадцать часов, чтобы наверстать упущенное. А потом вернется на Землю, и у него будет прогрессивный паралич и никогда не будет детей или будут рождаться уроды».

— Ты знаешь, что работать в шахте больше шести часов опасно? — спросил Бэла.

— Идите вы, — тихо сказал Джошуа. — Не ваше это дело. Не вам работать.

Бэла вздохнул и сказал:

— Ну что ж, поправляйся.

— Спасибо, мистер комиссар, — проворчал Джошуа. — Не о том вы заботитесь. Позаботьтесь лучше, чтобы салун прикрыли. И чтобы самогонщиков нашли.

— Ладно, — сказал Бэла. — Попробую.

«Вот, — думал он, направляясь к себе. — А попробуй закрой салун, и ты же сам будешь орать на митингах, что всякие коммунисты лезут не в свое дело. Нет никакого выхода из этого круга. Никакого».

Он вошел в свою комнату и увидел, что там сидит инженер Сэмюэль Ливингтон. Инженер читал старую газету и ел бутерброды. На столе перед ним лежала шахматная доска с расставленными фигурами. Бэла поздравился и устало уселся за стол.

— Сыграем? — предложил инженер.

— Сейчас, я только посмотрю, что мне прислали.

Бэла распечатал пакеты. В трех пакетах были книги, в четвертом — письмо от матери и несколько открыток с видами Нового Пешта. На столе лежал еще розовый конвертик. Бэла знал, что в этом конвертике, но все-таки распечатал его. «Мистер комиссар! Убирайся отсюда к чертовой матери. Не муси воду, пока цел. Доброжелатели». Бэла вздохнул и отложил записку.

— Ходите, — сказал он.

Инженер двинул пешку.

— Опять неприятности? — спросил он.

— Да.

Бэла в молчании разыграл защиту Каро-Кани. Инженер получил небольшое позиционное преимущество. Бэла взял бутерброд и стал задумчиво жевать, глядя на доску.

— Вы знаете, Бэла, — сказал инженер, — когда я впервые увижу вас веселым, я скажу, что проиграл идеологическую войну.

— Вы еще увидите, — сказал Бэла без особой надежды.

— Нет, — сказал инженер. — Вы обречены. Посмотрите вокруг, вы сами видите, что вы обречены.

— Я? — спросил Бэла. — Или мы?

— Все вы со своим коммунизмом. Нельзя быть идеалистами в нашем мире.

— Ну, это нам двадцать раз говорили за последние сто лет.

— Шах, — сказал инженер. — Вам говорили правильно. Кое-что, конечно, недооценили и потому часто говорили ерунду. Смешно было говорить, что вы уступите военной силе или проиграете экономическое соревнование. Всякое крепкое правительство и всякое достаточно богатое государство в наше время непобедимо в военном и экономическом отношении. Да, да, коммунизм как экономическая система взял верх, это ясно. Где они сейчас, прославленные империи Морганов, Рокфеллеров, Крупнов, всяких там Мицуи и Мицубиси? Все лопнули и уже забыты. Остались жалкие огрызки вроде нашей «Спэйс Перл», солидные предприятия по производству шикарных матрасов узкого потребления...да и те вынуждены прикрываться лозунгами всеобщего благодеяния. Еще раз шах. И несколько миллионов упрямых владельцев отелей, агентов по продаже недвижимости, унылых ремесленников. Все это тоже обречено. Все это держится только на том, что в обеих Америках еще имеют хождение деньги. Но тут вы зашли в тупик. Есть сила, которую даже вам не побороть. Я имею в виду мещанство. Косность маленького человека. Мещан не победить силой, потому что для этого их пришлось бы физически уничтожить. И их не победить идеей, потому что мещанство органически не приемлет никаких идей.

— Вы были когда-нибудь в коммунистических государствах, Сэм?

— Был. И видел там мещан.

— Вы правы, Сэм. Они еще есть и у нас. Пока есть, и вы это заметили. Но вы не заметили, что у нас их гораздо меньше, чем у вас, и что у нас они тихие. У нас нет воинствующего мещанина. Пройдет еще поколение-другое, и их не станет совсем.

— Так я беру слона, — сказал инженер.

— Попробуйте, — сказал Бэла.

Некоторое время инженер раздумывал, затем взял слона.

Через два поколения, говорите вы? А может быть, через двести тысяч поколений? Снимите наконец розовые

очки, Бэла. Вот они вокруг вас, эти маленькие люди. Я не беру авантюристов и сопляков, которые играют в авантюристов. Возьмите таких, как Джошуа, Смит, Блэкутэр. Таких, кого вы сами называете сознательными или тихими, в зависимости от вашего настроения. У них же так мало желаний, что вы ничего им не можете предложить. А того, чего они хотят, они добьются безо всякого коммунизма. Они станут владельцами трактиров, заведут жену, детей и будут тихо жить в свое удовольствие. Коммунизм, капитализм — какое им до этого дело? Капитализм даже лучше, потому что капитализм благословляет такое бытие. Человек же по натуре скотинка. Дайте ему полную кормушку, не хуже, чем у соседа, дайте ему набить брюшко и дайте ему раз в день посмеяться над каким-нибудь нехитрым представлением. Вы мне сейчас скажете: мы можем предложить ему большее. А зачем ему большее? Он вам ответит: «Не лезьте не в свое дело». Маленькая равнодушная скотинка.

— Вы клевещете на людей, Сэм. Джошуа и компания кажутся вам скотами только потому, что вы очень много потрудились, чтобы сделать их такими. Кто с пеленок внушал им, что самое главное в жизни — это деньги? Кто учил их завидовать миллионерам, домовладельцам, соседскому бакалейщику? Вы забивали им головы дурацкими фильмами и дурацкими книжками и говорили им, что выше бога не прыгнешь. И вы вдалбливали им, что есть бог, есть дом и есть бизнес и больше ничего нет на целом свете. Так вы и делаете людей скотами. А человек ведь не скотина, Сэм. Внушите ему с пеленок, что самое важное в жизни — это дружба и знание, что, кроме его колыбельки, есть огромный мир, который ему и его друзьям предстоит освоить, — вот тогда вы получите настоящего человека. Ну вот, теперь я ладью прозевал.

— Можете переходить, — сказал инженер. — Не буду с вами спорить. Может быть, роль воспитания действительно так велика, как вы говорите. Хотя и у вас, при вашем воспитании, при государственной нетерпимости к мещанству, все-таки ухитряются как-то вырастать... как это говорят по-русски... чертополохи. А у нас, при нашем воспитании, ухитряются как-то вырастать те, кого вы называете настоящими людьми. Конечно, мещан у вас гораздо меньше, чем у нас... Шах... Все равно я не знаю, куда вы намерены девать два миллиарда мещан капиталистического мира. У нас их перевоспитывать не собираются. Да, капитализм — труп. Но это опасный труп. А

вы еще открыли границы. И пока открыты границы, мещанство во всех видах будет течь через эти границы. Как бы вам не захлебнуться в нем... Еще шах.

— Не советую, — сказал Бэла.

— А в чем дело?

— Я закроюсь на же-восемь, и у вас висит ферзь.

Инженер некоторое время размышлял.

— Да, пожалуй, — сказал он. — Шаха не будет.

— Глупо было бы отрицать опасность мещанства, — сказал Бэла. — Кто-то из ваших деятелей правильно сказал, что идеология маленького хозяйчика представляет для коммунизма большую опасность, чем забытая теперь водородная бомба. Только адресовал он эту опасность неправильно. Не для коммунизма, а для всего человечества опасно мещанство. Потому что в ваших рассуждениях, Сэм, есть одна ошибка. Мещанин — это все-таки тоже человек, и ему всегда хочется большего. Но поскольку он в то же время и скотина, это стремление к большему по необходимости принимает самые чудовищные формы. Например, жажда власти. Жажда поклонения. Жажда популярности. Когда двое таких вот сталкиваются, они рвут друг друга, как собаки. А когда двое таких сговариваются, они рвут в клочья окружающих. И начинаются веселенъкие штучки вроде фашизма, сегрегации, геноцида. И прежде всего поэтому мы ведем борьбу против мещанства. И скоро вы вынуждены будете начать такую войну просто для того, чтобы не задохнуться в собственном навозе. Помните поход учителей в Вашингтон в позапрошлом году?

— Помню, — сказал Ливингтон. — Только, помоему, бороться с мещанством — это все равно что резать воду ножом.

— Инженер, — насмешливо сказал Бэла, — это утверждение столь же голословно, как Апокалипсис. Вы просто пессимист. Как это там?.. «Преступники возвышаются над героями, мудрецы будут молчать, а глупцы будут говорить; ничто из того, что люди думают, не осуществится».

— Ну что ж, — сказал Ливингтон. — Были и такие времена. И я, конечно, пессимист. С чего это мне быть оптимистом? Да и вам тоже.

— Я не пессимист, — сказал Бэла. — Я просто плохой работник. Но время нищих духом прошло, Сэм. Оно давно миновало, как сказано в том же Апокалипсисе.

Дверь распахнулась, и на пороге остановился высокий

человек с залысым лбом и бледным, слегка обрюзгшим лицом. Бэла застыл, всматриваясь. Через секунду он узнал его. «Ну вот и все, — подумал он с тоской и облегчением. — Вот и конец». Человек скользнул взглядом по инженеру и шагнул в комнату. Теперь он смотрел только на Бэлу.

— Я генеральный инспектор МУКСа, — сказал он. — Моя фамилия Юрковский.

Бэла встал. Инженер тоже почтительно встал. За Юрковским в комнату вошел громадный загорелый человек в мешковатом синем комбинезоне. Он скользнул взглядом по Бэле и стал смотреть на инженера.

— Прошу меня извинить, — сказал инженер и вышел. Дверь за ним закрылась. Пройдя несколько шагов по коридору, инженер остановился и задумчиво засвистел. Затем он достал сигарету и закурил. «Так, — подумал он. — Идеологическая борьба на Бамберге входит в новую fazu. Надо срочно принять меры».

Размышляя, он пошел по коридору, все ускоряя шаг. В лифт он уже почти вбежал. Поднявшись на самый верхний этаж, он направился в радиорубку. Дежурный радист посмотрел на него с удивлением.

— Что случилось, мистер Ливингтон? — спросил он.

Ливингтон провел ладонью по мокрому лбу.

— Я получил плохие вести из дома, — сказал он отрывисто. — Когда ближайший сеанс с Землей?

— Через полчаса, — сказал радист.

Ливингтон присел к столику, вырвал из блокнота лист бумаги и быстро написал радиограмму.

— Отправьте срочно, Майлз, — сказал он, протягивая листок радисту. — Это очень важно.

Радист взглянул на листок и удивленно свистнул.

— Зачем это вам понадобилось? — спросил он. — Кто же продает «Спэйс Перл» в конце года?

— Мне срочно нужны наличные, — сказал инженер и вышел.

Радист положил листок перед собой и задумался.

Юрковский сел и отодвинул локтем шахматную доску. Жилин сел в стороне.

— Осрамились, товарищ Барабаш, — сказал Юрковский негромко.

— Да, — сказал Бэла и глотнул.

— Откуда на Бамбергу попадает спирт, вы выяснили?

— Нет. Скорее всего, спирт гонят прямо здесь.

— За последний год компания отправила на Бамбергу четыре транспорта с прессованной клетчаткой. Для каких работ на Бамберге нужно столько клетчатки?

— Не знаю, — сказал Бэла. — Не знаю таких работ.

— Я тоже не знаю. Из клетчатки гонят спирт, товарищ Барабаш. Это ясно даже и ежу.

Бэла молчал.

— Кто на Бамберге имеет оружие? — спросил Юрковский.

— Не знаю, — сказал Бэла. — Я не мог выяснить.

— Но оружие все-таки есть?

— Да.

— Кто санкционирует сверхурочные работы?

— Их никто не запрещает.

— Вы обращались к управляющему?

Бэла сжал руки.

— К этой сволочи я обращался двадцать раз. Он ни о чем не желает слушать. Он ничего не видит, не слышит и не понимает. Он очень сожалеет, что у меня плохие источники информации. Знаете что, Владимир Сергеевич, либо вы меня отсюда снимайте к чертовой матери, либо дайте мне полномочия расстреливать гадов. Я ничего не могу сделать. Я вразумлял. Я просил. Я угрожал. Это стена. Для всех рабочих комиссар МУКСа — красное пугало. Разговаривать со мной никто не желает. «I don't know anything and it's not any damn business of yours»¹. Плевать они хотели на международное трудовое законодательство. Я больше так не могу. Видели плакаты на стенах?

Юрковский задумчиво смотрел на него, вертя в пальцах белого ферзя.

— Здесь не на кого опереться, — продолжал Бэла. — Это либо бандиты, либо тихая дрянь, которая мечтает только о том, чтобы набить свой карман, и ей наплевать, сдохнет она после этого или нет. Ведь у них настоящие люди сюда не идут. Отбросы, неудачники. Люмшены. У меня руки трясутся по вечерам от всего этого. Я не могу спать. Позавчера меня пригласили подписать протокол о несчастном случае. Я отказался: совершенно ясно, что человеку вспороли скафандр автогеном. Тогда этот подлец, секретарь профсоюза, сказал, что будет на меня жаловаться. Месяц назад на Бамберге появляются и в то же утро исчезают три девицы. Я иду к управляющему, и

¹ Ничего я не знаю, и не ваше это собачье дело (англ.).

этот стервец смеется мне в лицо: «У вас галлюцинации, мистер комиссар, вам пора вернуться к вашей жене, вам уже мерещатся девки». В конце концов в меня трижды стреляли. Да, да, я знаю, что ни один дурак не старался в меня попасть. Но мне от этого не легче. И подумать только, меня посадили сюда, чтобы охранять жизнь и здоровье этих обормотов! Да провались они все...

Бэла замолчал и хрустнул пальцами.

— Ну-ну, спокойно, Бэла, — сказал строго Юрковский.

— Разрешите мне уехать, — сказал Бэла. — Вот товариц, — он указал на Жилина, — это, вероятно, новый комиссар...

— Это не новый комиссар, — сказал Юрковский. — Познакомьтесь, бортинженер «Тахмасиба» Жилин.

Жилин слегка поклонился.

— Какого «Тахмасиба»? — спросил Бэла.

— Это мой корабль, — сказал Юрковский. — Вот что мы сейчас сделаем. Мы пойдем к управляющему, и я скажу ему несколько слов. А потом мы поговорим с рабочими. — Он встал. — Ничего, Бэла, не огорчайтесь. Не вы первый. У меня эта Бамберга тоже вот здесь сидит.

Бэла озабоченно сказал:

— Только нужно взять с собой несколько наших. Может случиться драка. Управляющий здесь подкармливает целую шайку гангстеров.

— Каких наших? — спросил Юрковский. — Вы же говорили, что ни на кого здесь положиться не можете.

— Так вы приехали один? — с ужасом спросил Бэла. Юрковский пожал плечами.

— Ну, естественно, — сказал он. — Я же не управляющий.

— Ладно, — сказал Бэла.

Он отпер сейф и взял пистолет. Лицо у него было бледное и решительное. «Первую пулю я всажу в этого слизняка, — с острой радостью подумал он. — Пусть в меня стреляет кто угодно, но первую пулю получит мистер Ричардсон. В жирную, гладкую, подлую свою рожу».

Юрковский внимательно посмотрел на него.

— Знаете что, Бэла, — сказал он проникновенно, — я бы на вашем месте пистолет оставил. Или отдайте его товарищу Жилину. Я боюсь, что вы не удержитесь.

— А вы думаете, он удержится?

— Удержусь, удержусь, — сказал Жилин, улыбаясь.

Бэла с сожалением отдал ему пистолет.

Юрковский открыл дверь и остановился. Перед ним вырос молодцеватый сержант Хиггинс в свежей парадной форме и в голубой каске. Хиггинс отчетливо взял под козырек.

— Сэр, — сказал он, — начальник полиции шахты Бамберги сержант Хиггинс прибыл в ваше распоряжение.

— Очень рад, сержант Хиггинс, следуйте за нами, — сказал Юрковский.

Они миновали короткий коридор и вышли на «Бродвей». Еще не было шести часов, но «Бродвей» был залит ярким светом и плотно забит рабочими. «Бродвей» гудел от встревоженных голосов. Юрковский шел неторопливо, любезно улыбаясь и внимательно вглядываясь в лица рабочих. Он хорошо видел эти лица в ровном свете дневных ламп — осунувшиеся, с нездоровой землистой кожей, с отеками под глазами, апатично-равнодушные, сердитые, любопытные, злобные, ненавидящие. Рабочие расступались перед ним, давая дорогу, а за спиной Хиггинаса снова смыкались и шли следом. Сержант Хиггинс покрикивал.

— Дорогу генеральному инспектору! Не напирайте, ребята! Дайте дорогу генеральному инспектору!

Так они дошли до лифта и поднялись на этаж администрации. Здесь толпа была еще гуще. И здесь дорогу уже не уступали. Между усталыми лицами рабочих стали просовываться какие-то нагловатые веселые морды. Теперь сержант Хиггинс пошел впереди, расталкивая толпу голубой дубинкой.

— Посторонись, — говорил он негромко, — дай дорогу... Посторонись...

Затылок его между краем каски и воротником налился кровью и заблестел от пота. Шествие замыкал Жилин. Нагловатые морды притискивались в первые ряды толпы, перекликаясь:

— Эй, ребята, а кто из них инспектор?

— Не разобрать, все красные, как томатный сок...

— Они насквозь красные, внутри и снаружи...

— Не верю, хочу посмотреть...

— Посмотри, я тебе мешать не стану...

— Эй, сержант! Хиггинс! Ну и в компанию же ты попал!

Жилину подставили ножку. Он не обернулся, но стал смотреть под ноги. Увидев под собой очередной ботинок из мягкой замши, он старательно, всем весом наступил

на него. Рядом взвыли. Жилин посмотрел в перекошенное, побелевшее лицо с усиками и сказал:

— Извините, пожалуйста, какой я неуклюжий!

У него были здоровенные, необычайно тяжелые башмаки с рубчатыми магнитными подковами.

Шум вокруг нарастал. Теперь уже кричали все.

— Кто их звал сюда?

— Эй вы! Не суйтесь не в свое дело!

— Дайте нам работать, как мы хотим! Мы не лезем в ваши дела!

— Убирайтесь к себе домой и там распоряжайтесь!

Сержант Хиггинс, мокрый как мышь, добрался наконец до дверей с треснувшей табличкой и распахнул ее перед Юрковским.

— Сюда, сэр, — тяжело дыша, сказал он.

Юрковский и Бэла вошли. Жилин перешагнул через комингс и оглянулся. Он увидел множество наглых морд и только за ними, в табачном дыму, хмурые, ожесточенные лица рабочих. Хиггинс тоже перешагнул через комингс и закрыл дверь.

Кабинет управляющего шахтами мистера Ричардсона был обширен. Вдоль стен стояли большие мягкие кресла и стеклянные витрины с образцами пород и с имитациями самых крупных «космических жемчужин», найденных на Бамберге. Из-за стола навстречу Юрковскому поднялся благообразный приятный человек в черном костюме.

— О, мистер Юрковский, — пророкотал он и, обогнув стол, пошел к Юрковскому, протягивая руки. — Я бесконечно рад...

— Не беспокойтесь, — сказал Юрковский, огибая стол с другой стороны. — Руки я вам все равно не подам.

Управляющий остановился, приятно улыбаясь. Юрковский сел за стол и повернулся к Бэле.

— Это управляющий? — спросил он.

— Да! — с наслаждением сказал Бэла. — Это управляющий шахтами мистер Ричардсон.

Управляющий покачал головой.

— О, мистер Барабаш, — сказал он укоризненно, — неужели же вам я обязан такой неприветливостью мистера инспектора?

— Кем выдан патент на управление шахтой? — спросил Юрковский.

— Как это принято в западном мире, мистер Юрковский, советом директоров компании.

— Предъявите.

— Прошу вас, — весьма вежливо сказал управляющий. Он неторопливо пересек комнату, отпер большой сейф, вделанный в стену, достал большой бювар коричневой кожи и извлек из бювара лист плотной бумаги с золотым обрезом. — Прошу вас, — повторил он и положил лист перед Юрковским.

— Заприте сейф, — сказал Юрковский, — и передайте ключи сержанту.

Сержант Хиггинс с каменным лицом принял ключи. Юрковский просмотрел патент, сложил его вчетверо и сунул в карман. Мистер Ричардсон продолжал приятно улыбаться. Жилин подумал, что никогда в жизни он не видел человека столь обаятельной наружности. Юрковский положил локти на стол и задумчиво посмотрел на Ричардсона. Ричардсон пророкотал:

— Мне было бы очень приятно узнать, мистер Юрковский, что означают все эти странные действия.

— Вы обвиняетесь в ряде преступлений против международного трудового законодательства, — небрежно сказал Юрковский.

Мистер Ричардсон, необычайно удивившись, развел руками.

— Вы обвиняетесь в нарушении правовых норм космического пространства.

Изумлению мистера Ричардсона не было границ.

— Вы обвиняетесь в убийстве — пока непреднамеренном — шестнадцати рабочих и трех женщин.

— Я? — оскорбленно вскричал мистер Ричардсон. — Я обвиняюсь в убийстве?

— В том числе и в убийстве, — сказал Юрковский. — Я снимаю вас с должности, в ближайшее время вы будете арестованы и отправлены на Землю, где предстанете перед международным трибуналом. А сейчас я вас не задерживаю.

— Я уступаю грубой силе, — с достоинством сказал мистер Ричардсон.

— И правильно делаете, — сказал Юрковский. — Явитесь сюда через час и сдадите дела своему преемнику.

Ричардсон круто повернулся, подошел к двери и распахнул ее.

— Друзья мои! — громко сказал он. — Эти люди меня арестовали! Им не нравятся ваши высокие заработки! Они хотят, чтобы вы работали по шесть часов и оставались ищущими!

Юрковский с любопытством глядел на него. Хиггинс,

расстегивая кобуру, попятился к столу. Ричардсона огнестрельное оружие в сторону. В дверь ворвались ревущие молодчики, их сейчас же оттеснили, и кабинет быстро наполнился рабочими. Плотная стена серых комбинезонов и злобых, угрюмых лиц остановилась перед столом. Юрковский осмотрелся и увидел, что Жилин стоит справа от него, засунув руки в карманы, а Бэла, изогнувшись, стиснув руками спинку стула, не отрываясь, смотрит на мистера Ричардсона. Лицо его было гораздо более свирепое, чем лица самых озлобленных рабочих. «Плохо придется управляющему», — мельком подумал Юрковский. Сержант Хиггинс с пистолетом в руке упирался дубинкой в грудь одного из рабочих и бормотал:

— Никаких незаконных действий, ребята, поспокойней, ребята, поспокойней...

Сквозь толпу протолкался облепленный пластырями Джошуа.

— Мы не хотим ни с кем ссориться, мистер инспектор, — прохрипел он, уставясь на Юрковского злобным глазом. — Но мы не допустим здесь этих ваших штучек.

— Каких штучек? — осведомился Юрковский.

— Мы прилетели сюда, чтобы заработать...

— А мы прилетели сюда, чтобы не дать вам сгинуть заживо.

— А я говорю вам, что это не ваше дело! — заорал Джошуа. Он повернулся к толпе и спросил: — Верно, ребята?

— Уо-о-о! — заревела толпа, и в этот момент кто-то выстрелил.

За спиной Юрковского зазвенела, разлетаясь, витрина. Бэла застонал, с натугой поднял стул и обрушил его на голову мистера Ричардсона, который стоял в первом ряду, подняв глаза и молитвенно сложив руки. Жилин вынул руки из карманов и приготовился на кого-то прыгнуть. Джошуа испуганно отпрянул. Юрковский встал и сердито сказал:

— Какой дурак там стреляет? Чуть не попал в меня. Сержант, что вы стоите, как стул? Отберите у болвана оружие!

Хиггинс послушно полез в толпу. Жилин снова сунул руки в карманы и присел на угол стола. Он посмотрел на Бэлу и засмеялся. Лицо Бэлы сияло блаженством. Он с наслаждением наблюдал за Ричардсоном. Двое молодчиков поднимали Ричардсона, злобно и растерянно поглядывая на Бэлу, на Юрковского и на рабочих. Глаза

Ричардсона были закрыты, на высоком гладком лбу разливался темный кровоподтек.

— Кстати, — сказал Юрковский, — вообще сдайте все оружие, которое здесь есть. Это я вам говорю, дармоеды! С этого момента всякий, у кого будет обнаружено оружие, подлежит расстрелу на месте. Я облекаю комиссара Барабаша соответствующими полномочиями.

Жилин неторопливо обошел стол, вынул пистолет и протянул его Барабашу. Барабаш, пристально уставившись на ближайшего гангстера, медленно оттянул затвор. В наступившей тишине затвор звонко щелкнул. Вокруг гангстера мгновенно образовалось пустое пространство. Тот побледнел, вынул из заднего кармана пистолет и бросил на пол. Бэла пинком отшвырнул оружие в угол и повернулся к молодчику, поддерживавшему Ричардсона.

— Ты!

Молодчик опустил Ричардсона и, криво улыбаясь, покачал головой.

— У меня нет, — сказал он.

— Ну хорошо, — сказал Юрковский. — Сержант, помогите этим типам разоружиться. Вернемся к нашему разговору. Здесь нас прервали, — сказал он, обращаясь к Джошуа. — Вы, кажется, говорили, чтобы я не вмешивался в ваши дела, так?

— Так, — сказал Джошуа. — Мы свободные люди и сами пошли сюда, чтобы заработать. И нечего нам мешать. Мы вам не мешаем, и вы нам не мешайте.

— Вопрос о том, кто кому мешает, мы пока оставим, — сказал Юрковский. — А сейчас я хочу вам кое-что рассказать. — Он достал из кармана и бросил на стол несколько ослепительно сверкающих разноцветных камешков. — Вот так называемый космический жемчуг, — сказал он. — Вы все его хорошо знаете. Это обычные драгоценные и полудрагоценные камни, которые здесь, на Бамберге, очень долгое время подвергались воздействию космического излучения и низких температур. Никаких особенных достоинств, если не считать очень красивого блеска, за ними не числится. Богатые дамочки платят за них бешеные деньги, и на этой махровой глупости выросла ваша компания. Пользуясь спросом на эти камни, компания получает большие деньги.

— И мы тоже, — крикнули из толпы.

— И вы тоже, — согласился Юрковский. — Но вот в чем дело. За восемь лет существования компании на

Бамберге отработали по трехгодичному контракту около двух тысяч человек. А знаете ли вы, сколько из тех, кто вернулся, осталось в живых? Меньше пятисот. Средний срок жизни рабочего после возвращения не превышает двух лет. Вы три года надрываете пуп тут, на Бамберге, только для того, чтобы потом два года гнить заживо на Земле. Это происходит прежде всего потому, что на Бамберге никогда не соблюдаются постановление Международной комиссии, запрещающее работать в ваших шахтах больше шести часов в сутки. На Земле вы только лечитесь, страдаете оттого, что у вас нет детей, или рождаете уродов. Это преступление компании, но не о компании сейчас идет речь.

— Подождите, — сказал Джошуа и поднял руку. — Дайте и мне сказать. Все это мы уже слышали. Нам об этом прожужжал уши мистер комиссар. Не знаю, как другим, а мне нет дела до тех, кто помер. Я человек здоровый и помирать не собираюсь.

— Верно, — загудели в толпе. — Пусть сопляки помирают.

— Дети там, не дети — это мое дело. И лечиться тоже не вам, а мне. Слава богу, я давно уже совершеннолетний и отвечаю за свои поступки. Я не хочу слушать никаких речей. Вот вы отобрали оружие у гангстеров, я говорю: правильно. Найдите спиртогонов, закройте салун. Точно? — Он повернулся к толпе. В толпе неопределенно заговорили. — Что вы там бормочете? Я правильно говорю. Где это видано — за выпивку два доллара? Взяточников кое-каких к рукам приберите. Это тоже будет правильно. А в работу мою не вмешивайтесь. Я прилетел сюда, чтобы заработать, и я заработаю. Решил я открыть свое дело — и открою. А речи ваши мне ни к чему. За слова дом не купишь...

— Правильно, Джо! — закричали в толпе.

— А вот и неправильно, — сказал Юрковский. Он вдруг налился кровью и заорал: — Вы что же, думаете, вам так и дадут сдохнуть? Это вам, голубчики, не девятнадцатый век! Ваше дело, ваше дело, — он снова заговорил нормальным голосом. — Вас здесь, дураков, от силы четыреста человек. А нас — четыре миллиарда. И мы не хотим, чтобы вы умирали. И вы не умрете. Ладно, я не буду с вами говорить о вашей нищете духовной. Вам, как я вижу, этого не понять. Это только ваши дети поймут, если они у вас еще будут. Я буду говорить с вами на языке, который вам понятен. На языке закона. Челове-

чество приняло закон, по которому запрещается загонять себя в гроб. Закон, понимаете вы? Закон! Отвечать по этому закону будет компания, а вы запомните вот что. Человечеству ваши шахты не нужны. Копи на Бамберге могут быть закрыты в любой момент, и все только вздохнут с облегчением. И имейте в виду: если комиссар МУКСа доложит хотя бы еще об одном случае каких-либо безобразий, все равно каких — сверхурочные, взятки, спирт, стрельба, — копи будут закрыты, а Бамберга будет смешана с космической пылью. Это закон, и я говорю вам это именем человечества.

Юрковский сел.

— Плакали наши денежки, — громко сказал кто-то.

Толпа зашумела. Кто-то крикнул:

— Значит, копи закрыть, а нас на улицу?

Юрковский встал.

— Не говорите чепуху, — сказал он. — Что у вас за дурацкое представление о жизни? Столько работы на Земле и в космосе! Настоящей, действительно необходимой, всем нужной, понимаете? Не горстке сытых дамочек, а всем! У меня, кстати, есть к вам предложение от МУКСа — желающие могут в течение месяца рассчитаться с компанией и перейти на строительные и технические работы на других астероидах и на спутниках больших планет. Вот если бы вы все здесь дружно проголосовали закрыть эти воюющие копи, я бы сделал это сегодня же. А работы вам всегда будет выше головы.

— А сколько платят? — заорал кто-то.

— Платят, конечно, раз в пять меньше, — ответил Юрковский. — Зато работа у вас будет на всю жизнь, и хорошие друзья, настоящие люди, которые из вас тоже сделают настоящих людей! И здоровыми останетесь, и будете участниками самого большого дела в мире.

— Какой интерес работать в чужом деле? — сказал Джошуа.

— Да, это нам не подходит, — заговорили в толпе.

— Разве это бизнес?

— Всякий будет тебя учить, что можно, что нельзя...

— Так всю жизнь и промыкаешься в рабочих...

— Бизнесмены! — с невыразимым презрением сказал Юрковский. — Ну, пора кончать. Имейте в виду: этого господина, — он указал на мистера Ричардсона, — этого господина я арестовал, его будут судить. Выберите сейчас сами временного управляющего и сообщите мне. Я буду у комиссара Барабаша.

Джошуа мрачно сказал Юрковскому:

— Неправильный это закон, мистер инспектор. Разве можно не давать рабочим заработать? А вы, коммунисты, еще хвастаете, что вы за рабочих.

— Мой друг, — мягко сказал Юрковский, — коммунисты совсем за других рабочих, а не за хозяевчиков.

В комнате у Барабаша Юрковский вдруг хлопнул себя по лбу.

— Растворя, — сказал он. — Я забыл камни на столе у управляющего.

Бэла засмеялся.

— Ну, теперь вы их больше не увидите, — сказал он. — Кто-то станет хозяевчиком.

— Черт с ними, — сказал Юрковский. — А первые у вас... э-э... Бэла, действительно... неважные.

Жилин захохотал:

— Как он его стулом!..

— А верно, гадкая рожа? — спросил Бэла.

— Нет, почему же? — сказал Жилин. — Очень культурный и обходительный человек.

Юрковский брезгливо заметил:

— Вежливый наглец. А какие здесь помещения, товарищи, а? Какой дворец отгрохали, а смерть-планетчики живут в лифте! Нет, я этим займусь, я этого так не оставлю.

— Хотите обедать? — спросил Бэла.

— Нет, обедать пойдем на «Тахмасиб». Сейчас кончится вся эта канитель...

— Боже мой! — мечтательно сказал Бэла. — Посидеть за столом с нормальными хорошими людьми, не слышать ни о долларах, ни об акциях, ни о том, что все люди скоты... Владимир Сергеевич, — умоляющее сказал он, — прислали бы вы мне сюда хоть кого-нибудь.

— Потерпите еще немного, Бэла, — сказал Юрковский. — Эта лавочка скоро закроется.

— Кстати об акциях, — сказал Жилин. — Вот, наверное, сейчас в радиорубке бедлам...

— Наверняка, — сказал Бэла. — Продают и покупают очередь к радиостанции. Глаза на лоб, морды в мыле... Ой, когда же я отсюда выберусь!..

— Ладно, ладно, — сказал Юрковский. — Давайте я посмотрю все протоколы.

Бэла пошел к сейфу.

— Кстати, Бэла, получится здесь из кого-нибудь хоть более или менее порядочный управляющий?

Бэла копался в сейфе.

— Почему же, — сказал он. — Получится, конечно. Инженеры здесь люди в общем неплохие. Хозяйчики.

В дверь постучали. Вошел угрюмый, облепленный пластирем Джошуа.

— Пойдемте, мистер инспектор, — сказал он хмуро.

Юрковский, кряхтя, поднялся.

— Пойдемте, — сказал он.

Джошуа протянул ему открытую ладонь.

— Вы камни там забыли, — хмуро сказал он. — Я собрал. А то у нас тут народ разный.

10. «Тахмасиб». Гигантская флюктуация

Был час обычных предобеденных занятий. Юра изнывал над «Курсом теории металлов». Взъерошенный, невыспавшийся Юрковский вяло перелистывал очередной отчет. Время от времени он сладострастно зевал, деликатно прикрывая рот ладонью. Быков сидел в своем кресле и дочитывал последние журналы. Был двадцать четвертый день пути, где-то между орбитой Юпитера и Сатурном.

«Изменение кристаллической решетки кадмивого типа в зависимости от температуры в области малых температур определяется, как мы видели, соотношением...» — читал Юра. Он подумал: «Интересно, что случится, когда у Алексея Петровича кончатся последние журналы?» Он вспомнил рассказ Колдуэлла, как парень в жаркий полдень состругивал ножом маленькую палочку и как все ждали, что будет, когда палочка кончится. Он прыснул, и в тот же момент Юрковский резко повернулся к Быкову.

— Если бы ты знал, до чего мне все это надоело, Алексей, — сказал он, — до чего мне хочется размяться...

— Возьми у Жилина гантели, — посоветовал Быков.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, — сказал Юрковский.

— Догадываюсь, — проворчал Быков. — Давно уже догадываюсь.

— И что ты по этому поводу... э-э... думаешь?

— Неугомонный стариk, — сказал Быков и закрыл журнал. — Тебе уже не двадцать пять лет. Что ты все время лезешь на рожон?

Юра с удовольствием стал слушать.

— Почему... э-э... на рожон? — удивился Юрковский. — Это будет небольшой, абсолютно безопасный поиск...

— А может быть, хватит? — сказал Быков. — Сначала абсолютно безопасный поиск в пещеру к пиявкам, потом безопасный поиск к смерть-планетчикам... Кстати, как твоя печень? Наконец, совершенно фанфаронский налет на Бамбергу.

— Позволь, но это был мой долг, — сказал Юрковский.

— Твой долг был вызвать управляющего на «Тахмасиб», мы вот здесь сообща намылили бы ему шею, пригрозили бы сжечь шахту реактором, попросили бы рабочих выдать нам гангстеров и самогонщиков — и все обошлось бы безо всякой дурацкой стрельбы. Что у тебя за манера из всех вариантов выбирать наиболее опасный?

— Что значит опасный? — сказал Юрковский. — Опасность — понятие субъективное. Тебе это представляется опасным, а мне — никакого.

— Ну вот и хорошо, — сказал Быков. — Поиск в кольце Сатурна представляется мне опасным. И поэтому я не разрешу тебе этот поиск производить.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал Юрковский. — Мы еще об этом поговорим. — Он раздраженно перевернул несколько листов отчета и снова повернулся к Быкову. — Иногда ты меня просто удивляешь, Алексей! — заявил он. — Если бы мне попался человек, который назвал бы тебя трусом, я бы размазал наглеца по стенам, но иногда я гляжу на тебя, и... — Он затряс головой и перевернул еще несколько страниц отчета.

— Есть храбрость дурацкая, — наставительно сказал Быков, — и есть храбрость разумная!

— Разумная храбрость — это катахреза!¹ «Спокойствие горного ручья, прохлада летнего солнца» — как говорит Киплинг. Безумству храбрых поем мы песню!..

— Попели, и хватит, — сказал Быков. — В наше время надо работать, а не петь. Я не знаю, что такое катахреза, но разумная храбрость — это единственный вид храбости, приемлемый в наше время. Безо всяких там этих... покойников. Кому нужен покойник Юрковский?

— Какой утилитаризм! — воскликнул Юрковский. — Я не хочу сказать, что прав только я! Но не забывай же, что существуют люди разных темпераментов. Вот мне, например, опасные ситуации просто доставляют удовольствие. Мне скучно жить просто так! И слава богу, я не один такой...

¹ Катахреза — соединение несовместимых понятий.

— Знаешь что, Володя, — сказал Быков. — В следующий раз возьми себе капитаном Баграта, если он к тому времени еще будет жив, и летай с ним хоть на Солнце. А я потакать твоим удовольствиям не намерен.

Оба сердито замолчали. Юра снова принял читать: «Изменение кристаллической решетки кадмивого типа в зависимости от температуры...» «Неужели Быков прав? — подумал он. — Вот скуча-то, если он прав! Верно говорят, что самое разумное — самое скучное...»

Из рубки вышел Жилин с листком в руке. Он подошел к Быкову и сказал негромко:

— Вот, Алексей Петрович, это Михаил Антонович передает...

— Что это? — спросил Быков.

— Программа на киберштурман для рейса от Япета.

— Хорошо, оставь, я погляжу, — сказал Быков.

«Вот уже программа рейса от Япета, — подумал Юра. — Они полетят еще куда-то, а меня уже здесь не будет». Он грустно посмотрел на Жилина. Жилин был в той самой клетчатой рубахе с закатанными рукавами.

Юрковский неожиданно сказал:

— Ты вот что пойми, Алексей. Я уже стар. Через год, через два я навсегда уже останусь на Земле, как Дауге, как Миша... И может быть, нынешний рейс — моя последняя возможность. Почему ты не хочешь пустить меня?..

Жилин на цыпочках пересек кают-компанию и сел на диван.

— Я не хочу тебя пускать не столько потому, что это опасно, — медленно сказал Быков, — сколько из-за того, что это бессмысленно опасно. Ну что, Владимир, за бредовая идея — искусственное происхождение колец Сатурна! Это же старческий маразм, честное слово...

— Ты всегда был лишен воображения, Алексей, — сухо сказал Юрковский. — Космогония колец Сатурна неясна, и я считаю, что моя гипотеза имеет не меньше прав на существование, чем любая другая, более, так сказать, рациональная. Я уже не говорю о том, что всякая гипотеза несет не только научную нагрузку. Гипотеза должна иметь и моральное значение — она должна будить воображение и заставлять людей думать...

— При чем здесь воображение? — сказал Быков. — Это же чистый расчет. Вероятность прибытия пришельцев именно в Солнечную систему мала. Вероятность того, что им взбредет в голову разрушать спутники и строить из них кольцо, я думаю, еще меньше...

— Что мы знаем о вероятностях? — провозгласил Юрковский.

— Ну хорошо, допустим, ты прав, — сказал Быков. — Допустим, что действительно в незапамятные времена в Солнечную систему прибыли пришельцы и зачем-то устроили искусственное кольцо около Сатурна. Отметились, так сказать. Но неужели ты рассчитываешь найти подтверждение своей гипотезе в этом первом и единственном поиске в кольце?

— Что мы знаем о вероятностях? — повторил Юрковский.

— Я знаю одно, — сердито сказал Быков, — что у тебя нет совершенно никаких шансов, и вся эта затея безумна.

Они снова замолчали, и Юрковский взялся за отчет. У него было очень грустное и очень старое лицо. Юре стало его невыносимо жалко, но он не знал, как помочь. Он посмотрел на Жилина. Жилин сосредоточенно думал. Юра посмотрел на Быкова. Быков делал вид, что читает журнал. По всему было видно, что ему тоже очень жалко Юрковского.

Жилин вдруг сказал:

— Алексей Петрович, а почему вы считаете, что если шансы малы, то и надеяться не на что?

Быков опустил журнал.

— А ты думаешь иначе?

— Мир велик, — сказал Жилин. — Мне очень понравились слова Владимира Сергеевича: «Что мы знаем о вероятностях?»

— Ну и чего же мы не знаем о вероятностях? — спросил Быков.

Юрковский, не отрываясь от отчета, насторожился.

— Я вспомнил одного человека, — сказал Жилин. — У него была очень любопытная судьба... — Жилин в нерешительности остановился. — Может, я мешаю вам, Владимир Сергеевич?

— Рассказывай, — потребовал Юрковский и решительно захлопнул отчет.

— Это займет некоторое время, — предупредил Жилин.

— Тем лучше, — сказал Юрковский. — Рассказывай. И Жилин начал рассказывать.

Рассказ о гигантской флюктуации

Я был тогда еще совсем мальчишкой и многое тогда не понял и многое забыл — может быть, самое интерес-

ное. Была ночь, и лица этого человека я так и не видел. А голос у него был самый обыкновенный, немножко печальный и сиплый, и он изредка покашливал, словно от смущения. Словом, если нам случится встретиться еще раз где-нибудь на улице или, скажем, в гостях, я его, скорее всего, не узнаю.

Встретились мы на пляже. Я только что искупался и сидел на камне. Потом я услышал, как позади посыпалась галька — это он спускался с насыпи, — запахло табачным дымом, и он остановился рядом со мной. Как я уже сказал, дело было ночью. Небо было покрыто облачками, и на море начинался шторм. Вдоль пляжа дул сильный теплый ветер. Незнакомец курил. Ветер высекал у него из папиросы длинные оранжевые искры, которые неслись и пропадали над пустынным пляжем. Это было очень красиво, и я это хорошо помню. Мне было всего шестнадцать лет, и я даже не думал, что он заговорит со мной. Но он заговорил. Начал он очень странно.

— Мир полон удивительных вещей, — сказал он.

Я решил, что он просто размышляет вслух, и промолчал. Я обернулся и посмотрел на него, но ничего не увидел: было слишком темно. А он повторил:

— Мир полон удивительных вещей... — И затем затянулся, осыпав меня дождем искр.

Я снова промолчал: я был тогда стеснительный. Он докурил папиросу, закурил новую и присел на камни рядом со мной. Время от времени он принимался что-то бормотать, но шум воды скрадывал слова, и я слышал только неразборчивое ворчание. Наконец он заявил громко:

— Нет, это уже слишком. Я должен это кому-нибудь рассказать.

И обратился прямо ко мне, впервые с момента своего появления:

— Не откажитесь выслушать меня, пожалуйста.

Я, конечно, не отказался. Он сказал:

— Только я вынужден буду начать издалека, потому что, если я сразу расскажу вам, в чем дело, вы не поймете и не поверите. А мне очень важно, чтобы мне поверили. Мне никто не верит, а теперь это зашло так далеко...

Он помолчал и сообщил:

— Это началось еще в детстве. Я начал учиться играть на скрипке и разбил четыре стакана и блюдце.

— Как это так? — спросил я. Я сразу вспомнил какой-то анекдот, где одна дама говорит другой: «Вы представ-

ляете, вчера дворник бросал нам дрова и разбил люстру». Есть такой старый анекдот.

Незнакомец этак грустно рассмеялся и сказал:

— Вот представьте себе. В течение первого же месяца обучения. Уже тогда мой преподаватель сказал, что он в жизни не видел ничего подобного.

Я промолчал, но тоже подумал, что это должно было выглядеть довольно странно. Я представил себе, как он размахивает смычком и время от времени попадает в буфет. Это действительно могло завести его довольно далеко.

— Это известный физический закон, — пояснил он неожиданно. — Явление резонанса. — И он, не переводя дыхания, изложил мне соответствующий анекдот из школьной физики, как через мост шла в ногу колонна солдат и мост рухнул. Потом он объяснил мне, что стаканы и блюдца тоже можно дробить резонансом, если подобрать звуковые колебания соответствующих частот. Должен сказать, что именно с тех пор я начал отчетливо понимать, что звук — это тоже колебания.

Незнакомец объяснил мне, что резонанс в обыденной жизни (в домашнем хозяйстве, как он выражался) вещь необычайно редкая, и очень восхищался тем, что какой-то древний правовой кодекс учитывает такую ничтожную возможность и предусматривает наказание владельцу того петуха, который своим криком расколет кувшин у соседа.

Я согласился, что это действительно, должно быть, редкое явление. Я лично никогда ни о чем таком не слыхал.

— Очень, очень редкое, — сказал он. — А я вот своей скрипкой разбил за месяц четыре стакана и блюдце. Но это было только начало.

Он закурил очередную папиросу и сообщил:

— Очень скоро мои родители и знакомые отметили, что я нарушаю закон бутерброда.

Тут я решил не ударить в грязь лицом и сказал:

— Странная фамилия.

— Какая фамилия? — спросил он. — Ах, закон? Нет, это не фамилия. Это... как бы вам сказать... нечто щупливое. Знаете, есть целая группа поговорок: чего боялся, на то и нарывался... Бутерброд всегда падает маслом вниз... В том смысле, что плохое случается чаще, чем хорошее. Или в научной форме: вероятность желательного события всегда меньше половины.

— Половины чего? — спросил я и тут же понял, что сморозил глупость. Он очень удивился моему вопросу.

— Разве вы не знакомы с теорией вероятностей? — спросил он.

Я ответил, что мы этого еще не проходили.

— Так тогда вы ничего не поймете, — сказал он разочарованно.

— А вы объясните, — сердито сказал я, и он покорно принялся объяснять. Он объявил, что вероятность — это количественная характеристика возможности наступления того или иного события.

— А при чем здесь бутерброды? — спросил я.

— Бутерброд может упасть или маслом вниз, или маслом вверх, — сказал он. — Так вот, вообще говоря, если вы будете бросать бутерброд наудачу, случайным образом, то он будет падать то так, то эдак. В половине случаев он падает маслом вверх, в половине — маслом вниз. Понятно?

— Понятно, — сказал я. Почему-то я вспомнил, что еще не ужинал.

— В таких случаях говорят, что вероятность желаемого исхода равна половине — одной второй.

Дальше он рассказал, что если бросать бутерброд, например, сто раз, то он может упасть маслом вверх не пятьдесят раз, а пятьдесят пять или двадцать и что только если бросать его очень долго и много, масло вверху окажется приблизительно в половине всех случаев. Я представлял себе этот несчастный бутерброд с маслом (и может быть, даже с икрой) после того, как его бросали тысячу раз на пол, пусть даже на не очень грязный, и спросил, что неужели действительно были люди, которые этим занимались. Он стал рассказывать, что для этих целей пользовались в основном не бутербродами, а монетой, как в игре в орлянку, и начал объяснять, как это делалось, забираясь во все более глухие дебри, и скоро я совсем перестал его понимать, и сидел, глядя в хмурое небо, и думал, что, вероятно, пойдет дождь. Из этой первой лекции по теории вероятностей я запомнил только полузнакомый термин «математическое ожидание». Незнакомец употреблял этот термин неоднократно, и каждый раз я представлял себе большое помещение, вроде зала ожидания, с кафельным полом, где сидят люди с портфелями и бюварами и, подбрасывая время от времени к потолку монетки и бутерброды, чего-то сосредоточенно ожидают. До сих пор я часто вижу это во

сне. Но тут незнакомец оглушил меня звонким термином «предельная теорема Муавра-Лапласа» и сказал, что все это к делу не относится.

— Я, знаете ли, совсем не об этом хотел вам рассказать, — проговорил он голосом, лишенным прежней живости.

— Простите, вы, вероятно, математик? — спросил я.

— Нет, — ответил он уныло. — Какой я математик? Я флюктуация.

Из вежливости я промолчал.

— Да, так я вам, кажется, еще не рассказал своей истории, — вспомнил он.

— Вы говорили о бутербродах, — сказал я.

— Это, знаете ли, первым заметил мой дядя, — продолжал он. — Я был, знаете ли, рассеян и часто ронял бутерброды. И бутерброды у меня всегда падали маслом вверх.

— Ну и хорошо, — сказал я.

Он горестно вздохнул:

— Это хорошо, когда изредка... А вот когда всегда! Вы понимаете — всегда!

Я ничего не понимал и сказал ему об этом.

— Мой дядя немного знал математику и увлекался теорией вероятностей. Он посоветовал мне попробовать бросать монетку. Мы ее бросали вместе. Я сразу тогда даже не понял, что я конченый человек, а мой дядя это понял. Он так и сказал мне тогда: «Ты конченый человек!»

Я по-прежнему ничего не понимал.

— В первый раз я бросил монетку сто раз, и дядя сто раз. У него орел выпал пятьдесят три раза, а у меня девяносто восемь. У дяди, знаете ли, глаза на лоб вылезли. И у меня тоже. Потом я бросил монетку еще двести раз, и, представьте себе, орел у меня выпал сто девяносто шесть раз. Мне уже тогда следовало понять, чем такие вещи должны кончиться. Мне надо было понять, что когда-нибудь наступит и сегодняшний вечер! — Тут он, кажется, всхлипнул. — Но тогда я, знаете ли, был слишком молод, моложе вас. Мне все это представлялось очень интересным. Мне казалось очень забавным чувствовать себя средоточием всех чудес на свете.

— Чем? — изумился я.

— Э-э-э... средоточием чудес. Я не могу другого слова подобрать, хотя и пытался.

Он немножко успокоился и принялся рассказывать все

по порядку, беспрерывно куря и покашливая. Рассказывал он подробно, старательно описывая все детали и неизменно подводя научную базу под все излагаемые события. Он поразил меня если не глубиной, то разносторонностью своих знаний. Онсыпал меня терминами из физики, математики, термодинамики и кинетической теории газов, так что потом, уже став взрослым, я часто удивлялся, почему тот или иной термин кажется мне таким знакомым. Зачастую он пускался в философские рассуждения, а иногда казался просто несамокритичным. Так, он неоднократно величал себя феноменом, чудом природы и гигантской флюктуацией. Тогда я понял, что это не профессия. Он мне заявил, что чудес не бывает, а бывают только весьма маловероятные события.

— В природе, — наставительно говорил он, — наиболее вероятные события осуществляются наиболее часто, а наименее вероятные осуществляются гораздо реже.

Он имел в виду закон неубывания энтропии, но тогда для меня все это звучало веско. Потом он попытался мне объяснить понятия наивероятнейшего состояния и флюктуации. Мое воображение потряс тогда этот известный пример с воздухом, который весь собрался в одной половине комнаты.

— В этом случае, — говорил он, — все, кто сидел в другой половине, задохнулись бы, а остальные сочли бы происшедшее чудом. А это отнюдь не чудо, это вполне реальный, но необычайно маловероятный факт. Это была бы гигантская флюктуация — ничтожно вероятное отклонение от наиболее вероятного состояния.

По его словам, он и был таким отклонением от наиболее вероятного состояния. Его окружали чудеса. Увидеть, например, двенадцатикратную радугу было для него пустяком — он видел ее шесть или семь раз.

— Я побью любого синоптика-любителя, — удрученно хвастался он. — Я видел полярные сияния в Алма-Ате, Брокенское видение на Кавказе и двадцать раз наблюдал знаменитый зеленый луч, или «меч голода», как его называют. Я приехал в Батуми, и там началась засуха. Тогда я отправился путешествовать в Гоби, и трижды попал там под тропический ливень.

За время обучения в школе и в вузе он сдал множество экзаменов и каждый раз вытаскивал билет номер пять. Однажды он сдавал спецкурс, и было точно известно, что будет всего четыре билета — по числу сдающих, — и он все-таки вытащил билет номер пять, потому что за час до

экзамена преподаватель вдруг решил добавить еще один билет. Бутерброды продолжали у него падать маслом вверх. («На это я, по-видимому, обречен до конца жизни, — сказал он. — Это всегда будет мне напоминать, что я не какой-нибудь обыкновенный человек, а гигантская флюктуация».) Дважды ему случалось присутствовать при образовании больших воздушных линз («Это макроскопические флюктуации плотности воздуха», — непонятно объяснил он), и оба раза эти линзы зажигали спичку у него в руках.

Все чудеса, с которыми он сталкивался, он делил на три группы: на приятные, неприятные и нейтральные. Бутерброды маслом вверх, например, относились к первой группе. Неизменный насморк, регулярно и независимо от погоды начинающийся и кончающийся первого числа каждого месяца, относился ко второй группе. К третьей группе относились разнообразные редчайшие явления природы, которые имели честь происходить в его присутствии. Однажды в его присутствии произошло нарушение второго закона термодинамики: вода в сосуде с цветами неожиданно принялась отнимать тепло от окружающего воздуха и довела себя до кипения, а в комнате выпал иней. («После этого я ходил как пришибленный и до сих пор, знаете ли, пробую воду пальцем, прежде чем ее, скажем, пить...») Неоднократно к нему в палатку — он много путешествовал — залетали шаровые молнии и часами висели под потолком. В конце концов он привык к этому и использовал шаровые молнии как электрические лампочки: читал.

— Вы знаете, что такое метеорит? — спросил он неожиданно.

Молодость склонна к плоским шуткам, и я ответил, что метеориты — это падающие звезды, которые не имеют ничего общего со звездами, которые не падают.

— Метеориты иногда попадают в дома, — задумчиво сказал он. — Но это очень редкое событие. И зарегистрирован только один, знаете ли, случай, когда метеорит попал в человека. Единственный, знаете ли, в своем роде случай...

— Ну и что? — спросил я.

Он наклонился ко мне и прошептал:

— Так этот человек — я!

— Вы шутите! — сказал я, вздрогнув.

— Нисколько, — грустно сказал он.

Оказалось, что все это произошло на Урале. Он шел

пешком через горы, остановился на минутку, чтобы завязать шнурок на ботинке. Раздался резкий шелестящий свист, и он ощутил толчок в заднюю, знаете ли, часть тела и боль от ожога.

— На штанах была вот такая дыра, — рассказывал он. — Кровь текла, знаете, но не сильно. Жалко, что сейчас темно, я бы показал вам шрам.

Он подобрал там несколько подозрительных камешков и хранил их в своем столе — может быть, один из них и есть тот метеорит.

Случались с ним вещи, совершенно необъяснимые с научной точки зрения. По крайней мере пока, при нынешнем уровне науки. Так, однажды ни с того ни с сего он стал источником мощного магнитного поля. Выразилось это в том, что все предметы из ферромагнетиков, находившиеся в комнате, сорвались с места и по силовым линиям ринулись на него. Стальное перо вонзилось ему в щеку, что-то сильно ударило по голове и по спине. Он закрылся руками, дрожа от ужаса, с ног до головы облепленный ножами, вилками, ложками, ножницами, и вдруг все кончилось. Явление длилось не больше десяти секунд, и он совершенно не знал, как его можно объяснить.

В другой раз, получив письмо от приятеля, он после первой же строчки, к изумлению своему, обнаружил, что совершенно такое же письмо получал уже несколько лет назад. Он вспомнил даже, что на обратной стороне, рядом с подписью, должна быть большая клякса. Перевернув письмо, он действительно увидел кляксу.

— Все эти вещи не повторялись больше, — печально сообщил он. — Я считал их самыми замечательными в своей коллекции. Но только, знаете ли, до сегодняшнего вечера.

Он вообще очень часто прерывал свою речь, для того чтобы заявить: «Все это, знаете ли, было бы очень хорошо, но вот сегодня... Это уже слишком, уверяю вас».

— А вам не кажется, — спросил я, — что вы представляете интерес для науки?

— Я думал об этом, — сказал он. — Я писал. Я, знаете ли, предлагал. Мне никто не верит. Даже родные не верят. Только дядя верил, но теперь он умер. Все считают меня оригиналом и неумным шутником. Я просто не представляю себе, что они будут думать после сегодняшнего события. — Он вздохнул и бросил окурок. — Да, может быть, это и к лучшему, что мне не ве-

рят. Предположим, что мне бы кто-нибудь поверил. Создали бы комиссию, она бы за мной везде ходила и ждала чудес. А я человек от природы нелюдимый, а тут еще от всего этого характер у меня испортился совершенно. Иногда не сплю по ночам — боюсь.

Насчет комиссии я был с ним согласен. Ведь и в самом деле, он не мог вызывать чудеса по своему желанию. Он был только средоточием чудес, точкой пространства, как он говорил, где происходят маловероятные события. Без комиссии и наблюдения не обошлось бы.

— Я писал одному известному ученому, — продолжал он. — В основном, правда, о метеорите и о воде в вазе. Но он, знаете ли, отнесся к этому юмористически. Он ответил, что метеорит упал вовсе не на меня, а на одного, кажется, японского, шофера. И он очень язвительно посоветовал мне обратиться к врачу. Меня очень заинтересовал этот шофер. Я подумал, что он, может быть, тоже гигантская флюктуация — вы сами понимаете, это возможно. Но оказалось, он умер много лет назад. Да, знаете ли... — Он задумался. — А к врачу я все-таки пошел. Оказалось, что я с точки зрения медицины ничего особенного не представляю. Но он нашел у меня некоторое расстройство нервной системы и послал сюда, на курорт. И я поехал. Откуда я мог знать, что здесь произойдет? — Он вдруг схватил меня за плечо и прошептал: — Час назад у меня улетела знакомая!

Я не понял.

— Мы прогуливались там, наверху, по парку. В конце концов, я же человек, и у меня были самые серьезные намерения. Мы познакомились в столовой, пошли прогуляться в парк, и она улетела.

— Куда? — закричал я.

— Не знаю. Мы шли, вдруг она вскрикнула, ойкнула, оторвалась от земли и поднялась в воздух. Я опомнился не успел, только схватил ее за ногу, и вот...

Он ткнул мне в руку какой-то твердый предмет. Это была обыкновенная босоножка среднего размера.

— Вы понимаете, это же совершенно невозможно, — бормотал феномен. — Хаотическое движение молекул тела, броуновское движение частиц живого коллоида стало упорядоченным, ее оторвало от земли и унесло, совершенно не представляю куда. Очень, очень маловероятно... Вы мне теперь только скажите, должен я считать себя убийцей?

Я был потрясен. В первый раз мне пришло в голову, что он, наверное, все выдумал. А он сказал с тоской:

— И дело, знаете ли, даже не в этом. В конце концов, она, может быть, зацепилась где-нибудь за дерево. Ведь я не стал искать, потому что побоялся, что не найду. Но вот, знаете ли... Раньше все эти чудеса касались только меня. Я не очень любил флюктуации, но флюктуации, знаете ли, очень любили меня. А теперь? Если этакие штуки начнут происходить и с моими знакомыми?.. Сегодня улетает девушка, завтра проваливается сквозь землю сотрудник, послезавтра... Да вот, например, вы. Ведь вы сейчас ни от чего не застрахованы.

Это я уже понял сам, и мне стало удивительно интересно и жутко. «Вот здорово! — подумал я. — Скорее бы!» Мне вдруг показалось, что я взлетаю, и я вцепился руками в камень над собой. Незнакомец вдруг встал.

— Вы знаете, я лучше пойду, — сказал он жалобно. — Не люблю я бессмысленных жертв. Вы сидите, а я пойду. Как это мне раньше в голову не пришло!

Он торопливо пошел вдоль берега, оступаясь на камнях, а потом вдруг крикнул издали:

— Вы уж извините меня, если с вами что случится! Ведь это от меня не зависит!

Он уходил все дальше и дальше и скоро превратился в маленькую черную фигурку на фоне чуть фосфоресцирующих волн. Мне показалось, что он размахнулся и бросил волны что-то белое. Наверное, это была босоножка. Вот так мы с ним и расстались.

К сожалению, я не смог бы узнать его в толпе. Разве что случилось бы какое-нибудь чудо. Я никогда и ничего больше не слыхал о нем, и, по-моему, ничего особенного в то лето на морском побережье не случилось. Вероятно, его девушка все-таки зацепилась за какой-нибудь сук и они потом поженились. Ведь у него были самые серьезные намерения. Я знаю только одно: если когда-нибудь, пожимая руку новому знакомому, я вдруг почувствую, что становлюсь источником мощного магнитного поля, и вдобавок замечу, что новый знакомец много курит, часто покашливает, этак «кхым-кхум», — значит, это, знаете ли, он, феномен, средоточие чудес, гигантская флюктуация.

Жилин закончил рассказ и победоносно оглядел слушателей. Юре рассказ понравился, но он, как всегда, так и не понял, выдумал все это Жилин или рассказывал правду. На всякий случай он в течение всего рассказа скептически усмехался.

— Прелестно, — сказал Юрковский. — Но больше всего мне нравится мораль.

— Что же это за мораль? — сказал Быков.

— Мораль такова, — объяснил Юрковский. — Нет ничего невозможного, есть только маловероятное.

— И кроме того, — сказал Жилин, — мир полон удивительных вещей — это раз. И два: что мы знаем о вероятностях?

— Вы мне тут зубы не заговаривайте, — сказал Быков и встал. — Тебе, Иван, я вижу, не дают покоя писательские лавры Михаила Антоновича. Рассказ этот можешь вставить в свои мемуары.

— Обязательно вставлю, — сказал Жилин. — Правда, хороший рассказ?

— Спасибо, Ванюша, — сказал Юрковский. — Ты меня отлично рассеял. Интересно, как это у него могло появиться электромагнитное поле?

— Магнитное, — поправил Жилин. — Он говорил мне о магнитном.

— М-да, — сказал Юрковский и задумался.

После ужина они остались в кают-компании втроем. Сменившийся с вахты Михаил Антонович с наслаждением забрался в быковское кресло почтить на сон грядущий «Повесть о принце Гэндзи», а Юра с Жилиным устроились перед экраном магнитовизора поглядеть что-нибудь легкое. Свет в кают-компании был притушен, только переливались на экране глухими мрачными красками страшные джунгли, по которым шли первооткрыватели, да поблескивала в углу под бра глянцевитая лысина штурмана. И было совсем тихо.

Жилин «Первооткрывателей» уже видел, гораздо интереснее ему было смотреть на Юру и штурмана. Юра глядел на экран, не отрываясь, и только иногда нетерпеливо поправлял на голове тонкий обруч фонодемонстратора. «Первооткрыватели» страшно нравились ему, а Жилин посмеивался про себя и думал, до чего же нелеп и примитивен этот фильм, особенно если смотреть его не в первый раз и тебе уже за тридцать. Эти подвиги, похожие наupoенное самоистязание, нелепые с начала и до конца, и этот командир Сандерс, которого бы немедленно сместить, намылить ему шею и отправить назад на Землю архивариусом, чтобы не сходил с ума и не губил невинных людей, не имеющих права ему противоречить. И в первую очередь прикончить бы эту истеричку — Праско-

вину, кажется, — послать ее в джунгли одну, раз у нее так пятки чешутся. Ну и экипаж подобрался! Сплошные самоубийцы с инфантильным интеллектом. Доктор был неплох, но автор прикончил его с самого начала, видимо, чтобы никто не мешал идиотскому замыслу ополоумевшего командира.

Самое забавное, что Юра все это, конечно, не может не видеть, но попробуй вот оторвать его сейчас от экрана и засадить, скажем, за того же принца Гэндзи!.. Издавна так повелось и навсегда, наверное, останется, что каждый нормальный юноша до определенного возраста будет предпочитать драму погони, поиска, беззаботного самоистребления драме человеческой души, тончайшим переживаниям, сложнее, увлекательнее и трагичнее которых нет ничего в мире... О, конечно, он подтвердит, что Лев Толстой велик как памятник человеческой душе, что Голосуорси монументален и замечателен как социолог, а Дмитрий Строгов не знает себе равных в исследовании внутреннего мира нового человека. Но все это будут слова, пришедшие извне. Настанет, конечно, время, когда он будет потрясен, увидев князя Андрея живого среди живых, когда он задохнется от ужаса и жалости, поняв до конца Сомса, когда он ощутит великую гордость, разглядев ослепительное солнце, что горит в невообразимо сложной душе строговского Токмакова... Но это случится позже, после того, как он накопит опыт собственных душевных движений.

Другое дело — Михаил Антонович. Вот он поднял голову и уставился маленькими глазками в темноту комнаты, и сейчас перед ним, конечно, далекий красавец в странной одежде и странной прическе, с ненужным мечом за поясом, тонкий и насмешливый грешник, японский донжуан — именно такой, каким он выскочил в свое время из-под пера гениальной японки в пышном и грязном хэйянском дворце и отправился невидимкой гулять по свету, пока не нашлись и для него такие же гениальные переводчики. И Михаил Антонович видит его сейчас так, словно нет между ними девяти веков и полутора миллиардов километров, и видит его только он, а Юре пока это не дано, и будет дано только лет через пять, когда войдут в Юрину жизнь и Токмаков, и Форсайты, и Катя с Дашей, и многие, многие другие...

Последний первооткрыватель умер под водруженным флагом, и экран погас. Юра стащил с затылка фонодемонстратор и задумчиво произнес:

- Да, отлично сделан фильм.
- Прелесть, — серьезно откликнулся Жилин.
- Какие люди, а? — Юра дернул себя за хохол на макушке. — Как стальной клинок... Герои последнего шага. Только Прасковина какая-то неестественная.
- Н-да, пожалуй...
- Но зато Сандерс! До чего же он похож на Владимира Сергеича!
- Мне они все напоминают Владимира Сергеича, — сказал Жилин.
- Ну что вы! — Юра оглянулся, увидел Михаила Антоновича и перешел на шепот: — Конечно, все они настоящие, чистые, но...
- Пойдем-ка лучше ко мне, — предложил Жилин.
- Они вышли из кают-компании и направились к Жилину. Юра говорил:
- Все они хороши, я не спорю, но Владимир Сергеевич — это, конечно, совсем другое, он мощнее их как-то, значительнее...
- Они вошли в комнату. Жилин сел и стал смотреть на Юру. Юра говорил:
- А какое болото! Как это все изумительно сделано: коричневая жижа с громадными белыми цветами, и блестящая скользкая шкура чья-то в тине, и крики джунглей... — Он замолчал. — Ваня, — сказал он осторожно, — а вам, я вижу, картина не очень?..
- Ну что ты! — сказал Жилин. — Просто я уже видел ее, да и староват я для всех этих болот, Юрик. Я по ним хаживал и знаю, что там на самом деле...
- Юра пожал плечами. Он был недоволен.
- Право же, дружище, не в болотах суть. — Жилин откинулся на спинку кресла и принял любимую позу: закинул голову, сцепил пальцы на затылке и растопырил локти. — И не подумай, пожалуйста, что я намекаю на разницу в наших годах. Нет. Это ведь неправда, что бывают дети и бывают взрослые. Все на самом деле сложнее. Бывают взрослые и взрослые. Вот, например, ты, я и Михаил Антонович. Стал бы ты сейчас в трезвом уме и здравой памяти читать «Повесть о Гэндзи»? Вижу ответ твой на лице твоем. А Михаил Антонович перечитывает сейчас «Гэндзи» чуть ли не пятый раз, а я впервые почувствовал прелесть его только в этом году... — Жилин помолчал и пояснил: — Прелесть этой книги, конечно. Прелесть Михаила Антоновича я почувствовал гораздо раньше.

Юра с сомнением смотрел на него.

— Я, разумеется, знаю, что это классика и все такое, — сообщил он. — Но читать «Гэндзи» пять раз я бы не стал. Там все запутано, усложнено... А жизнь по сути своей проста, много проще, чем ее изображают в таких книгах.

— А жизнь по сути своей сложна, — сказал Жилин. — Много сложнее, чем описывают ее такие фильмы, как «Первооткрыватели». Если хочешь, мы попробуем разобраться. Вот командир Сандерс. У него есть жена и сын. У него есть друзья. И все же как легко он идет на смерть! У него есть совесть. И как легко он ведет на смерть своих людей...

— Он забыл обо всем этом, потому что...

— Об этом, Юрик, не забывают никогда. И главным в фильме должно быть не то, что Сандерс геройски погиб, а то, как он сумел заставить себя забыть. Ведь гибель-то была верной, дружище. Этого в кино нет, поэтому все кажется простым. А если бы это было, фильм показался бы тебе скучнее...

Юра молчал.

— Ну-с? — сказал Жилин.

— Может быть, — неохотно проговорил Юра. — Но мне все-таки кажется, что на жизнь надо смотреть проще.

— Это пройдет, — пообещал Жилин.

Они помолчали. Жилин, прищурясь, глядел на лампу. Юра сказал:

— Есть трусость, есть подвиг, есть работа — интересная и неинтересная. Надо ли все это перепутывать и выдавать трусость за подвиг и наоборот?

— А кто же перепутывает, кто этот негодяй? — вскричал Жилин.

Юра засмеялся.

— Я просто схематически представил, как это бывает в некоторых книгах. Возьмут какого-нибудь типа, напустят вокруг слюней, и потом получается то, что называют изящным парадоксом или противоречивой фигурой. А он — тип типом. Тот же Гэндзи.

— Все мы немножко лошади, — проникновенно сказал Жилин. — Каждый из нас по-своему лошадь. Это жизнь все перепутывает. Ее величество жизнь. Эта благословенная негодяйка. Жизнь заставляет гордого Юрковского упрашивать непримиримого Быкова. Жизнь заставляет Быкова отказывать своему лучшему другу. Кто же из них лошадь, то бишь тип? Жизнь заставляет Жилин

на, который целиком согласен с железной линией Быкова, сочинять сказочку о гигантской флюктуации, чтобы хоть так выразить свой протест против самой непоколебимости этой линии. Жилин тоже тип. Весь в слюнях, и никакого постоянства убеждений. А знаменитый вакуум-сварщик Бородин? Не он ли видел смысл жизни в том, чтобы положить живот на подходящий алтарь? И кто поколебал его — не логикой, а просто выражением лица? Раствленный кабатчик с дикого Запада. Поколебал ведь, а?

— Ну-ну... в каком-то смысле...

— Ну не тип ли этот Бородин? Ну не проста ли жизнь? Выбрал себе принцип — и валяй. Но принципы тем и хороши, что они стареют. Они стареют быстрее, чем человек, и человеку остаются только те, что продиктованы самой историей. Например, в наше время история жестко объявила Юрковским: баста! Никакие открытия не стоят одной-единственной человеческой жизни. Рисковать жизнью разрешается только ради жизни. Это придумали не люди. Это продиктовала история, а люди только сделали эту историю. Но там, где общий принцип сталкивается с принципом личным, — там кончается жизнь простая и начинается сложная. Такова жизнь.

— Да, — сказал Юра. — Наверное.

Они замолчали, и Жилин опять ощущил мучительное чувство раздвоенности, не оставлявшее его вот уже несколько лет. Как будто каждый раз, когда он уходил в рейс, на Земле остается какое-то необычайно важное дело, самое важное для людей, необычайно важное, важнее всей остальной Вселенной, важнее самых замечательных творений рук человеческих.

На Земле оставались люди, молодежь, дети. Там оставались миллионы и миллионы таких вот Юриков, и Жилин чувствовал, что может здорово помочь им, хотя бы некоторым из них. Все равно где. В школьном интернате. Или в заводском клубе. Или в Доме пионеров. Помочь им входить в жизнь, помочь найти себя, определить свое место в мире, научить хотеть сразу многого, научить хотеть работать взахлеб.

Научить не кланяться авторитетам, а исследовать их и сравнивать их поучения с жизнью.

Научить настороженно относиться к опыту бывалых людей, потому что жизнь меняется необычайно быстро.

Научить презирать мещансскую мудрость.

Научить, что любить и плакать от любви не стыдно.

Научить, что скептицизм и цинизм в жизни стоят дешево, что это много легче и скучнее, нежели удивляться и радоваться жизни.

Научить доверять движениям души своего ближнего.

Научить, что лучше двадцать раз ошибиться в человеке, чем относиться с подозрением к каждому.

Научить, что дело не в том, как на тебя влияют другие, а в том, как ты влияешь на других.

И научить их, что один человек ни черта не стоит.

Юра вздохнул и сказал:

— Давайте, Ваня, в шахматы сыграем.

— Давай, — сказал Жилин.

11. Диона. На четвереньках

Директора обсерватории на Дионе Юрковский знал давно, еще когда тот был аспирантом в Институте планетологии. Владислав Кимович Шершень слушал тогда у Юрковского спецкурс «Планеты-гиганты». Юрковский его помнил и любил за дерзость ума и исключительную целенаправленность.

Шершень вышел встречать старого наставника прямо в кессон.

— Не ожидал, не ожидал, — говорил он, ведя Владимира Сергеевича под локоток к своему кабинету.

Шершень был уже не тот. Не было больше стройного черноволосого парня, всегда загорелого и немного сумрачного. Шершень стал бледен, он облысел, располнел и все время улыбался.

— Вот не ожидал! — повторял он с удовольствием. — Как же это вы к нам надумали, Владимир Сергеевич? И никто нам не сообщил...

В кабинете он усадил Юрковского за свой стол, сдвинув в сторону пружинный пресс с кипой фотокорректуры, а сам сел на табурет напротив. Юрковский озирался, благожелательно кивал. Кабинет был невелик и гол. Настоящее рабочее место ученого на межпланетной станции. И сам Владислав был под стать этому месту. На нем был поноженный, но выглаженный комбинезон с подвернутыми рукавами, полное лицо было тщательно выбрито, а жиденькая полуседая прядь на макушке аккуратно причесана.

— А вы постарели, Владислав, — сказал Юрковский с сожалением. — И... э-э... фигура не та. Ведь вы спортсменом были, Владислав.

— Шесть лет здесь почти безвыездно, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень. — Тяжесть здесь в пятьдесят раз меньше, чем на Планете, эспандерами изнурять себя, как наша молодежь делает, не могу за недостатком времени, да и сердце пошаливает, вот и толстею. Да к чему мне стройность, Владимир Сергеевич? Жене все равно, какой я, а девушек ради худеть — темперамент не тот, да и положение не позволяет...

Они посмеялись.

— А вы, Владимир Сергеевич, изменились мало.

— Да, — сказал Юрковский. — Волос поменьше, ума побольше.

— Что нового в институте? — спросил Шершень. — Как дела у Габдула Кадыровича?

— Габдул застрял, — сказал Юрковский. — Очень ждет ваших результатов, Владислав. По сути, вся планетология Сатурна держится на вас. Избаловали вы их, Владислав... э-э... Избаловали.

— Что ж, — сказал Шершень, — за нами дело не станет. В следующем году начнем глубинные запуски... Вы вот только людей бы мне подбросили, Владимир Сергеевич, специалистов. Опытных, крепких специалистов...

— Специалисты, — сказал, усмехаясь, Юрковский. — Специалисты всем нужны. Только это, между прочим, ваше дело, Владислав, — готовить специалистов. Вы, вы должны их институту давать, а не институт вам. А я слыхал, что от вас Мюллер на Тефию ушел. Даже то, что мы вам дали, вы упускаете.

Шершень покачал головой.

— Дорогой Владимир Сергеевич, — сказал он, — мне работать нужно, а не специалистов готовить. Подумаешь, Мюллер! Ну, хороший атмосферник, два десятка неплохих работ. Так ведь Дионе программу надо выполнять, а не гоняться за хитрыми разумом Мюллерами. И таких, как Мюллер, пусть институт держит у себя. Никто на них не польстится. А нам здесь нужны молодые дисциплинированные ребята... Кто там сейчас в координационном отделе? Все еще Баркан?

— Да, — сказал Юрковский.

— Оно и видно.

— Ну, ну, Владислав, Баркан хороший работник. Но сейчас открыты пять новых обсерваторий в Пространстве. И всем нужны люди.

— Ну так, товарищи! — сказал Шершень. — Надо же

планировать по-человечески! Обсерваторий стало больше, а специалистов не прибавилось? Нельзя же так!

— Ладно, — весело сказал Юрковский, — ваше... э-э... неудовольствие, Владислав, я непременно передам Баркану. И вообще, Владислав, готовьте ваши жалобы и претензии. Насчет людей, насчет оборудования. Пользуйтесь случаем, ибо в настоящее время я облечен властью разрешать и вязать, высшей властью, Владислав.

Шершень удивленно поднял брови.

— Да, Владислав, вы разговариваете с генеральным инспектором МУКСа.

Шершень вздернул голову.

— Ах... вот как? — медленно сказал он. — Вот не ожидал! — Он вдруг опять заулыбался. — А я, дурень, ломаю голову: как случилось, что глава мировой планетологии так внезапно, без предупреждения... Интересно, по каким же это наветам удостоилась наша маленькая Диона генерального посещения?

Они еще раз посмеялись.

— Послушайте... э-э... Владислав, — сказал Юрковский. — Мы довольны работой обсерватории, вы это знаете. Я очень доволен вами, Владислав. Отчетливо... э-э... работаете. И я вовсе не собирался беспокоить вас в моем, так сказать... э-э... официальном качестве. Но вот все тот же вопрос о людях. Понимаете, Владислав, некоторое — я бы сказал законное — недоумение вызывает тот факт, что у вас... э-э... Вот за последний год у вас здесь закончено двадцать работ. Хорошие работы. Некоторые просто превосходные. Например... э-э... эта, об определении глубины экзосферных слоев по конфигурации тени колец. Да. Хорошие работы. Но среди них нет ни одной самостоятельной. Шершень и Аверин. Шершень и Свирский. Шершень и Шатрова... Возникает вопрос: а где просто Аверин и Шатрова? Где просто Свирский? То есть создается впечатление, что вы ведете свою молодежь на помочах. Конечно, более всего важен результат, победителя не судят... э-э... но при всей вашей загруженности вы не имеете права упускать из виду подготовку специалистов. Им ведь рано или поздно придется работать самостоятельно. И в свою очередь людей учить. Как же это у вас получается?

— Вопрос законный, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень после некоторого молчания. — Но как на него ответить — не представляю. И выглядит это подозрительно. Я бы сказал, мерзко. Я уж тут несколько раз

пытался отказываться от соавторства — знаете, просто чтобы спасти лицо. И представьте себе, ребята не разрешают. И я их понимаю! Вот Толя Кравец, — он похлопал ладонью по фотокорректуре. — Великолепный наблюдатель. Мастер прецизионных измерений. Инженер чудесный. Но... — он развел руками, — недостаточно опыта у него, что ли... Огромный, интереснейший наблюдательный материал — и практически полная неспособность провести квалифицированный анализ результатов. Вы понимаете, Владимир Сергеевич, я же ученый, мне до боли жалко этот пропадающий материал, а опубликовывать это в сыром виде, чтобы выводы делал Габдул Кадырович, тоже, знаете ли, с какой стати. Не выдерживает ретивое, сажусь, начинаю интерпретировать сам. Ну... у мальчика же самолюбие... Так и появляется — Шершень и Кравец.

— М-да, — сказал Юрковский. — Это бывает. Да вы не беспокойтесь, Владислав, никто ничего страшного не предполагает... Мы отлично знаем вас. Да, Анатолий Кравец. Кажется, я его... э-э... припоминаю. Такой крепыш. Очень вежливый. Да-да, помню, очень, помню, был старательный студент. Я почему-то думал, что он на Земле, в Абастумани... Э... да. Знаете, Владислав, расскажите мне, пожалуйста, о ваших сотрудниках. Я уже всех их перезабыл.

— Что ж, — сказал Шершень. — Это не трудно. Нас здесь всего восемь человек на всей Дионе. Ну, Дитца и Оленеву мы исключим, это инженеры-контролеры. Славные, умные ребята, ни одной аварии за три года. Обо мне говорить тоже не будем. Итого у нас остается всего пять собственно астрономов. Ну, Аверин. Астрофизик. Обещает стать очень ценным работником, но пока слишком разбрасывается. Мне лично это никогда в людях не нравилось. Потому мы и с Мюллером не сошлись. Так. Свирский Виталий. Тоже астрофизик.

— Позвольте, позвольте, — сказал Юрковский, просияв. — Аверин и Свирский! Как же... Это была чудесная пара! Помню, я был в плохом настроении и завалил Аверина, и Свирский отказался мне сдавать. Очень, помню, трогательный был бунт... Да, большие были друзья.

— Теперь они поохладели друг к другу, — грустно сказал Шершень.

— А что... э-э... случилось?

— Девушка, — сердито сказал Шершень. — Оба влюбились по уши в Зину Шатрову...

— Помню! — воскликнул Юрковский. — Маленькая такая, веселая, глаза синие, как... э-э.. незабудки. Все за ней ухаживали, а она отшучивалась. Изрядная была забавница.

— Теперь она уже не забавница, — сказал Шершень. — Запутался я в этих сердечных делах, Владимир Сергеевич. Нет, воля ваша. Я в этом отношении всегда выступал против вас и буду впредь выступать. Молодым девчонкам на дальних базах не место, Владимир Сергеевич.

— Оставьте, Владислав, — сказал Юрковский, нахмурясь.

— Дело, в конце концов, не в этом. Хотя я тоже многоного ожидал от этой пары — Аверин и Свирский. Но они потребовали разных тем. Теперь их старую тему разрабатываем мы с Авериным, а Свирский работает отдельно. Так вот Свирский. Спокойный, выдержаный, хотя и несколько флегматичный. Я намерен оставить его за себя, когда уйду в отпуск. Еще не совсем самостоятелен, приходится помогать. Ну, о Толе Кравце я вам рассказывал. Зина Шатрова... — Шершень замолчал и шибко почесал затылок. — Девушка! — сказал он. — Знающая, конечно, но... Этакая, знаете ли, во всем расплывчатость. Эмоции. Впрочем, особых претензий к ее работе у меня нет. Свой хлеб на Дионе она, пожалуй, оправдывает. И наконец, Базанов.

Шершень замолчал и задумался. Юрковский покосился на фотокорректуру, затем не выдержал и сдвинул крышку пресса, закрывавшую титульный лист. «Шершень и Кравец», — прочитал он. — Пылевая составляющая полос Сатурна». Он вздохнул и стал глядеть на Шершня.

— Так что же? — сказал он. — Что же... э-э... Базанов?

— Базанов — отличный работник, — решительно сказал Шершень. — Немного строптив, но хорошая, светлая голова. Ладить с ним трудновато, правда.

— Базанов... Что-то я не помню... Чем он занимается?

— Атмосферник. Вы знаете, Владимир Сергеевич, он очень щепетилен. Работа готова, ему еще Мюллер помогал, нужно публиковать — так нет! Все он чем-то недоволен, что-то ему кажется необоснованным... Вы знаете, есть такие... очень самокритичные люди. Самокритичные и упрямые. Его результатами мы давно уже пользуемся...

Получается глупое положение: не имеем возможности ссылааться. Но я, откровенно говоря, не очень беспокоюсь. Да и упрям он ужасно и раздражителен.

— Да, — сказал Юрковский. — Такой... э-э... очень самостоятельный студент был. Да... очень... — Он как бы невзначай протянул руку к фотокорректуре и словно в рассеянности стал ее листать. — Да... э-э... интересно. А вот эту работу я у вас еще не видел, Владислав, — сказал он.

— Это моя последняя, — сказал Шершень, улыбаясь. — Корректуру, вероятно, сам на Землю отвезу, когда в отпуск поеду. Парадоксальные результаты получены, Владимир Сергеевич. Просто изумительные. Вот взгляните...

Шершень обошел стол и нагнулся над Юрковским. В дверь постучали.

— Простите, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень и выпрямился. — Войдите!

В низкий овальный люк, согнувшись в три погибели, пролез костлявый бледный парень. Юрковский узнал его — это был Петя Базанов, добродушный, очень справедливый юноша, умница и добряк. Юрковский уже начал благожелательно улыбаться, но Базанов только ходяко кивнул ему, подошел к столу и положил перед Шершнем папку.

— Вот расчеты, — сказал он. — Коэффициенты поглощения.

Юрковский спокойно сказал:

— Что же это вы, Петр... э-э... не помню отчества, и поздороваться со мной не хотите?

Базанов медленно повернулся к нему худое лицо, и, прищурясь, поглядел в глаза.

— Прошу прощения, Владимир Сергеевич, — сказал он. — Здравствуйте. Боюсь, я немного забылся.

— Боюсь, вы действительно немного забылись, Базанов, — негромко произнес Шершень.

Базанов пожал плечами и вышел, захлопнув за собой люк. Юрковский резко выпрямился, и его вынесло из-за стола. Шершень поймал его за руку.

— Магнитные подковки у нас полагается держать на полу, товарищ генеральный инспектор, — сказал он смеясь. — Это вам не «Тахмасиб».

Юрковский смотрел на закрытый люк. «Неужели это Базанов?» — с удивлением думал он.

Шершень стал серьезен.

— Вы не удивляйтесь поведению Базанова, — сказал он. — Мы с ним повздорили из-за этих коэффициентов поглощения. Он полагает ниже своего достоинства считать коэффициенты поглощения и уже двое суток терроризирует всю обсерваторию.

Юрковский сдвинул брови, пытаясь вспомнить. Затем он махнул рукой.

— Не будем об этом, — сказал он. — Давайте, Владислав, показывайте ваши парадоксы.

...От реакторного кольца «Тахмасиба» через каменистую равнину к цилиндрической башне лифта был протянут тонкий трос. Юра неторопливо и осторожно двигался вдоль троса, с удовольствием чувствуя, что период подготовки в условиях невесомости не прошел для него даром. Впереди, шагах в пятидесяти, поблескивал в желтом свете Сатурна скафандр Михаила Антоновича.

Огромный желтый серп Сатурна выглядывал из-за плеча. Впереди над близким горизонтом ярко горела зеленоватая ущербленная луна — это был Титан, самый крупный спутник Сатурна и вообще самый крупный спутник в Солнечной системе. Юра оглянулся на Сатурн. Кольцо с Дионой видно не было, Юра увидел только тонкий серебристый луч, режущий серп пополам. Неосвещенная часть диска Сатурна слабо мерцала зеленым. Где-то позади Сатурна двигалась сейчас Рей.

Михаил Антонович подождал Юру, и они вместе протиснулись в низкую полукруглую дверцу. Обсерватория размещалась под землей, на поверхности оставались только сетчатые башни интерферометров и параболоиды антенн, похожие на исполинские блюдца. В кессоне, вылезая из скафандра, Михаил Антонович сказал:

— Я, Юрик, пойду в библиотеку, а ты здесь прогуляйся, посмотри, сотрудники тут все молодые, ты с ними быстро познакомишься... А часа через два встретимся... Или возвращайся прямо на корабль...

Он похлопал Юру по плечу и, гремя магнитными подковами, пошел по коридору налево. Юра пошел направо. Коридор был круглый, облицованный матовым пластиком, только под ногами лежала неширокая стальная дорожка, исцарапанная подковами. Вдоль коридора тянулись трубы, в них клокотало и булькало. Пахло сосновым лесом и нагретым металлом.

Юра прошел мимо открытого люка. Там никого не было, только мигали цветные огоньки на пультах. «Тихо как, — подумал Юра. — Никого не видно и не слышно».

Он свернул в поперечный коридор и услыхал музыку. Кто-то где-то играл на гитаре, уверенно и неторопливо выводя печальную мелодию. «Неужели и на Рее так?» — подумал вдруг Юра. Он любил, чтобы вокруг было шумно, чтобы все были вместе, и смеялись, и острели, и пели. Ему стало грустно. Потом он подумал, что все сейчас, должно быть, на работе, но все же так и не смог отделаться от ощущения, что люди не могут не скучать в круглых пустых коридорах — здесь ли или на других далеких планетах. Вероятно, виновата была гитара.

Вдруг кто-то злобно сказал над самым ухом:

— А вот это уже тебя не касается! Понимаешь? Совершенно не касается!

Юра остановился. Коридор был по-прежнему пуст. Другой голос, мягкий и извиняющийся, сказал:

— Я не имел в виду ничего плохого, Виталий. Ведь это действительно не нужно ни тебе, ни ей, ни Владиславу Кимовичу. Никому это не нужно. Я только хотел сказать...

Злобный голос перебил:

— Я уже слышал, и надоело! И отстаньте вы от меня с вашим Авериным, не лезьте в мои дела! Я прошу только одного: дайте мне отработать мои три года — и провалитесь вы в самые глубокие тартарары...

Слева от Юры распахнулся люк, и в коридор выскочил беловолосый парень лет двадцати пяти. Светлые вихри его были взъерошены, покрасневшее лицо перекошено. Он с наслаждением грохнул люком и остановился перед Юрой. Минуту они глядели друг на друга.

— Вы кто такой? — спросил беловолосый.

— Я... — сказал Юра, — я с «Тахмасиба».

— А, — с отвращением сказал беловолосый. — Еще один любимчик!

Он обошел Юру и стремительно зашагал по коридору, то и дело подлетая к потолку и бормоча: «Провалитесь вы все в тартарары! Провалитесь вы все...» Юра холодно спросил ему вслед:

— Вы что, палец прищемили, юноша?

Беловолосый не обернулся.

«Ну и ну, — подумал Юра. — Здесь совсем не так скучно».

Он повернулся к люку и обнаружил, что перед ним стоит еще один человек, должно быть, тот, что говорил извиняющимся голосом. Он был коренаст, широкоплеч и одет не без изящества. У него была красивая прическа и румяное грустное лицо.

— Вы с «Тахмасиба»? — тихо спросил он, приветливо кивая.

— Да, — сказал Юра.

— С Владимиром Сергеевичем Юрковским? Здравствуйте. — Человек протянул руку. — Меня зовут Кравец. Анатолий. Вы будете у нас работать?

— Нет, — сказал Юра. — Я здесь проездом.

— Ах, проездом? — сказал Кравец. Он все еще держал Юрину руку. Ладонь у него была сухая и прохладная.

— Юрий Бородин, — сказал Юра.

— Очень приятно, — сказал Кравец и отпустил Юрину руку. — Так вы проездом. Скажите, Юра, Владимир Сергеевич действительно приехал сюда инспектировать?

— Не знаю, — сказал Юра.

Румяное лицо Анатолия Кравца стало совсем печальным.

— Ну, конечно, откуда вам знать... Тут у нас, знаете ли, распространился вдруг этот странный слух... Вы давно знакомы с Владимиром Сергеевичем?

— Месяц, — неохотно сказал Юра. Он уже понял, что Кравец ему не нравится. Может быть, потому, что он говорил с белобрысым извиняющимся голосом. Или потому, что все время задавал вопросы.

— А я его знаю больше, — сказал Кравец. — Я у него учился. — Он вдруг спохватился. — Что же мы тут стоим? Заходите!

Юра шагнул в люк. Это была, по-видимому, вычислительная лаборатория. Вдоль стен тянулись прозрачные стеллажи электронной машины. Посередине стоял матово-белый пульт и большой стол, заваленный бумагами и схемами. На столе стояло несколько биоточных компьютеров для контрольных вычислений.

— Это наш мозг, — сказал Кравец. — Присаживайтесь.

Юра остался стоять. Молчание затянулось.

— На «Тахмасибе» тоже такая же машина, — сообщил Юра.

— Сейчас все наблюдают, — заговорил Кравец. — Видите, никого нет. У нас вообще очень много наблюдают. Очень много работают. Время летит совершенно незаметно. Иногда такие ссоры бывают из-за работы... — Он махнул рукой и засмеялся. — Наши астрофизики совсем рассорились. У каждого своя идея, и каждый почтает другого дураком. Объясняются через меня. И мне же от обоих попадает.

Кравец замолчал и выжидательно посмотрел на Юру.

— Что ж, — сказал Юра, глядя в сторону. — Бывает Конечно, подумал он, никому неохота сор из избы выносить.

— Нас здесь мало, — сказал Кравец, — все мы очень заняты, директор наш, Владислав Кимович, очень хороший человек, но он тоже занят. Так что на первый взгляд может показаться, что у нас очень скучно. А на самом деле мы круглыми сутками сидим каждый со своей работой.

Он снова выжидательно поглядел на Юру. Юра вежливо сказал:

— Да, конечно, чем тут еще заниматься. Космос ведь для работы, а не для развлечений. Правда, у вас тут действительно пусто немножко. Только где-то гитара играет.

— А, — сказал Кравец, улыбаясь, — это наш Дитц погрузился в размышления.

Люк отворился, и в лабораторию неловко протиснулась маленькая девушка с большой охапкой бумаг. Она плечом затворила люк и посмотрела на Юру. Наверное, она только что проснулась — глаза у нее были слегка припухшие.

— Здравствуйте, — сказал Юра.

Девушка беззвучно шевельнула губами и тихонько прошла к столу. Кравец сказал:

— Это Зина Шатрова. А это, Зиночка, Юрий Бородин, он прибыл вместе с Владимиром Сергеевичем Юрковским.

Девушка кивнула, не поднимая глаз. Юра старался сообразить, ко всем ли прибывшим на «Тахмасибе» с Юрковским работники обсерватории относятся так странно. Он взглянул на Кравца. Кравец смотрел на Зину и, кажется, что-то подсчитывал. Зина молча перебирала листки. Когда она придвинула к себе биокомпьютер и стала звонко щелкать клавишами настройки, Кравец обернулся к Юре и сказал:

— Ну что, Юра, хотите...

Его прервало мягкое пение радиофонного вызова. Он извинился и поспешно вытащил из кармана радиофон.

— Анатолий? — спросил густой голос.

— Да, я, Владислав Кимович.

— Анатолий, навести, пожалуйста, Базанова. Он в библиотеке.

Кравец взглянул на Юру.

— У меня... — начал он.

Голос в радиофоне стал вдруг далеким.

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич... Да-да, схемы я приготовил...

Послышались частые гудки отбоя. Кравец засунул радиофон в карман и нерешительно поглядел на Зину и на Юру.

— Мне придется уйти, — сказал он. — Директор просит меня помочь нашему атмосфернику... Зина, будь добра, покажи нашему гостю обсерваторию. Учи, он хороший друг Владимира Сергеевича, надо принять его получше.

Зина не ответила. Она словно не слышала Кравца и только низко опустила лицо над машиной. Кравец улыбнулся Юре грустной улыбкой, поднял брови, слегка развел руками и вышел.

Юра отошел к пульту и украдкой взглянул на девушку. У нее было милое и какое-то безнадежно усталое лицо. Что все это значит: «Владimir Сергеевич действительно приехал сюда инспектировать?.. Учи, он хороший друг Владимира Сергеевича... Провалитесь вы все в тартарары!..» Юра чувствовал, что все это означает что-то нехорошее. Он испытывал настоятельную потребность во что-то вмешаться. Уйти и оставить все в таком же положении было решительно невозможно. Он опять посмотрел на Зину. Девушка прилежно работала. Никогда он еще не видел, чтобы такая милая девушка была так печальна и молчалива. «Да ее же обидели! — подумал вдруг он. — Ясно как Солнце, что ее обидели. Обидели на твоих глазах человека — и ты виноват, — машинально вспомнил он. — Ну ладно...»

— Это что? — громко спросил Юра и ткнул пальцем наугад в одну из мигающих ламп. Зина вздрогнула и подняла голову.

— Это? — сказала она. В первый раз она подняла на него глаза. У нее были необыкновенно синие большие глаза.

Юра храбро сказал:

— Вот именно, это.

Зина все еще смотрела на него.

— Скажите, — спросила она, — вы будете работать у нас?

— Нет, — сказал Юра и подошел вплотную к столу. — Я не буду у вас работать. Я здесь проездом. И никакой я не друг Владимира Сергеевича, а просто мы слегка знакомы. И я не любимчик. Я вакуум-варщик.

Она провела ладонью по лицу.

— Погодите, — пробормотала она. — Вакуум-сварщик? Почему вакуум-сварщик?

— А почему бы и нет? — сказал Юра. Он чувствовал, что каким-то непостижимым образом это имеет огромное значение, и очень хорошо для этой милой печальной девушки, что он именно вакуум-сварщик, а не кто-то другой. Никогда он еще так не радовался тому, что он вакуум-сварщик.

— Простите, — сказала девушка. — Я вас спутала.

— С кем?

— Не знаю. Я думала... Не знаю. Это не важно.

Юра обошел стол и остановился рядом с нею, глядя на нее сверху вниз.

— Рассказывайте, — потребовал он.

— Что?

— Все. Все, что здесь делается.

И вдруг Юра увидел, как на блестящую полированную поверхность стола закапали частые капли. У него подкатил ком к горлу.

— Ну вот еще, — сердито сказал он.

Зина затряслась головой. Он испуганно оглянулся на люк и грозно сказал:

— Прекратите реветь! Какой срам!

Она подняла голову. Лицо у нее было мокрое и жалкое, глаза припухли еще больше.

— Вам... бы... так, — проговорила она.

Он достал носовой платок и положил ей на мокрую ладонь. Она стала вытираять щеки.

— Кто это вас? — тихо спросил Юра. — Кравец? Так я пойду и сейчас набью ему морду, хотите?

Она сложила платок и попыталась улыбнуться. Затем она спросила:

— Слушайте, вы правда вакуум-сварщик?

— Правда. Только, пожалуйста, не ревите. В первый раз вижу человека, который плачет при виде вакуум-сварщика.

— А правда, что Юрковский привез на обсерваторию своего протеже?

— Какого протеже? — изумился Юра.

— У нас тут говорили, что Юрковский хочет устроить на Дионе какого-то своего любимца — астрофизика...

— Что за чушь! — сказал Юра. — На борту только экипаж, Юрковский и я. Никаких астрофизиков.

— Правда?

— Ну конечно, правда! И вообще — у Юрковского любимцы? Это же надо придумать! Кто это вам сказал? Кравец?

Она опять помотала головой.

— Хорошо. — Юра нашарил ногой табурет и сел. — Вы все-таки рассказывайте. Все рассказывайте. Кто вас обидел?

— Никто, — сказала она тихо. — Я просто плохой работник. Да еще с неуравновешенной психикой. — Она невесело усмехнулась. — Наш директор вообще против женщин на обсерватории. Спасибо, что хоть не сразу на Планету вернул. Со стыда бы сгорела. На Земле пришлось бы менять специальность. А мне этого вовсе не хочется. Здесь у меня хоть и ничего не получается, зато я на обсерватории, у мощного ученого. Я ведь люблю все это. — Она судорожно глотнула. — Ведь я думала, что у меня призвание...

Юра сказал сквозь зубы:

— В первый раз слышу о человеке, чтобы он любил свое дело и чтобы у него ничего не получалось.

Она дернула плечом.

— Ведь вы любите свое дело?

— Да.

— И у вас ничего не получается?

— Я бездарь, — сказала она.

— Как это может быть?

— Не знаю.

Юра прикусил губу и задумался.

— Послушайте, — сказал он. — Послушайте, Зина, ну а другие как же?

— Кто?

— Другие ребята...

Зина судорожно вздохнула.

— Они здесь стали совсем другие, чем на Земле. Базанов всех ненавидит, а эти два дурачка вообразили невесть что, перессорились и теперь ни со мной, ни друг с другом не разговаривают...

— А Кравец?

— Кравец — холуйчик, — равнодушно сказала она. — Ему на все наплевать. — Она вдруг растерянно посмотрела на него. — Только вы никому не говорите того, что я вам здесь рассказала. Ведь мне совсем житья не будет. Начнутся всякие укоризненные замечания, общие рассуждения о сущности женской натуры...

Юра сузившимися глазами смотрел на нее.

— Как же так? — сказал он. — И никто об этом не знает?

— А кому это интересно? — Она жалко улыбнулась. — Ведь мы — лучшая из дальних обсерваторий...

Люк распахнулся. Давешний беловолосый парень просунулся по пояс в комнату, уставился на Юру, неприятно сморщив нос, затем взглянул на Зину и снова уставился на Юру. Зина встала.

— Познакомьтесь, — сказала она дрожащим голосом. — Это Свирский, Виталий Свирский, астрофизик. А это Юрий Бородин...

— Сдаешь дела? — неприятным голосом осведомился Свирский. — Ну, не буду мешать.

Он стал закрывать люк, но Юра поднял руку.

— Одну минутку, — сказал он.

— Хоть пять, — любезно осклабился Свирский. — Но в другой раз. А сейчас мне не хочется нарушать ваш тет-а-тет, коллега.

Зина негромко охнула и прикрыла лицо рукой.

— Я тебе не коллега, дурак, — тихо сказал Юра и пошел на Свирского. Он бешеными глазами глядел на Юру. — И я буду говорить с тобой сейчас, понял? А сначала ты извинишься перед девушкой, скотина этакая.

Юра был в пяти шагах от люка, когда Свирский, зверски выпятив челюсть, полез в комнату ему навстречу.

Быков расхаживал по кают-компании, заложив руки за спину и опустив голову. Жилин стоял, прислонившись к двери в рубку. Юрковский, сцепив пальцы, сидел за столом. Все трое слушали Михаила Антоновича. Михаил Антонович говорил страстно и взволнованно, прижимая к левой стороне груди коротенькую руку.

— ...И поверь мне, Володенька, никогда в жизни я не выслушивал столько гадостей о людях. Все гадкие, дурные, один Базанов хороший. Шершень, видите ли, тиран и диктатор, всех измотал, нагло диктует свою волю. Все его боятся. Был один смелый человек на Дионе, Мюллер, и того Шершень, видите ли, выжил. Нет-нет, Базанов не отрицает научных заслуг Шершия, он, видите ли, даже восхищается ими, и в том, что обсерватория пользуется такой славой, заслуга именно Шершия, но зато, видите ли, внутри там царит упадок нравов. У Шершия есть специальный осведомитель и провокатор, некий бездарь Кравец. Этот Кравец, видите ли, везде подслушивает, а

потом наушничает, а потом по указанию директора распространяет слухи и всех между собой ссорит. Так сказать, разделяй и властвуй. Кстати, пока мы беседовали, этот несчастный Кравец зашел в библиотеку за какой-то книжкой. Как на него Базанов накричал! «Пошел вон!» — кричит. Бедный Кравец, такой милый, симпатичный юноша, даже представиться не успел толком. Весь покраснел и ушел, даже книжки не взял. Я, конечно, не мог сдержаться и здорово отчитал Базанова. Я ему прямо сказал: «Что же вы, Петя? Разве можно?»

Михаил Антонович перевел дух и вытер лицо платочком.

— Ну вот, — продолжал он. — Базанов, видите ли, необычайно нравственно чистоплотен. Он не выносит, когда кто-нибудь за кем-нибудь ухаживает. Здесь есть молоденькая сотрудница Зина, астрофизик, так он приkleил к ней сразу двух кавалеров, да еще вообразил, что они из-за нее передрались. Она, видите ли, делает авансы и тому и другому, а те как петушки... Причем сам, заметьте, добавляет, что это только слухи, но что факт остается фактом, все трое в ссоре. Мало того что Базанов склонничает со всеми астрономами, он втянул в свои склоки и инженер-контролеров. Все у него кретины, сопляки, работать никто не умеет, недоучки... У меня волосы дыбом вставали, когда я это слышал! Вообрази, Володенька... Знаешь, кого он считает главным виновником всего этого?

Михаил Антонович сделал эффектную паузу. Быков остановился и посмотрел на него. Юрковский, сильно прищурясь, играл желваками на обрюзглых щеках.

— Тебя! — сказал Михаил Антонович сорвавшимся голосом. — Я прямо ушам не поверил! Генеральный инспектор МУКСа прикрывает все эти безобразия, мало того, возит по обсерваториям каких-то таинственных любимцев, пристраивает их там, а простых работников, придаввшись к мелочи,увольняет и возвращает на Землю. Всюду насадил своих ставленников, вроде Шершня! Я этого уже не выдержал. Я ему сказал! «Извините, — говорю, — голубчик, извольте отдавать отчет в своих словах».

Михаил Антонович снова перевел дух и замолчал. Быков принял расхаживать по кают-компании.

— Так, — сказал Юрковский. — Чем же ваша беседа кончилась?

Михаил Антонович гордо сказал:

— Я больше не мог его слушать. Я не мог слышать, как обливают грязью тебя, Володенька, и коллектив лучшей дальней обсерватории. Я встал, язвительно попрощался и ушел. Надеюсь, ему сделалось стыдно.

Юрковский сидел, опустив глаза. Быков сказал с усмешкой:

— Хорошо живут у тебя на базах, генеральный инспектор. Дружно живут.

— Я бы на твоем месте, Володенька, принял бы меры, — сказал Михаил Антонович. — Базанова надо вернуть на Землю без права работать на внеземных станциях. Такие люди ведь очень опасны, Володенька, ты сам знаешь...

Юрковский сказал, не поднимая глаз:

— Хорошо. Спасибо, Михаил. Меры принять придется.

Жилин тихо сказал:

— Может быть, он просто устал?

— Кому от этого легче? — сказал Быков.

— Да, — сказал Юрковский и тяжело вздохнул. — Базанова придется убрать.

В коридоре послышался стук магнитных подков.

— Юра возвращается, — сказал Жилин.

— Что ж, давайте обедать, — сказал Быков. — Ты с нами обедаешь, Владимир?

— Нет. Я обедаю у Шершня. Мне еще о многом надо договориться с ним.

Жилин стоял у входа в рубку и первым увидел Юру. Он вытаращил глаза и поднял брови. Тогда к Юре обернулись все остальные.

— Что это значит, стажер? — осведомился Быков.

— Что с тобой, Юрик? — воскликнул Михаил Антонович.

Выглядел Юра предосудительно. Левый глаз был залит красно-синим синяком, нос деформировался, губы распухли и почернели. Левую руку он держал несколько на весу, пальцы правой были облеплены пластырями. Спереди на куртке виднелись наспех замытые темные пятна.

— Я дрался, — хмуро ответил Юра.

— С кем вы дрались, стажер?

— Я дрался со Свирским.

— Кто это?

— Это один молодой астрофизик на обсерватории, — нетерпеливо пояснил Юрковский — Почему вы подрались, кадет?

— Он оскорбил девушку, — сказал Юра. Он глядел прямо в глаза Жилину. — Я потребовал, чтобы он извинился.

— Ну?

— Ну и мы подрались.

Жилин едва заметно одобрительно кивнул. Юрковский встал, прошелся по каюте и остановился перед Юрой, глубоко засунув руки в карманы халата.

— Я так понимаю, кадет, — сказал он холодно, — что вы устроили в обсерватории мерзкий дебош.

— Нет, — сказал Юра.

— Вы избили сотрудника обсерватории.

— Да, — сказал Юра. — Но я не мог иначе. Я должен был заставить его извиниться.

— Заставил? — быстро спросил Жилин.

Юра поколебался немножко, затем сказал уклончиво:

— В общем он извинился. Потом.

Юрковский раздраженно сказал:

— А, черт, при чем тут это, Иван?

— Извините, Владимир Сергеевич, — смиренно сказал Иван.

Юрковский снова повернулся к Юре.

— Все равно это был дебош, — сказал он. — Так это выглядит, во всяком случае. Послушайте, кадет, я охотно верю, что вы действовали из самых лучших побуждений, но вам придется извиниться.

— Перед кем? — сейчас же спросил Юра.

— Во-первых, разумеется, перед Свирским.

— А во-вторых?

— Во-вторых, вы должны будете извиниться перед директором обсерватории.

— Нет! — сказал Юра.

— Придется.

— Нет.

— Что значит нет? Вы устроили драку в его обсерватории. Это отвратительно. И вы отказываетесь извиниться?

— Я не стану извиняться перед подлецом, — ровным голосом сказал Юра.

— Молчать, стажер! — проревел Быков.

Воцарилось молчание. Михаил Антонович горестно вздыхал и качал головой. Юрковский с изумлением глядел на Юру.

Жилин вдруг оттолкнулся от стены, подошел к Юре и положил руку ему на плечо.

— Простите, Алексей Петрович, — сказал он. — Мне кажется, надо дать Бородину рассказать все по порядку.

— А кто ему мешает? — сердито сказал Быков. Было видно, что он очень недоволен всем происходящим.

— Рассказывай, Юра, — сказал Жилин.

— Что тут рассказывать? — тихо начал Юра. Затем он закричал: — Это надо видеть! И слышать! Этых дураков надо немедленно спасать! Вы говорите — обсерватория, обсерватория! А это притон! Здесь люди плачут, понимаете? Плачут!

— Спокойно, кадет, — сказал Юрковский.

— Я не могу спокойно! Вы говорите — извиняться... Я не стану извиняться перед инквизитором! Перед мерзавцем, который наусыкивает дураков друг на друга и на девушку! Куда вы смотрите, генеральный инспектор? Все это заведение пора давно эвакуировать на Землю, они скоро на четвереньки станут, начнут кусаться!

— Успокойся и расскажи по порядку, — сказал Жилин.

И Юра рассказал. Как он встретился с Зиной Шатровой, и как она плакала, и как он понял, что необходимо вмешаться немедленно, и он начал со Свирского, который до того оброс шерстью, что верил всяkim гадостям о любимой девушке. Как он заставил Аверина со Свирским «поговорить по душам», и как выяснилось, что Свирский никогда не называл Аверина бездарью и подхалимом, и что Аверин даже не подозревал, что его неоднократно выводили ночью из комнаты Зины. Как отобрали у контролера Дитца гитару и узнали, что он никогда не распускал слухов про Базанова и Таню Оленину... И как сразу обнаружилось, что все это проделки Кравца и что Шершень не может не знать о них, и он-то и есть главный негодяй...

— Ребята прислали меня к вам, Владимир Сергеевич, чтобы вы что-нибудь сделали. И вы лучше что-нибудь сделайте, иначе они сами сделают... Они уже готовы.

Юрковский сидел в кресле за столом, и лицо у него было такое старое и жалкое, что Юра остановился и растерянно оглянулся на Жилина. Но Жилин опять еле заметно кивнул.

— За эти слова вы тоже ответите, — процедил сквозь зубы Шершень.

— Замолчи! — закричал маленький смуглый Аверин, сидевший рядом с Юрай. — Не смей перебивать! Товарищи, как он смеет все время перебивать?

Юрковский переждал шум и продолжал:

— Все это до того омерзительно, что я вообще исключал возможность такого явления, и понадобилось вмешательство постороннего человека, мальчишки, чтобы... Да. Омерзительно. Я не ждал этого от вас, молодые. Как это оказалось просто — вернуть вас в первобытное состояние, поставить вас на четвереньки — три года, один честолюбивый маньяк и один провинциальный интриган. И вы согнулись, озверели, потеряли человеческий облик. Молодые, веселые, честные ребята... Какой стыд!

Юрковский сделал паузу и оглядел астрономов. «Все это сейчас зря, — подумал он. — Им не до меня». Они сидели кучкой и с ненавистью смотрели на Шершня и Кравца.

— Ладно. Нового директора вам пришлют с Титана. Два дня можете митинговать и думать. Думайте. Вы, бедные и слабые, вам говорю: думайте! А сейчас идите.

Они поднялись и, понурившись, пошли из кабинета. Шершень тоже встал и, нелепо качаясь на магнитных башмаках, подошел к Юрковскому вплотную.

— Это самоуправство, — сипло сказал он. — Вы нарушаете работу обсерватории.

Юрковский гадливо отстранил его.

— Слушайте, Шершень, — сказал он. — На вашем месте я бы застрелился.

12. «Кольцо-1».

Баллада об одногоном пришельце

— Знаешь, — сказал Быков, глядя на Юрковского поверх очков и поверх «Физики металлов», — а ведь Шершень, пожалуй, считает себя незаслуженно оскорблённым. Как никак лучшая обсерватория и так далее...

— Шершень меня не интересует, — сказал Юрковский. Он захлопнул бювар и потянулся. — Меня интересует, как могли эти ребята дойти до такой жизни... А Шершень — прах, мелочь.

Несколько минут Быков размышлял.

— И как же, по-твоему? — спросил наконец он.

— У меня есть одна теория... Вернее, гипотеза. Я полагаю, что у них уже исчез необходимый в прошлом иммунитет к социально-вредному, но еще не исчезли их собственные антиобщественные задатки.

— Попроще, — сказал Быков.

— Пожалуйста. Возьмем тебя. Что бы ты сделал, если бы к тебе подошел сплетник и сказал, что... э-э... скажем, Михаил Крутиков ворует и продаёт продовольствие? Ты повидал на своем веку много сплетников, знаешь им цену, и ты бы сказал ему... э-э... удалиться. Теперь возьмем нашего кадета. Что бы он сделал, если бы ему сказали... э-э... ну, скажем, то же самое? Он бы принял все за чистую монету и моментально помчался бы к Михаилу объясняться. И сразу же понял бы, что это чепуха, вернулся бы и... э-э... побил бы негодяя.

— Ага, — с удовольствием сказал Быков.

— Ну так вот. А наши друзья на Дионе — это еще не ты, но уже и не кадет. Они принимают гадость за чистую монету, но неистраченные запасы ложной гордости мешают им пойти и все выяснить.

— Что ж, — сказал Быков. — Может быть, это и так.

Вошел Юра, сел на корточки перед открытым книжным шкафом и стал выбирать себе книгу на вечер. События на Дионе совсем выбили его из колеи, и он все никак не мог прийти в себя. Прощание с Зиной Шатровой было молчаливым и очень трогательным. Зина и подавно не успела прийти в себя. Правда, она уже улыбалась. Юре очень хотелось остаться на Дионе до тех пор, пока Зина не начнет смеяться. Он был уверен, что сумел бы развеселить ее, в какой-то мере помочь ей забыть о страшных днях владычества Шершня. Он очень жалел, что остаться нельзя. Зато в коридоре он поймал белобрысого Свирского и потребовал, чтобы с Зиной здесь были особенно внимательны. Свирский бешено взглянул на него и невпопад ответил: «Морду мы ему еще набьем».

— Э... Алексей, — сказал Юрковский. — Я никому не помешаю в рубке?

— Ты генеральный инспектор, — сказал Быков. — Кому же ты можешь помешать?

— Я хочу связаться с Титаном, — сказал Юрковский. — И вообще послушать эфир.

— Валяй, — сказал Быков.

— А мне можно? — спросил Юра.

— И тебе можно, — сказал Быков. — Всем все можно.

Утром Быков дочитал последний журнал, долго и внимательно разглядывал обложку. Затем он вздохнул, отнес журнал в свою каюту, а когда вернулся, Юра понял, что «парень достругал палочку до конца». Быков был теперь очень ласков, словоохотлив и всем все позволял.

— Пойду-ка и я с вами, — сказал Быков.

Все втроем они ввалились в рубку. Михаил Антонович изумленно поглядел на них со своего пьедестала, расплылся в улыбке и помахал им ручкой.

— Мы не помешаем, — сказал Быков. — Мы на рацию.

— Только смотрите, мальчики, — предупредил Михаил Антонович, — через полчаса невесомость.

По требованию Юрковского «Тахмасиб» шел к станции «Кольцо-1», искусенному спутнику Сатурна, движущемуся вблизи Кольца.

— А нельзя ли без невесомости? — капризно спросил Юрковский.

— Видишь ли, Володенька, — виновато ответил Михаил Антонович, — очень тесно здесь «Тахмасибу». Все время приходится маневрировать.

Они прошли мимо Жилина, копавшегося в комбайне контроля, и сели перед рацией. Быков принял манипулировать верньерами. В динамике завыло и заверещало.

— Музыка сфер, — прокомментировал позади Жилин. — Подключите дешифратор, Алексей Петрович.

— Да, действительно, — сказал Быков. — Я почему-то решил, что это помехи.

— Радист, — презрительно сказал Юрковский.

Динамик вдруг заорал неестественным голосом: «...минут слушайте концерт Александра Блюмберга, ретрансляция с Земли. Повторяю...»

Голос уплыл и сменился сонным похрапыванием. Потом кто-то сказал: «...чем не могу помочь. Придется вам, товарищи, подождать». — «А если мы пришлем свой бот?» — «Тогда ждать придется меньше, но все-таки придется». Быков включил самонастройку, и стрелка поползла по шкале, ненадолго задерживаясь на каждой работающей станции: «...восемьдесят гектаров селеновых батарей для оранжереи, сорок километров медного провода, шесть сотых, двадцать километров...», «...масла нет, сахару нет, осталось сто пачек «Геркулеса», сухари и кофе. Да, и еще сигарет нет...», «...And hear me? I'm not going to stand this impudence... Hear me? I'm...»¹. «Ку-два, ку-два, ничего не понял... Что у него за рация?.. Ку-два, даю настройку. Раз, два, три...», «...очень соскучилась. Когда же ты вернешься? И почему не пишешь?

¹ ...И слышите? Я не намерен терпеть эту наглость... Слышите? Я... (англ.)

Целую, твоя Анна. Точка», «... Чэн, не пугайся, это очень просто. Берешь объемный интеграл по гиперболоиду до аш...», «Седьмой, седьмой, для вас очищен третий сектор. Седьмой, выходите на посадку в третий сектор...», «... Саша, ходят слухи что какой-то генеральный инспектор прилетел. Чуть ли не сам Юрковский...».

— Хватит, — сказал Юрковский. — Ищи Титан. Паршивцы, — проворчал он. — Уже знают.

— Интересно, — глубокомысленно сказал Быков. — Всего-то их в системе Сатурна полтораста человек, а сколько шуму...

Рация крякала и подывала. Быков настроился и стал говорить в микрофон:

— Титан, Титан. Я «Тахмасиб». Титан. Титан.

— Титан слушает, — сказал женский голос.

— Генеральный инспектор Юрковский вызывает директора системы. — Быков весело посмотрел на Юрковского. — Я правильно говорю, Володя? — спросил он.

Юрковский благосклонно покивал.

— Алло, алло, «Тахмасиб»! — Женский голос стал немножко взволнованным. — Подождите минуту, я соединю вас с директором.

— Ждем, — сказал Быков и пододвинул микрофон к Юрковскому.

Юрковский откашлялся.

— Лизочка! — закричал кто-то в динамике. — Дай-ка мне директора, голубчик! Быстремько!

— Освободите частоту, — строго сказал женский голос. — Директор занят.

— Как это занят? — оскорблённо сказал голос. — Ференц, это ты? Опять без очереди?

— Освободите частоту, — строго сказал Юрковский.

— Всем освободить частоту, — раздался медлительный скрипучий голос. — Директор слушает генерального инспектора Юрковского.

— Ух ты... — испуганно сказал кто-то. Юрковский самодовольно посмотрел на Быкова.

— Зайцев, — сказал он. — Здравствуй, Зайцев.

— Здравствуй, Володя, — проскрипел директор. Какими судьбами?

— Я... э-э... слегка инспектирую. Прибыл вчера. Прямо на Диону. Шершня я снял. Подробности после. Значит, сделаем... э-э... так. На смену Шершню пришли Мюллера. Шершня постарайся как можно скорее отправить на Землю. Шершня и еще там одного. Кравец его

фамилия. Из молодых, да ранний. За отправкой проследи лично. И учти, что я тобой недоволен. С этим делом... э-э... ты мог бы справиться сам, и гораздо раньше. Далее... — Юрковский замолчал. В эфире царила почтительная тишина. — Я наметил себе следующий маршрут. Сейчас я иду к «Кольцу-1». Задержусь там на двое-трое суток, а затем загляну к тебе на Титан. Прикажи там, чтобы подготовили горючее для «Тахмасиба». И наконец, вот что. — Юрковский опять замолчал. — У меня на борту находится один юноша. Это вакуум-сварщик. Один из группы добровольцев, что работают у тебя на Рее. Будь добр, посоветуй, где я его могу высадить, чтобы его немедленно отправили на Рею. — Юрковский снова замолчал. В эфире было тихо. — Так я слушаю тебя, — сказал Юрковский.

— Одну минуту, — сказал директор. — Сейчас здесь наводят справки. Ты что, на «Тахмасибе»?

— Да, — сказал Юрковский. — Вот тут со мной рядом Алексей.

Михаил Антонович крикнул из штурманской:

— Привет Феденьке, привет!

— Вот Миша тебе привет передает.

— А Григорий с тобой?

— Нет, — сказал Юрковский. — А ты разве не знаешь?

В эфире молчали. Потом скрипучий голос осторожно спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, — сказал Юрковский. — Ему просто запретили летать. Вот уже год.

В эфире вздохнули.

— Да-а, — сказал директор. — Вот скоро и мы так же.

— Надеюсь, еще не скоро, — сухо сказал Юрковский. — Ну, как там твои справки?

— Так, — сказал голос. — Минутку. Слушай. На Рею твоему сварщику лететь не нужно. Добровольцев мы перебросили на «Кольцо-2». Там они нужнее. На «Кольцо-2», если повезет, отправишь его прямо с «Кольца-1». А если не повезет отправим его отсюда, с Титана.

— Что значит повезет, не повезет?

— Два раза в декаду на Кольцо ходят швейцарцы, возят продовольствие. Возможно, ты застанешь швейцарский бот на «Кольце-1».

— Понимаю, — сказал Юрковский. — Ну что ж, хорошо. У меня к тебе пока больше ничего нет. До встречи.

— Спокойной плазмы, Володя, — сказал директор. — Не провалитесь там в Сатурн.

— Тыфу на тебя, — проворчал Быков и выключил радио.

— Ясно, кадет? — спросил Юрковский.

— Ясно, — сказал Юра и вздохнул.

— Ты что, недоволен?

— Да нет, работать все равно где, — сказал Юра. — Не в этом дело.

Обсерватория «Кольцо-1» двигалась в плоскости Кольца Сатурна по круговой орбите и делала полный оборот за четырнадцать с половиной часов. Станция была молодая, ее постройку закончили всего год назад. Экипаж ее состоял из десяти планетологов, занятых исследованием Кольца, и четырех инженер-контролеров. Работы у инженер-контролеров было очень много: некоторые агрегаты и системы обсерватории — обогреватели, кислородные регенераторы, гидросистема — еще не были окончательно отрегулированы. Неудобства, связанные с этим, нимало не смущали планетологов, тем более что большую часть времени они проводили в космоскафах, плавая над Кольцом. Работе планетологов Кольца придавалось большое значение в системе Сатурна. Планетологи рассчитывали найти в Кольце воду, железо, редкие металлы — это дало бы системе автономность в снабжении горючим и материалами. Правда, даже если бы эти поиски увенчались успехом, воспользоваться такими находками пока не представлялось возможным. Не был еще создан снаряд, способный войти в сверкающие толщи колец Сатурна и вернуться оттуда невредимым.

Алексей Петрович Быков подвел «Тахмасиб» к внешней линии доков и осторожно пришвартовался. Подход к искусственным спутникам — дело тонкое, требующее мастерства и ювелирного изящества. В таких случаях Алексей Петрович вставал с кресла и сам поднимался в рубку. У внешних доков уже стоял какой-то бот, судя по обводам — продовольственный танкер.

— Стажер, — сказал Быков. — Тебе повезло. Собирай чемодан.

Юра промолчал.

— Экипаж отпускаю на берег, — объявил Быков. —

Если пригласят к ужину — не увлекайтесь. Здесь вам не отель. А лучше всего захватите с собой консервы и минеральную воду.

— Увеличим круговорот, — вполголоса сказал Жилин.

Снаружи послышался скрип и скрежет — это дежурный диспетчер прилаживал к внешнему люку «Тахмасиба» герметическую перемычку. Через пять минут он сообщил по радио:

— Можно выходить. Только одевайтесь потеплее.

— Это почему? — осведомился Быков.

— Мы регулируем кондиционирование, — ответил дежурный и дал отбой.

— Что значит теплее? — возмутился Юрковский. — Что надевать? Фланель? Или как это там называлось — валенки? Стеганки? Ватники?

Быков сказал:

— Надевай свитер. Надевай теплые носки. Меховую куртку неплохо надеть. С электроподогревом.

— Я надену джемпер, — сказал Михаил Антонович. — У меня есть очень красивый джемпер. С парусом.

— А у меня ничего нет, — грустно сказал Юра. — Могу вот надеть несколько безрукавок.

— Безобразие, — сказал Юрковский. — У меня тоже ничего нет.

— Надень свой халат, — посоветовал Быков и отправился к себе в каюту.

В обсерваторию они вступили все вместе, одетые очень разнообразно и тепло. На Быкове была гренландская меховая куртка. Михаил Антонович тоже надел куртку и натянул на ноги унты. Унты были лишены магнитных подков, и Михаила Антоновича тащили, как привязной аэростат. Жилин натянул свитер и один свитер дал Юре. Кроме того, на Юре были меховые штаны Быкова, которые он затянул под мышками. Меховые штаны Жилина были на Юрковском. И еще на Юрковском были джемпер Михаила Антоновича с парусом и очень красивый белый пиджак.

В кессоне их встретил дежурный диспетчер в трусах и майке. В кессоне была удушливая жара, как в финской бане.

— Здравствуйте, — сказал диспетчер. Он оглядел гостей и нахмурился. — Я же сказал: оденьтесь потеплее. Вы же замерзнете в ботинках.

Юрковский зловеще сказал:

— Вы что, молодой человек, шутки со мной хотите шутить?

Диспетчер непонимающе посмотрел на него.

— Какие там шутки? В кают-компании минус пятьнадцать.

Быков вытер со лба пот и проворчал:

— Пошли.

Из коридора пахнуло леденящим холодом, ворвались клубы пара. Диспетчер, обхватив себя руками за плечи, завопил:

— Да поскорее же, пожалуйста!

Обшивка коридора была местами разобрана, и желтая сетка термоэлементов бесстыдно блестела в голубоватом свете. Возле кают-компании они столкнулись с инженер-контролером. Инженер был в невообразимо длинной шубе, под которой виднелась голубая майка. На голове инженера красовалась ушанка с торчащими ушами.

Юрковский зябко повел плечами и открыл дверь в кают-компанию.

В кают-компании за столом сидели, пристегнувшись к стульям, пять человек в шубах с поднятыми воротниками. Они были похожи на будочников времен Алексея Тишайшего и сосали горячий кофе из прозрачных термосов. При виде Юрковского один из них отогнул воротник и, выпустив облако пара, сказал:

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич. Что-то вы легко оделись. Садитесь. Кофе?

— Что у вас тут делается? — спросил Юрковский.

— Мы регулируем, — сказал кто-то.

— А где Маркушин?

— Маркушин ждет вас в космоскафе. Там тепло.

— Проводите меня, — сказал Юрковский.

Один из планетологов поднялся и выплыл с Юрковским в коридор. Другой, долговязый вихрастый парень, сказал:

— Скажите, среди вас больше нет генеральных инспекторов?

— Нет, — сказал Быков.

— Тогда я вам прямо скажу: собачья у нас жизнь. Вчера по всей обсерватории была температура плюс тридцать, а в кают-компании даже плюс тридцать три. Ночью температура внезапно упала. Лично я отморозил себе пятку, работать при таких перепадах температуры никому неохота, поэтому работаем мы по очереди в

космоскафах. Там автономное кондиционирование. У вас так не бывает?

— Бывает, — сказал Быков. — Во время аварий.

— И это вы так целый год живете? — с ужасом и жалостью спросил Михаил Антонович.

— Нет, что вы! Всего около месяца. Раньше перепады температур были не так значительны. Но мы организовали бригаду помощи инженерам, и вот... сами видите.

Юра старательно сосал горячий кофе. Он чувствовал, что замерзает.

— Бр-р-р, — сказал Жилин. — Скажите, а нет ли здесь какого-нибудь оазиса?

Планетологи переглянулись.

— Разве что в кессоне, — сказал один.

— Или в душевой, — сказал другой. — Но там сырое.

— Неуютно очень, — пожаловался Михаил Антонович.

— Ну вот что, — сказал Быков. — Пойдемте все к нам.

— И-эх, — сказал долговязый планетолог. — А потом опять сюда возвращаться?

— Пойдемте, пойдемте, — сказал Михаил Антонович. — Там и побеседуем.

— Как-то это не по правилам гостеприимства, — нерешительно сказал долговязый.

Наступило молчание. Юра сказал:

— Как мы забавно сидим — четыре на четыре. Прямо как шахматный матч.

Все посмотрели на него.

— Пошли, пошли к нам, — сказал Быков, решительно поднимаясь.

— Как-то это неловко, — сказал один из планетологов. — Давайте посидим у нас. Может, еще разговоримся.

Жилин сказал:

— У нас тепло. Маленький поворот регулятора — и можно сделать жарко. Мы будем сидеть в легких красивых одеждах. Не будем шмыгать носами.

В кают-компанию просунулся угрюмый человек в шубе на голое тело. Глядя в потолок, он неприветливо сказал:

— Прошу прощения, конечно, но разошлись бы вы, в самом деле, по каютам. Через пять минут мы перекроем здесь воздух.

Человек скрылся. Быков, не говоря ни слова, двинулся к выходу. Все потянулись за ним.

В торжественном молчании они прошли коридор, захлебнулись горячим воздухом в пустом кессоне и вступили на борт «Тахмасиба». Долговязый планетолог приворно стащил с себя шубу и пиджак и принял сматывать с шеи шарф.

Теплую амуницию запихали в стенной шкаф. Потом состоялись представления и взаимные пожимания ледяных рук. Долговязого планетолога звали Рафаил Горчаков. Остальные трое, как выяснилось, были Иозеф Влчек, Евгений Садовский и Павел Шемякин. Оттаяв, они оказались веселыми, разговорчивыми ребятами. Очень скоро выяснилось, что Горчаков и Садовский исследуют турбулентные движения в Кольце, не женаты, любят Грэма Грина и Строгова, предпочитают кино театру, в настоящий момент читают в подлиннике «Опыты» Монтеня, неореалистическую живопись не понимают, но не исключают возможности, что в ней что-то есть; что Иозеф Влчек ищет в Кольце железную руду методом нейтронных отражений и при помощи бомб-вспышек, что по профессии он скрипач, был чемпионом Европы по бегу на четыреста метров с барьераами, а в систему Сатурна попал, мстя своей девушке за холодность и нечуткое к нему отношение; что, наконец, Павел Шемякин, напротив, женат, имеет детей, работает ассистентом в Институте планетологии, яро выступает за гипотезу об искусственном происхождении Кольца и намерен «главу сложить, но превратить гипотезу в теорию».

— Вся беда в том, — горячо говорил он, — что наши космоскафы как исследовательские снаряды не выдерживают никакой критики. Они очень тихоходны и очень непрочны. Когда я сижу в космоскафе над Кольцом, мне просто плакать хочется от обиды. Ведь рукой подать... А спускаться в Кольцо нам решительно запрещают. А я совершенно уверен, что первый же поиск в Кольце дал бы что-нибудь интересное. По крайней мере, какую-нибудь зацепку...

— Какую, например? — спросил Быков.

— Н-ну, я не знаю!..

— Я знаю, — сказал Горчаков. — Он надеется найти на каком-нибудь булыжнике след босой ноги. Знаете, как он работает? Опускается как можно ближе к Кольцу и рассматривает обломки в сорокакратный биноктар. А в это время сзади подбирается здоровенный астероид и бьет его под корму.

— Ну и глупо, — сердито сказал Шемякин. — Если

бы удалось показать, что Кольцо — результат распада какого-то тела, это уже означало бы многое, а между тем ловлей обломков нам заниматься запрещено.

— Легко сказать — поймать обломок, — сказал Быков. — Я знаю эту работу. Весь в поту и так до конца и не знаешь, кто кого поймал, а потом выясняется, что ты сбил аварийную ракету и горючего не хватит до базы. Не-ет, правильно делают, что запрещают эту ерунду.

Михаил Антонович вдруг сказал, мечтательно закатив глаза:

— Но зато, мальчики, как это увлекательно! Какая это живая, тонкая работа!

Планетологи посмотрели на него с почтительным удивлением. Юра тоже. Ему никогда не приходило в голову, что толстый добрый Михаил Антонович занимался когда-то охотой на астероиды. Быков холодно посмотрел на Михаила Антоновича и звучно откашлялся. Михаил Антонович испуганно оглянулся на него и торопливо заявил:

— Но это, конечно, очень опасно... Неоправданный риск... И вообще не надо...

— Кстати, о следах, — задумчиво сказал Жилин. — Вы тут далеки от источников информации, — он оглядел планетологов, — и, наверное, не знаете...

— А о чём речь? — спросил Садовский. По его лицу было видно, что он основательно изголодался по информации.

— На острове Хонсю, — сказал Жилин, — недалеко от бухты Данно-ура, в ущелье между горами Сираминэ и Титигатакэ, в непроходимом лесу археологи обнаружили систему пещер. В этих пещерах нашли множество первобытной утвари и — что самое интересное — много окаменевших следов первобытных людей. Археологи считают, что в пещерах двести веков назад обитали первояпонцы, потомки коих были впоследствии вырезаны племенами Ямато, ведомыми императором Дзиммутэнно, божественным внуком небоблисташей Аматэррасу.

Быков крякнул и взялся за подбородок.

— Эта находка всполошила весь мир, — сказал Жилин, — вероятно, вы слыхали об этом.

— Где уж нам... — грустно сказал Садовский. — Живем как в лесу...

— А между тем об этом много писали и говорили, но не в этом дело. Самая любопытная находка была сделана

сравнительно недавно, когда основательно расчистили центральную пещеру. Представьте себе: в окаменевшей глине оказалось свыше двадцати пар следов босых ног с далеко отставленными большими пальцами, и среди них... — Жилин обвел круглыми глазами лица слушателей. Юрэ было все ясно, но тем не менее эффектная пауза произвела на него большое впечатление. — След ботинка... — сказал Жилин обыкновенным голосом.

Быков поднялся и пошел из кают-компании.

— Алешенька! — позвал Михаил Антонович. — Куда же ты?

— Я уже знаю эту историю, — сказал Быков, не оборачиваясь. — Я читал. Я скоро приду.

— Ботинка? — переспросил Садовский. — Какого ботинка?

— Примерно сорок пятого размера, — сказал Жилин. — Рубчатая подошва, низкий каблук, тупой квадратный носок.

— Бред, — решительно сказал Влчек. — Утка.

Горчаков засмеялся и спросил:

— А не отпечаталась ли там фабричная марка «Скороход»?

— Нет, — сказал Жилин. Он покачал головой. — Если бы там была хоть какая-нибудь надпись! Просто след ботинка... Слегка перекрыт следом босой ноги кто-то наступил позже.

— Ну это же утка! — сказал Влчек. — Это же ясно. Массовый отлов русалок на острове Мэн, дух Буонапарте, вселившийся в Массачусетскую счетную машину...

— Солнечные пятна расположены в виде чертежа Пифагоровой теоремы! — провозгласил Садовский. — Жители Солнца ищут контакта с МУКСом!

— Что-то ты, Ванюша, немножко... это... — сказал Михаил Антонович недоверчиво.

Шемякин молчал. Юрэ тоже.

— Я читал перепечатку из научного приложения к «Асахи симбун», — сказал Жилин. — Сначала я тоже думал, что это утка. В наших газетах такое сообщение не появлялось. Но статья подписана профессором Усадзуки — крупный человек, я слыхал о нем от японских ребят. Там он, между прочим, пишет, что хочет своей статьей положить конец потоку дезинформации, но никаких комментариев давать не собирается. Я понял так, что они сами не знают, как это объяснить.

— Отважный европеец в лапах разъяренных синан-

тропов! — провозгласил Садовский. — Съеден целиком, остался только след ботинка фирмы «Шуз Маджестик» Покупайте изделия «Шуз Маджестик», если хотите, чтобы от вас хоть что-нибудь осталось.

— Это были не синантропы, — терпеливо сказал Жилин. — Большой палец отличается даже на глаз. Профессор Усадзуки называет их нихонантропами.

Шемякин наконец не выдержал.

— А почему, собственно, обязательно утка? — спросил он. — Почему мы всегда из всех гипотез выбираем наивероятнейшие?

— Действительно, почему? — сказал Садовский. — Следы оставил, конечно, пришелец, и первый контакт закончился трагически.

— А почему бы и нет? — сказал Шемякин. — Кто мог носить ботинок двести столетий назад?

— Елки-палки, — сказал Садовский. — Если говорить серьезно, то это след одного из археологов.

Жилин замотал головой.

— Во-первых, глина там совершенно окаменела. Возраст следа не вызывает сомнений. Неужели вы думаете, что Усадзуки не подумал о такой возможности?

— Тогда это утка, — упрямо сказал Садовский.

— Скажите, Иван, — сказал Шемякин, — а фотография следа не приводилась?

— А как же, — сказал Жилин. — И фотография следа, и фотография пещеры, и фотография Усадзуки... Причем учтите: у японцев самый большой размер сорок второй. От силы сорок третий.

— Давайте так, — сказал Горчаков. — Будем считать, что перед нами стоит задача построить логически непротиворечивую гипотезу, объясняющую эту японскую находку.

— Пожалуйста, — сказал Шемякин. — Я предлагаю — пришелец. Найдите в этой гипотезе противоречие.

Садовский махнул рукой.

— Опять пришелец, — сказал он. — Просто какой-нибудь бронтозавр.

— Проще предположить, — сказал Горчаков, — что это все-таки след какого-нибудь европейца. Какого-нибудь туриста.

— Да, это либо какое-нибудь неизвестное животное, либо турист, — сказал Влчек. — Следы животных имеют иногда удивительные формы.

— Возраст, возраст... — тихонько сказал Жилин.

- Тогда просто неизвестное животное.
- Например, утка, — сказал Садовский.
- Вернулся Быков, солидно устроился в кресле и спросил:
- Н-ну, что тут у вас?
- Вот товарищи пытаются как-то объяснить японский след, — сказал Жилин. — Предлагаются: пришелец, европеец, неизвестное животное.
- И что же? — сказал Быков.
- Все эти гипотезы, — сказал Жилин, — даже гипотеза о пришельце, содержат одно чудовищное противоречие.
- Какое? — спросил Шемякин.
- Я забыл вам сказать, — сказал Жилин. — Площадь пещеры сорок квадратных метров. След ботинка находится в самой середине пещеры.
- Ну и что же? — спросил Шемякин.
- И он один, — сказал Жилин.
- Некоторое время все молчали.
- Н-да, — сказал Садовский. — Баллада об одноногом пришельце.
- Может, остальные следы стерты? — предположил Влчек.
- Абсолютно исключено, — сказал Жилин. — Двадцать пар совершенно отчетливых следов босых ног по всей пещере и один отчетливый след ботинка посередине.
- Значит, так, — сказал Быков. — Пришелец был одноногий. Его принесли в пещеру, поставили вертикально и, выяснив отношения, съели на месте.
- А что? — сказал Михаил Антонович. — По-моему, логически непротиворечиво. А?
- Плохо, что он одноногий, — задумчиво сказал Шемякин. — Трудно представить одноногое разумное существо.
- Возможно, он был инвалид? — предположил Горчаков.
- Одну ногу могли съесть сразу, — сказал Садовский.
- Бог знает какой ерундой мы занимаемся, — сказал Шемякин. — Пойдемте работать.
- Нет уж, извини, — сказал Влчек. — Надо расследовать. У меня есть такая гипотеза: у пришельца был очень широкий шаг. Они все там такие ненормально длинноногие.
- Он бы разбил себе голову о свод пещеры, — возразил Садовский. — Скорее всего, он был крылатый —

прилетел в пещеру, увидел, что его нехорошо ждут, оттолкнулся и улетел. А сами-то вы что думаете, Иван?

Жилин открыл рот, чтобы ответить, но вместо этого поднял палец и сказал:

— Внимание! Генеральный инспектор!

В кают-компанию вошел красный, распаренный Юрковский.

— Ф-фу! — сказал он. — Как хорошо, прохладно! Планетологи, вас зовет начальство. И учтите, что у вас там сейчас около сорока градусов. — Он повернулся к Юре. — Собирайся, кадет. Я договорился с капитаном танкера, он забросит тебя на «Кольцо-2».

Юра вздрогнул и перестал улыбаться.

— Танкер стартует через несколько часов, но лучше пойти туда заблаговременно. Ваня, проводишь его. Да! Планетологи! Где планетологи? — он выглянулся в коридор. — Шемякин! Паша! Приготовь фотографии, которые ты сделал над Кольцом. Мне надо посмотреть. Михаил, не уходи, погоди минуточку. Останься здесь. Алексей, брось книжку, мне нужно поговорить с тобой.

Быков отложил книжку. В кают-компании остались только он, Юрковский и Михаил Антонович. Юрковский, неуклюже раскачиваясь, пробежал из угла в угол.

— Что это с тобой? — осведомился Быков, подозрительно следя за ним.

Юрковский резко остановился.

— Вот что, Алексей, — сказал он. — Я договорился с Маркушиным, он дает мне космоскаф. Я хочу полетать над Кольцом. Абсолютно безопасный рейс, Алексей. — Юрковский неожиданно разозлился. — Ну чего ты так смотришь? Ребята совершают такие рейсы по два раза в сутки уже целый год. Да, я знаю, что ты упрям. Но я не собираюсь забираться в Кольцо. Я хочу полетать над Кольцом. Я подчиняюсь твоим распоряжениям. Уважь и ты мою просьбу. Я прошу тебя самым нижайшим образом, черт возьми! В конце концов, друзья мы или нет?

— В чем, собственно, дело? — сказал Быков спокойно.

Юрковский опять пробежался по комнате.

— Дай мне Михаила, — отрывисто сказал он.

— Что-о-о? — сказал Быков, медленно выпрямляясь.

— Или я полечу один, — сейчас же сказал Юрковский. — А я плохо знаю космоскафы.

Быков молчал. Михаил Антонович растерянно переводил глаза с одного на другого.

— Мальчики, — сказал он. — Я ведь с удовольствием... О чём разговор?

— Я мог бы взять пилота на станции, — сказал Юрковский. — Но я прошу Михаила, потому что Михаил в сто раз опытнее и осторожнее, чем все они, вместе взятые. Ты понимаешь? Осторожнее!

Быков молчал. Лицо у него стало темное и угрюмое.

— Мы будем предельно осторожны, — сказал Юрковский. — Мы будем идти на высоте двадцать — тридцать километров над средней плоскостью, не ниже. Я сделаю несколько крупномасштабных снимков, наблюдаю визуально, и через два часа мы вернемся.

— Алешенька, — робко сказал Михаил Антонович. — Ведь случайные обломки над Кольцом очень редки. И они не так уж страшны. Немного внимательности...

Быков молча смотрел на Юрковского. «Ну что с ним делать? — думал он. — Что делать с этим старым безумцем? У Михаила большое сердце. Он в последнем рейсе. У него притупилась реакция, а в космоскафах ручное управление. А я не могу водить космоскаф. И Жилин не может. А молодого пилота с ним отпускать нельзя. Они уговорят друг друга нырнуть в Кольцо. Почему я не научился водить космоскаф, старый я дурак?»

— Алеша, — сказал Юрковский. — Я тебя очень прошу. Ведь я, наверное, больше никогда не увижу колец Сатурна. Я старый, Алеша.

Быков поднялся и, ни на кого не глядя, молча вышел из кают-компании. Юрковский закрыл лицо руками.

— Ах, беда какая! — сказал он с досадой. — Ну почему у меня такая отвратительная репутация? А, Миша?

— Очень ты неосторожный, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Право же, ты сам виноват.

— А зачем быть осторожным? — спросил Юрковский. — Ну скажи, пожалуйста, зачем? Чтобы дожить до полной духовной и телесной немоши? Дождаться момента, когда жизнь опротивеет, и умереть от скуки в кровати? Смешно же, Михаил, в конце концов, так трястись над собственной жизнью.

Михаил Антонович покачал головой.

— Экий ты, Володенька! — сказал он тихо. — И как ты не понимаешь, голубчик: ты-то умрешь — и все. А ведь после тебя люди останутся, друзья. Знаешь, как им горько будет? А ты только о себе, Володенька, все о себе.

— Эх, Миша, — сказал Юрковский, — не хочется мне с тобой спорить. Скажи-ка ты мне лучше, согласится Алексей или нет?

— Да он, по-моему, уже согласился, — сказал Михаил Антонович. — Разве ты не видишь? Я-то его знаю, пятнадцать лет на одном корабле.

Юрковский снова пробежался по комнате.

— Ты-то хоть, Михаил, хочешь лететь или нет? — закричал он. — Или ты тоже... соглашаешься?

— Очень хочется, — сказал Михаил Антонович и покраснел. — На прощание.

Юра укладывал чемодан. Он никогда как следует не умел укладываться, а сейчас вдобавок торопился, чтобы не заметно было, как ему не хочется уходить с «Тахмасиба». Иван стоял рядом, и до чего же грустно было думать, что сейчас с ним придется проститься и что они больше никогда не встретятся. Юра как попало запихивал в чемодан белье, тетрадки с конспектами, книжки, в том числе «Дорогу дорог», о которой Быков сказал: «Когда эта книга тебе начнет нравиться, можешь считать себя взрослым». Иван, насвистывая, веселыми глазами следил за Юрай. Юра наконец закрыл чемодан, грустно оглядел каюту и сказал:

— Вот и все, кажется.

— Ну, раз все, пойдем прощаться, — сказал Жилин.

Он взял у Юры невесомый чемодан, и они пошли по кольцевому коридору, мимо плавающих в воздухе десятикилограммовых гантелей, мимо душевой, мимо кухни, откуда пахло овсяной кашей, в кают-компанию. В кают-компании был только Юрковский. Он сидел за пустым столом, обхватив ладонями залысую голову, и перед ним лежал прижатый к столу зажимами одинокий чистый листок бумаги.

— Владимир Сергеевич, — сказал Юра.

Юрковский поднял голову.

— А, кадет, — сказал он, печально улыбаясь. — Что ж, давай прощаться.

Они пожали друг другу руки.

— Я вам очень благодарен, — сказал Юра.

— Ну-ну, — сказал Юрковский. — Что ты, брат, в самом деле! Ты же знаешь, я не хотел тебя брать. И напрасно не хотел. Что же тебе пожелать на прощание? Побольше работай, Юра. Работай руками, работай головой. В особенности не забывай работать головой. И

помни, что настоящие люди — это те, кто много думает о многом. Не давай мозгам закиснуть. — Юрковский посмотрел на Юру с знакомым выражением, как будто ожидал, что Юра вот сейчас, немедленно, изменится к лучшему. — Ну, ступай.

Юра неловко поклонился и пошел из кают-компании. У дверей в рубку он оглянулся. Юрковский задумчиво смотрел ему вслед, но, кажется, уже не видел его. Юра поднялся в рубку. Михаил Антонович и Быков разговаривали возле пульта управления. Когда Юра вошел, они замолчали и посмотрели на него.

— Так, — сказал Быков. — Ты готов, Юрий? Иван, значит, ты его проводишь?

— До свидания, — сказал Юра. — Спасибо.

Быков молча протянул ему огромную ладонь.

— Большое вам спасибо, Алексей Петрович, — повторил Юра. — И вам, Михаил Антонович.

— Не за что, не за что, Юрик, — заговорил Михаил Антонович. — Счастливой тебе работы. Обязательно напиши мне письмечко. Адресок ты не потерял?

Юра молча похлопал себя по нагрудному карману.

— Ну, вот и хорошо, ну, вот и прекрасно. Напиши, а если захочешь — приезжай. Право же, как вернешься на Землю, так и приезжай. У нас весело. Много молодежи. Мемуары мои почитаешь.

Юра слабо улыбнулся.

— До свидания, — сказал он.

Михаил Антонович помахал ручкой, а Быков прогудел:

— Спокойной плазмы, стажер.

Юра и Жилин вышли из рубки. В последний раз открылась и закрылась за Юрай дверь кессона.

— Прощай, «Тахмасиб», — сказал Юра.

Они прошли по бесконечному коридору обсерватории, где было жарко, как в бане, и вышли на вторую доковую палубу. У раскрытого люка танкера сидел на маленькой бамбуковой скамеечке голенастый рыжий человек в расстегнутом кителе с золотыми пуговицами и в полосатых шортах. Глядясь в маленькое зеркальце, он расчесывал пятерней рыжие бакенбарды и, выпятив челюсть, дудел какой-то тирольский мотив. Увидев Юру и Жилина, он спрятал зеркальце в карман и встал.

— Капитан Корф? — сказал Жилин.

— Йа, — сказал рыжий.

— На «Кольцо-2», — сказал Жилин, — вы доставите

вот этого товарища. Генеральный инспектор говорил с вами, не так ли?

— И да, — сказал рыжий капитан Корф. — Отчень корошо. Багаж?

Жилин протянул ему чемодан.

— И да, — сказал капитан Корф в третий раз.

— Ну, прощай, Юрка, — сказал Жилин. — Не вешай ты, пожалуйста, носа. Что за манера, в самом деле?

— Ничего я не вешаю, — сказал Юра печально.

— Я отлично знаю, почему ты вешаешь нос, — сказал Жилин. — Ты вообразил, что мы больше никогда не встретимся, и не замедлил сделать из этого трагедию. А трагедии никакой нет. Тебе еще сто лет встречаться с разными хорошими и плохими людьми. А можешь ты мне ответить на вопрос: чем один хороший человек отличается от другого хорошего человека?

— Не знаю, — сказал Юра со вздохом.

— Я тебе скажу, — сказал Жилин. — Ничем существенным не отличается. Вот завтра ты будешь со своими ребятами. Завтра все тебе будут завидовать, а ты будешь хвастаться. Мы, мол, с инспектором Юрковским... Расскажешь, как ты стрелял в пиявок на Марсе, как своими руками вот таким стулом изничтожил мистера Ричардсона на Бамберге, как спас синеглазую девушку от злодея Шершня. Про смерть-планетчиков ты тоже чего-нибудь наврешь.

— Да что вы, Ваня! — сказал Юра, слабо улыбаясь.

— Ну а почему же? Воображение у тебя живое. Могу себе представить, как ты споешь им балладу об одиночном пришельце. Только учти. Честно говоря, там было два следа. Про второй след я не успел рассказать. Второй след был на потолке, в точности над первым. Не забудь. Ну, прощай.

— Ти-ла-ла-ла и-а! — тихонько завопил сзади капитан Корф.

— До свидания, Ваня, — сказал Юра. Он двумя руками пожал руку Жилина.

Жилин похлопал его по плечу, повернулся и вышел в коридор. Юра услышал, как в коридоре крикнули:

— Иван! Есть еще одна гипотеза! Там, в пещере, не было никакого пришельца. Был только его ботинок.

Юра слабо улыбнулся.

— Ти-ла-ла-ла и-а! — распевал позади капитан Корф, расчесывая рыжие бакенбарды.

13. «Кольцо-1». Должен жить

— Володенька, подвинься немножко, — сказал Михаил Антонович. — А то я прямо в тебя локтем упираюсь. Если вдруг придется, скажем, делать вираж...

— Изволь, изволь, — сказал Юрковский. — Только мне, собственно, некуда. Удивительно тесно здесь. Кто строил эти... э-э... аппараты...

— А вот так... И хватит, и хватит, Володенька...

В космоскафе было очень тесно. Маленькая круглая ракета была рассчитана только на одного человека, но обычно в нее забирались по двое. Мало того, по правилам безопасности при работах над Кольцом экипажу надлежало быть в скафандрах с откинутым колпаком. Вдвоем, да еще в скафандрах, да еще с колпаками, висящими за спиной, в космоскафе было не повернуться. Михаилу Антоновичу досталось удобное кресло водителя с широкими мягкими ремнями, и он очень переживал, что другу Володеньке приходится корчиться где-то между чехлом регенератора и пультом бомбосбрасывателя.

Юрковский, прижимая лицо к нарамнику биноктара, время от времени щелкал затвором фотокамеры.

— Чуть-чуть притормози, Миша, — приговаривал он. — Так... остановись... Фу-ты, до чего у них тут все неудобно устроено!..

Михаил Антонович, с удовольствием покачивая штурвал, глядел, не отрываясь, на экран телепроектора. Космоскаф медленно плыл в двадцати пяти километрах от средней плоскости Кольца. Впереди исполинским, мутно-желтым горбом громоздился водянистый Сатурн. Ниже, вправо и влево, на весь экран тянулось плоское сверкающее поле. Вдали оно заволакивалось зеленоватой дымкой, и казалось, что гигантская планета рассечена пополам. А под космоскафом проползло каменное крошево. Радужные россыпи угловатых обломков, мелкого щебня, блестящей искрящейся пыли. Иногда в этом крошеве возникали странные вращательные движения, и тогда Юрковский говорил: «Притормози, Михаил... Вот так...» — и несколько раз щелкал затвором. Эти неопределенные и непонятные движения привлекали особенное внимание Юрковского. Кольцо не было пригоршней камней, брошенных в мертвое инертное движение вокруг Сатурна; оно жило своей странной, непостижимой жизнью, и в закономерностях этой жизни еще предстояло разобраться. Михаил Антонович был счастлив. Он нежно

сжимал податливые рукоятки штурвала, с наслаждением чувствуя, как мягко и послушно отзыается ракета на каждое движение его пальцев. Как это было прекрасно — вести корабль без киберштурмана, без всякой там электроники, бионики и кибернетики, надеяться только на себя, упиваться полной и безграничной уверенностью в себе и знать, что между тобой и кораблем только этот мягкий удобный штурвал и не приходится привычным усилием воли подавлять в себе мысль, что у тебя под ногами клокочет хотя и усмиренная, но страшная сила, способная разнести в пыль целую планету. У Михаила Антоновича было богатое воображение, в душе он всегда был немножко ретроградом, и медлительный космоскаф с его слабосильными двигателями казался ему уютным и домашним по сравнению с фотонным чудовищем «Гамасибом» и с другими такими же чудовищами, с которыми пришлось иметь дело Михаилу Антоновичу за двадцать пять лет штурманской работы.

Кроме того, его, как всегда, приводили в тихий восторг сверкающие радугой алмазные россыпи Кольца. У Михаила Антоновича всегда была слабость к Сатурну и к его кольцам. Кольцо было изумительно красиво. Оно было гораздо красивее, чем об этом мог рассказать Михаил Антонович, и все же каждый раз, когда он видел Кольцо, ему хотелось рассказывать.

— Хорошо как! — сказал он наконец. — Как все переливается! Я, может быть, не могу...

— Притормози-ка, Миша, — сказал Юрковский.

Михаил Антонович притормозил.

— Вот есть лунатики, — сказал он. — А у меня такая же слабость...

— Притормози еще, — сказал Юрковский.

Михаил Антонович замолчал и притормозил еще. Юрковский щелкал затвором. Михаил Антонович помолчал и позвал в микрофон:

— Алешенька, ты нас слушаешь?

— Слушаю, — басом отозвался Быков.

— Алешенька, у нас все в порядке, — торопливо сообщил Михаил Антонович. — Я просто хотел поделиться. Очень красиво здесь, Алешенька. Солнце так переливается на камнях... и пыль так серебрится... Какой ты молодец, Алешенька, что отпустил нас. Напоследок хоть посмотреть... Ах, ты бы посмотрел, как тут камушек один переливается! — От полноты чувств он снова замолчал.

Быков подождал немного и спросил:

— Вы долго еще намерены идти к Сатурну?

— Долго, долго! — раздраженно сказал Юрковский. — Ты бы шел, Алексей, занялся бы чем-нибудь. Ничего с нами не случится.

Быков сказал:

— Иван делает профилактику. — Он помолчал. — И я тоже.

— Ты не беспокойся, Алешенька, — сказал Михаил Антонович. — Шальных камней нет, все очень спокойно, безопасно.

— Это хорошо, что шальных камней нет, — сказал Быков. — Но ты все-таки будь повнимательнее.

— Притормози, Михаил, — приказал Юрковский.

— Что это там? — спросил Быков.

— Турбулентия, — ответил Михаил Антонович.

— А, — сказал Быков и замолчал.

Минут пятнадцать прошло в молчании. Космоскаф удалился от края Кольца уже на триста километров. Михаил Антонович покачивал штурвал и боролся с желанием разогнаться посильнее, так, чтобы сверкающие обломки внизу слились в сплошную сверкающую полосу. Это было бы очень красиво. Михаил Антонович любил делать такие вещи, когда был помоложе.

Юрковский вдруг сказал шепотом:

— Остановись.

Михаил Антонович притормозил.

— Остановись, говорят! — сказал Юрковский. — Ну?

Космоскаф повис неподвижно. Михаил Антонович оглянулся на Юрковского. Юрковский так втиснул лицо в нарамник, словно хотел продавить корпус космоскафа и выглянуть наружу.

— Что там? — спросил Михаил Антонович.

— Что у вас? — спросил Быков.

Юрковский не ответил.

— Михаил! — закричал вдруг он. — По вращению Кольца... Видишь, под нами длинный черный обломок? Иди прямо над ним... точно над ним, не обгоняя...

Михаил Антонович повернулся к экрану, нашел длинный черный обломок внизу и повел космоскаф, стараясь не выпускать обломок из визирного перекрестья.

— Что там у вас? — снова спросил Быков.

— Какой-то обломок, — сказал Михаил Антонович. — Черный и длинный.

— Уходит, — сказал Юрковский сквозь зубы. — Медленнее на метр! — крикнул он.

Михаил Антонович снизил скорость.

— Нет, так не получится, — сказал Юрковский. Миша, смотри, черный обломок видишь? — Он говорил очень быстро и шепотом.

— Вижу.

— Прямо по курсу на два градуса от него группа камней...

— Вижу, — сказал Михаил Антонович. — Там что-то блестит так красиво.

— Вот-вот... Держи на этот блеск... Не потеряй только... Или у меня в глазах что-то такое?

Михаил Антонович ввел блестящую точку в визирное перекрестье и дал максимальное увеличение на телевизор. Он увидел пять округлых, странно одинаковых белых камней, а между ними что-то блестящее, неясное, похожее на серебристую тень растопыренного паука. Словно камни расходились, а паук цеплялся за них расставленными голыми лапами.

— Как забавно! — вскричал Михаил Антонович.

— Да что там у вас? — заорал Быков.

— Погоди, погоди, Алексей, — пробормотал Юрковский. — Здесь надо бы снизиться...

— Начинается, — сказал Быков. — Михаил! Ни на метр ниже!

Взволнованный Михаил Антонович, сам того не замечая, уже вел космоскаф вниз. Это было так удивительно и непонятно — пять одинаковых белых глыб и совершенно непривычных очертаний серебристая тень между ними.

— Михаил! — рявкнул Быков и замолчал.

Михаил Антонович опомнился и резко затормозил.

— Ну что же ты? — не своим голосом закричал Юрковский. — Упустишь!

Длинный черный обломок медленно, едва заметно для глаза наползal на странные камни.

— Алешенька! — позвал Михаил Антонович. — Здесь в самом деле что-то очень странное! Можно я еще немножко спущусь? Плохо видно!

Быков молчал.

— Упустишь, упустишь, — рычал Юрковский.

— Алешенька! — отчаянно закричал Михаил Антонович. — Я спущусь! На пять километров, а?

Он судорожно сжимал рукоятки штурвала, стараясь не выпустить блестящий предмет из перекрестья. Черный

обломок надвигался медленно и неумолимо. Быков не отвечал.

— Да спускайся же, спускайся, — сказал Юрковский неожиданно спокойно.

Михаил Антонович в отчаянии посмотрел на спокойно мерцающий экран метеоритного локатора и повел космоскаф вниз.

— Алешенька, — бормотал он. — Я чуть-чуть, только чтобы из виду не упустить. Вокруг все спокойно, пусто.

Юрковский торопливо щелкал затворами фотокамер. Черный длинный обломок наползал, наползал и, наконец, надвинулся, закрыл белые камни и блестящего паучка между ними.

— Эх, — сказал Юрковский. — С твоим Быковым...

Михаил Антонович затормозил.

— Алешенька! — позвал он. — Вот и все.

Быков все молчал, и тогда Михаил Антонович посмотрел на радио. Прием был выключен.

— Ай-яй-яй-яй! — закричал Михаил Антонович. — Как же это я... Локтем, наверное?

Он включил прием.

— ...хайл, назад! Михаил, назад! Михаил, назад!.. — монотонно повторял Быков.

— Слышу, слышу, Алешенька! Здесь я нечаянно прием выключил!

— Немедленно возвращайтесь назад, — сказал Быков.

— Сейчас, сейчас, Алешенька! — сказал Михаил Антонович. — Мы уже все кончили, и все в порядке... — Он замолчал.

Продолговатый черный обломок постепенно упывал, открывая снова группу белых камней. Снова вспыхнул на солнце серебристый паучок.

— Что у вас там происходит? — спросил Быков. — Можете вы мне толком объяснить или нет?

Юрковский, отпихнув Михаила Антоновича, нагнулся к микрофону.

— Алексей! — крикнул он. — Ты помнишь сказочку про гигантскую флюктуацию? Кажется, нам выпал-таки один шанс на миллиард!

— Какой шанс?

— Мы, кажется, нашли...

— Смотри, смотри, Володенька! — пробормотал Михаил Антонович, с ужасом глядя на экран. Масса плотной

серой пыли надвигалась сбоку, и над ней плыли наискосок десятки блестящих угловатых глыб. Юрковский застонал: сейчас заволочет, закроет, сомнет и утащит невесть куда и эти странные белые камни и этого серебристого паучка, и никто никогда не узнает, что это было..

— Вниз! — заорал он. — Михаил, вниз!..

Космоскаф дернулся.

— Назад! — крикнул Быков. — Михаил, я приказываю: назад!

Юрковский протянул руку и выключил прием.

— Вниз, Миша, вниз... Только вниз... И поскорее.

— Что ты, Володенька! Нельзя же — приказ! Что ты! — Михаил Антонович потянулся к рации. Юрковский поймал его за руку.

— Посмотри на экран, Михаил, — сказал он.

Через двадцать минут будет поздно...

Михаил Антонович молча рвался к рации.

— Михаил, не будь дураком... Нам выпал один шанс на миллиард... Нам никогда не простят... Да пойми ты, старый дурак!

Михаил Антонович дотянулся-таки до рации и включил прием. Они услыхали, как тяжело дышит Быков.

— Нет, они нас не слышат, — сказал он кому-то.

— Миша, — хрипло зашептал Юрковский. — Я тебе не прощу никогда в жизни, Миша... Я забуду, что ты был моим другом, Миша... Я забуду, что мы были вместе на Голконде... Миша, это же смысл моей жизни, пойми... Я ждал этого всю жизнь... Я верил в это... Это пришельцы, Миша...

Михаил Антонович взглянул ему в лицо и зажмурился: он не узнал Юрковского.

— Миша, пыль надвигается... Выводи под пыль, Миша, прошу, умоляю... Мы быстро, мы только поставим радиобакен и сразу вернемся. Это же совсем просто и неопасно, и никто не узнает...

— Ну вот, что ты с ним будешь делать! — вскричал Быков.

— Они что-то нашли, — сказал голос Жилина.

Михаил Антонович торопливо забормотал:

— Нельзя ведь. Не проси. Нельзя. Ведь я же обещал. Он с ума сойдет от беспокойства. Не проси...

Серая пелена пыли надвинулась вплотную.

— Пусти, — сказал Юрковский. — Я сам поведу.

Он стал молча выдирать Михаила Антоновича из кресла. Это было так дико и страшно, что Михаил Антонович совсем потерялся.

Ну хорошо, — забормотал он. — Ну ладно... Ну подожди... — Он все никак не мог узнати лица Юрковского, это было похоже на жуткий сон.

Михаил Антонович! — позвал Жилин.

Я, — слабо сказал Михаил Антонович, и Юрковский изо всех сил ударил по рычажку бронированным кулаком. Металлическая перчатка срезала рычажок словно бритвой.

Вниз! — заревел Юрковский.

Михаил Антонович, ужаснувшись, бросил космоскаф в двадцатикилометровую пропасть. Он весь содрогался от жалости и страшных предчувствий. Прошла минута, другая...

Юрковский сказал ясным голосом:

Миша, Миша, я же понимаю...

Ноздреватые каменные глыбы на экране росли, медленно поворачивались. Юрковский привычным движением надвинул на голову прозрачный колпак скафандра.

Миша, Миша, я же понимаю, — услышал Жилин голос Юрковского.

Быков, сгорбившись, сидел перед рацией, обеими руками вцепившись в стойку бесполезного микрофона. Он мог только слушать, и пытаться понять, что происходит, и ждать, и надеяться. «Вернутся — изобью в кровь, — думал он. — Этого паиньку штурмана и этого генерального мерзавца. Нет. Не изобью. Только бы вернулись. Только бы вернулись». Рядом — руки в карманы — молчал угрюмый Жилин.

Камни, — жалобно сказал Михаил Антонович, — камни...

Быков закрыл глаза. Камни в Кольце. Острые, тяжелые. Летят, ползут, крутятся. Обступают. Подталкивают, отвратительно скрипят по металлу. Толчок. Потом толчок посильнее. Это еще ерунда, не страшно, горохом сыплется по обшивке ползучая мелочь, и это тоже ерунда, а вот где-то сзади надвигается тот самый тяжелый и быстрый, словнопущенный из гигантской катапульты, и локаторы еще не видят его за пеленой пыли, а когда увидят, будет все равно поздно... Лопается корпус, гармошкой складываются переборки, на миг мелькнет в трещине забитое камнем небо, пронзительно свистнет воздух, и люди становятся белыми и хрупкими, как лед... Впрочем, они в скафандрах. Быков открыл глаза.

Жилин, — сказал он. — Иди к Маркушину и узнай,

где второй космоскаф. Пусть приготовит для меня пилота.

Жилин исчез.

— Миша, — беззвучно позвал Быков. — Как-нибудь, Миша... Как-нибудь...

— Вот он, — сказал Юрковский.

— Ай-яй-яй-яй-яй, — сказал Михаил Антонович.

— Километров пять?

— Что ты, Володенька! Гораздо меньше... Правда, хорошо, когда камней нет?

— Тормози понемногу. Я буду готовить бакен. Эх, зря я рацию сломал, дурак...

— Что же это может быть, Володенька? Смотри, какое чудище!..

— Он их держит, видишь? Вот они где, пришельцы. А ты ныл!

— Что ты, Володенька? Разве я ныл? Я так...

— Как-нибудь стань, чтобы его, спаси-сохрани, не задеть...

Наступило молчание. Быков напряженно слушал. «Может быть, и обойдется», — думал он.

— Ну, чего ты куксишься?

— Не знаю, право... Как-то мне все это странно... Не по себе как-то...

— Выди под лапу и выброси магнитную кошку.

— Хорошо, Володенька...

«Что они там нашли? — думал Быков. — Что еще за лапа? Что они там копаются? Неужели нельзя побыстрее?»

— Не попал, — сказал Юрковский.

— Подожди, Володенька, ты не умеешь. Дай я.

— Смотри, она словно вросла в камень... А ты заметил, что они все одинаковые?

— Да, все пять. Мне это сразу странным показалось...

Вернулся Жилин.

— Нет космоскафа, — сказал он.

Быков даже не стал спрашивать, что это значит — нет космоскафа. Он оставил микрофон, поднялся и сказал:

— Пошли к швейцарцам.

— Так у нас ничего не получится, — сказал голос Михаила Антоновича.

Быков остановился.

— Да, действительно... Что ж тут придумать?

— Погоди, Володенька. Давай я сейчас вылезу и сделаю это вручную.

Правильно, — сказал Юрковский. — Давай вылезем.

Нет уж, Володенька, ты сиди здесь. Толку от тебя мало... мало ли что...

Юрковский сказал, помолчав:

Ладно. А я еще несколько снимков сделаю.

Быков поспешил пошел к выходу. Жилин вслед за ним вышел из рубки и запер люк в рубку на ключ. Быков на ходу сказал:

Возьмем танкер, по пеленгу выйдем к этому месту и будем их ждать там.

Правильно, Алексей Петрович, — сказал Жилин. А что они там нашли?

Не знаю, — сказал Быков сквозь зубы. — И знать не хочу. Пока я буду говорить с капитаном, ступай в рубку и займись пеленгом.

В коридоре обсерватории Быков поймал распаренного дежурного и приказал:

— Мы сейчас идем на танкер. Снимешь перемычку и задраишь люк.

Дежурный кивнул.

— Второй космоскаф возвращается, — сказал он.

Быков остановился.

Нет-нет, — сказал дежурный с сожалением. — Он будет не скоро, часа через три.

Быков молча двинулся дальше. Они миновали кессон, прошли мимо бамбукового стульчика и по узкому тесному колодцу поднялись в рубку танкера. Капитан Корф и его штурман стояли над низким столиком и рассматривали голубой чертеж.

Здравствуйте, — сказал Быков.

Жилин, не говоря ни слова, прошел к рации и принял-ся настраиваться на волну космоскафа. Капитан и штурман в изумлении взорвались на него. Быков подошел к ним.

Кто капитан? — спросил он.

— Капитан Корф, — сказал рыжий капитан. — Кто ви? Потшему?

Я Быков, капитан «Тахмасиба». Прошу мне помочь.

Рад, — сказал капитан Корф. Он посмотрел на Жилина.

Жилин возился над радией.

— Двое наших товарищей забрались в Кольцо, — сказал Быков.

- О! — На лице капитана изобразилась растерянность. — Как неосторожно!
- Мне нужен корабль. Я прошу у вас ваш корабль.
- Мой корабль? — растерянно повторил Корф. — Идти в Кольцо?
- Нет, — сказал Быков. — В Кольцо только в крайнем случае. Если случится несчастье.
- А где ваш корабль? — спросил Корф подозрительно.
- У меня фотонный грузовик, — ответил Быков.
- А, — сказал Корф. — Да, это нельзя.
- В рубке раздался голос Юрковского:
- Погоди, я сейчас вылезу.
- А я тебе говорю, сиди, Володенька, — сказал Михаил Антонович.
- Ты очень долго копаешься.
- Михаил ничего не ответил.
- Это они в Кольце? — спросил Корф, показывая пальцем на радио.
- Да, — сказал Быков. — Вы согласны?
- Жилин подошел и стал рядом.
- Да, — сказал Корф задумчиво. — Надо помогать.
- Штурман вдруг заговорил так быстро и неразборчиво, что Быков понимал только отдельные слова. Корф слушал и кивал. Затем он, сильно покраснев, сказал Быкову:
- Штурман не хочет лететь. Он не обязан.
- Он может сойти, — сказал Быков. — Спасибо, капитан Корф.
- Штурман произнес еще несколько фраз.
- Он говорит, что мы идем на верную смерть, — перевел Корф.
- Скажите ему, чтобы он уходил, — сказал Быков. — Нам надо спешить.
- Может быть, господину Корфу тоже лучше сойти? — осторожно сказал Жилин.
- Хо-хо-хо! — сказал Корф. — Я капитан!
- Он махнул штурману и пошел к пульту управления. Штурман, ни на кого не глядя, вышел. Через минуту гулко бухнул наружный люк.
- Девушки, — сказал капитан Корф, не оборачиваясь, — они делают нас слабыми. Слабыми, как они. Но надо сопротивляться. Приготовимся.
- Он полез в боковой карман, вытащил фотографию, поставил на пульт перед собой.
- Вот так, — сказал он. — И никак по-другому, если рейс опасен. По местам, господа.

Быков сел у пульта рядом с капитаном. Жилин пристегнулся в кресле перед рацией.

— Диспетчер! — сказал капитан.

— Есть диспетчер, — откликнулся дежурный обсерватории.

— Прошу старт!

— Даю старт!

Капитан Корф нажал стартер, и все сдвинулось. И тогда Жилин вдруг вспомнил: «Юрка!» Несколько секунд он глядел на радио, взывающую грустными вздохами Михаила Антоновича. Он просто не знал, как поступить. Танкер уже покинул зону обсерватории, и капитан Корф, маневрируя рулями, выводил корабль на пеленг. «Не будем-ка паниковать, — подумал Жилин. — Не так уж плохи дела. Пока еще не случилось ничего страшного».

— Михаил! — позвал голос Юрковского. — Скоро ты там?

— Сейчас, Володенька, — отозвался Михаил Антонович. Голос у него был какой-то странный — не то усталый, не то растерянный.

— Хо! — сказал позади голос Юры.

Жилин обернулся. В рубку входил Юра, заспанный и очень обрадованный.

— Вы тоже на «Кольцо-2»? — спросил он.

Быков дико взглянул на него.

— Химмельдоннерветтер! — прошептал капитан Корф. Он тоже начисто забыл о Юре. — Пассажир! Ф-в каюта! — крикнул он грозно. Его рыжие бакенбарды страшно растопырились.

Михаил Антонович вдруг громко сказал:

— Володя... Будь добр, отведи космоскаф метров на тридцать. Сумеешь?

Юрковский недовольно заворчал.

— Ну, попробую, — сказал он. — А зачем это тебе понадобилось?

— Так мне будет удобней, Володя. Пожалуйста.

Быков вдруг встал и рванул на себе застежки куртки. Юра с ужасом глядел на него. Лицо Быкова, всегда красно-кирпичное, сделалось бело-синим. Юрковский вдруг закричал:

— Камень! Миша, камень! Назад! Бросай все!

Послыпался слабый стон, и Михаил Антонович сказал дрожащим голосом:

— Уходи, Володенька. Скорее уходи. Я не могу.

— Скорость, — прохрипел Быков.

— Что значит не могу? — завизжал Юрковский. Было слышно, как он тяжело дышит.

— Уходи, уходи, не надо сюда... — бормотал Михаил Антонович. — Ничего не выйдет... Не надо, не надо...

— Так вот в чем дело, — сказал Юрковский. — Что же ты молчал? Ну, это ничего. Мы сейчас... Сейчас... Эк тебя угораздило...

— Скорость, скорость... — рычал Быков.

Капитан Корф, перекосив веснушчатое лицо, навис над клавишами управления. Перегрузка постепенно нарастала.

— Сейчас, Мишенька, сейчас... — бодро говорил Юрковский. — Вот так... Эх, лом бы мне...

— Поздно, — неожиданно спокойно сказал Михаил Антонович.

В наступившей тишине было слышно, как они тяжело, с хрипом, дышат.

— Да, — сказал Юрковский. — Поздно.

— Уйди, — сказал Михаил Антонович.

— Нет.

— Зря.

— Ничего, — сказал Юрковский, — это быстро.

Раздался сухой смешок.

— Мы даже не заметим. Закрой глаза, Миша.

И после короткой тишины кто-то — непонятно кто — тихо и жалобно позвал:

— Алеша... Алексей...

Быков молча отшвырнул капитана Корфа, как котенка, и впился пальцами в клавиши. Танкер рвануло. Вдавленный в кресло страшной перегрузкой, Жилин успел только подумать: «Форсаж!» На секунду он потерял сознание. Затем сквозь шум в ушах он услышал короткий оборвавшийся крик, как от сильной боли, и через красную пелену, застилавшую глаза, увидел, как стрелка автопеленгатора дрогнула и расслабленно закачалась из стороны в сторону.

— Миша! — закричал Быков. — Ребята!

Он упал головой на пульт и громко, неумело заплакал...

Юре было плохо. Его тошило, сильно болела голова. Его мучил какой-то странный двойной бред. Он лежал на своей койке в тесной темной каюте «Тахмасиба», и в то же время это была его светлая большая комната дома на Земле. В комнату входила мама, клала холодную приятную руку ему на щеку и говорила голосом Жилина:

«Нет, еще спит». Юре хотелось сказать, что он не спит, но это почему-то нельзя было делать. Какие-то люди, знакомые и незнакомые, проходили мимо, и один из них — в белом халате — нагнулся и очень сильно ударили Юру по больной разбитой голове, и сейчас же Михаил Антонович жалобно сказал: «Алеша... Алексей...», а Быков, страшный, бледный как мертвец, схватился за пульт, и Юру кинуло вдоль коридора головой на острове и твердое. Играла печальная до слез музыка, и чей-то голос говорил: «...при исследовании Кольца Сатурна погибли генеральный инспектор Международного управления космических сообщений Владимир Сергеевич Юрковский и старейший штурман-космонавт Михаил Антонович Крутиков...» И Юра плакал, как плачут во сне даже взрослые люди, когда им приснится что-нибудь печальное...

Когда Юра пришел в себя, то увидел, что находится действительно в каюте «Тахмасиба», а рядом стоит врач в белом халате.

— Ну вот, давно бы так, — сказал Жилин, печально улыбаясь.

— Они правда погибли? — спросил Юра.

Жилин молча кивнул.

— А Алексей Петрович?

Жилин ничего не сказал.

Врач спросил:

— Голова сильно болит?

Юра прислушался.

— Нет, — сказал он. — Не сильно.

— Это хорошо, — сказал врач. — Дней пять полежишь и будешь здоров.

— Меня не отправят на Землю? — спросил Юра. Он вдруг очень испугался, что его отправят на Землю.

— Нет, зачем же, — удивился врач, а Жилин бодро сообщил:

— О тебе уже справлялись с «Кольца-2», хотят тебя навестить.

— Пусты, — сказал Юра.

Врач сказал Жилину, что Юре надо через каждые три часа поить микстурой, предупредил, что придет послезавтра, и ушел. Жилин сказал, что скоро заглянет, и пошел его проводить. Юра снова закрыл глаза. «Погибли, — подумал он. — Никто больше не назовет меня кадетом и не попросит побеседовать со стариком, и никто не станет добрым голосом застенчиво читать свои мемуары о ми-

лейших и прекраснейших людях. Этого не будет никогда. Самое страшное — что этого не будет никогда. Можно разбить себе голову о стену, можно разорвать рубашку и все равно никогда не увидеть Владимира Сергеевича, как он стоит перед душевой в своем роскошном халате, с гигантским полотенцем через плечо и как Михаил Антонович раскладывает по тарелкам неизменную овсянную кашу и ласково улыбается. Никогда, никогда, никогда... Почему никогда? Как это так можно, чтобы никогда? Какой-то дурацкий камень в каком-то дурацком Кольце дурацкого Сатурна... И людей, которые должны быть, просто обязаны быть, потому что мир без них хуже, — этих людей нет и никогда больше не будет...»

Юра помнил смутно, что они что-то там нашли. Но это было неважно, это было не главное, хотя они-то считали, что это и есть самое главное. И конечно, все, кто их не знает, тоже будут считать, что это самое главное. Это всегда так. Если не знаешь того, кто совершил подвиг, для тебя главное — подвиг. А если знаешь — что тебе тогда подвиг? Хоть бы его и вовсе не было, лишь бы был человек. Подвиг — это хорошо, но человек должен жить.

Юра подумал, что через несколько дней встретит ребят. Они, конечно, сразу станут спрашивать, что да как. Они не будут спрашивать ни о Юрковском, ни о Крутикове, они будут спрашивать, что Юрковский и Крутиков нашли. Они будут прямо гореть от любопытства. Их будет больше всего интересовать, что успели передать Юрковский и Крутиков о своей находке. Они будут восхищаться мужеством Юрковского и Крутикова, их самоотверженностью и будут восклицать с завистью: «Вот это были люди!» И больше всего их будет восхищать, что они погибли на боевом посту. Юре даже стало тошно от обиды и от злости. Но он уже знал, что им ответить. «Чтобы не закричать на них: «Дураки сопливые!», чтобы не заплакать, чтобы не полезть в драку, я скажу им: «Подождите. Есть одна история...», и я начну так: «На острове Хонсю, в ущелье горы Титигатакэ, в непроходимом лесу нашли пещеру...»

Вошел Жилин, сел у Юры в ногах и потрепал его по колену. Жилин был в клетчатой рубашке с засученными рукавами. Лицо у него было осунувшееся и усталое. Он был небрит. «А как же Быков?» — подумал вдруг Юра и спросил:

— Ваня, а как же Алексей Петрович?

Жилин ничего не ответил.

Эпилог

Автобус бесшумно подкатил к низкой белой ограде и остановился перед большой пестрой толпой встречающих. Жилин сидел у окна и смотрел на веселые, раскрасневшиеся от мороза лица, на сверкающие под солнцем сугробы перед зданием аэровокзала, на одетые инеем деревья. Открылись двери, морозный воздух ворвался в автобус. Пассажиры потянулись к выходу, отпуская прощальные шутки бортпроводнице. В толпе встречающих стоял веселый шум — у дверей обнимались, пожимали руки, целовались. Жилин поиском знакомые лица, никого не нашел и вздохнул с облегчением. Он посмотрел на Быкова. Быков сидел неподвижно, опустив лицо в меховой воротник гренландской куртки.

Бортпроводница взяла из сетки свой чемоданчик и весело сказала:

— Ну что же вы, товарищи? Приехали! Автобус дальше не идет.

Быков тяжело встал и, не вынимая рук из карманов, через опустевший автобус пошел к выходу, Жилин с портфелем Юрковского последовал за ним. Толпы уже не было. Люди группами направлялись к аэровокзалу, смеясь и переговариваясь. Быков ступил в снег, постоял, хмуро жмурясь на солнце, и тоже пошел к вокзалу. Снег звонко скрипал под ботинками. Сбоку бежала длинная голубоватая тень. Потом Жилин увидел Дауге.

Дауге торопливо ковылял навстречу, сильно опираясь на толстую полированную палку, маленький, закутанный, с темным морщинистым лицом. В руке у него, в теплой мохнатой варежке, был зажат жалкий букетик увядших незабудок. Глядя прямо перед собой, он подошел к Быкову, сунул ему букетик и прижался лицом к гренландской куртке. Быков обнял его и проворчал:

— Вот еще, сидел бы дома, видишь, какой мороз...

Он взял Дауге под руку, и они медленно пошли к вокзалу — огромный сутулый Быков и маленький, сгорбленный Дауге. Жилин шел следом.

— Как легкие? — спросил Быков.

— Так... — сказал Дауге, — не лучше, не хуже...

— Тебе нужно в горы. Не мальчик, нужно беречься.

— Некогда, — сказал Дауге. — Очень многое нужно закончить. Очень многое начато, Алеша.

— Надо лечиться. А то и закончить не успеешь.

— Главное — начать.

— Тем более.

Дауге сказал:

— Решен вопрос с экспедицией к Трансплутону. Настаивают, чтобы пошел ты. Я попросил подождать, пока ты вернешься.

— Ну что ж, — сказал Быков, — съезжу домой, отдохну... Пожалуйста.

— Начальником назначен Арнаутов.

— Все равно, — сказал Быков.

Они поднимались по ступенькам вокзала. Дауге было неудобно, видимо, он еще не привык к своей палке. Быков поддерживал его под локоть. Дауге тихо сказал:

— А я ведь так и не обнял их, Алеша... Тебя обнял, Ваню обнял, а их не обнял...

Быков промолчал, и они вошли в вестибюль. Жилин поднялся по лестнице и вдруг увидел в тени за колонной какую-то женщину, которая смотрела на него. Она сразу же отвернулась, но он успел заметить ее лицо под меховой шапочкой — когда-то, наверное, очень красивое, а теперь старое, обрюзгшее, почти безобразное. «Где я ее видел? — подумал Жилин. — Я ведь ее много раз где-то видел. Или она на кого-то похожа?»

Он толкнул дверь и вошел в вестибюль. Значит, теперь Трансплутон, он же Цербер. Далекий-далекий. От всего далекий. От Земли далекий, от людей далекий, от главного далекий. Снова стальная коробка, снова чужие, обледеневшие, такие неглавные скалы. Главное остается на Земле. Как всегда, впрочем. Но ведь так нельзя, нечестно. Пора решиться, Иван Жилин, пора! Конечно, некоторые скажут — с сожалением или насмешливо: «Нервы не выдержали. Бывает». Алексей Петрович может так подумать. Жилин даже приостановился. Да, он так и подумает: «Нервы не выдержали. А ведь крепкий парень был». А ведь это здорово! «По крайней мере, ему не так будет обидно, что я бросаю его сейчас, когда он остается один...» Конечно, ему будет легче думать, что у меня нервы не выдержали, чем видеть, что я ни во что не ставлю все эти трансплутоны. Он ведь упрям и очень тверд в своих убеждениях... и заблуждениях. Твердокаменные заблуждения....

Главное — на Земле. Главное всегда остается на Земле, и я останусь на Земле. Решено, — подумал он. — Решено. Главное — на Земле...»

Р а с с к а з ы

Забытый эксперимент

Шесть спичек

Испытание СКИБР

Частные предположения

Забытый эксперимент

1

«Тестудо» остановился перед шлагбаумом. Шлагбаум был опущен, над ним медленно мигал малиновый фонарь. По сторонам уходили в темноту ажурные решетки металлической ограды.

— Биостанция, — негромко сказал Беркут. — Давайте выйдем.

Полесов выключил двигатель. Когда они вылезли, фонарь над шлагбаумом потух, и вдруг густо взревела сирена. Иван Иванович вздохнул полной грудью и сказал, разминая ноги:

— Сейчас кто-нибудь прибежит и станет уговаривать не рисковать жизнью и здоровьем. Для чего мы здесь остановились?

Метрах в тридцати справа от шоссе в теплом сумраке смутно белели стены старых коттеджей. Через бурьян вела узкая тропинка. Одно из окон осветилось, стукнула рама, кто-то сиплым голосом осведомился:

— Новокаин привез? — И, не дожидаясь ответа, добавил сварливо: — Сто раз я тебе говорил — останавливайся подальше, не буди людей!

Снова стукнула рама, и стало тихо.

— Гм!.. — хмыкнул Иван Иванович. — Ты привез новокаин, Беркут?

Возле коттеджа появился темный силуэт, и прежний голос позвал:

— Валентин!

— Он нас, видно, с кем-то путает, — сказал Иван Иванович. — Так что же, будем отдыхать? Может быть, поедем дальше?

— Нет, — сказал Полесов.

— Это почему же — нет?

На тропинке зашумел бурьян, меж стволов сосен замелькал огонек папиросы. Огонек описывал замысловатые кривые, рассыпая длинные струи гаснущих искр.

— Сначала разведка, — сказал Полесов.

Человек с папиросой прорвался наконец через бурьян, вышел на шоссе и сказал:

— Проклятая крапива! Ты привез новокаин, Валентин? Кто это с тобой?

— Видите ли... — снисходительно начал Иван Иванович.

— Дьявол! Это не Валентин! — удивился человек с папиросой. — А где Валентин?

— Представления не имею, — сказал Иван Иванович. — Мы из ИНКМ.

— Из... ага, — сказал незнакомец. — Очень приятно. Вы извините, — он стыдливо запахнул халат, — я несколько неглиже. Начальник биостанции Круглис... — представился он. — Но я думал, что приехал Валентин. Значит, вы геологи?

— Нет, мы не геологи, — мягко возразил Беркут. — Мы из Института неклассических механик. Мы физики.

— Физики? — Биолог бросил папиросу. — Позвольте... Физики? Так это вы едете в эпицентр?

— Совершенно верно, — подтвердил Беркут. — С вашего разрешения, это именно мы едем в эпицентр. Разве вас не предупредили?

Биолог перевел взгляд на исполинскую черную массу «Тестудо». Затем он обошел Беркута, приблизился к машине и похлопал ладонью по броне.

— Дьявол! — сказал он с восхищением и завистью. — Танк высшей защиты, да? Черт... Везет вам, физикам. А я бьюсь второй год и не могу получить разрешение на глубокую разведку. А мне она нужна позарез. Я бы там... Слушайте, товарищи, — проговорил он унылым голосом, — возьмите меня с собой. Что вам стоит в конце концов?

— Нет, — сразу ответил Полесов.

— Мы не имеем права, — мягко сказал Беркут. — Нам очень жаль...

— Понимаю, — буркнул биолог и вздохнул. — Да, меня предупредили. Только я не ждал вас так скоро.

— До Лантанида нас подбросили по воздуху, — объяснил Беркут.

Наступила глубокая сонная тишина, от которой сразу стало темнее. Потом невдалеке кто-то крикнул несколько раз, странно и тоскливо. В чаще леса сорвалась с шуршанием тяжелая шишка, царапнула густые ветви и гулко ударилась о землю.

— Филин, — сказал биолог.

— Не похоже, — усомнился Полесов.

Биолог засопел.

— Мальчик, — сказал он, — вы когда-нибудь слыхали, как кричит филин?

- Не один раз.
- А вы когда-нибудь слыхали, как кричит филин с той стороны?
- То есть?
- Из-за кордона, из-за шлагбаума... с той стороны?
- Н-не знаю, — сказал Полесов неуверенно.
- Мальчик, — повторил биолог.
- Все снова замолчали, и в темноте снова закричал странный филин.

— Что же мы стоим? — спохватился биолог. — До утра далеко. Пойдемте, я вас устрою на ночь.

— Может быть, все-таки... — сказал Иван Иванович.

— Нет, сначала разведка, — повторил Полесов. — Я думаю, там, впереди, очень плохая дорога...

— На той стороне вообще нет дороги, — заметил биолог.

— ...и вообще неизвестно, что делается, — продолжал Полесов. — Я пущу киберразведчиков в ночной рейд. Они соберут информацию, и утром мы тронемся.

— Правильно, — сказал биолог. — Вот это серьезный подход к делу.

Полесов забрался в танк и зажег фары. От ослепительного света мрак вокруг сгустился, зато ярко вспыхнули белые кольца на шесте шлагбаума и заискрились металлические прутья ограды. Боковой люк танка мягко отвалился. Послышался дробный стук, в полосу света на шоссе выскочили смешные серебристые фигурки на тонких ножках, похожие на огромных кузнециков. Несколько секунд они стояли неподвижно, затем сорвались с места, нырнули под шлагбаум и пропали в высокой траве на той стороне.

— Это киберразведчики? — с уважением спросил биолог.

— Прекрасные машины, не правда ли? — сказал Беркут. — Петр Владимирович! — негромко позвал он. — Мы пошли. Догоняйте.

— Ладно, — отозвался из танка Полесов.

В коттедже биолога было три комнаты. Биолог сбросил халат, натянул брюки и свитер и отправился на кухню. Беркут и Иван Иванович устроились на диване. Иван Иванович сейчас же задремал.

— Значит, вы в эпицентр, — сказал биолог из кухни. — В эпицентре, конечно, есть на что посмотреть. Особенно сейчас. Кстати, вы имеете хоть какое-нибудь представление о том, что происходит в эпицентре?

— Очень смутное, — ответил Беркут. — Кое-что рассказывали летчики, но близко ведь никто туда не подходил.

— Я сам видел, собственными глазами. Вспышки... Ну, вспышки многие видели. А вот молнии, которые бьют из земли в небо, голубой туман... Вы слыхали про голубой туман?

— Слыхали, — сказал Беркут.

Иван Иванович открыл один глаз.

— Я видел его два раза с вертолета, — сообщил Круглис. — Месяц назад, еще до гибели «Галатеи». Туман возникает в эпицентре или где-то в районе эпицентра, расползается этаким широким кольцом и пропадает километрах в ста от кордона. Что это может быть, товарищи физики?

— Не знаю, товарищ Круглис.

— Значит, никто не знает. Мы, биологи, тем более. Очевидно только, что происходит нечто совершенно необычное. Сорок восемь лет после взрыва! Уже уровень радиации снизился в десять раз, уже адгезивы, которыми связали активную пыль, и те распались начисто, и вдруг — пожалуйста! (Иван Иванович открыл второй глаз.) Начинаются какие-то вспышки, пожары, черт, дьявол... — Биолог помолчал, погремел посудой; стало слышно, как уютно свистит закипающий чайник. — Пожаров, правда, больше не бывает. Должно быть, все выгорело, что могло сгореть. Но вспышки... Первая случилась четыре месяца назад, в начале мая. Вторая — в июне. А теперь они повторяются чуть ли не раз в неделю. Яркие бело-голубые вспышки, и мощности, по-видимому, необычайной. Судите сами...

Биолог появился в дверях с подносом.

— Судите сами, — повторил он, ловко расставляя посуду. — От кордона до эпицентра больше двухсот километров, а полыхает на полнеба... Прошу к столу... И сразу за вспышкой идет голубой туман.

— Да, мы слыхали об этом, — сказал Беркут.

Биолог снова отправился на кухню, но остановился в дверях.

— Вам известно, что последняя вспышка была вчера ночью? — спросил он.

— Да, спасибо, — сказал Беркут.

— Должен же кто-нибудь начать!.. — проворчал Иван Иванович. — Слушайте, где Полесов?

Биолог пожал плечами, скрылся в кухне и вернулся с шумящим чайником.

— Давайте чай пить, — сказал он. — Подставляйте стаканы.

Иван Иванович допивал второй стакан, когда дверь распахнулась и вошел Полесов. Он был очень бледен и держался за правую щеку.

— Что с вами, Петр Владимирович? — спросил Беркут.

— Кто-то ужалил меня, — сказал Полесов.

— Вероятно, комар?

— Вероятно. — Полесов злобно оскалился. — Только у него пулемет вместо жала, у этого комара.

— Комар с той стороны, — сказал биолог. — Очень просто. Садитесь, пейте чай.

— А кто это орет в кюветах? Я думал, там кто-нибудь тонет.

— Лягушки, — сказал биолог. — Тоже с той стороны.

Иван Иванович со стуком поставил стакан на блюдце, вытер багровое лицо и спросил:

— Мутации?

— Мутации, — подтвердил биолог. — Здесь настоящий заповедник мутаций. Во время взрыва и после, когда уровень радиации был высок, животные в зоне пострадали ужасно. Понимаете? Сразу после взрыва зону огордили, и они не успели разбежаться. Первое поколение сейчас уже вымерло, все последующие изуродованы. Мы здесь восьмой год наблюдаем за ними, иногда ловим, иногда ставим автокинокамеры. К сожалению, нам запрещают уходить на ту сторону глубже чем на пять километров... Один наш сотрудник все же рискнул. Принес фотографии, образцы и прихвортнул немногого. Нам здорово влетело тогда.

Биолог закурил.

— Вы сами увидите, что там творится. Возникли совершенно новые формы, странные и удивительные. Мы все-таки набрали большой материал. Многие виды просто вымерли. Например, медведи вымерли начисто. Другие приспособливаются, хотя и не знаю, можно ли употреблять этот термин. Вернее сказать, дали мутации, жизнеспособные в условиях повышенной активности. Но, знаете ли...

— А как они реагируют на все это? — спросил Иван Иванович. — На вспышки и так далее?

— Скверно реагируют, — сумрачно ответил биолог. — Очень скверно. Боюсь, нашему заповеднику приходит конец. Раньше они очень редко подходили к ограде.

Крупных животных мы почти и не видели. А вот прошлым месяцем сотни дьявольских уродов вдруг средь бела дня устремились прямо на шлагбаум. Зрелище не для слабонервных. Мы выловили несколько штук, остальных отпугнули ракетами. Не знаю уж, от чего они спасались: от вспышек, от голубого тумана или еще от чего-нибудь... Вероятно, от голубого тумана. Думаю, в конце концов они все вымрут. И комаров здесь за последние месяцы стало больше. И птиц, и лягушек. Вот тот филин, например... — Он ткнул окурок в пепельницу и закончил неожиданно: — Так что будьте осторожны там.

— Ничего, — сказал Полесов. — Все-таки у нас танк высшей защиты.

Биолог внимательно поглядел на его распухшую щеку и сказал:

— Знаете что? Давайте я вам укольчик небольшой сделаю. Чем черт не шутит...

Полесов поколебался секунду, взглянул на Беркута и встал.

— Пожалуй, — пробормотал он.

2

Утром Беркут проснулся оттого, что совсем близко кто-то заревел страшным ревом. Беркут отбросил простыню и подошел к окну. У соседнего коттеджа стоял начальник биостанции Круглис и незнакомый человек в белом халате. Круглис курил и морщился, а человек в халате говорил, размахивая руками.

Утро было солнечное. Между стволами сосен в розовой дымке темнела угловатая туша «Тестудо». Возле «Тестудо» возился Полесов. Вероятно, разведчики уже вернулись, подумал Беркут. Он аккуратно убрал постель в стенную нишу, принял душ и со вкусом позавтракал: выпил два стакана крепкого чая и съел два ломтя ветчины. Ветчина была отличная — обезжиренная, розовая, как утренний туман, и такая же нежная.

На крыльце Беркут столкнулся с Иваном Ивановичем.

— Доброе утро, — приветствовал его Иван Иванович. — А я иду тебя будить. Разведчики вернулись.

— Что-нибудь интересное?

Иван Иванович раскрыл было рот, но позади коттеджа кто-то заревел глухо и протяжно. Беркут вздрогнул.

— Это дикий кабан, — сказал Иван Иванович. — Его поймали на той стороне.

— По-моему, это больше похоже на рев медведя, чем на кабана.

— Что ты! — возразил Иван Иванович. — Медведи вымерли, как известно.

— Ладно, — сказал Беркут. — Пусть их. Что принесли разведчики?

— Опять неожиданность. В общем, пойдем к Полесову.

Они пошли по тропинке, и мокрый от росы бурьян хлестал их по ногам.

— Здесь такая крапива! — сказал Иван Иванович. — Сволочь, а не крапива!

Полесов стоял, прислонившись к броне, и рассеянно крутил в пальцах узкую ленту фотопленки. Правая щека у него была заметно полнее левой.

— Доброе утро, Петр Владимирович, — сказал Беркут.

— Доброе утро, товарищ Беркут, — ответил Полесов и осторожно потрогал щеку.

— Болит?

Полесов вздохнул и сказал:

— Киберы вернулись. Я просмотрел информацию, и она мне не нравится.

— Нет дороги?

— Не знаю... — Полесов опять потрогал щеку. — Здесь что-то очень странное. Вот... — Он протянул Беркуту пленку.

Пленка была совершенно черная.

— Засвечена? — спросил Беркут.

— Засвечена. С начала до конца. Словно ее со вчерашнего вечера держали в реакторе. Не понимаю, как это могло получиться. Максимальный уровень радиации, который зафиксировали разведчики, — полтора десятка рентген в час. Сущие пустяки. Но самое главное — киберы почему-то не дошли до эпицентра.

— Не дошли?

— Они вернулись, не выполнив задания. Прошли всего сто двадцать километров и вернулись, словно получили команду «назад». Или испугались. Откровенно говоря, мне это не нравится.

Некоторое время все молчали и глядели за шлагбаум. Дорога там еще была, но бетон потрескался и густо пророс гигантским лопухом. Недалеко от шлагбаума из лопухов торчал большой красный цветок, над ним крутилась белокрылая бабочка. Дальше над дорогой нависала,

зашепившись верхушкой за ветви соседних деревьев, сухая осина с голыми растопыренными сучьями.

— Значит, информации у нас практически нет, — проговорил Беркут задумчиво.

Полесов смотал пленку и сунул ее в карман комбинезона.

— Можно послать разведчиков еще раз, — сказал он.

— Мы и так потеряли много времени, — нетерпеливо сказал Иван Иванович и поглядел на Беркута. — Давайте двигаться. На месте разберемся.

— Можно выслать разведчиков по пути. — Полесов тоже поглядел на Беркута.

— Ладно, — согласился Беркут. — Будем двигаться. Петр Владимирович, сходите, пожалуйста, к биологам и передайте, что мы уходим. И поблагодарите от всех нас.

— Слушаюсь, товарищ Беркут.

Полесов отправился к коттеджам и через минуту вернулся с Круглисом.

— Мы уходим, — сообщил Беркут. — Большое спасибо за приют.

— Пожалуйста, — медленно сказал биолог. — Счастливого пути.

— Спасибо. Здесь у вас было замечательно. Просто как на курорте.

Дикий кабан снова заревел по-медвежьи из-за деревьев.

— Вы извините, — сказал Беркут, — но мы, право же, не можем вас взять с собой. Не можем, не имеем разрешения.

— Понимаю. — Биолог усмехнулся. — Жаль, конечно... Ничего, придет когда-нибудь и наш черед.

— Наверное, после нас пошлют вас.

— Да, возможно. Счастливого пути. Желаю удачи.

— Спасибо, — повторил Беркут и пожал биологу руку.

— До свидания, спасибо, — сказал Полесов. — Я постараюсь поймать для вас какого-нибудь филина.

Они залезли в танк, люк захлопнулся. Биолог помахал рукой и отступил к обочине. Медленно поднялся автоматический шлагбаум. Тяжелая машина дрогнула, загудела и двинулась вперед, оставляя в буряне широкие колеи. Биолог провожал ее глазами. Вот она прошла под завалившейся осиной и задела ее. Дерево треснуло, ломаясь пополам, и с глухим стуком рухнуло поперек просеки, которая когда-то была автострадой.

«Тестудо» стоял, сильно накренившись, тихий и совершенно неподвижный. После шестнадцати часов гула и сумасшедшей тряски тишина и неподвижность казались иллюзией, готовой исчезнуть в любую минуту. По-прежнему у них были стиснуты зубы и напряжены мускулы, по-прежнему звенело в ушах. Но ни Полесов, ни Беркут, ни Иван Иванович не замечали этого. Они молча глядели на приборы. Приборы безбожно врали.

Два часа назад, в полночь, пеленгирующие станции дали Полесову его координаты. «Тестудо» находился в распадке в семидесяти километрах к юго-востоку от эпицентра. В ноль пятнадцать Лантанид впервые не послал очередного вызова. Связь прервалась. В ноль сорок семь репродуктор голосом Леминга гаркнул: «...немедленно!» В час десять пошел сильный дождь. В час восемнадцать погас экран инфракрасного проектора. Полесов пощелкал переключателями, выругался, включил фары и уперся лбом в замшевый нарамник перископа. В час пятьдесят пять он оторвался от перископа, чтобы попить, взглянул на приборы, зарычал и остановил машину. Приборы безбожно врали.

Снаружи была черная сентябрьская ночь, лил проливной дождь, но стрелка гигрометра нагло стояла на нуле, а термометр показывал минус восемь. Стрелки дозиметра весело бегали по шкале и свидетельствовали о том, что радиоактивность почвы под гусеницами «Тестудо» колеблется очень быстро и в весьма широких пределах. И вообще, если судить по показаниям манометров, танк находился на дне водоема на глубине двадцати метров.

— Приборы шалят, — бодро сказал Беркут.

Никто не возразил.

— Какие-то внешние влияния...

— Хотел бы я знать какие, — сказал Полесов, кусая губу.

Беркут хорошо видел его лицо, смуглое, длинное, с красным пятном на правой щеке.

— Ах, как бы нам это помогло! — сказал Иван Иванович.

— Да, — сказал Полесов.

Это помогло бы, потому что позволило бы скорректировать приборы. И самое главное — скорректировать приборы на пульте управления. Для Ивана Ивановича их показания были, вероятно, китайской грамотой, но Поле-

сов видел, что они врут так же бессовестно, как и все остальные. Это было очень странно и опасно: приборы управления были отгорожены от всех и всяких внешних влияний тройным панцирем сверхмощной защиты «Тестудо». И люди были отгорожены от внешних влияний только тройным панцирем «Тестудо». На мгновение Полесов почувствовал скверную слабость под ложечкой.

— Что там снаружи? — спросил Иван Иванович.

— Ничего. Туман...

Иван Иванович встал, попросил Полесова подвинуться и прильнул к перископу. Он увидел изломанные, перекрученные стволы сосен, черные, словно обугленные ветви, густую поросьль двухметровой травы. И туман. Серый неподвижный туман, повисший над мокрым миром в лучах прожекторов. В нескольких метрах от танка стояли киберразведчики. Они жались к танку и были похожи на дворняжек, почувствовавших волка. Они не хотели идти в туман. Точнее, не могли.

Иван Иванович сел.

— Голубой туман, — сипло сказал он.

— Ну, и что? — спросил Полесов.

Иван Иванович не ответил. Беркут тоже поглядел в перископ. Затем он сел и расстегнул воротник куртки. Ему стало душно. Он выпрямился и глубоко вздохнул. Удушье исчезло.

— Что будем делать? — спросил Полесов.

— Слушайте, товарищи, — сказал вдруг Беркут, — вы ничего не чувствуете?

— Ничего... — ответил Иван Иванович, уставившись на приборы. Он запнулся. — Иголочки! — сказал он тонким голосом.

Только теперь Полесов ощутил неприятное покалывание в кончиках пальцев. Словно микроскопические иглы, тонкие, как пчелиные жала. И почему-то было трудно дышать. Пальцы немели.

— Похоже... на горную болезнь, — с трудом выговорил он.

Иван Иванович вскочил, оттолкнул Полесова и снова прижался залысым лбом к нарамнику перископа. Снаружи был только туман. Киберразведчики исчезли. Иван Иванович тяжело глотнул воздух и повалился на свое кресло. Его пухлые щеки блестели от пота.

— Ваш танк и ваши кибера!.. — сказал он. — Танк высшей защиты!..

— В таком танке, — медленно ответил Полесов, — я

в прошлом году прошел через Горящее Плато на Меркурий.

И ваши кибера! — продолжал Иван Иванович. — Трусят ваши кибера. В первый раз вижу киберов, которые трусят. И ваша высшая защита!

Не надо, Иван Иванович, — сказал Беркут.

«Высшая защита не помогает, — думал Полесов. — То, что врут приборы, и трудно дышать, и колют иголочки, — это еще полбеды. Беда будет, если сдаст двигатель, нарушится настройка магнитных полей реактора, которые держат кольцо раскаленной плазмы. Стоит разладиться настройке, и «Тестудо» превратится в пар со всей своей высшей защитой. Самое лучшее — поскорее убраться отсюда».

И нам придется возвращаться, — продолжал Иван Иванович. — И мы ничего не узнаем, потому что понадеялись на ваш танк и на ваших киберах. Надо было рисковать и прорываться на турболете.

Иголочки кололи уже плечи и бедра.

Хорошо, — сказал Полесов. — Пристегнитесь.

Иван Иванович замолчал. Физики пристегнулись к креслам широкими мягкими ремнями.

Готовы? спросил Полесов

Готовы..

Полесов выключил свет и положил ладони на рычаги управления. Глох заворчал двигатель, танк качнулся. Что-то захрустело под гусеницами. Впереди был плотный, непроглядный туман. Быстрые иголки бегали теперь в спине. Омерзительное ощущение. И не хватает воздуха. «Тестудо», гудя и дрожа, становится на корму. Выше, выше... Толчок, лязгают челюсти. Впереди туман. Еще выше, к самому небу! Слепая машина взирается по склону бесконечно высокой горы, а с той стороны — пропасть. А в реакторе с воем рвется из магнитных цепей лиловое пламя плазмы. Сейчас...

Полесов оторвался от перископа и мельком взглянул на приборы. Если показания приборов правильны, реактор «Тестудо» через секунду взорвется. Но приборы врут. Их сбивают внешние влияния, которые забираются под тройную шкуру высшей защиты.

Танк перевалил через вершину и начал спуск. Руки онемели, иголочки пляшут где-то рядом с сердцем. Скоро одна уколет — и конец. Скоро плазма лизнет стенки реактора — и конец. Рядом болтается в своих ремнях Беркут, безвольный, как кукла.

Очнувшись, Беркут увидел освещенный экран, словно окно из темной комнаты на лесную поляну. Тумана больше не было. Экран работал прекрасно, были видны мокрые кусты, и мокрая трава, и мокрые голые стволы. Неба не было видно. На поляну вышло огромное животное и остановилось, уставившись на «Тестудо». Беркут не сразу понял, что это лось. У животного было тело лося, но не было его горделивой осанки: ноги искривлены, голова гнулась к земле под чудовищной грудой роговых наростов. У лося вообще очень тяжелые рога, но у этого на голове росло целое дерево, и шея не выдерживала многопудовой тяжести.

— Что это? — нехорошим голосом спросил Иван Иванович.

Беркут понял, что Иван Иванович тоже был в обмороке.

— Лось, — сказал он и позвал: — Петр Владимирович!

— Я, товарищ Беркут, — отозвался Полесов. У него тоже был нехороший голос.

— Выбрались, кажется?

— Кажется... Неужели это лось?

— Это лось с той стороны, — сказал Иван Иванович голосом биолога. Он удивительно хорошо умел подражать голосам других людей.

— Как вы себя чувствуете, товарищи? спросил Беркут.

— Прекрасно, — ответил Иван Иванович.

— У меня болит щека, — ответил Полесов — Но приборы опять в порядке.

Лось понуро подошел почти вплотную и теперь стоял, шевеля ноздрями.

— У него нет глаз, — сказал вдруг Полесов ровным голосом.

У лося не было глаз. Вместо глаз белела скользкая плесень.

— Спугните его, Петр Владимирович, — прошептал Беркут. — Пожалуйста!

Полесов включил сирену. Лось постоял, шевеля ноздрями, повернулся и медленно, судорожно переставляя ноги, побрел прочь. Он шагал мучительно неуверенно, как будто вместо полного шага каждый раз делал только половину. Голова его свисала до земли, впалые бока влажно блестели.

— Как бог черепаху..., — пробормотал Иван Иванович.

Они смотрели на лося, как он бредет, путаясь в высокой мокрой траве. Потом лось скрылся за деревьями. Беркут сказал:

- Петр Владимирович, вы просто молодец!
- Что такое? — спросил Полесов.
- Вы нас вытащили из такого мешка...
- Чепуха, — сказал Полесов спокойно.
- Нет, в самом деле, я просто не представляю, как вам это удалось. Я, например, лежал без памяти, как девчонка.

Полесов промолчал. Он включил двигатель и выпустил разведчиков. Кибераы выскочили, осмотрелись и успели вперед. Теперь они ничего не боялись. «Тестудо» с гулом покатился вслед за ними.

4

Поздним утром «Тестудо» разбросал последний завал и выкарабкался на край гигантской котловины. Тайга была позади — темно-зеленая, мокрая после ночного дождя, тихая и строгая под ослепительным солнцем. Там, где прошел танк, осталась широкая просека, по сторонам которой валялись обугленные, заляпанные белой пlesenью стволы.

Внизу, в котловине, лежали развалины старинной лаборатории. Земля была голая и черная, от нее шел пар. Пар искажал перспективу, черные руины дрожали и расплывались в струях теплого воздуха.

— Боже мой! — дребезжащим голосом проговорил Иван Иванович. — Бож-же мой!

Он хорошо помнил это место, хотя прошло уже полвека. На обширной, залитой белым бетоном площади сверкало под солнцем великолепное чудовище — двухкилометровое кольцо мезонного генератора, окруженное стеклянными башнями регулирующих устройств. И в один день, в одну стомиллионную долю секунды всего этого не стало. Зарево видели на сотни километров, а удар отметил все сейсмостанции Сибири.

— Все-таки разрушения не так уж велики, — сказал Беркут, словно утешая. — Я думал, здесь ничего нет, только голая земля.

— Бож-же мой, — повторил Иван Иванович. Он потер пальцами небритый, скрипящий подбородок и сказал: — Вон там была релейная станция, я ее строил. Там — хозяйство Чебоксарова, светлая ему память... Ничего не осталось.

Вот что, — сказал Полесов. — Я не знаю, где и что вы здесь собираетесь искать, но сейчас я пущу киберов. Вам все равно потребуется информация. Пусть кибера разведают, что и как.

— Ах да, информация... Иван Иванович насмешливо выпятил нижнюю губу. — Как же...

— Хорошо, — согласился Беркут. — А мы тем временем позавтракаем.

Иван Иванович ерзal на месте и глядел на экран. Глазки его блестели. Полесов поиграл переключателями. На экране было видно, как разведчики соскочили на землю, побежали по склону котлована и скрылись в развалинах. Тогда Полесов вытащил консервы и хлеб в непроницаемой упаковке. Все трое принялись за еду, прихлебывая горячий кофе из термосов.

— Ты где был во время взрыва, Иван Иванович? — спросил Беркут.

— В Лантаниде.

— Тебе повезло.

— Ну, не одному мне, к счастью, — сказал Иван Иванович. — Людей здесь почти и не было. Ведь лаборатория была телемеханическая... Зато теперь все ядерные лаборатории перенесли на Луну и на спутники... Гляди-ка, водитель наш...

Беркут обернулся. Полесов спал, положив голову на пульт управления и зажав между коленями термос с кофе.

— Вымотался наш водитель, — сказал Иван Иванович.

Полесов проснулся, убрал тарелки, откинулся на спинку кресла и снова заснул. Через несколько минут Иван Иванович радостно заорал:

— Разведчики возвращаются!

Среди развалин показались блестящие живые точки. Полесов протер глаза, с хрустом потянулся. Затем он нагнулся над пультом и стал читать запись.

— Радиация не очень высокая: двадцать — двадцать пять рентген. Температура... Давление... Влажность... Все в обычных пределах... Так, белок. Бактерии...

— Молодцы бактерии, — сказал Иван Иванович. — Дальше!

— Дальше... Вот опять запретная зона. Площадь — около гектара. Кибера покрутились вокруг и отошли. И, конечно, опять засвеченa пленка.

— Это что, опять голубой туман?

— Нет. То есть не знаю. Просто запретная зона.

— Дайте координаты, Петр Владимирович, — попросил Беркут и поглядел на Ивана Ивановича.

Иван Иванович поспешно достал и развернул на коленях схему.

Полесов стал диктовать.

— Точно, — сказал Иван Иванович. — Она. К югу от башни фазировки. Там был маленький бетонный домик. Будочка. Совершенно точно.

Некоторое время Иван Иванович и Беркут молча смотрели друг на друга. Полесов видел, как дрожащие пальцы Ивана Ивановича мяли и разглаживали плотную бумагу схемы. Наконец Беркут спросил:

— Приступим?

Иван Иванович встал, стукнувшись макушкой о низкий потолок кабины, мотнул головой и полез в шкафчик, где лежали защитные костюмы.

— Погоди, куда ты? — остановил его Беркут. — Петр Владимирович, пожалуйста, подведите машину к этой... запретной зоне.

— К запретной зоне? — медленно переспросил Полесов.

Он поглядел на экран. Развалины лежали под высоким солнцем, молчаливые и черные, противоположный край котловины трясясь в жарком мареве. Никаких признаков жизни, никаких признаков движения, только неуловимые токи горячего воздуха. Почему-то Полесов вдруг вспомнил скользкую белую плесень на глазах у лося.

— Надо же кому-то начинать, — сказал Беркут. — Начнем мы.

Через час «Тестудо» остановился в сотне метров к югу от башни фазировки — груды оплавленного камня с торчащими прутьями стальной арматуры. Экран работал прекрасно. На обугленной земле была видна каждая песчинка. Земля поднималась невысоким валом, окружавшим обнаженный свод какого-то подземного сооружения. Свод был серый, шершавый, и в центре его зияло круглое черное отверстие.

— Здесь? — спросил Беркут.

— Здесь, — сипло отозвался Иван Иванович.

Они торопливо натянули защитные костюмы. Перед тем как опустить спектролитовый наличник шлема, Беркут сказал Полесову:

— Сидите в машине и держите с нами радиосвязь. Если связи не будет, не паникуйте и не вздумайте лезть за нами.

Он сказал это очень жестким голосом, странно было слышать его. Беркут всегда казался Полесову немножко мямлей. Но на этот раз он сказал как надо.

— И еще... Если все-таки удастся связаться с Лемингом, расскажите ему, как идут дела. Скажите, что дела идут хорошо. До свидания.

Они вылезли из танка, впереди Беркут, за ним Иван Иванович с мотком троса через плечо. Полесов видел, как они перебрались через земляной вал, прошли по бетону и остановились над черным отверстием. Они были похожи на водолазов в желтых сморщеных спецкостюмах и головастых шлемах. Иван Иванович сбросил трос и заделал его конец в бетон. Беркут спросил:

— Как слышите меня, Петр Владимирович?

Полесов ответил, что слышит хорошо.

— Вы, Петр Владимирович, только не беспокойтесь! Все будет в порядке. Мы осмотрим внизу помещения и сразу вернемся.

— Пошли, пошли! — заторопил Иван Иванович.

Он полез первым, и Полесов слышал, как он кряхтит и бормочет вполголоса. Беркут стоял нагнувшись, уперев руки в колени.

— Есть! — послышался в наушниках голос Ивана Ивановича. — Я на полу. Спускайся, Беркут.

Беркут махнул рукой и тоже исчез в отверстии. Минут пять все было тихо. Потом голос Беркута спросил:

— Что это?

— Обыкновенный трансформатор, — ответил Иван Иванович. — Только очень старый.

— Такое впечатление, будто его жевали...

Физики замолчали. Полесову показалось, что кто-то тяжело дышит в микрофон. Он потрогал верньер. Кто-то с хрипом, словно астматик, равномерно втягивал и выпускал воздух.

— Как дела? — на всякий случай спросил Полесов.

Голос Беркута донесся глухо, как из-под подушки:

— Все хорошо, Петр Владимирович. Мы идем дальше.

В приемнике щелкнуло, и наступила тишина. Полесов достал из кармана тюбик со спорамином, проглотил таблетку и посмотрел на экран. По ту сторону земляного вала, недалеко от опушки тайги, валялись исковерканые обломки. Изломы металла ярко искрились на солнце. Это была «Галатея» — автоматический турболет, высланный в эпицентр для разведки месяц назад. «Гала-

гей» взорвалась над эпицентром по неизвестным причинам, и с тех пор Леминг запретил воздушные разведки. Полесов проговорил в микрофон:

— Товарищ Беркут, вы меня слышите? Иван Иванович!

Ему не ответили, и он подумал, что пора, пожалуй, вылезать. Но сначала он решил еще раз попробовать соединиться с Лантанидом. Он нажал клавишу настройки и был буквально отброшен от аппарата громоподобным рывком:

«Тестудо! «Тестудо! Отвечай, «Тестудо!»

— «Тестудо» слушает, — сердито сказал Полесов.

«Тестудо? Я — Леминг. Куда вы запропастились? Почему не отвечали?

Полесов сказал, что не было связи

Где вы находитесь?

В эпицентре.

Последовало короткое молчание, затем Леминг уже значительно спокойнее осведомился:

— Нашли?

Что именно? спросил Полесов

— Как — что? Двигатель времени, конечно. Это ты, Беркут?

Полесов сказал, что он не Беркут и что Беркут и Иван Иванович спустились в какое-то подземелье

Значит, спустились все-таки, поросята? — сказал Леминг. — Так. Ну, с ними я еще поговорю. Слушайте, водитель. Немедленно отведите машину подальше от этого... подземелья и ждите. Понятно? Отвести и ждать!

— Понял, — сказал Полесов. — Отвести машину и ждать.

— Действуйте. Связи с Беркутом нет?

Полесов подумал и выключил передатчик

— Двигатель времени, — сказал он вслух. — Ладно...

Он встал, надел спецкостюм и вылез из машины. Ноги по щиколотку ушли в черный прах. Он перебрался на бетонный купол и подошел к люку. Тонкий трос уходил в кромешную темноту. Полесов оглянулся. «Тестудо» стоял за земляной насыпью и следил за ним блестящими выпуклыми глазами прожекторов. Полесов присел на корточки и полез в люк, напрягая все мышцы

Внизу было совершенно темно. Полесов включил нашлемную фару. Пятно света скользнуло по изрытым стенам, по остаткам развороченных приборов, по полу, покрытому слоем пыли, мелкой, как пудра. Затем Полесов

сов увидел следы в пыли и быстро пошел, обходя нагромождения обломков, цепляясь ногами за оборванные провода. И он опять услышал, как кто-то хрипело и равномерно дышит в радиофоне.

Поворот. Длинный узкий коридор. Еще поворот. Полесов кубарем скатился по металлической лестнице. В кончиках пальцев появилось знакомое ощущение: сотни крошечных иголочек воинствуют под кожу. Полесов побежал. Еще одна лестница, еще один коридор. Ритмичный хрип в наушниках вырос в мощный свирепый рев. «О-о-о... А-а-а... О-о-о... А-а-а».

Пот заливал глаза, резало в груди. Иголочки кололи локти и колени. Еще один поворот. Полесов остановился. Яркий голубой свет на секунду ослепил его. Затем он разглядел на голубом фоне две черные тени. Беркут стоял, склонившись над Иваном Ивановичем, а Иван Иванович сидел, по-турецки скрестив ноги и упираясь ладонями в голубой пол.

Полесов подбежал к ним и схватил Ивана Ивановича под мышки. Иван Иванович был необычайно тяжел. Ноги его волочились, и он то и дело выскальзывал из рук Полесова. Но Полесов подтащил его к двери, взвалил на спину и оглянулся на Беркута. Беркут неторопливо шел следом, и руки его болтались по сторонам тела, как рукава пальто, надетого внакидку. Позади него Полесов увидел две прозрачные колонны. В колоннах билось, медленно пульсируя, голубое пламя, и рев в радиофоне пульсировал вместе с ним.

5

Иван Иванович, багровый и благожелательный от стаканчика коньяка, сказал:

— Да, это было здорово, доложу я вам!

— Еще? — спросил Полесов.

— Нет, хватит.

— А вам, товарищ Беркут?

Беркут улыбнулся:

— Спасибо, Петр Владимирович, не хочу. Свяжитесь с Лемингом, если вам не трудно.

Полесов завинтил флягу и подсел к передатчику. Беркут откинулся на спинку сиденья, продолжая улыбаться. Тело было легким, свежим, даже следа не осталось от томительного бессилия, свалившего его на обратном пути из подземных коридоров. Иван Иванович блаженно

пыхтел и поглаживал себя по животу. Должно быть, он тоже был доволен.

— Есть связь, — сообщил Полесов.

— Леминг! — крикнул Беркут в микрофон. — Леминг, я Беркут.

— Беркут? — рявкнуло в ответ. — Почему ты нарушил мои инструкции?

— Спокойно, Леминг. — Беркут попытался согнать с лица улыбку, но это ему не удалось. — Мы целы и невредимы. Леминг, мы не ошиблись. Слышишь, Леминг? Двигатель времени уцелел и работает вовсю. Двигатель времени работает, слышишь?

После паузы Леминг сказал:

— Слышу.

Срочно доставь сюда энергоснимающее устройство, — продолжал Беркут. — Совершенно срочно. Миллионы киловатт уходят в воздух и заражают воздух, слышишь, Леминг?

— Слышу. Немедленно убирайтесь оттуда.

— Спокойно, Леминг! Убираться отсюда не надо. Пришли людей. Больше людей. Пришли Кузьмина, Есевлеву, Акопяна. Обязательно пришли Акопяна. И поторопись, Леминг, надо упредить следующий взрыв. Только через голубой туман на вездеходах не пройти. Попроси у межпланетников еще несколько танков высшей защиты. Они тоже не очень спасают, но все-таки...

— Представь себе, я уже подумал об этом, — сказал Леминг чрезвычайно язвительно. (Иван Иванович сделал большие глаза и поднял указательный палец.) — Танки с оборудованием находятся в пути и будут у вас завтра утром. А люди будут у вас через четверть часа. Я выслал три турболета.

— Не стоило бы. — Беркут покосился на экран, где у опушки тайги блестели под солнцем обломки «Галатеи». — Здесь уже есть один турболет.

Чепуха. Они пройдут над бывшей автострадой на бреющем полете. Ничего им не сделается. — Леминг покашлял, затем нарочито небрежным голосом осведомился, есть ли у Беркута какие-нибудь соображения относительно этого... как его... голубого тумана

Иван Иванович затрясся в беззвучном хохоте, широко разевая темно-розовую пасть с крепкими желтоватыми зубами. Беркут ответил:

— Есть соображения. Несомненно, это твоя возлюбленная неквантованная протоматерия. Вернее, продукт ее взаимодействия с воздухом или водяными парами.

— Я так и думал, — сказал Леминг. — Ладно. Ждите. Не рискуйте. До свидания!

Беркут отодвинулся от микрофона и тоже засмеялся. Только Полесов не смеялся. Он был бледен и осунулся от утомления. Он принял еще одну таблетку спорамина, поэтому спать ему не хотелось, но он чувствовал себя неважко. К тому же он впервые в жизни не понимал, что происходит вокруг него, и это его злило и мучило. Его злил самодовольный Иван Иванович и даже мягкий Беркут, хотя он сознавал, что это совсем никуда не годится. В конце концов он поборол гордость и резко спросил:

— Что такое «двигатель времени»?

Физики поглядели на него, затем друг на друга.

Беркут покраснел и, запинаясь, сказал:

— Мы совсем забыли... Простите, Петр Владимирович... Сначала мы не были уверены, а потом эта удача... Это было так неожиданно... Ах, как нехорошо получилось!

— Двигатель времени, — сказал Иван Иванович с усмешечкой, — есть не что иное, как вечный двигатель. Перпетуум, так сказать, мобиле.

— Не надо, Иван. Сейчас я вам все объясню, Петр Владимирович. Только вы не обижайтесь на нас, пожалуйста. Вы знакомы с тау-механикой?

Полесов угрюмо покачал головой. Он все еще злился, хотя Беркут опять нравился ему.

— Тогда это сложнее. Но я все-таки постараюсь объяснить.

Он очень старался объяснить. Полесов тоже очень старался понять. Речь шла о свойствах времени, о времени как о физическом процессе. По словам Беркута, это была необычайно сложная проблема. Много лет назад, при исследовании проблемы источников энергии звезд, была впервые выдвинута своеобразная, еще экспериментально не подтвержденная теория времени как физического процесса, связанного с энергией. В основу этой теории легли постулаты, рассматривающие время как материальный процесс, несущий определенную энергию. Потом были найдены (сначала теоретически, а затем и экспериментально) количественные характеристики условий освобождения энергии, связанной с ходом времени. Так родилась механика «физического времени», иначе называемая тау- или Т-механикой.

Одним из замечательных следствий тау-механики явился вывод о принципиальной возможности использо-

вания хода времени для получения энергии. Был рассчитан ряд механических систем, позволяющих осуществить эту возможность на практике. К сожалению, производительность таких систем была ничтожна. Они дали только экспериментальное подтверждение основной теории, но не могли служить в качестве практических источников энергии. Это еще не были «двигатели времени». Задача была решена лишь после возникновения тау-электродинамики. И даже тау-электродинамическим системам требовались десятки лет, чтобы выход энергии в них стал положительным и сколько-нибудь существенным.

Семьдесят лет назад по решению Всемирного Ученого Совета были заложены ипущены в порядке эксперимента четыре такие системы, четыре псевдовечных двигателя, «двигатели времени». Один на Луне — в кратере Буллиальд, и три на Земле — на Амазонке, в Антарктиде и здесь, в тайге. Потом какой-то «умник в Ученом Совете» предложил отдать готовую строительную площадку в тайге под телемеханическую мезонную лабораторию. Предложение приняли, лабораторию построили, и сорок восемь лет назад она взлетела на воздух. Деятельность лаборатории, разумеется, не имела никакого отношения к «двигателю времени», но двигатель сочли разрушенным, потому что разрушения были действительно очень велики. Проникнуть на территорию, где размещалась опытная установка, оказалось невозможно, да и не было, казалось, надобности. Внимание исследователей сосредоточилось на остальных трех системах, и эксперимент в тайге был забыт. Но двигатель уцелел. Он работал, выжимал энергию «из времени», накапливал ее и вот четыре месяца назад выбросил первую порцию.

— Вот, в общем, и все. — Беркут нерешительно улыбнулся. — Теперь поняли?

— Спасибо, — сказал Полесов.

— А вы почитайте Леминга, — предложил Беркут. — Есть прекрасная монография Леминга «Тау-электродинамика».

Полесов кашлянул.

— Прозрачные колонны в подземелье, — сказал Беркут, — это энергоотводы. Двигатель расположен этажом ниже. Энергия стекает в эти колонны, накапливается в них и время от времени выбрасывается. А в каком виде выбрасывается, в общем-то, никто не знает.

— Леминг знает, — ввернул Иван Иванович.

Беркут посмотрел на него и сказал:

— Леминг вот считает, что энергия выделяется в виде протоматерии — неквантованной основы всех частиц и полей. Потом протоматерия самопроизвольно квантуеться — во-первых, на частицы и античастицы, во-вторых, на электромагнитные поля. Так вот, та часть протоматерии, которая не успела проквантоваться, может вступать во взаимодействие с ядрами и электронами окружающей среды. Так, возможно, возникает этот голубой туман. Эта протоматерия должна проникать всюду, для нее нет преград, и она воздействует на приборы, на киберов, как вы их называете, и на наши организмы. Я, наверное, не очень ясно объясняю.

— Нет, отчего же, — сказал Полесов. Он вспомнил, как дергались стрелки приборов, контролирующих настройку магнитных полей. — Отчего же, — повторил он, — я кое-что понял. Спасибо. А как остальные двигатели?

— Остальные пока молчат, — сказал Беркут. — Да нам пока хватит дела и с этим.

— Мы построим здесь город-лабораторию, — сказал Иван Иванович, жадно глядя на экран. — Мы заложим новые двигатели, более совершенные. Я еще доживу до того времени, когда мы забросим в Пространство первые корабли, которые будет нести само Время. — Он вдруг повернулся к Полесову и сказал: — А тау-механику нужно знать, юноша. Основам тау-механики уже учат в школе.

— Неправда, Иван Иванович, — сказал Беркут.

— Правда. Мне внук рассказывал. Но я не об этом. У меня есть к вам предложение, Полесов. Нам здесь понадобится водитель с крепкими нервами. Как вы на это смотрите?

Полесов покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Мне придется вернуться на Меркурий. Там тоже нужны водители с крепкими нервами.

Иван Иванович насупился.

— Была бы честь предложена, — проворчал он.

— Вот они, — сказал Беркут.

Из-за тайги одна за другой беззвучно взлетели серебристые птицы, низко прошли над черной землей и сели, сложив крылья. Открылись люки, из них стали высекакивать люди в желтых защитных костюмах и больших шлемах.

— Акопян прилетел, — сказал Беркут. — Пошли, товарищи.

Шесть спичек

1

Инспектор отложил в сторону блокнот и сказал:

— Сложное дело, товарищ Леман. Очень странное дело.

— Не нахожу, — сказал директор института.

— Не находите?

— Нет, не нахожу. По-моему, все ясно.

Директор говорил очень сухо, внимательно разглядывая пустую, залитую асфальтом и солнцем площадь под окном. У него давно болела шея, на площади не происходило ровно ничего интересного. Но он упрямо сидел отвернувшись. Так он выражал свой протест. Директор был молод и самолюбив. Он отлично понимал, что имеет в виду инспектор, но не считал инспектора вправе касаться этой стороны дела. Спокойная настойчивость инспектора его раздражала. «Вникает! — думал он со злостью. — Все ясно, как шоколад, — но вникает!»

— А мне вот не все ясно, — вздохнул инспектор.

Директор пожал плечами, взглянул на часы и встал.

— Простите, товарищ Рыбников, — сказал он, — у меня через пять минут семинар. Если я вам не нужен...

— Пожалуйста, товарищ Леман. Но мне хотелось бы поговорить еще с этим... «личным лаборантом». Горчинский, кажется?

— Горчинский. Он еще не вернулся. Как только вернется, его сейчас же пригласят к вам.

Директор кивнул и вышел. Инспектор, прищурившись, поглядел ему вслед. «Легковат, голубчик, — подумал он. — Ладно, дойдет очередь и до тебя».

Но очередь до директора еще не дошла. Сначала следовало разобраться в главном. На первый взгляд действительно все было как будто ясно. Инспектор Управления охраны труда Рыбников уже сейчас мог бы приняться за «Отчет по делу Комлина Андрея Андреевича, начальника физической лаборатории Центрального института мозга». Андрей Андреевич Комлин произвоздил над собой опасные эксперименты и уже четвертый день лежит на больничной койке в полусне-полубреду, запрокинув щетинистый круглый череп, покрытый странными кольцеобразными синяками. Говорить он не может, врачи вводят в его организм укрепляющие вещества, и на консилиумах часто и зловеще звучат слова «силь-

нейшее первое истощение», «поражение центров памяти», «поражение речевых и слуховых центров...».

В деле Комлина инспектору было ясно все, что могло интересовать Управление охраны труда. Неисправность аппаратуры, небрежное с ней обращение, неопытность работников — все это здесь ни при чем. Нарушений правил безопасности — во всяком случае, в общепринятом смысле — не было. Наконец, Комлин проводил опыты над собой втайне, и никто в институте ничего об этом не знал, даже Александр Горчинский, «личный» комлинский лаборант, хотя некоторые сотрудники лаборатории держатся на этот счет другого мнения.

Инспектор был не только инспектором. Чутьем старого научного работника он ощущал, что за отрывочными сведениями о работе Комлина, которыми он располагал, за странным несчастьем с Комлиным кроется история какого-то необычайного открытия. Перебирая в памяти показания сотрудников лаборатории, он убеждался в этом все больше.

За три месяца до несчастья лаборатория получила новый прибор. Это был нейтринный генератор, устройство для создания и фокусировки пучков нейтрино. Именно с появлением нейтринного генератора в физической лаборатории и началась цепь событий, на которые своеевременно не обратили внимания те, кому это следовало сделать, и которые привели в конце концов к большой беде.

Именно в это время Комлин с видимой радостью переложил всю работу по незаконченной теме на своего заместителя, а сам с лаборантом Александром Горчинским заперся в комнате, где был установлен нейтринный генератор, и занялся, как он объявил, подготовкой серии предварительных опытов.

Чем они там занимались, стало известно лишь недавно, за два дня до несчастного случая, когда Комлин (совместно с Горчинским) сделал замечательный, «потрясший основы медицины» доклад о нейтринной акупунктуре. Но в течение трех месяцев работы с генератором Комлин трижды привлек внимание сотрудников.

Началось с того, что в один прекрасный день Андрей Андреевич обрился наголо и появился в лаборатории в черной профессорской шапочке. Сам по себе этот факт, возможно, и не запомнился бы, но через час из «нейтринника» выскочил всклокоченный и бледный Горчинский и, по чьему-то образному выражению, «роняя шкафы», ки-

нулся к лабораторной аптечке. Выхватив из нее несколько индивидуальных пакетов, он в том же темпе вернулся в «нейтринник», захлопнув за собой дверь. При этом один из сотрудников успел заметить, что Андрей Андреевич стоял у окошка, сияя голым черепом и придерживая правой рукой левую. Левая рука была измазана чем-то темным, вероятно, кровью. Вечером Комлин и Горчинский тихо вышли из «нейтринника» и, ни на кого не глядя, прошли к выходу из лаборатории. Оба имели довольно удрученный вид, причем левая рука Комлина была обмотана бинтом.

Запомнилось и другое. Месяц спустя после этого происшествия младший научный сотрудник Веденеев встретил Комлина вечером в уединенной аллее Голубого парка. Начальник лаборатории сидел на скамейке с толстой, потрепанной книгой на коленях и что-то бормотал вполголоса, уставившись прямо перед собой. Веденеев поздоровался и присел рядом, Комлин сейчас же перестал бормотать и повернулся к нему, странно вытягивая шею. Глаза у него были «какие-то такие», и Веденееву захотелось немедленно удалиться. Но уходить сразу было неудобно, поэтому Веденеев спросил:

— Читаете, Андрей Андреевич?

— Читаю, — сказал Комлин. — Ши Найань, «Речные заводи». Очень интересно.

Веденеев по молодости лет почти не был знаком с китайской классикой и почувствовал себя еще более неловко, но Комлин вдруг захлопнул книгу, сунул ее Веденееву и попросил раскрыть наугад. Слегка смущенный, Веденеев повиновался. Комлин взглянул на страницу («один раз, мельком»), кивнул и сказал:

— Следите по тексту.

И принялся обычным своим звонким и ясным голосом рассказывать о том, как некто Ху Яньчжо, взмахнув стальными плетками, ринулся на неких Хе Чжэня и Се Бао и как некто «Коротколапый тигр» Ван Ин и его супруга «Зеленая»... Тут только Веденеев понял, что Комлин читает страницу наизусть. Начальник лаборатории не пропустил ни одной строчки, не перепутал ни одного имени, пересказал все слово в слово и букву в букву. Закончив, он спросил:

— Были ошибки?

Ошеломленный Веденеев потряс головой. Комлин захочотал, забрал у него книгу и ушел. Веденеев не знал, что подумать. Он рассказал об этом случае некоторым из

своих товарищей, и те посоветовали ему обратиться за разъяснениями к самому Комлину. Однако Комлин встретил вопрос Веденеева с таким искренним изумлением, что Веденеев, замявшись, перевел разговор на другую тему.

Но наиболее странными казались события, имевшие место буквально за несколько часов до несчастья.

В тот вечер Комлин, веселый, остроумный, славный, как никогда, показывал фокусы. Зрителей было четверо: Александр Горчинский, небритый и влюбленный в начальника, как девчонка, и молоденькие девушки-лаборантки — Лена, Дуся и Катя. Девушки задержались, чтобы закончить сборку схемы для завтрашней работы.

Фокусы были занимательные.

Для начала Комлин предложил кого-нибудь загипнотизировать, но все отказались. Тогда он сказал:

— Леночка, сейчас я буду отгадывать, что ты спрячешь в ящик стола.

Из трех спрятанных вещей он отгадал две, и Дуся сказала, что он подсматривает. Комлин возразил, что он не подсматривает, но девушки принялись над ним подшучивать, и тогда он заявил, что умеет взглядом гасить огонь. Дуся схватила коробок, отбежала в угол комнаты, зажгла спичку, и спичка, разгоревшись, вдруг погасла. Все страшно удивились и посмотрели на Комлина: он стоял, скрестив руки на груди и грозно хмурия брови, в позе иллюзиониста-профессионала.

— Вот это легкие! — сказала Дуся с уважением.

От нее до Комлина было шагов десять, не меньше. Тогда Комлин предложил завязать ему рот платком. Когда это было сделано, Дуся снова зажгла спичку, и спичка снова погасла.

— Неужели вы задуваете носом? — поразилась Дуся.

А Комлин сорвал платок, захочотал и, подхватив Дусю, прошелся с ней вальсом по комнате.

Затем он показал еще два фокуса:ронял спичку, и она падала не вниз, а как-то вбок, каждый раз отклоняясь от вертикали вправо на довольно большой угол («Опять вы дуете...») — неуверенно сказала Дуся); положил на стол кусок вольфрамовой спиральки, и спиралька, забавно вздрагивая, ползла по стеклу и падала на пол. Все, конечно, были страшно удивлены, и Горчинский стал приставать к нему, чтобы он рассказал, как это делается. Но Комлин вдруг сделался серьезным и предложил перемножить в уме несколько многозначных чисел.

— Шестьсот пятьдесят четыре на двести тридцать один и на шестнадцать, — робко сказала Катя.

— Записывайте, — странным, напряженным голосом приказал Комлин и начал диктовать: — Четыре, восемь, один... — Тут голос его упал до шепота, и он закончил скороговоркой: — Семь — один — четыре — два... Справа налево.

Он повернулся (девушек поразило, что он как-то сразу сник, сгорбился, словно стал меньше ростом), волоча ноги пошел в «нейтринник» и заперся там. Горчинский некоторое время с тревогой смотрел ему вслед, а затем объявил, что Андрей Андреевич сосчитал правильно: если читать названные им цифры справа налево, то получится произведение — два миллиона четыреста семнадцать тысяч сто восемьдесят четыре.

Девушки работали до десяти, и Горчинский помогал им, хотя толку от него было мало. Комлин все не выходил. В десять они пошли домой, пожелав через дверь Комлину спокойной ночи. Наутро Андрея Андреевича отвезли в госпиталь.

Официальным результатом трехмесячной работы Комлина была нейтринная акупунктура — метод лечения, основанный на облучении мозга нейтринными пучками. Новый метод был необычайно интересен сам по себе, но какое отношение к нейтринной акупунктуре имела раненная рука Комлина? А необычайная память Комлина? А фокусы со спичками, спиральками и устным умножением?

— Скрывал, от всех скрывал, — пробормотал инспектор. — Не был уверен или боялся подставить товарищем под удар? Сложное дело. Очень странное дело.

Щелкнул видеотелефон. На экране появилось лицо секретарши.

— Простите, товарищ Рыбников, — сказал секретарша, — товарищ Горчинский здесь и ждет вашего вызова.

— Пусть войдет, — сказал инспектор.

2

На пороге появилась громадная фигура в клетчатой рубахе с засученными рукавами. Над могучими плечами возвышалась могучая шея, увенчанная головой, заросшей густыми черными волосами, сквозь которые, однако, просвечивала маленькая плеши (или даже две плеши, как показалось инспектору) — фигура вдвигалась в кабинет

спиной. Прежде чем инспектор успел удивиться, обладатель клетчатой рубахи, продолжая пятиться, сказал: «Пожалуйста, Иосиф Петрович», — пропустил в кабинет директора. Затем вошедший аккуратно затворил дверь, неторопливо повернулся и отвесил короткий поклон. Лицо обладателя клетчатой рубахи и странных манер было украшено короткими, но весьма пушистыми усиками и казалось довольно мрачным. Это и был Александр Горчинский, «личный» лаборант Комлина.

Директор сел в кресло и молча уставился в окно. Горчинский остановился перед инспектором.

— А вы... — начал инспектор.

— Спасибо, — прогудел лаборант и сел, упервшись в колени ладонями и глядя на инспектора серыми настороженными глазками.

— Горчинский? — спросил инспектор.

— Горчинский Александр Борисович.

— Очень приятно. Рыбников, инспектор Управления охраны труда.

— Оч-чень рад, — сказал Горчинский с оттяжечкой.

— «Личный» лаборант Комлина?

— Не знаю, что это такое. Лаборант физической лаборатории Центрального института мозга.

Инспектор покосился на директора. Ему показалось, что у того в уголках глаз искрится ехидная улыбочка.

— Так, — сказал Рыбников. — Над какими вопросами работали последние три месяца?

— Над вопросами нейтринной акупунктуры.

— Подробнее, пожалуйста.

— Есть доклад, — веско сказал Горчинский. — Там все написано.

— А я все-таки попросил бы вас подробнее, — сказал инспектор очень спокойно.

Несколько секунд они глядели друг на друга в упор: инспектор — багровея, Горчинский — шевеля усами. Потом лаборант медленно прищурился.

— Извольте, — прогудел он. — Можно и поподробнее. Изучалось воздействие сфокусированных нейтринных пучков на серое и белое вещество головного мозга, а равно и на организм подопытного животного в целом.

Горчинский говорил монотонно, без выражения и даже, кажется, слегка покачивался в кресле.

— ...Попутно с фиксацией патологических и иных изменений организма в целом производились измерения тока действия, дифференциального декремента и кривых

лабильности — неустойчивости — в различных тканях, а также замеры относительных количеств нейроглобулина и нейростромина...

Инспектор откинулся на спинку кресла и с восхищенной яростью думал: «Ну, погоди ты мне...» Директор по-прежнему глядел в окно, дробно постукивая пальцами по столу.

— ...последние, равно как и нейрокератин... — гудел лаборант.

— А скажите, товарищ Горчинский, что у вас с руками? — спросил инспектор неожиданно. Он терпеть не мог обороны. Он любил наступать.

Горчинский глянул на свои лежащие на подлокотниках кресла исцарапанные, покрытые синими зарубцевавшимися шрамами руки и сделал движение, словно хотел сунуть их в карманы, но только медленно сжал чудовищные кулаки.

— Обезьяна ободрала... — сказал он сквозь зубы. — В виварии.

— Вы делали опыты только над животными?

— Да, я делал опыты только над животными, — сказал Горчинский, чуть выделяя «я».

— Что случилось с Комлиным два месяца назад? — Инспектор наступал.

Горчинский пожал плечами:

— Не помню.

— Я вам напомню. Комлин порезал руку. Как это случилось?

— Порезал, и все! — грубо сказал Горчинский.

— Александр Борисович! — предостерегающе сказал директор.

— Спросите у него самого.

Светлые, широко расставленные глаза инспектора сузились.

— Вы меня удивляете, Горчинский, — тихо сказал он. — Вы убеждены, что я хочу вытянуть из вас что-нибудь такое, что может повредить Комлину... или вам, или другим вашим товарищам. А ведь все гораздо проще. Все дело в том, что я не специалист по центральной нервной системе. Я специалист по радиооптике. Всего лишь. И судить по собственным впечатлениям не имею права. И поставлен на эту работу не для того, чтобы фантазировать, а для того, чтобы знать. А вы мне истерики закатываете. Стыдно...

Наступило молчание. И директор вдруг понял, в чем

сила этого немолодого, упорного человека. Видимо, понял это и Горчинский, потому что он сказал наконец, ни на кого не глядя:

Что вы хотите узнать?

— Что такое нейтринная акупунктура? — сказал инспектор.

— Это идея Андрея Андреевича, — устало проговорил Горчинский. — Облучение нейтринными пучками некоторых участков коры вызывает появление... вернее, резкое возрастание сопротивляемости организма разного рода химическим и биологическим ядам. Зараженные и отравленные собаки выздоравливали после двух-трех нейтринных уколов. Это какая-то аналогия с акупунктурой — китайским лечением иглоукалыванием. Отсюда и название метода. Роль иглы играет пучок нейтрино. Конечно, аналогия чисто внешняя..

А методика? — спросил инспектор.

Череп животного выбивается, к голой коже пристраиваются нейтринные присоски... Это небольшие устройства для фокусировки нейтринного пучка. Пучок фокусируется в заданном слое серого мозгового вещества. Это очень сложно. Но еще сложнее было найти участки, точки коры, вызывающие фагоцитную мобилизацию в заданном направлении.

— Очень интересно, совершенно искренне сказал инспектор. — И какие болезни можно так излечивать?

Горчинский ответил, помолчав:

— Многие. Андрей Андреевич полагает, что нейтринная акупунктура мобилизует какие-то неизвестные нам силы организма. Не фагоциты, не первная стимулация, а что-то еще, несравненно более мощное. Но он не успел.. Он говорил, что нейтринными уколами можно будет лечить любое заболевание. Интоксикацию, сердечные болезни, злокачественные опухоли...

— Рак?

— Да. Ожоги... возможно, даже восстанавливать утраченные органы. Он говорил, что стабилизующие силы организма огромны, и ключ к ним — в коре головного мозга. Нужно только обнаружить в коре точки приложения уколов.

— Нейтринная акупунктура... — медленно, словно пробуя звуки на вкус, произнес инспектор. Потом он спохватился: — Отлично, товарищ Горчинский. Очень вам благодарен. (Горчинский криво усмехнулся.) А теперь будьте добры, расскажите, как вы нашли Комлина. Ведь вы, кажется, были первым, кто обнаружил его..

— Да, я был первым. Пришел утром на работу. Андрей Андреевич сидел... лежал в кресле за столом...

— В «нейтриннике»?

— Да, в помещении нейтринного генератора. На черепе у него была обойма с присосками. Генератор был включен. Мне показалось, что Андрей Андреевич мертв. Я вызвал врача. Все.

Голос Горчинского дрогнул. Это было так неожиданно, что инспектор задержался с очередным вопросом. «Так-так», — отстукивал директор, глядя в окно.

— А вы не знаете, какой эксперимент ставил Комлин?

— Не знаю, — глухо сказал лаборант. — Не знаю. На столе перед Андреем Андреевичем стояли лабораторные весы, лежали два спичечных коробка. Из одного спички были вынуты...

— Постойте. — Инспектор оглянулся на директора и снова взглянул на Горчинского. — Спички? Спички... При чем здесь спички?

— Спички, — повторил Горчинский. — Они лежали кучкой. Некоторые были склеены по две, по три. На одной чашке весов лежали шесть спичек. И там был листок бумаги с цифрами. Андрей Андреевич взвешивал спички. Это точно, я проверял сам. Цифры совпадают.

— Спички, — пробормотал инспектор. — Зачем это было ему нужно, хотел бы я знать... У вас есть хоть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— Нет, — ответил Горчинский.

— Вот и сотрудники ваши рассказывали... — Инспектор задумчиво потер рукой подбородок. — Фокусы эти... с огнем, со спичками... Видимо, Комлин работал еще над какими-то вопросами помимо нейтринной акупунктуры. Но над какими?

Горчинский молчал.

— И опыты над собой он делал неоднократно. У него кожа на черепе сплошь покрыта следами этих ваших присосков.

Горчинский молчал по-прежнему.

— Вы никогда прежде не замечали у Комлина способности быстро считать в уме? Я имею в виду — до того, как он показывал вам свои фокусы.

— Нет, — сказал Горчинский, — не замечал. Ничего подобного не замечал. Теперь вы знаете все, что знаю я. Да. Андрей Андреевич делал опыты над собой. Испытывал на себе нейтринную иглу-луч. Да, полоснул себя бритвой по руке... Хотел проверить на себе, как нейтрин-

ная игла заживляет раны. Не вышло... тогда. И он вел параллельно какую-то работу втайне от всех. От меня тоже. Что за работа, не знаю. Знаю только, что она связана с нейтринным облучением. Все.

— Кто-нибудь кроме вас знал об этом? — спросил инспектор.

— Нет. Никто не знал.

— И вы не знаете, какие эксперименты производил Комлин без вашего участия?

— Нет.

— Вы свободны, — сказал инспектор. — Можете идти.

Горчинский поднялся и, не поднимая глаз, повернулся к выходу. Инспектор глядел на его затылок. На затылке белели проплешины — не одна, а именно две, как и показалось ему в самом начале.

Директор смотрел в окно. Низко над площадью повис небольшой вертолет. Сверкая ртутным серебром фюзеляжа и тихонько покачиваясь, он принялся медленно поворачиваться вокруг оси. Сел. Откинулась дверца, из нее вылез пилот в сером комбинезоне, легко спрыгнул на асфальт и пошел к зданию института, на ходу раскуривая папироску. Директор узнал вертолет инспектора. «На заправку ходил», — рассеянно подумал он.

Инспектор спросил:

— А не ведет нейтринная акупунктура к поражению психики?

— Вряд ли, — ответил директор. — Комлин утверждает, что не ведет.

Инспектор откинулся на спинку кресла и стал глядеть в матово-белый потолок.

Директор сказал негромко:

— Горчинский уже не сможет работать сегодня. Напрасно вы так...

— Нет, — возразил инспектор, — не напрасно. И простите, товарищ Леман, вы меня удивляете. Сколько, по-вашему, у нормального человека может быть лысин? И эти шрамы на руках... До-остойный ученичок Комлина.

— Люди любят свое дело, — сказал директор.

Несколько секунд инспектор молча глядел на директора, катая на скулах желваки.

— Плохо они его любят, — сказал он, — по старинке любят, товарищ Леман. И вы их, этих людей, плохо любите. Мы богаты. Самая богатая страна в мире. Мы

даем вам любую аппаратуру, любых подопытных животных, в любом количестве. Работайте, исследуйте, экспериментируйте... Так почему же вы так легкомысленно транжириете людей? Кто вам позволил так относиться к человеческой жизни?

— Я...

— Почему вы не выполняете постановления Президиума Верховного Совета? Когда наконец прекратится это безобразие?

— Это первый случай в нашем институте, — сердито сказал директор.

Инспектор покачал головой.

— В вашем институте... А в других институтах? А на предприятиях? Комлин — это восьмой случай за последние полгода. Варварство! Варварский героизм! Лезут в автоматические ракеты, в автобатискаfy, в атомные реакторы на критических режимах... — Он с трудом усмехнулся. — Ищут кратчайшие пути к истине, к победе над природой. И нередко гибнут. И вот ваш Комлин — восьмой. Разве это допустимо, профессор Леман?

Директор упрямо насупился.

— Бывают обстоятельства, когда это неизбежно. Вспомните о врачах, прививавших себе холеру и чуму.

— Эти мне исторические аналогии... Вспомните, в какое время мы живем!

Они помолчали. Близился вечер, в дальних от окон углах кабинета росли прозрачные серые тени.

— Между прочим, — сказал вдруг директор, не глядя на собеседника, — я распорядился вскрыть сейф Комлина. Мне принесли его рабочие записи. Думаю, вам тоже будет интересно ознакомиться с ними.

— Разумеется, — сказал инспектор.

— Только, — директор слабо улыбнулся, — в них слишком много... м-м... специального. Я мельком проглядел кое-что и боюсь, вам будет трудно. Я возьму их на сегодняшний вечер к себе и, если хотите, попытаюсь составить для вас конспект...

Инспектор откровенно обрадовался.

— Только не возлагайте на меня больших надежд, — поспешил предупредил директор. — Эти нейтринные иглы... Это было для всех как гром средь ясного неба. Никто и представить себе не мог чего-либо подобного. Комлин здесь пионер, первый в мире. Так что это может оказаться не под силу и мне.

Директор ушел.

Может быть, записи Комлина помогут? Инспектору очень хотелось, чтобы они помогли. Он представил себе Комлина с обоймой нейтринных присосков на голом черепе, взвешивающего склеенные спички. Нет, это не акупунктура. Это что-то совсем новое, и Комлин, видимо, сам не верил себе, если проводил такие страшные опыты над собой, таясь от товарищей.

Славное время, хорошее время. Четвертое поколение коммунистов. Смелые, самоотверженные люди. Они по-прежнему не способны беречь себя, напротив — они с каждым годом все смелее идут в огонь, и требуются огромные усилия, чтобы сдержать этот океан энтузиазма в рамках мудрой экономии. Не по трупам своих лучших представителей, а по следам могучих машин и точнейших приборов должно идти человечество к господству над природой. И не только потому, что живые могут сделать много больше, чем сделали мертвые, но и потому, что самое драгоценное в мире — это Человек.

Инспектор тяжело поднялся и побрел к двери. Передвигался он без торопливости. Это, во-первых, было у него в крови, во-вторых, сказывался возраст, а в-третьих — нога.

«Ноют старые раны», — бормотал он себе под нос, когда ковылял через пустую приемную директора, сильно припадая на правую ногу.

3

Ранним утром следующего дня, как раз в тот час, когда врачи, так и не сумевшие разобраться в причинах заболевания, с радостью отметили, что к больному Комлину возвращается речь, — именно в этот час Рыбников и Леман снова сидели в директорском кабинете за огромным пустынным столом. Инспектор держал на коленях блокнот, перед директором лежала пачка бумаг — записи, диаграммы, чертежи и даже рисунки — рабочие записи Андрея Андреевича Комлина.

Директор говорил быстро, иногда бессвязно, уставившись покрасневшими от бессонной ночи глазами куда-то сквозь инспектора и иногда останавливаясь, словно прислушиваясь с изумлением к собственным словам. Инспектор слушал, и связь событий становилась для него все более понятной. Вот что он узнал.

Облучением мозга нейтринными пучками Комлин занялся не случайно. Во-первых, этот вопрос был совер-

шенно неясен. Методика получения пучков нейтрино «практической» плотности была разработана совсем недавно, и, получив нейтринный генератор, Комлин решил немедленно опробовать его.

Комлин многое ждал от этих опытов. Излучения высоких энергий (нуклоны, электроны, гамма-лучи) нарушают молекулярную и внутриядерную структуру белков мозга. Они разрушают мозг. Они неспособны давать каких-либо изменений в организме, кроме болезненных, патологических. Эксперимент подтверждает это. Другое дело — нейтрино, крохотная, лишенная электрического заряда элементарная частица без массы покоя. Комлин рассчитывал, что воздействие нейтрино не вызовет ни взрывных процессов, ни молекулярной перестройки, что нейтрино будет вызывать в ядрах мозговых белков умеренное возбуждение, будет усиливать ядерные поля и, быть может, вызовет в мозговом веществе совершенно новые, неизвестные еще науке силовые поля. Как оказалось, все предположения Комлина блестяще подтвердились.

— Я понял в записях далеко не все, — прервал свой рассказ директор, — а кое-чему просто не могу поверить. Поэтому я расскажу лишь о самом главном — и о том, что может пролить свет на таинственную историю с фокусами. Хотя это тоже достаточно невероятно.

Начав опыты над животными, Комлин сразу же наткнулся на многообещающую идею нейтринной акупунктуры. Подопытная обезьяна поранила лапу. Рана затянулась и зажила необыкновенно быстро. Так же быстро исчезли у нее из легких темные пятна — следы туберкулеза, столь обычного для обезьян в умеренном климате.

Несколько собак было отравлено различными видами биологических ядов. Нейтринная «игла» вылечила животных очень быстро, причем хроматография показала, что почти весь яд был выделен животными в несвязанном виде. «Игла Комлина» (так Горчинский назвал этот метод) излечивала туберкулез у обезьян в десятки раз быстрее и успешнее самых мощных антибиотиков.

В своем известном докладе Комлин высказывал предположение о существовании в организме человека и животных скрытых целебных сил, пока еще неизвестных науке, но уже выявивших себя при опытах с нейтринной акупунктурой. Подробно излагалась программа перехода от опытов над животными к опытам над человеком —

программа, предусматривающая переход от самых простейших и явно безопасных нейтринных уколов к более сложным и комбинированным. Предполагалось привлечение к опытам больших коллективов врачей, физиологов и психологов. Но...

Инспектор не ошибся, Комлин работал не только с нейтринной акупунктурой. Очень скоро опыты с нейтринным генератором показали, что необычайная мобилизация целебных сил организма — важное, но вовсе не единственное следствие облучения мозга пучками нейтрино. Подопытные животные вели себя странно. Правда, не все и не всегда. Излеченные кратковременным воздействием нейтринной иглы обычно не обнаруживали никаких отклонений в своем поведении, но «любимцы», над которыми производились многочисленные и разнообразные опыты, приводили обоих исследователей в изумление. И там, где молодой лаборант Горчинский видел только забавные или досадные шутки природы, интуиция большого ученого подсказала Комлину новое открытие.

Пес Генька (полное имя Генератор) обнаружил вдруг склонность показывать цирковые фокусы, которым его никто никогда не учил: ходил на задних и даже на передних лапах, «здравился», и Горчинский застал его однажды за странным занятием. Пес сидел на табуретке, уставившись в одну точку, и через правильные промежутки времени приподнимался и коротко гавкал, после чего садился снова. Горчинского он не узнал и зарычал на него.

Комлина поразил случай с павианом Корой. Кора сразу после облучения сидела в камере с Комлиным и мирно с ним «беседовала». Вдруг ее точно током ударило. Обезьяна увидела что-то в углу, грозно и жалобно заворчала и принялась пятиться. Ни уговоры, ни ласки не помогали. Кора, отбежав в противоположный угол, сжалась в комок и просидела так целый час, следя глазами за чем-то невидимым, и время от времени издавала резкий вопль — сигнал опасности. Затем это прошло, но Комлин с удивлением заметил, что с тех пор Кора, входя в камеру, прежде всего оглядывалась на злосчастный угол.

Однажды Горчинский прибежал к Комлину с криком: «Скорее! Скорее!» — и потащил его в обезьянник. В одной из камер обезьянника сидел молодой гамадрил и жевал банан. Ни в банане, ни в гамадриле ничего странного не было, но и сторож и Горчинский в один голос утверждали, что были свидетелями чего-то совершенно

фантастического. По их словам, гамадрила они застали в тот момент, когда он с видимым интересом наблюдал за кусочком бумаги, неторопливо, но уверенно ползущим по полу по направлению к нему, гамадрилу. Гамадрил потянулся к бумажке лапой, и Горчинский бросился искать Комлина. Сторож утверждал, что обезьяна съела бумажку, во всяком случае, в камере ее обнаружить не удалось. Попытка воспроизвести удивительное явление не увенчалась успехом.

— Вот что Комлин написал по этому поводу, — сказал директор, протягивая инспектору кусок миллиметровки.

Инспектор прочел: «Массовая галлюцинация? Или новое? Массовая галлюцинация с участием гамадрила — сама по себе веять удивительная. Но тут что-то есть. С этим зверьем — обезьянами и собаками — ничего не узнаешь. Надо самому».

Комлин начал проводить опыты над собой. Скоро об этом узнал Горчинский и не замедлил последовать примеру начальника. Кажется, по этому поводу у них даже был небольшой скандал. В конце концов Горчинский обещал больше не экспериментировать, а Комлин обещал пробовать только самые простые, непродолжительные и безопасные уколы. Горчинский так и не узнал до самого дня катастрофы, что Комлин больше не занимался нейтринной акупунктурой.

— К сожалению, — продолжал свой рассказ директор, — в записках Комлина сохранилось довольно мало сведений относительно поистине поразительных результатов его экспериментов. Записи становятся все более отрывочными и неудобочитаемыми, чувствуется, что зачастую Комлин не может подобрать слов для описания своих ощущений и впечатлений, выводы его теряют стройность и полноту.

Несколько страниц, вырванных из тетради, Комлин посвятил необычайной способности запоминать, появившейся у него после одного из экспериментов. Он записал: «Мне достаточно взглянуть на предмет один раз, и я вижу его во всех подробностях, как наяву, отвернувшись или закрыв глаза. Мне достаточно бросить беглый взгляд на страницу книги, чтобы затем прочитать ее по «изображению», отпечатавшемуся у меня в памяти. Кажется, на всю жизнь я запомнил несколько глав из «Речных заводей» и всю четырехзначную таблицу логарифмов от первой до последней цифры. Огромные возможности!»

Встречаются среди записей и соображения общего характера. «Память, мысль, рефлексы и навыки, — написал Комлин твердым почерком, словно раздумывая, — имеют определенную, пока неясную для нас материальную основу. Это азбука. Нейтринный пучок просачивается в эту основу и создает новую память, новые рефлексы, новые навыки. Так было с Генькой, Корой, со мной (мнемогенез — творение ложной памяти)».

Наиболее интересному и удивительному из всех открытий Комлина были посвящены последние несколько страничек, соединенных канцелярской скрепкой. Директор взял эти странички и поднял их над головой.

— Здесь, — сказал он очень серьезно, — ответ на ваши вопросы. Это нечто вроде конспекта или черновика будущего доклада. Прочесть?

— Читайте, — сказал инспектор.

— «Усилием воли нельзя даже заставить себя мигнуть. Нужна мышца. Нервная система играет роль датчика импульса, не больше. Ничтожный разряд, и сокращается мышца, способная передвинуть десятки килограммов, совершить работу, огромную в сравнении с энергией нервного импульса. Нервная система — это запал в пороховом погребе, мышца — порох, сокращение мышцы — взрыв.

Известно, что усиление процесса мышления усиливает электромагнитные поля, возникающие где-то в клетках мозга. Это биотоки. Сам факт, что мы способны это обнаружить, означает, что процесс мышления воздействует на материю. Правда, не непосредственно. Я решаю дифференциальное уравнение, поле мозга усиливается и смещает стрелку прибора, измеряющего это поле. Чем не психодвигатель? Поле — мышца мозга!

Появляется способность считать чрезвычайно быстро. Как я это делаю, сказать не могу. Считаю, и все. $1919 \times 237 = 454\,803$. Считал в уме в течение четырех секунд по секундомеру. Это прекрасно, но не совсем понятно. Электромагнитное поле резко усиливается, а как другие поля мозга, если они существуют? «Мышца» развита. Но как ею управлять?..

Получается! Вольфрамовая спираль. Вес 4,732 грамма. Подвешена в вакууме на нейлоновой нити. Я просто смотрел на нее, и она отклонилась от начального положения на пятнадцать с небольшим градусов. Это уже печально. Режим генератора...» Я говорил с Горчинским, — сказал директор, закончив чтение ряда цифр, — сегодня ночью.

Он видел вакуумный колпак с подвешенной спиралькой. Потом прибор исчез. Видимо, Комлин разобрал его. «Психодинамическое поле — мышца мозга — работает. Не знаю, как это у меня получается. И ничего нет странного в том, что не знаю. Что нужно сделать, чтобы согнулась рука? Никто не ответит на этот вопрос. Чтобы согнуть руку, я сгибаю руку. Вот и все. А ведь бицепс — очень послушный мускул. Мышцу надо тренировать. Поля мозга тоже нужно научить работать. Вопрос — как?

Интересно, «усилием мысли» ни одной вещи я не могу поднять. Только передвигаю. И не по произволу. Спичку и бумагу — всегда вправо. Металл — к себе. Лучше всего обстоит дело со спичками. Почему?

Психодинамическое поле действует через колпак из стекла и не действует через газету. Чтобы воздействовать на предмет, мне надо видеть его. Гашу свечу. Расстояние — в пределах «нейтринника».

Убежден, что возможности мозга неисчерпаемы. Необходимы только тренировка и определенная активация, возбуждение белковых молекул и целых нейронов. Придет время, и человек будет считать в уме лучше любой счетной машины, сможет за несколько минут прочитать и усвоить целую библиотеку...

Это страшно утомляет. Раскалывается голова. Иногда могу работать только под непрерывным облучением и к концу весь покрываюсь потом. Не надорваться бы. Сегодня работаю со спичками».

На этом записи Комлина кончались.

Инспектор сидел зажмутившись и думал о том, что, быть может, идея Комлина суждено принести богатые плоды. Но все это еще будет, а пока Комлин лежит в госпитале. Инспектор открыл глаза, и взгляд его упал на кусок миллиметровки. «...С этим зверьем — обезьянами и собаками — ничего не узнаешь. Надо самому», — прочитал он. Может быть, Комлин прав?

Нет, Комлин не прав. Не прав дважды. Он не должен был идти на такой риск, и, уж во всяком случае, не должен был идти на такой риск в одиночку. Даже там, где не могут помочь ни машины, ни животные (инспектор снова взглянул на кусок миллиметровки), человек не имеет права вступать в игру со смертью. А то, что делал Комлин, было именно такой игрой. И вы, профессор Леман, не будете директором института, потому что не понимаете этого и, кажется, восхищаетесь Комлиным. Нет, товарищи, говорю я вам! Под огонь мы вас не

пустим! В наше время мы можем позволить себе отмечать семьдесят семь раз, прежде чем отрезать. В наше время вы, ваши жизни дороже для нас, чем самые грандиозные открытия.

Вслух инспектор сказал:

— Я думаю, что можно писать акт расследования. Причина несчастья понятна.

— Да, причина понятна, — проговорил директор. — Комлин надорвался, пытаясь поднять шесть спичек.

Инспектора провожал директор. Они вышли на площадь и неторопливо двинулись к вертолету. Директор был рассеян, задумчив и никак не мог приспособиться к неспешной, ковыляющей походке инспектора. У самой машины их догнал Александр Горчинский, взлохмаченный и мрачный. Инспектор, уже пожав руку директору, взбирался в кабину — это было трудно ему.

— Ноют старые раны, — пробурчал он.

— Андрею Андреевичу уже значительно лучше, — негромко сказал Горчинский. — Через месяц он будет здоров.

— Знаю, — сказал инспектор, усаживаясь наконец с довольным кряхтением.

Подбежал пилот, торопливо вскарабкался на свое место.

— Будете писать рапорт? — осведомился Горчинский.

— Буду писать рапорт, — ответил инспектор.

— Так... — Горчинский, шевеля усиками, посмотрел инспектору в глаза и вдруг спросил высоким тенорком: — Скажите, пожалуйста, вы не тот Рыбников, который в шестьдесят восьмом году в Кустанае самовольно, не дожидаясь прибытия автоматов, разрядил какие-то штуки?

— Александр Борисович! — резко сказал директор.

— ...Тогда еще что-то случилось с вашей ногой...

— Прекратить, Горчинский!

Инспектор промолчал. Он крепко стукнул дверцей кабины и откинулся на мягкое сиденье.

Директор и Горчинский стояли на площади и, задрав головы, смотрели, как большой серебристый жук со слабым гудением проплыл над семнадцатистенной белорозовой громадой института и исчез в синем предвечернем небе.

Испытание СКИБР

1

Ночь была ясная и лунная. Было очень холодно и тихо. Но они не замечали ни холода, ни тишины, ни лунного света. Потом Акимов увидел, что Нина сутулится и прячет ладони под мышки, и накинул на нее свою куртку. Нина остановилась.

— Ты рад, что я прилетела? — спросила она.

— Очень. А ты?

— Очень. Очень, милый! — Она встала на цыпочки и поцеловала его. — Я ужасно счастлива. Просто ужасно.

Акимов обнял ее за плечи и повернул лицом к долине.

— Смотри, — сказал он. — Это Серая Топь.

Над долиной висели серые полосы тумана. Вдали они сливались в плотное серебристое полотно, за которым застывшими волнами чернели холмы. Еще дальше в мутно-голубом небе были видны бледные тени вершин горного хребта. Было очень тихо, пахло росой на увядшей траве.

— Серая Топь, — повторил Акимов. — Наш полигон. Нина прижалась к нему, пряча подбородок в куртку.

— Ты похудел, — сказала она. — Тебе не холодно?

— Нет.

— И ты стал выше.

— Не может быть, — сказал он. Он вытянул губы дудкой и выдохнул в лунный свет облачко пара. — Я себя отлично чувствую, малыш.

Они пошли дальше. Акимов продолжал обнимать ее за плечи, и это было удивительно хорошо, хотя и немногого неудобно, потому что он был гораздо выше ее. Нина смотрела под ноги и старалась наступить на толстую тень, скользившую впереди по тропинке.

«Нам пора быть вместе, — подумал Акимов. — Мы знаем друг друга два года, а вместе были всего несколько недель. Как будто я межпланетник! И мы начинаем забывать друг друга. Например, я забыл, как она сердится. Помню только, что она очень забавна, когда сердится. Просто прелесть. Завтра я прогоню скибров по Серой Топи, и мы вернемся домой».

Он остановил ее и сказал торжественно:

— Завтра мы вернемся домой. Завтра мы будем дома вместе и навсегда.

— Вместе и навсегда... — повторяла она с наслаждением. — Вместе и навсегда! Даже не верится.

Потом она сказала:

— А вот Быков... — Она не знала, почему вспомнила Быкова. — Вот Быков вернется домой не скоро.

Он промолчал.

— Быков будет лететь долгие годы. День за днем, месяц за месяцем. Далеко впереди сверкает звездочка... — Она заглянула ему в глаза. — А ты бы полетел?

— Еще бы! — сказал он. Он даже усмехнулся. — Только меня не возьмут.

— Почему?

— Потому что я слишком узкий специалист. А в такие экспедиции отбирают людей с двумя, с тремя специальностями... Мне не чета.

— Все равно, — сказала она. — Ты лучше всех.

Она улыбнулась и закрыла глаза. Можно было идти с закрытыми глазами. Он вел ее.

«Завтра мы вернемся домой, — подумала она. — А Быков улетит к звездам. Почему я думаю о нем? Большой, угрюмый Быков... Когда нас познакомили, он как-то странно поглядел на меня — словно приценивался. Или мне показалось? У него широкое лицо и маленькие холодные глаза. Лицо, как у большинства межпланетников, покрыто пятнистым коричневым загаром. В турболете Быков молчал и перелистывал журналы...»

Она поглядела на Акимова снизу вверх.

— Слушай, — сказала она, — эти твои... скибри, они очень важны для космолетчиков?

— Вероятно.

— Я тоже думаю, что важны. Иначе зачем было Быкову приезжать за ними самому, правда?

— Правда.

«Действительно, почему Быков приехал сам?» — подумал он.

— Здесь ступеньки.

Она не заметила, как они поднялись на холм. Каменные ступеньки вели на широкую бетонную площадку. Посреди площадки темнел плоский купол из гофрированной пластмассы. Купол был мокрый от росы, и на нем лежали скользкие лунные блики.

— Что это? — спросила Нина.

Акимов сказал:

— Наша мастерская. Здесь мы держим наше Панургово стадо. Хочешь посмотреть?

— Конечно, хочу.

— Кстати, ты немножко согреешься.

Акимов повел ее к куполу. Толстая тень бежала теперь сбоку по бетону. Бетон был тоже мокрый от росы и блестел под луной. Они обошли купол кругом. Акимов пошарил в кармане, достал плоский свисток и приложил к губам. Нина не успела зажать уши. Она ощутила неприятный толчок в барабанные перепонки и сморщилась. Сегмент купола, шурша, сдвинулся, открывая низкую прямоугольную дверь.

— Терпеть не могу ультразвук! — жалобно сказала Нина. — По-твоему, обыкновенный замок хуже?

— Это не я, — сказал Акимов. — Это выдумки Сермуса. Входи.

Они вошли, и дверь сейчас же закрылась за ними. Мастерская осветилась. Нина тихонько ойкнула, попятилась и наступила Акимову на ногу. Акимов взял ее за плечи.

— Не бойся, малыш, — сказал он весело.

В нескольких шагах перед ними стоял странный механизм. Нина уже несколько лет работала мастером-надчиком автоматов и видела немало странных машин, но таких чудовищ не видела никогда. Он был похож на гигантского муравья, вставшего на дыбы. Приплюснутое овальное брюхо покоилось на шести суставчатых рычагах, а над ним, как восклицательный знак, торчала не то грудь, не то шея, увенчанная тяжелой рогатой головой с крохотными тусклыми глазками. Перед грудью, словно передние лапы кенгуру, висели сложенные втрое мощные манипуляторы. Машина была величиной с годовалого теленка и выкрашена в сиреневый цвет. На спине ее четко выделялась черная двойка.

Нина огляделась. В стороне стояли еще два таких же чудовища. На их спинах были выведены единица и тройка. Она спросила.

Это и есть скибры?

— Да, — сказал Акимов. — СКИБР. Система кибернетических разведчиков. Собственно, это «кентавры». Хороши?

Она ответила шепотом:

Хороши! Они похожи знаешь на кого? На богомолов.

На богомолов? Акимов с интересом оглядел машины, словно видел их впервые. — Пожалуй. Да, очень похожи на насекомых. Но мы назвали их «кентаврами». Тоже похожи, правда? Пойдем.

Они направились к столу в глубине мастерской. Голо-

вы богомолов-кентавров словно по команде повернулись к ним. Это было неожиданно и как-то неправдоподобно. Нина остановилась.

— Они следят за нами? — спросила она вполголоса.

— Не за нами, — сказал Акимов. — За тобой. Меня они знают. И потом, это не они, а он.

— Кто?

— Он. «Оранг».

Только теперь Нина заметила позади «кентавров», занумерованных единицей и тройкой, нечто вроде цистерны на широких гусеницах. В верхней части цистерны оживленно мигали разноцветные огоньки.

— «Оранг»? — сказала Нина. — Теперь, конечно, все понятно. Все очень просто и ясно.

— Я тебе объясню. Понимаешь... — Акимов подвел Нину к столу и усадил на единственную табуретку.

— Понимаешь, СКИБР — это система роботов, кибернетическая система. «Оранг» — управляющий орган системы, ее «большой мозг», а «кентавры» — ее эффекторы, исполнительные органы. Собственно, «Оранг» и три «кентавра» — это единый организм, части которого не связаны между собой механически. «Оранг» управляет «кентаврами», как мы управляем своими руками, ногами... глазами, скажем. Но управляет на расстоянии. Вот сейчас «Оранг» рассматривает тебя глазами своих «кентавров».

— Пусть бы уж он лучше не рассматривал, — сказала Нина, демонстративно поворачиваясь к роботам спиной. Но она не удержалась и спросила: — И это все ты изобрел сам?

— Нет, что ты! — Акимов даже засмеялся. — Конечно, нет. Я всего-навсего программист. Систему строили шесть заводских лабораторий и два института. Нам Сермусу и мне — осталась только доводка — тонкое программирование. Правда...

Нина оглянулась и увидела, что «кентавр» с тройкой на спине как-то боком приближается к ним, неторопливо переступая шестью лапами-рычагами и тихонько покачивающей головой.

— Вам что, товарищ? — спросила Нина.

«Кентавр» остановился.

— Видишь, «Оранг» хочет познакомиться с тобой поближе, — сказал Акимов. — Он очень любит знакомиться.

— В другой раз, если можно — сказала Нина. Когда-нибудь в другой раз.

Акимов засмеялся и достал из кармана ультразвуковой свисток. Нина зажала уши. Акимов свистнул, и «кентавр» прежним неспешным аллюром, не поворачиваясь, вернулся к «Орангу». Нина проводила его любопытным взглядом.

— Странная форма для машины, — заметила она. — Настоящий богомол.

Акимов сказал:

— По-моему, для эффекторного механизма форма очень рациональная. К тому же выдумали ее не мы.

— Кто же?

— «Оранг».

Нина прикусила губу и оглянулась на «Оранга». Сиреневая цистерна на гусеницах выглядела очень мирно.

— Слушай, — сказала Нина, — как устроен «мозг» этой системы? Ведь это не полупроводники, конечно?

— Ага, — засмеялся Акимов, — все-таки интересно? Специалист остается специалистом.

Нина и глазом не моргнула.

СКИБР представлял собой чрезвычайно сложный механизм, непрерывно воспринимающий обстановку и непрерывно реагирующий на нее в соответствии с требованиями основной программы — собирать и передавать самую разнообразную информацию об этой обстановке. Создание такого механизма потребовало отказа от классических форм кибернетической техники — полупроводников, губчатых метапластов, волноводных устройств. Необходимо было принципиально новое решение. Оно было найдено в использовании замороженных почти до абсолютного нуля квантово-вырожденных сложных кристаллов с непериодической структурой, способных претерпевать изомерные переходы в соответствии с поступающими сигналами. Были отысканы и средства регистрации этих переходов и превращения их в сигналы на эффекторы.

Нина вздохнула:

— Нет, для меня это слишком сложно. Вырожденные кристаллы... Изомерные переходы...

— Я всегда говорил тебе, чтобы ты занялась теорией, — назидательно сказал Акимов.

— А время? Ведь я рисую.

— Да... Конечно. Я совсем забыл.

Он наклонился, взял ее руки в свои и приложил ее ладони к своим щекам. Щеки были горячие и колючие.

— Тебе бриться надо, — шепнула она.

Угу..

Он испытывал блаженство. «Навсегда и вместе, подумал он. — Вместе и навсегда».

Сиреневые страшилища почтительно таращились на них, «Оранг» меланхолично мигал цветными огоньками.

— Слушай, — спросила Нина, — а почему они сиреневые?

Акимов пожал плечами:

— Откуда я знаю? Если бы они были оранжевыми, ты спросила бы, почему они оранжевые. Это «Оранг» решает. Сегодня утром они были желтыми.

Нине стало смешно. Она прыснула и закашлялась. Акимов похлопал ее по спине.

— Я серьезно говорю, — сказал он. — Ведь это самоорганизующаяся система. И характеристики системы определяет сам «Оранг». И чем он руководствовался, окрашиваясь в сиреневый цвет, знает только он сам. Мы можем только догадываться. Может быть, это он из-за тебя.

— Поразительный нахал, — сказала Нина. — Интересно, что он этим хочет сказать? Подумай, ведь он и тебя мог бы выкрасить в сиреневый цвет. Или в желтый.

Она снова вспомнила Быкова и замолчала. Акимов сидел, закрыв глаза, и думал, какие у нее мягкие, теплые, сильные руки.

— Слушай, — сказала Нина, — ты думаешь, они помогут Быкову? Ты думаешь, Быков серьезно рассчитывает на них?

— Вероятно. Во всяком случае, с ними лучше, чем без них. Все-таки меньше риска. Вот Быков сажает корабль на неизвестной планете. О ней ничего нельзя сказать заранее. Сейчас нельзя даже наверняка сказать, что она существует. Он сажает корабль. Может быть, там камни взрываются под ногами. Или океаны из фтороводорода. Или электрические разряды в миллионы вольт. В общем, неизвестно и опасно. И Быков посыпает на разведку роботов. Вот этих скибров. Роботы узнают все, расскажут, посоветуют, что делать. Так я себе это представляю.

— Тогда это очень важно, — проговорила Нина.

— Да...

«Если Быков решит садиться, — подумал Акимов. — Если вообще будет где садиться. Но главное — почему Быков приехал сам? Почему не приехал его кибернетист?»

— Мне уж-жасно хочется, чтобы Быкову понравились ваши скибры, — сказала Нина.

— Мне тоже. Завтра он посмотрит. Наше стадо в порядке генеральной репетиции пройдет по Серой Топи. Десять километров сюрпризов и развлечений.

— Каких сюрпризов?

— Всевозможных. — Он взглянул на часы: — Малыш, у нас еще целых шесть часов! Пойдем ко мне, я напою тебя чаем. Чудесным горячим чаем...

Они вышли из мастерской (сиреневые «кентавры» качнулись им вслед, но не двинулись с места) и остановились на краю бетонной площадки.

Ночь шла на убыль. Туман над Серой Топью стал плотнее, небо на востоке посветлело. Над бледными тенями далекого горного хребта висела яркая звезда — искусственный спутник «Цифэй», с которого фотонный исполин Быкова будет стартовать в межзвездное пространство.

2

Утром с юга приползли тяжелые тучи, и на землю посыпалась мелкая водяная пыль. Но туман над Серой Топью разошелся. Стали видны кусты с пожелтевшими листьями, кочковатые пригорки в щетинистой травке, темные болотные лужи.

Около одиннадцати к мастерской подъехал вездеход на шаровых шасси. Из вездехода вышел огромный грузный человек с темным, почти коричневым неподвижным лицом — Антон Быков, знаменитый межпланетник, сын и внук межпланетников, командир фотонного корабля «Луч». Он молча протянул руку — сначала Акимову, затем Сермусу — и медленно кивнул Нине, которая стояла в стороне, кутаясь в лиловый плащ.

— Здравствуйте, товарищ Быков. Можно начинать? — спросил Акимов.

— Можно, — сказал Быков. У него был глухой, бесцветный голос.

Сермус, очень взволнованный и поэтому непривычно суетливый, поднес к губам плоский свисток и беззвучно свистнул три раза. Дверь мастерской отползла в сторону. Сермус свистнул еще раз.

Первыми, как скаковые лошади из конюшни, выбежали сиреневые «кентавры», гуськом спустились по склону холма, огляделись, забавно поворачивая рогатые головы, и замерли. Послышалось стрекотание, и из мастерской выкатился «Оранг». Быков крякнул: «кентавры» и

«Оранг» вдруг словно по волшебству окрасились в серо-стальной цвет.

«Оранг» перевалился через край площадки, осторожно сполз с холма и остановился рядом с «кентаврами».

— Фот наши шелесные тетишки, — сказал Сермус.

Акимову стало смешно. Во-первых, в «детишках» не было ни одного атома железа — они были построены из кремнийорганических пластиков, а привод их был биохимический, энергия генерировалась и использовалась непосредственно в их рабочих деталях. Во-вторых, сентенция Сермуса звучала не к месту высокопарно. Сермус был хороший парень, но обожал прочувствованные слова. Акимов покосился на Быкова. Но Быков только кивнул, не отрывая взгляда от роботов.

Акимов кашлянул и сказал:

— Дано задание провести детальную разведку Серой Топи точно с севера на юг в полосе шириной пятьсот метров. Длина маршрута — десять километров. Маршрут осложнен различного вида искусственными препятствиями.

Он остановился, ожидая, что Быков спросит о препятствиях. Но Быков не спросил. Он смотрел на роботов и время от времени платком стирал с лица дождовую пыль. Акимов продолжал:

— При высадке на неизвестной планете рационально будет пускать скибров по спирали вокруг корабля. Здесь я не решился на это, так как в семи километрах к северу отсюда проходит шоссе. Большое движение.

— Вы опасаетесь, что роботы натворят на шоссе что-нибудь? — спросил Быков бесцветным голосом.

— Собственно... — Акимов посмотрел на Сермуса, оглянулся на Нину и улыбнулся: — Год назад у нас была небольшая неприятность.

Быков наконец отвернулся от роботов и уставился на Акимова. У Быкова были маленькие, без ресниц, острые бледные глаза.

— А именно? — спросил он.

Год назад, когда тонкая доводка программы была еще далеко не завершена, Акимов и Сермус выпустили систему в первый пробный поход. «Кентавры» должны были пройти через сосновый лес к шоссе, дойти до мачты релейной передачи и вернуться обратно, спилив предварительно дерево в тридцать сантиметров толщиной. Сначала все шло хорошо. «Кентавры» довольно аккуратно прошли через лес, понюхали шоссе, подошли к мачте... и спилили ее.

— Спилили мачту релейной передачи? — удивился Быков.

— Да. И у нас были неприятности с радиостанциями. Быков покачал головой и сказал:

Это еще не так страшно. Вот если бы вместо мачты там оказался кто-нибудь из радиостанций... Радиостанция, перепиленный пополам при исполнении служебных обязанностей.

Акимов ответил на эту вспышку межпланетного юмора вежливой улыбкой. Но Сермус, как всегда, все принял всерьез.

О нет, горячо сказал он. — Это нефосмошно. Ропоты никогта не причинят фрета лютям.

— Теперь, разумеется, ничего подобного случиться не может, — сказал Акимов. — Но, знаете, уйти от зла.. Все готово, Сермус?

Котово.

— Пускай.

Сермус поднял к губам свисток, и испытание СКИБР началось. «Кентавры» неторопливо пошли вперед. Они шли зигзагами, то сходились, то расходились, шлепали по лужам и продирались через кусты. «Оранг», помигивая цветными огоньками, полз метрах в двадцати от них, подминая под гусеницы мокрую осоку.

Акимов повернулся к Быкову:

— В мастерской есть телевизоры. Можно наблюдать за системой со стороны или глазами «кентавров», как хотите.

— Я предпочел бы ехать вслед за ними

Можно и так, — согласился Акимов. — Но «Оранг» будет передавать данные разведки в мастерскую.

— Меня не интересуют данные разведки, — сказал Быков и пошел к воротам.

— Но метод передачи информации.. — растерянно начал Сермус.

— Меня не интересует метод передачи информации, — сказал Быков не оборачиваясь.

«Что же тебя интересует тогда, старая черепаха?» — подумал Акимов. Ему очень захотелось двинуть Быкова кулаком в толстую коричневую шею. Быков ему не привился. Кроме того, теперь было очевидно, что Быков, космогатор и старый межпланетный волк, не сможет оценить по достоинству великолепные качества скибров. В лучшем случае Быков похлопает в ладони и одобрительно улыбнется. Если он умеет улыбаться, черти бы его

побрали!.. Но тут Акимов вспомнил, что через два-три часа испытание закончится и он с Ниной вернется домой, а Быков на долгие годы, если не навсегда, улетит к звездам. Он подсадил Нину в вездеход, сел рядом и прижался к ней плечом. Она улыбнулась, но в ее улыбке было что-то неуверенное. Вездеход заворчал и медленно покатился, переваливаясь через кочки, за огоньками «Оранга».

Дождь продолжался, но спектролитовый колпак вездехода оставался чистым и прозрачным. Впереди, метрах в пятидесяти, маячили за пеленой водяной пыли серые фигурки «кентавров». «Оранг» сильно отстал от них и полз теперь рядом, справа от вездехода, удивительно похожий на мокрого серого слоненка, неуклюжего и добродушного. Акимов сказал в широкую спину Быкова:

— При необходимости «кентавры» могут удаляться от «мозга» на расстояние до пяти, шести и даже до восьми километров.

Широкая спина даже не шевельнулась. Акимов почувствовал, что краснеет.

— В случае нарушения связи, — сказал он, повысив голос, — «кентавры» сами возвращаются и ищут «мозг». Тогда они переходят на световую и звуковую сигнализацию. Сами ищут, — повторил он раздельно.

Нина положила пальцы на его руку. Сермус смущенно покашлял в пухлую ладошку. Вездеход круто накренился, объезжая замшелый пень, и в этот момент Акимов увидел глаза Быкова. Он увидел их всего на одну секунду в овальном зеркале перед местом водителя. Глаза разглядывали Акимова с каким-то странным, напряженным выражением. Вездеход выпрямился, и в зеркале запрыгала полуседая щетина над коричневым лбом.

Сермус кашлянул еще раз и сказал, галантно наклонившись к Нине:

— Феликолепные машины, не прафта ли, Нина Ифанофна?

Нина улыбнулась ему и поглядела на Акимова. Акимов хмурился и кусал губы. Во всяком случае, он больше не сердился. Нина сказала:

— Они слишком умны, эти ваши машины.

Сермус засиял и несколько раз кивнул головой.

— О, пока не столь утифительно, Нина Ифанофна. Интересное путеп поспе.

Прошло минут сорок. Половина маршрута осталась позади. «Кентавры» бежали деловито и немного суетли-

во, словно борзые на сворке, временами останавливаясь, чтобы не то осмотреть, не то обнюхать почву под ногами. Длинные шеи-груди и рогатые головы плавно покачивались на ходу. «Кентавры» без задержки проламывались сквозь густой кустарник, расчищая широкие просеки для «Оранга», с ходу перебирались вброд через ручьи и топкие участки, оставляя за собой для «Оранга» надежные гати из высохших веток и охапок сухой травы.

На берегу рыжего заболоченного озера, самого скверного места Серой Топи, «кентавры» замешкались, запрыгали взад и вперед по брюхо в грязи. Затем они бросились в воду и поплыли, взбивая желтую пену, а «Оранг» пошел в обход, протиснулся между озером и границей пятисотметровой полосы и встретил их на противоположном берегу, облепленных тиной и скользкими водорослями.

Нина захлопала в ладоши. Сермус улыбнулся:

Он перехитрил нас. Но это пока не столь утифительно.

Он огляделся, подумал и повернулся к Акимову:

Фремя?

Акимов кивнул. Тогда Сермус достал из нагрудного кармана черный коробок радиофона и нажал кнопку вызова.

Архангельский слушает, послышался слабый голос.

— Кофорит Сермус. Фремя, Коля.

— Есть, Эрнест Карлович!

Сермус спрятал радиофон и стал глядеть вперед, вытянув шею, через голову водителя.

Вездеход шел почти бесшумно, поэтому они сразу же услыхали доносившийся откуда-то прерывистый механический рев и скрежет и лязг металла. Нина почувствовала на спине неприятный холодок. Где-то в глубине ее подсознания эти звуки будили странные образы, жуткие и отвратительные. Вероятно, виноват был ее прадед, артиллерист, по семейным преданиям четыре года имевший дело с фашистскими танками на дымных полях Великой войны.

Да, это был танк. Старинная боевая машина, широкая и приземистая, вся в ярких пятнах оранжевой ржавчины. Танк появился сбоку на гребне холма и, разбрызгивая грязь, покатился на остановившихся «кентавров».

— Имитация активного нападения, — сказал Акимов. — На танке киберводитель, настроен на частоту управления системы.

— Где вы его откопали? — проворчал Быков. — Он не стреляет?

— Нет, — сказал Акимов.

«Действительно, где они его откопали?» — подумала Нина. Последние танки пошли в домны десятки лет назад, и раздобыть этот уникальный экземпляр было, вероятно, не просто.

«Кентавры» ждали. «Оранг» тихонько отполз ближе к вездеходу. Казалось, он колеблется, не зная, что предпринять. В искусственном мозгу с неуловимой быстротой менялись пространственные ориентации кристаллических решеток, возникали и мгновенно распадались диковинные, никем и никогда не зарегистрированные молекулярные связи, проносились электронные вихри и вихрики... «Оранг» думал — искал аналогии, сопоставлял, рассчитывал. Но ему еще не хватало данных. Нина подумала о настоящих живых людях, о тех, кто когда-то, давным-давно, впервые увидел перед собой танки.

— Танк раздавит их? — шепнула Нина.

— Тогда наша работа ни к черту не годится, — ответил Акимов. Чтобы лучше видеть, он привстал, держась за спинку сиденья. — Ага, наконец-то!

«Кентавры» перестроились, вытянулись цепочкой на встречу танку. Танк двигался на крайнего слева, помеченного единицей. Сетка дождя искала перспективу, и казалось, что он уже среди «кентавров». Нине бросилась в глаза удивительная легкость, пожалуй, даже грация шестиногих роботов рядом с громоздкой зловещей машиной. Они даже пританцовывали на месте, словно боксеры перед схваткой.

В последний момент, когда испачканные мокрой землей гусеницы нависли над «кентавром», тот прыгнул в сторону. Танк проскочил несколько метров, окатив «единицу» водопадом грязной воды, выпустил клуб сизого дыма и с ревом развернулся на одной гусенице.

«Кентавры» вновь перестроились. «Единица» затанцевала на месте, «двойка» и «тройка» перебежали, отрезая танку дорогу к «Орангу». «Оранг» неторопливо, даже как-то с ленцой, попятился еще немного. Огоньки на его корпусе погасли. Танк с громом и лязгом ринулся вперед, похожий на чудовищного носорога, ослепшего от ярости. «Кентавры», пританцовывая, дождались его и снова легко расступились. Тогда на серых боках «Оранга» вновь вспыхнул сложный рисунок огоньков. И в тот же момент танк остановился. Он остановился мгновенно, как вко-

панный, надрывный рев двигателя стих, и все три «кентавра» мигом вскарабкались на него, активно шевеля манипуляторами. «Оранг» стоял, уютно пофыркивая и совершенно равнодушно мигая разноцветными огоньками.

— «Оранг» переменил частоту настройки, — сказал Акимов.

— Я думала, «Оранг» его уничтожит, — проговорила Нина, переводя дух.

— Сачем? — вскричал Сермус очень пронзительно. — «Оранг» просто всял на сепя управление! Сачем расрушать, если можно использовать? Молотец, «Оранг»! Умница, «Оранг»!

— И что теперь будет? — деревянным голосом спросил Быков.

— Посмотрим, — ответил Акимов сдержанно.

— А вы что — не знаете?

— Предполагаю, — сказал Акимов.

И Нина тотчас положила ладонь на его рукав.

«Кентавры» перестали возиться на танке, спрыгнули, выстроились в цепь и побежали дальше. «Оранг» двинулся следом, а танк вдруг затрясся, лязгнул гусеницами, неуклюже развернулся и пополз в хвосте, уныло переваливаясь на кочках. По его ржавым бокам стекали дождевые струйки. У него был очень покорный и смиренный вид.

— Мы отстаем, — сказал Быков. — Поехали.

Вездеход догнал «Оранга» и покатился рядом. «Оранг» деловито (как ни в чем не бывало, подумала Нина) шлепал гусеницами по мокрой траве. Покоренный танк полз левее, расплескивая грязь, оставляя за собой длинный шлейф сизого дыма. «Кентавры» бежали метрах в тридцати впереди. Они были изумрудно-зеленого цвета.

Дождь немного усилился, когда впереди появилась длинная высокая стена, сложенная из огромных гранитных глыб. Стена пересекала поперек полосу маршрута и выглядела очень солидно. Сермус крепко потер ладонки и покашлял насмешливо.

«Кентавры» медленно подкрались к стене, пощупали ее манипуляторами и вдруг разбежались в разные стороны вдоль гранитной преграды — один направо, двое влево. «Оранг» повернулся к стене боком и стал ждать.

— Давайте отойдем немного, — сказал Акимов водителю, и вездеход отполз на несколько метров назад. — Так, хватит.

«Кентавры» снова собирались вместе и выстроились перед стеной в ряд. «Оранг» неторопливо подполз к ним и остановился рядом. Танк сиротливо торчал в стороне, всеми покинутый и забытый.

— Берегите глаза, — сказал Акимов.

Что-то треснуло, и по серому граниту скользнула ослепительная фиолетовая молния. Стена дрогнула. Друмм! Друмм! Над стеной взлетел фонтан серого дыма вперемешку с гранитной щебенкой. Друмм! Друмм! На граните вспыхивали малиновые пятна, и было видно, как разлетаются циклопические глыбы и стена оседает, разорванная широкими уродливыми трещинами. Друмм! Дррах! «Кентавры» и «Оранг» стояли перед стеной и по очереди расстреливали ее крошечными ампулами с замкнутыми в магнитные кольца струйками дейтериевой плазмы. Расстреливали спокойно, деловито, не торопясь.

Через минуту все было кончено. Стрельба прекратилась, стало очень тихо, слышно было, как что-то шипит и трещит в раскаленном щебне. «Кентавры» двинулись в широкий пролом, окутанный серым облаком дыма и пыли. «Оранг» подождал немного, пропустил вперед себя танк и тоже нырнул в горячее облако.

— Хорошо! — коротко сказал Быков.

Но Акимов снова поймал в зеркальце его взгляд странный, какой-то напряженный, словно межпланетник хотел и не мог себя заставить сказать что-то. Прославленный Быков был чем-то встревожен, и эта тревога была непонятным образом связана с ним, Акимовым, рядовым инженером-программистом. Это было очень странно.

Бездеход, тяжело скрипя по гранитным обломкам, миновал пролом. Стена была толстая, очень толстая не менее двух метров.

— Фот, фитите, Нина ИфANOФна, — торжествуя сказал Сермус. — Фот тот столпик. Это конец маршрута.

Танк остановился. «Кентавры» торопливо приблизились к столбику, обнюхали его, окрасились в серо-стальной цвет и вернулись к «Орангу». Испытание окончилось.

— Вот и все, — сказал Акимов устало. — Теперь можно домой.

Нина счастливо улыбнулась.

— Вместе и навсегда, — прошептала она.

И тут Быков обернулся.

— Мне нравятся ваши машины, — сказал он. Они

нам нужны. И вот что... — Он помолчал. — Мне нужно поговорить с вами, Акимов. Если нетрудно, зайдите ко мне после обеда.

3

Вероятно, Быков просто не знал, с чего начать. Он шуршился на серое небо за прозрачной стеной, кряхтел, гладил колени и барабанил по подлокотнику кресла толстыми, сильными пальцами. Пальцы были коричневые, в неправильных белых пятнах — следах космических ожогов. «Интересно, долго он будет молчать?» — подумал Акимов. Потом он подумал, что турболет в Новосибирск улетает через два часа. Потом он вспомнил, что оставил в мастерской подарок Нины — букет «вечных» цветов. Потом он подумал, что Нина, вероятно, уже упаковала чемоданы и теперь болтает с Сермусом. Сермус оставался в мастерской еще на неделю, и Акимову было немного неловко перед ним.

— Так вот, — сказал Быков бесцветным голосом. — Дело вот в чем...

После этого он опять замолчал на минуту, хрустнул пальцами и пожевал губами. Акимов нетерпеливо заерзal в кресле.

— Да. Дело вот в чем... — повторил Быков. — Скажите, Акимов, вы... Вы ведь работали над системой около двух лет, так?

— Так, — согласился Акимов.

— Сложное это дело — тонкое программирование?

Тонкое программирование «мозга» нового типа потребовало строжайшей изоляции места работы от всех внешних влияний. Поэтому работы пришлось проводить не в исследовательском центре, а здесь, вдали от крупных предприятий, от мощных линий силовых передач, от шума и гула большого города, в изостатических помещениях на глубине пятидесяти метров под холмом с пластмассовым колпаком. И поэтому Акимов провел здесь два года почти безвыездно, в напряженной ювелирной работе.

Но Акимов не стал говорить об этом Быкову. Он сказал только:

— Да, довольно сложное.

— Чем вы думаете заниматься дальше? — спросил Быков.

Акимов неохотно сказал:

— Буду работать в Новосибирском университете. Нельзя тратить по два года на каждую систему. У нас с Сермусом есть кое-какие идеи. Программирование программирования.

У них были «кое-какие идеи», и эти идеи очень увлекли их: рассчитать криогенные кристаллизаторы, выраживать готовый, запрограммированный «мозг»... Привлечь к этому делу математиков, физиков, в первую очередь «гения кибернетики» профессора Сунь Ситао из Кайфына. Но он *же* стал говорить и об этом.

Впрочем, Быков не настаивал. Он помолчал, побаранил пальцами по подлокотнику и с трудом произнес:

— Дело, собственно, в том, что... Да. Видите ли, две недели назад наш кибернетист сломал позвоночник. Спортивные игры, несчастный случай. Да. Он лежит в госпитале... Говорят, он уже *никогда* не сможет летать.

«Турболет улетает через полтора часа», — подумал Акимов. И вдруг он понял, о чем говорит Быков.

— Сломал позвоночник? — спросил он. — И *никогда* уже не сможет летать?

Быков кивнул, не поднимая глаз:

— Никогда. А мы стартуем через неделю.

Акимов встал, не спуская глаз с Быкова, и снова сел.

— Мы обратились в Институт экспериментальной кибернетики, — сказал Быков, — и нам порекомендовали вас. Вы абсолютно здоровы, вы отлично знаете свою систему, вы... Разумеется, если вы откажетесь, мы найдем кого-либо другого. Я понимаю, принять такое решение трудно... очень трудно...

— Нет, — поспешил сказать Акимов. — Я согласен. Разумеется, я согласен. Никто лучше меня не знает систему. Лучше меня и Сермуса. Но у Сермуса слабое здоровье...

— Я знаю.

Акимов почувствовал себя спокойнее и вдруг понял, почему Быков вел себя так странно. Звездолетчик Быков опасался, что кибернетист Акимов откажется от участия в полете. И звездолетчик Быков приехал сюда специально для того, чтобы уговаривать кибернетиста Акимова. Акимову стало смешно. Да, Быков — пожилой человек, и он уже забыл, что значит быть молодым и всей душой стремиться к неведомому. Акимов торопливо перебрал в памяти своих друзей и знакомых. Любой из них *же* стал бы колебаться и минуты.

— Кроме того, — продолжал Быков, — у Сермуса большая семья.

Тогда Акимов вспомнил ночь, многие夜里, яркий спутник «Цифэй» над горизонтом. И маленьющую, хрупкую Нину, которая так счастлива, что они будут вместе и навсегда.

— Но мне понадобится помощник, — сказал он возможно спокойнее. — Сервомеханик.

Быков поднял на него бледные глаза и поджал губы.

— Сколько она весит? — спросил он резко.

— Кто? — не понял Акимов.

— Ваша жена, конечно.

Акимов вытер ладонью испарину на лбу.

— Не знаю точно. Кажется, сорок пять килограммов.

— Звездный перелет, — сказал Быков, — это не прогулка. Это опасно...

Акимов промолчал.

— Хорошо! — сказал Быков. — В экспедиции есть две женщины. Пусть будет и третья.

Акимов встал, кивнул и пошел к двери. На пороге он обернулся и сказал насмешливо:

— Не советую вам мерять людей на килограммы, товарищ Быков. С вашего разрешения, я сейчас попрошу Нину Акимову зайти к вам.

Быков отвернулся к прозрачной стене. Дождь прекратился, серые тучи разошлись, открывая синее небо, в каплях на стекле загорелись крошечные радуги. «Старый дурак! — подумал Быков. — Старый брюзгливый дурак! Интересно, сколько поколений еще потребуется, чтобы старые брюзгливые дураки перестали повторять: «Вот были люди в наше время...»?» Он сказал, не оборачиваясь:

— Да, пожалуйста, попросите, товарищ Акимов.

Частные предположения

1. Поэт Александр Кудряшов

Валя Петров сам пришел ко мне сообщить об этом. Он снянул с головы берет, пригладил волосы и сказал:

— Ну вот, Саня, все решено.

Он сел в низкое кресло у стола и вытянул свои длинные ноги. Он посмотрел на меня и улыбнулся. Я спросил:

— Когда?

— Через декаду. — Он вертел в пальцах, складывал и разглаживал берет. — Все-таки назначили меня. Я было совсем потерял надежду.

— Нет, почему же, — сказал я. — Ведь ты опытный межпланетник.

— Здесь это не имеет значения.

Я достал из холодильника лимонный сок и мед. Мы смешали и выпили.

— Стартуем с «Цифэя», — объявил он.

— Где это?

— Внеземная станция. Спутник Луны.

— Вот как, — сказал я. — Я думал, Цефэй — это созвездие.

— Созвездие — это Цефей, — пояснил он. — А «цифэй» по-китайски значит «старт». Собственно, это стартовая площадка для фотонных кораблей.

Он поставил бокал на стол, надел берет, встал, протянул руку.

— Ладно, — сказал он. — Я пойду.

— А Ружена? Ружена уже знает?

— Нет. Она еще не знает. Я еще не говорил ей.

Он снова сел в кресло. Мы помолчали.

— Это надо долго? — спросил я.

Я знал, что это навсегда.

— Нет, не очень, — ответил он. — Собственно, мы рассчитываем вернуться через двести лет. Или двести пятьдесят. Ваших, земных, конечно. Очень большие скорости. Почти круглое «ще». Ладно... Мне надо идти.

Но он не поднимался.

— Выпьем вина, — предложил я.

— Давай.

Мы чокнулись, выпили по бокалу золотистой «Явы».

— Знаешь, — сказал он, — даже не верится. Что ж, перед нами стартовал Горбовский, а перед Горбовским — Быков. Я третий. Готовятся еще две экспедиции.

И будут, наверное, еще несколько. Ведь для нас это пустяки. Десять лет рейса, от силы пятнадцать.

— Да-да, конечно, — пробормотал я. — Эйнштейновское сокращение времени и все такое...

Он встал.

— Пойду... Ты будешь провожать меня?

Я кивнул. Он поправил берет и пошел к двери. У дверей остановился.

— Спасибо, Саня, — сказал он.

Я не ответил. Просто не мог сказать ни слова.

С Петровым на «Муромце» уходили еще пять человек. Троих я знал: Ларри Ларсена, Сергея Завьялова и Сабуро Микими. Ларсен даже был моим другом, хотя и не таким близким, как Валя. Провожавших было человек десять. Когда до старта осталось около часа, все расселись в кают-компании «Цифэя». На «Цифэе» не было тяжести, и нас обули в ботинки с магнитными подковами. Ружена и Валя держались за руки. Ружена сильно изменилась за это время. Она похудела, глаза ее стали еще больше, и она все время покусывала нижнюю губу. Она была очень красива, я даже не думал, что женщина может быть такой красивой. Валя держал ее за руку и улыбался. Мне показалось, что мысленно он уже со страшной скоростью несется среди отдаленных звезд. Он и Ружена молчали. Только один раз она что-то сказала вполголоса, и он погладил ее по руке.

Остальные тоже молчали. Молоденькая девушка в оранжевом, провожавшая межпланетника, которого я не знал, время от времени всхлипывала. Он краснел и похлопывал ее по плечу ладонью. Я испытывал удивление и недоверие. Мне не раз приходилось провожать людей в Пространство. Другим, наверное, тоже. Но сейчас все было по-другому. С этими шестерыми мы прощались навсегда. Я подумал, что они вернутся, когда никого из нас не останется в живых — ни меня, ни Ружены, ни девочки в оранжевом. Их встретят наши потомки. Может быть, даже их собственные потомки. Через столетия Валя Петров познакомится с девушкой по фамилии Петрова. «Собственно, я знал одного Петрова, — скажет Валя. — Он был начальником Третьей звездной экспедиции. Мы были друзьями детства. Может быть, вы его внучка?» — «Кажется, — ответит девушка. — Только не внучка, а пра-пра-пра-пра...»

— Ты не огорчайся, — сказал Валя громко.

— Я не огорчаюсь, — ответила Ружена.

— Это ведь очень нужно.

— Я понимаю.

— Нет, — сказал Петров, — ты не понимаешь, Руженка! Ты совсем ничего не понимаешь. Вот и Александр не понимает. Сидит Александр и думает: «Ну зачем им это нужно?» Верно, Саня?

Он смеялся. Нет, он не угадал, о чем я думаю. Я знал Валентина с детства и очень любил его. Но он был совсем не такой, как я. Мне всегда казалось, что он издевается надо мной. Он принадлежал к другой породе людей. Он был немножко фанфарон и позер. И он был необыкновенный смельчак. Мало кто решался на штуки, которые он позволял себе, а те, кто решался, отступали или гибли. Но ему все удавалось. Он с улыбкой шел над пропастями. Наверное, он очень любил себя такого — веселого, небрежного и неуязвимого. Другие тоже любили его. И Ружена любила его. Но что ему? Он и в двадцать четвертый век войдет, наверное, так же — весело улыбаясь и постукивая себя по изношенному ботинку тросточкой, вырезанной бог знает на какой планете.

В кают-компанию вполз беловолосый загорелый юноша и сказал:

— Пора, товарищи.

Мы встали. Девушка в оранжевом громко всхлипнула. Я поглядел на Ружену и Петрова. Они обнялись, и он зарылся носом в ее волосы.

— Все, — сказал он. — Прощай, ласонька.

Ружена молчала.

— Не огорчайся, — сказал он.

Она отстранилась от него и попыталась поправить прическу. Волосы не ложились.

— Иди, — попросила она. — Иди. Я не могу больше. Пожалуйста, иди. — У нее был низкий, непривычно ровный голос. — Прощай!

Он поцеловал ее и, не спуская с нее глаз, попытился к выходу. Он пятился, щелкая по полу магнитными подковами, и глядел на нее не отрываясь, словно боялся, что она выстрелит ему в спину. Лицо у него было белым, и губы тоже были белыми, но он улыбался. У локта его заслонили широкий Ларри Ларсен, незнакомый межпланетник, которого провожала девушка в оранжевом, затем другой незнакомый межпланетник, затем Сережа Завьялов.

— До свидания, Руженка! — крикнул Петров.

Я только позже вспомнил, что он сказал «до свидания», и подумал, что он оговорился.

Когда они вышли и лок за ними захлопнулся, беловолосый юноша нажал какие-то кнопки в стене. Оказалось, что сферический потолок кают-компании служил чем-то вроде стереотелекрана. Мы увидели «Муромца». «Муромец» был первоклассным кораблем с прямоточным фотонным приводом на аннигиляции. Он захватывал и сжигал в реакторе космический газ и пыль и еще что-то, что бывает в Пространстве, и имел неограниченный запас хода. Скорость у него тоже была неограниченной — в пределах светового барьера, конечно. Он был огромных размеров, что-то около полукилометра в длину. Но ~~как~~ он казался серебряной игрушкой, повисшей в центре экрана на фоне частых звезд.

Мы глядели на него, как завороженные. Потом кто-то громко высморкался, кажется, девушка в оранжевом. Экран осветился. Свет был очень яркий, как молния, белый с лиловым. Этот свет ослепил меня. А когда разноцветные пятна упали из глаз, на экране остались только звезды.

— Стартовали! — крикнул беловолосый юноша.

По-моему, он завидовал.

— Улетел... — прошептала Ружена.

Она подошла ко мне, неуклюже переставляя ноги в подкованных ботинках, и положила руку на мой рукав. У нее дрожали пальцы.

— Мне очень тоскливо, Саня. Я боюсь.

— Если позволишь, я буду возле тебя, — сказал я.

Но она не позволила. Мы вернулись в Новосибирск и расстались. Я сел за поэму. Мне хотелось написать большую поэму о людях, которые уходят к звездам, и о женщине, которая осталась на прекрасной зеленой Земле. Как она стоит перед уходящим другом и говорит *низким*, ровным голосом: «Иди. Я не могу больше. Пожалуйста, иди». А он улыбается белыми губами.

Через полгода рано утром Ружена позвонила ~~меня~~. Она была такой же бледной и большеглазой, как тогда на «Цифре». Но я подумал, что в этом виноват сиреневый оттенок, какой иногда бывает у видеокрана.

— Саня, — сказала Ружена. — Я жду тебя на аэропроме, стратоплан ЛТ-347. Приезжай немедленно.

Я ничего не понял и спросил, что произошло. Но она повторила: «Жду тебя» — и повесила трубку.

На ближайшей площади я сел в вертолет и помчался на аэропром. Утро было ясное и прохладное. Это ~~немногого~~ успокоило меня. На аэропроме меня проводили к

большому пассажирскому стратоплану, готовому к отлету. Стратоплан взлетел, едва я вскарабкался в кабину. Я сильно стукнулся грудью о какую-то раму. Затем я увидел Ружену и сел рядом с ней. Она действительно была бледна и покусывала нижнюю губу.

— Куда мы летим? — осведомился я.

— На Северный ракетодром, — ответила она. Она долго молчала и вдруг сказала: — Валентин возвращается.

— Что ты?!

Что я мог еще сказать? Перелет длился два часа, и за эти два часа мы не сказали ни слова. Зато другие пассажиры говорили очень много. Все были очень возбуждены и настроены недоверчиво. Никто не понимал, почему «Муромец» возвращается. Я узнал, что вчера вечером была получена радиограмма от Петрова. начальник Третьей звездной сообщал, что на «Муромце» вышли из строя какие-то устройства и он вынужден идти на посадку на земной ракетодром, минуя внешние станции.

— Петров просто испугался, — сказал пожилой толстый человек, сидевший позади нас. — Это не удивительно. Это бывает в Пространстве.

Я глядел на Ружену и видел, как дрогнул ее подбородок. Но она не обернулась. Оборачиваться не стоило. Петров не умел пугаться.

— Так было с Конгом, — подтвердил кто-то

— А параллельный прием? — спросил молодой межпланетник. У него было изуродованное лицо и злые глаза.

И все стали рассуждать относительно параллельного приема. Оказывается, и до и после радиограммы Петрова с «Муромца» почему-то продолжали поступать сигналы, отправленные еще в первую неделю после отлета. Сигналы были страшно искажены, но в каждом из них явственно проступало рутинное «ВТ» — «все благополучно». Спор был в самом разгаре, когда стратоплан стал снижаться.

Мы опоздали. «Муромец» уже сел, и мы сделали над ним два круга. Я хорошо разглядел корабль. Это уже не была елочная игрушка. Посреди тундры под синим небом стояло, накренившись, громадное сооружение, изъеденное непонятными силами, покрытое странными потеками. От него поднимался розовый пар.

— Это — трусость? — проговорил межпланетник с изуродованным лицом.

Стратоплан приземлился километрах в десяти от «Муромца». Ближе было нельзя — «Муромец» заразил местность при посадке. Мы вышли. Верхняя часть корабля черной тенью висела над горизонтом. От земли поднималось влажное тепло, время тянулось бесконечно долго. Прибыло еще несколько стратопланов. Мы ждали. Наконец послышалось стрекотание, и низко над нашими головами прошел вертолет. Вертолет сел в сотне шагов от нас.

Затем произошло чудо.

Из вертолета вышли трое и медленно направились к нам. Впереди шел высокий худой человек в поношенном комбинезоне. Он шел и похлопывал себя по ноге тростью изумрудного цвета. За ним следовал приземистый мужчина с пушистой рыжей бородой и еще один, сухой и сутулый. Мы молчали. Мы еще не верили. Трое подошли ближе, и тогда Ружена закричала:

— Валя!

Человек в поношенном комбинезоне остановился, отбросил трость и почти бегом кинулся к нам. У него было странное лицо: без губ. Не то лицо было таким красным, что губы не выделялись на нем, не то губы были слишком бледными. Но я сразу узнал Петрова. Впрочем, кто, кроме Петрова, мог прилететь на «Муромец»? Но этот Петров был почти стар, и у него не было левой руки — пустой рукав заправлен под пояс комбинезона. И все-таки это был Петров!

Ружена побежала к нему навстречу. Они обнялись. Человек с рыжей бородой и сутулый человек тоже остановились. Это были Ларри Ларсен и тот незнакомый пилот, которого полгода назад провожала девушка в оранжевом.

Мы молча окружили их. Мы смотрели во все глаза. Петров торжественно сказал:

— Здравствуйте, товарищи! Простите, многих из вас я, вероятно, позабыл. Ведь мы виделись в последний раз семнадцать лет назад...

Никто не проронил ни слова.

— Кто начальник ракетодрома? — спросил Петров.

— Я, — сказал начальник Северного ракетодрома.

— Мы потеряли свои авторазгрузчики, — сказал Петров. — Будьте добры, разгрузите корабль. Мы привезли много интересного.

Начальник Северного ракетодрома смотрел на него с ужасом и восхищением.

— Только не трогайте шестой отсек, хорошо? В ше-

стом отсеке две мумии. Сергей Завьялов и Сабуро Микими... Мы привезли их, чтобы похоронить на Земле. Мы везли их пять лет. Так, Ларри?

— Так, — сказал Ларри Ларсен. — Сергея Завьялова мы везли пять лет. Микими мы везли четыре года. А Порта остался там. — Ларри улыбнулся, борода его затряслась, и он заплакал.

Петров повернулся к Ружене:

— Пойдем, Руженка. Пойдем. Мы вернулись и привезли Земле в подарок далекие миры. Ты видишь, я вернулся!

Она смотрела на него так, как никогда ни одна женщина не смотрела и не посмотрит на меня.

— Да... — сказала она. — Ты вернулся...

Она зажмурилась и помотала головой. Они пошли, обнявшись, через толпу, и мы расступились перед ними.

На «Цифэ» она прощалась с ним навсегда. А встретила его через полгода. Он уходил на двести лет. А вернулся через семнадцать. Ему удалось это. Ему все всегда удавалось. Но как?

Я не знаю, как это объяснить и можно ли это объяснить. Я ведь только поэт. Я не физик.

2. Артистка Ружена Наскова

— Будет дождь, — сказал Валя.

Мы сидели на диване перед балконом и глядели в низкое небо над матовыми крышами города.

— Дождь, — повторил он. — Я очень давно не видел дождя. Там не было дождей.

— Почему? — спросила я.

— Не знаю. Не было...

Быстро темнело, и мы сидели, не зажигая света. Я обняла его за плечи.

— Не надо, Руженка, — сказал он тихо.

Я почувствовала под пальцами его пустой рукав.

— Не говори глупостей!

— Но это, наверное, очень неприятно.

— Не говори глупостей, — повторила я. — Лучше помолчи.

— Мы и так все время молчим...

Ветер колыхнул поднятую штору, и было слышно, как сзади в комнате зашуршала бумага.

— Как здорово — ветер! — сказал Валя и закрыл глаза.

— Ветра там тоже не было? — спросила я. Я прижалась лицом к его плечу.

— Тебя там не было, — услышала я.

В городе зажглись огни, тучи стали красноватыми и опустились еще ниже. Сразу хлынул дождь и забарабанил по стеклам.

— Хочешь, я закрою балкон?

— Ой, не надо! Сиди! — сказал он и очень сильно стиснул мои пальцы.

— Валька! — прикрикнула я.

Он отпустил мою руку.

— Прости, Руженка, я не хотел...

Я посмотрела ему в глаза.

— Ты стал какой-то железный, — сказала я. — Твердый, как полено. И ужасно сильный.

— Так и должно быть, — усмехнулся он. — Я стал невозможна сильный. Все калеки сильные.

— Какая чепуха! Это не оттого...

— Да, не оттого, — согласился он. — Это от перегрузок.

— Не надо, — попросила я. — Не надо рассказывать. Подожди...

Я снова прижалась лицом к его плечу. Дождь все шел. У балконных дверей скопилась лужица, и струйка черной воды медленно поползла в комнату. Я снизу вверх ~~поглядела~~ на Валю. Он смотрел на черную струйку ~~остановившись~~ глазами.

— Не надо, — прошептала я. — Не надо вспоминать. Постарайся сегодня ничего не вспоминать. Не будем сегодня вспоминать.

— Очень жалко Сергея, — медленно сказал он.

— Очень. Он был такой славный...

— Он был замечательный, — сказал Валя.

Я вспомнила Сергея, как всего год назад он ~~приходил~~ к нам, и другие межпланетники приходили к нам и ~~ночи~~ напролет кричали друг на друга на ужасном русско-французско-китайско-английском жаргоне, говорили о теории тяготения, о тау-механике, о каких-то специальных разделах математики. Я и не пыталась понять что-либо, а ведь они тогда обсуждали планы этого необыкновенного опыта.

Нет, ничего нельзя забыть. Не забыть, как тот отвратительный толстяк сказал: «Петров просто испугался. Это бывает в Пространстве». Как приходил Саня Кудряшов и сидел вечерами, согнувшись у стола, жалкий и

страшный. Я знала, что он так любит, что страшно сидеть с ним рядом, и думала, что это судьба. А Саня однажды сказал: «Ведь он мог просто погибнуть, Ружена. Просто погибнуть в самом обычном рейсе». Он сказал так, потому что хотел утешить меня, но я его до сих пор не могу простить. Я все время хотела быть одна. Рядом со мной кипела огромная прекрасная жизнь, мои родные люди учились, любили, строили, а я не могла быть с ними. Я перестала петь, никуда не выходила, ни с кем не разговаривала. Я завидовала. Или, может быть, я надеялась. Вероятно, с самого начала в глубине души я надеялась, что Валя может совершить невозможное. Разве это можно забыть? И вот он вернулся.

Валя встал, подошел к балкону и закрыл дверь. Я сказала:

— Будем пить чай. Хочешь?

— Угу... Еще как!

Он прошел через комнату и включил свет.

— Ничего не изменилось, — сказал он оглядываясь. — Будто и не было этих семнадцати лет.

— Только сто восемьдесят семь дней, — поправила я. — И семь часов в придачу.

— Да, конечно...

Глаза у него засияли, и он стал похож на прежнего Валентина Петрова. Он был таким же много лет назад, в Дао-Рао, где мы познакомились во время подводной охоты. Никакой рыбы не было, мы просто постреляли из электрических ружей по водорослям, а потом долго сидели на песке и разговаривали. Он был веселый, стремительный и все время острил. Видно было, что он очень хочет понравиться, но понравился он не сразу. Он понравился, когда перестал острить.

Я принесла чайник, накрыла на стол и налила ему в его любимую чашку черного фарфора. Я села напротив и стала смотреть, как он пьет.

— Замечательный чай, — похвалил он. — Только ты умеешь делать такой.

— Я совершенно не умею делать чай, — сказала я. — Я в этом ничего не понимаю.

— Порта варила удивительный кофе, — сказал Валя.

И он стал рассказывать, как Порта варила кофе и они в шестером пили кофе из маленьких чашечек, которые Порта возил с собой во все свои экспедиции. Кофе был горячий и черный, и было удивительно вкусно отхлебывать его маленькими глотками и заедать слиновым ва-

реньем, и Порта сокрушался, что на корабле нельзя курить. Он говорил, что кофе состоит из кофе, варенья и табачного дыма, но никто ему не сочувствовал, потому что из всех шестерых курил он один. Вахтенный загонял его в ванную и ставил под вентилятор, и Порта сидел там в мрачном одиночестве и злился. Но он ничего не мог поделать — таковы были правила.

— Он ужасно сердился, — повторил Валя. — А потом, когда начались перегрузки...

Он замолчал и уткнулся в чашку.

— Ну? — сказала я.

— Потом он уже не сердился... — проговорил Валя. — Налей мне еще.

— Нет уж, — сказала я, — теперь ты рассказывай. Ты ведь еще ничего не рассказывал. Рассказывай про перегрузки.

Валя уставился на мои руки, пока я наливалась ему чай.

— Слушай, ты сто лет не поила меня чаем.

— Рассказывай про перегрузки, — потребовала я. — Очень были большие?

— Перегрузки были ой-ей-ей, — сказал он. — Как об этом расскажешь? Это надо испытать.

— Очень интересная и исчерпывающая информация. Ой-ей-ей — это значит раза в три-четыре?

— Угу, — подтвердил он. Он сидел ссутулившись, глядя в скатерть.

— Валя! — окликнула я.

Он очнулся не сразу. Вероятно, он глядел на то, что мне никогда не увидеть. В раскрытом вороте рубашки темнела его сухая коричневая грудь с выступающими ключицами.

— Мы большие молодцы, — медленно проговорил он. — Мы настоящие звездолетчики.

— Валя, — сказала я, — как вам удалось вернуться так быстро?

Он поднял голову и улыбнулся. У него снова заблестели глаза.

— Я очень хотел этого, Руженка, — сказал он. — Я очень люблю тебя, потому я вернулся так быстро. Ну и, конечно, немного физики.

— Меня интересует как раз физика, — сердито сказала я.

— А как ты сама думаешь?

Я стала вспоминать мою школьную физику. Я никог-

да после школы не интересовалась физикой, но я добро-
совестно пыталась вспомнить.

— Ты говорил, что локальное время перелета —
семнадцать лет?

— Да.

— Но земное время перелета — шесть месяцев, —
нерешительно сказала я. — И вы шли на возлесветовых
скоростях. Значит, релятивистские эффекты были вели-
ки... Но ведь специальная теория относительности дает
обратный эффект. На Земле должно было пройти больше
времени, чем на вашем корабле. И потом... Погоди, по-
моему, специальная теория относительности здесь вооб-
ще неприменима. Вы же шли с перегрузками, все время с
ускорением. Поэтому вы все время находились в гравита-
ционном поле. Так?

— Умница, — проговорил он с нежностью. — Нет,
ей-ей умница! Ты схватила самую суть.

Он полез через стол поцеловать мне руку и уронил
чашку. Чашка покатилась по скатерти, оставляя коричне-
вую дорожку. Валя поднял чашку и уронил стул.

— А ну его к черту, — закричал он и пнул стул ногой. — Ты схватила самую суть, Руженка, и мне большие
нечего тебе объяснять. Все равно ты больше ничего не
поймешь, жалкая жрица муз.

Он все-таки поднял стул и уселся на него верхом,
положив локоть на спинку.

— Я тебе только вот что скажу. Как ведет себя время
в системах, движущихся ускоренно, не знал до нас никто.
Были только разные частные случаи. Знаешь, как пишут:
«Таким образом, при некоторых частных предположени-
ях относительно силового поля...» и так далее. А мы
теперь знаем, доказали на опыте, что при больших уско-
рениях на возлесветовых скоростях можно управлять
временем. Можно сделать так, что звездолет вернется
через сто лет, а пилоты состарятся на год. Что-то в этом
роде будет с Быковым и Горбовским. Они вернутся мо-
лодыми, но Земля состарится. У них очень мало ускоре-
ние. А если лететь так, как летели мы, все будет наобо-
рот. Постаревший пилот возвращается к своей по-
прежнему юной супруге. Здорово я тебе все объяснил?

— Здорово! — сказала я.

— Велик ли я?

— Велик! — сказала я.

Он снова стал Валей Петровым. Он смеялся радостно,
весело и очень гордился собой.

— Не я ли глава семьи?

— Ну конечно же! — смириенно согласилась я.

— А ты понимаешь, как все это здорово?

Еще бы! Я понимала. Он никогда больше не уйдет от меня надолго. Он будет возвращаться постаревший и окаменевший от перегрузок, но он будет возвращаться скоро. Мириады миров разделят нас, но никогда больше не разделят нас годы.

— Завтра нагрянут гости, — вдруг вспомнил Валя и потянулся. Было очень странно и непривычно видеть, как он потягивается одной рукой. — И надо лететь в Совет космогации. И надо готовить доклад.

— Вы привезли много материала? — спросила я.

— Массу. Мы привезли фильм «Планета Ружена, на которой не бывает дождей».

— А там правда не бывает дождей? — спросила я. Мне было очень приятно.

Он ответил:

— Один раз мы там увидели облачко. По этому поводу Порта варил кофе. Но во всем другом Ружена — очень богатая планета. И там солнце не в пример нашему — белая звезда. По сравнению с ним наше солнце просто медный таз.

Он вскочил, выбежал из комнаты и вернулся с изумрудной тростью.

— Смотри, — сказал он. — Зеленая древесина. Это белковая растительность. Но Порта нашел там и небелковую жизнь.

Я прислонила трость к столу.

— А что случилось с Портой? — спросила я шепотом.

Валя не ответил, и я вспомнила, что он никогда не отвечал на такие вопросы.

— Мы привезли девятнадцать культур разных микробов, — сказал он. — Штук тридцать гербариев, такое вот зеленое дерево и целую батарею банок с заспиртованными организмами. И мы привезли такую коллекцию минералов! Я могу назвать тебе двадцать человек, которые облизнутся, увидев все это. Хотя бы Константин Робертович Ченчик.

Ченчик был председатель Комитета по внеземным ресурсам.

— Ты снова полетишь туда? — спросила я. Я старалась говорить совсем небрежно, как бы между прочим. Но он понял и засмеялся.

— Конечно, нет. Туда полетят другие. Там будет обо-

рудована база. Ружена — отличное место для базы. С Ружены мы будем стартовать дальше — к системе ВК 902, а оттуда еще дальше — к красному гиганту ВК 1335. Это очень далеко.

Он вдруг вспомнил что-то и наморщил лоб.

— Руженка, — сказал он, — ты не знаешь, что это за блестящая башня стоит на ракетодроме?

Я не знала, о какой башне он говорит.

— Наверное, ее построили за эти полгода, — сказал Валя. Он засмеялся. — Знаешь, когда я понял, что опыт удался? Когда увидел тебя. А то мы глазели на эту башню, и Ларри божился, что это двадцать четвертый век. Теперь я вспоминаю и начальника ракетодрома, но тогда я не узнал его. Просто забыл за семнадцать лет, какой он, и мне показалось, что это новый.

— А ты меня сразу узнал? — спросила я.

— Ну еще бы!

— Я все время думала, что это сон, — сказала я. — Я и сейчас так думаю. Ты просто мираж...

— Твердый, как полено, — добавил он.

Я засмеялась, потом немножко поплакала и рассказала ему, как он год за годом летел один через черную пропасть, полную холодных звезд. Впереди звезды, позади звезды, и больше ничего.

Валя покачал головой.

— Все это так, — протянул он. — Только звезд тоже нет — ни впереди, ни сзади.

— Почему? — спросила я сквозь слезы.

— Допплеровская слепота... При возлесветовых скоплениях эффект Доппеля смешает излучение звезд в невидимые глазом области. Звезды можно видеть только с помощью специальных преобразователей. А если смотреть в обычные телескопы, то вокруг тьма. Беспространная тьма. Это очень неприятно, Руженка, — смотреть в обычные телескопы. Кажется, что, кроме тебя, никого нет во всем мире...

Мне стало холодно, и я прижалась к нему.

— Пойдем спать, — сказал он. — Завтра будет тяжелый день.

— А вдруг я проснусь, а тебя нет?

— Так, наверное, и будет. Завтра я рано-рано улечу в Москву. Я даже будить тебя не буду.

— Разбуди, — попросила я.

Он быстро уснул, а я еще долго сидела рядом и смотрела на его лицо. Лицо казалось темным, почти

черным в полумраке. Он спал спокойно, только один раз вдруг сказал быстро: «Осторожно, Ларри... Это же адская боль». И через минуту: «Выгони вон Артура. Он не привык смотреть на это».

Никогда больше он не уйдет надолго. Он будетозвращаться постаревшим и когда-нибудь вернется совсем старым, но никогда больше не придется ждать годами. Человек, управляющий временем, — мой муж.

3. Звездолетчик Валентин Петров

Третья звездная началась. «Муромец», неторопливо набирая скорость, пошел прочь от Солнца по перпендикуляру к плоскости эклиптики. Теперь мне предстояло рассказать о своем замысле товарищам. На Земле я думал, что самое сложное — это добиться согласия у Совета космогации. В том, что согласится экипаж, я не сомневался. Я посмотрел на Сережку — он сидел у пульта и жевал тянучки — и немного успокоился. Сережка согласился еще на Земле, и мы вместе отстаивали эту идею в Совете. Я кивнул ему, и мы вышли в кают-компанию. Там Ларри играл с Сабуро в шахматы, маленький Людвиг Порта копался в фильмотеке, а Артур Лепелье сидел прямой, как манекен, и глаза его были широко раскрыты. У него в глазах была девушка в оранжевом свитере. Я подумал, что он наверняка согласится.

— Вот что, — начал я. — Вы хорошо представляете себе, что такое звездная?

Они посмотрели на меня с изумлением. Конечно, они все хорошо представляли себе. Годы непрерывных будней и отречение от людей и Земли своего времени, потому что к тому дню, когда мы вернемся, память о нас превратится в легенду. Они молча глядели на меня, затем Порта ответил неторопливо:

— О да, конечно, мы все представляем это хорошо.

Я сказал:

— Я хочу вернуться на Землю раньше, чем через двести лет.

— Я тоже, — сказал Сабуро.

— Я тоже, — усмехнулся Ларсен. — Например, сегодня к ужину.

Артур Лепелье заморгал, а Порта с интересом спросил:

— Вы хотите уменьшить скорость?

— Я хочу вернуться домой гораздо раньше, чем через

двести лет, — повторил я. — Есть возможность проделать всю работу и вернуться домой не через двести лет, а через несколько месяцев.

— Это невозможно, — сказал Сабуро Микими.

— Фантастика, — вздохнул Артур.

Ларри положил подбородок на огромные кулаки и спросил:

— В чем дело? Объясни, капитан.

До выхода в зону АСП (абсолютно свободного полета) оставалось еще около суток. Я сел в кресло между Ларсеном и Артуром и сказал Сергею:

— Объясни.

Известно, что чем ближе скорость звездолета к скорости света, тем медленнее течет в звездолете время, подчиняясь законам теории тяготения. Но этот закон справедлив только при малых ускорениях звездолета и при коротком времени работы двигателя. Если же на околосветовых скоростях звездолет идет с двигателями, работающими непрерывно, если ускорения при этом достаточно велики, если у светового барьера создаются перепады ускорений, тогда... Трудно сказать, что получится тогда. Современный математический аппарат бессилен дать общие результаты. Однако при некоторых частных предположениях относительно характера движения звездолета теория тяготения не исключает возможности явлений иного порядка. Не исключено, что время в звездолете ускорит свое течение. Десятки лет пройдут на корабле, и только месяцы на Земле. «Муромец» — первый в истории прямоточный фотонный корабль. На нем можно поставить этот эксперимент. Правда, это невыносимо трудно. Это потребует многих лет полета с чудовищными перегрузками — в пять-шесть раз.

— Фантастика! — вздохнул Артур. В его глазах снова появилась девушка в оранжевом свитере.

Я очень рассчитывал на Порта. Он был биолог, но знал, по-моему, все, кроме дескриптивной лингвистики.

— Я слыхал об этом, — сказал он. — Но это только теория. И это... — он неопределенно пошевелил пальцами.

Но нет, это была не только теория. Три года назад я испытывал «Муромца» в зоне АСП. Я сорок дней просидел в амортизаторе, ведя звездолет с ускорением, вчетверо большим, чем ускорение силы тяжести на Земле. Когда я вернулся, оказалось, что бортовой хронометр ушел на четырнадцать секунд вперед. Я провел в Пространстве на четырнадцать секунд дольше, чем это зафиксировали

земные часы. Я рассказал об этом Горбовскому накануне старта Второй звездной. Горбовский поднял палец и произнес нараспев:

Сегодня в Космос пущена ракета.
Она летит в двенадцать раз быстрее света.
И долетит до цели в шесть утра —
Вчера.

Сейчас в кают-компании я снова рассказал про свой эксперимент и соврал, что выиграл полторы минуты.

— О! — сказал Порта. — Это хорошо.

— Но это должны быть лютые перегрузки, — предупредил я.

Об этом надо было сказать непременно, хотя в состав экспедиции я отобрал только опытных межпланетников, с безукоризненным здоровьем, хорошо переносящих удвоенную и даже утроенную тяжесть.

— Какие? — спросил Ларсен.

— Раз в семь...

— О! — сказал Порта. — Это плохо.

— Значит, я буду весить полтонны? — сказал Ларсен и захохотал так, что все вздрогнули.

— А Совет знает? — осведомился Сабуро. Он обладал большим чувством ответственности.

— Они не верят, что из этого что-нибудь получится, — ответил Сергей. — Но они разрешили... Если вы согласитесь, конечно...

— Я тоже не верю, — заявил Артур очень громко. — Перегрузки, частные предположения...

Они разом заспорили, и я ушел в рубку. Конечно же, они не испугались перегрузок, хотя все отлично знали, что это такое. Они все согласились, возражал только Артур, которому ужасно хотелось, чтобы его убедили. Через полчаса они все пришли в рубку. Я посмотрел на них.

— Надо действовать, капитан, — сказал Ларри.

— Мы выполним работу и вернемся домой, — сказал Артур. — Домой! Не просто на Землю, но Домой.

— И какой эксперимент! — воскликнул Микими.

— Но семикратные перегрузки?.. — Порта пошевелил пальцами.

— Да, семикратные, — подтвердил я. — Или восьмикратные. Или десяти...

— Это тяжело, — спокойно заключил Порта.

Это было так тяжело, что иногда казалось, что мы не

выдержим. Первые месяцы я медленно наращивал ускорение. Микими и Завьялов составили программу для кибернетического управления, и ускорение автоматически увеличивалось на один процент в сутки. Я надеялся, что мы сумеем хотя бы немного привыкнуть. Это оказалось невозможным. Кости трещали, мускулы не выдерживали тяжести рук. Мы вынуждены были отказаться от твердой пищи и питались бульонами и соками. Через сто дней наш вес увеличился в три раза, через сто сорок — в четыре. Мы неподвижно лежали в эластичных гамаках и молчали, потому что очень трудно было двигать языком и челюстью. Через сто шестьдесят дней перегрузка превысила силу тяжести на Земле в пять раз. Только Сабуро к тому времени мог пройти от кают-компании до рубки, не потеряв по дороге сознания. Не помогали амортизаторы, не помогал даже анабиоз. Попытка применить анабиотический сон в условиях такой перегрузки не привела ни к чему. Порта мучился больше всех, но, когда мы уложили его в «саркофаг», он никак не мог заснуть. Он мучился, и мы мучились, глядя на него.

Я весил три с половиной центнера, а Ларри — четыреста кило. На него было страшно смотреть. На любого из нас было страшно смотреть. Лицо отекло, не было сил поднять веки, позвоночник трещал при каждом движении. Мы лежали перед «саркофагом» и глядели на Порта.

— Хватит, Валя, — простонал Сережа.

Мы поползли в рубку. Там стоял — стоял! — Сабуро. Челюсть его отвисла на грудь, с губы тянулась слюна.

— Хватит, Сабуро, — сказал я чужим голосом.

Сережа попробовал встать, улыбнулся и снова припал щекой к полу.

— Хватит, — прохрипел он. — Порта плохо. Он может умереть. Выключай реактор, Сабуро.

— До троекратного, — приказал я.

Сабуро, еле шевеля пальцами, царапал ногтями по пульте. И вдруг стало легче. Упоительно легко!

— Троекратное ускорение, — сообщил Сабуро и сел рядом с нами на мягкий пол.

Мы полежали, привыкая, затем поднялись и пошли в кают-компанию. Нам было много легче. Но скоро мы переглянулись и снова стали на четвереньки. Мы весили по двести — двести пятьдесят килограммов. Это было на сто шестьдесят седьмой день полета. «Муромец», пожирая рассеянную материю, несся со скоростью двести двадцать тысяч километров в секунду.

Потянулись месяцы. Собственная скорость «Муромца» перевалила за световую¹ и продолжала увеличиваться на тридцать два метра в секунду за секунду. Нам было очень тяжело. Я думаю, никто по-настоящему не верил в успех опыта. Зато каждый по-настоящему знал, к каким последствиям может привести успех. Все люди — мечтатели. И мы тоже, поддерживая отвисающие подбородки, мечтали за срок одной только жизни обежать дальние окраины Вселенной и подарить эти окраины людям.

Порта стало лучше, он много читал и усиленно занимался теорией тяготения. Время от времени мы укладывали его на несколько недель в «саркофаг», но ему это не нравилось: он не желал терять время. Ларри и Артур вели астрономические наблюдения, Сергей, Сабуро и я стояли вахты. В промежутках между вахтами мы рассчитывали ход Времени в ускоренно движущихся системах при различных частных предположениях. Ларри заставлял нас заниматься гимнастикой, и к концу года я уже мог без особого труда подтягивать на перекладине свои два центнера.

Между тем Тайя разгоралась все ярче в перекрестьях нитей курсового телескопа. Тайя была целью первых трех звездных. Она была одной из ближайших к нашему Солнцу звезд, у которой давно уже были отмечены неравенства в движении. Считалось, что Тайя может иметь планетную систему. Перед нами к Тайе шел Быков на «Луче» и Горбовский на «Тариэле». Быков через каждые пятьдесят тысяч астрономических единиц сбрасывал мощные радиобакены. Новая трасса должна была быть отмеченной шестнадцатью такими радиобакенами, но мы уловили сигналы только семи. Может быть, бакены погибли, но скорее всего мы просто обогнали Быкова. Бакены были оборудованы воспринимающим устройством, работающим на определенной частоте. Можно было оставить запись, чтобы ее прочли те, кто пойдет вслед. Один из бакенов в ответ на наш вызов просигналил: «Был здесь. Четвертый локальный год. Горбовский». Совершенно невозможно сказать, за сколько лет до нас он проходил.

¹ «Сверхсветовая скорость» — это скорость, вычисленная по расстояниям, измеренным земным наблюдателем, и по промежуткам времени, измеренным по часам на ракете. Такая скорость, естественно, может превышать скорость света, но с точки зрения наблюдателя на ракете она, разумеется, все равно останется в пределах 300 тыс. км/сек.

Оказалось, что Тайя не имела планетной системы. Это была двойная звезда. Ее невидимый с Земли компонент оказался слабой красной звездой, почти погасшей, истощившей свои источники энергии. Мы были первыми Землянами, увидевшими чужие солнца. Тайя была желтая и очень походила на наше Солнце. Спутник ее был очень хорош. Он был малиновым, и по нему ползли вереницы черных пятен. Вдобавок он не был обычной звездой: Ларсен обнаружил медленную и неправильную пульсацию его гравитационного поля. Две недели мы крутились около него, пока Артур и Ларри вели наблюдения. Это были блаженные недели отдыха, нормальной тяжести, временами даже невесомости.

Затем мы пошли к соседней звезде — белой звезде ВК 71016. Этого потребовал Порта, и я не знаю, правильно ли я сделал, уступив ему. Порта был биолог, и его больше всего интересовали проблемы жизни. Он требовал планету — теплую, окутанную атмосферой, полную копошащейся жизни. Мы тоже хотели увидеть Новый Мир. Мы надеялись встретить себе подобных. Каждый из нас тайно мечтал об этом с того момента, как стал межпланетником. А до того, как стал межпланетником, мечтал во весь голос. И мы пошли к ВК 71016.

Мы летели к ней четыре года, и снова свирепые перегрузки прижимали нас к полу, и мы задыхались в амортизаторах, как раздавленные червяки. Но все же нам было гораздо лучше, чем в начале пути. Видимо, мы приспособливались. С нас слезала кожа, выпадали ногти, мы ели восемь раз в сутки и почти совсем не спали, но мы приспособливались. И мы долетели до белой звезды ВК 71016.

Да, она имела планетную систему. Четыре планеты, из которых одна обладала атмосферой и была немножко больше Земли. Это была прекрасная планета, зеленая, как Земля, покрытая океанами и обширными равнинами. Братьев по Разуму на ней не оказалось, но жизнь кипела на ней. Я сказал, что хочу назвать ее именем Ружены. Никто не возразил. Но планета встретила нас так, что мне не хочется вспоминать об этом. Она отвратительно встретила нас. Порта остался там, мы даже не знаем, где его могила. И там осталась моя рука. А Сережа Завьялов и Сабуро Микими оставили там столько своей жизни, что не сумели дожить до возвращения.

Обратно мы летели шесть лет при максимально возможных перегрузках. Мы торопились попасть в наше

время, потому что до самого конца не знали, удался наш опыт или нет. Мы три года шли с семикратной перегрузкой и сбросили ускорение только потому, что Ларсен, неудачно шагнув, проткнул ребром левое легкое. После этого мы год отдыхали на троекратном ускорении. «Муромец» плохо слушался управления, и мне пришлось отказаться от внеземной станции и сесть прямо на Землю. Конечно, это стыдно, но я не хотел рисковать. Мы приземлились удачно. Потом мы с Ларсеном держали Артура, который хотел целовать землю, зараженную фотонным реактором. Потом мы сели в свой вертолет и вылетели к людям. Но, только увидев Ружену, я понял, что опыт удался.

Тяжелый, жестокий опыт, но он удался. Мы привезли людям своего времени чужие миры. Может быть, всю Вселенную, как мы мечтали в полете. Это славно — не отдаленным потомкам, не у памятников самим себе, а близким и родным людям своего века подарить ключи от Пространства и Времени. Конечно, мы были всего только исполнителями. Спасибо людям, которые создали теорию тяготения. Спасибо людям, которые создали прямоточную ракету. Спасибо людям, которые создали наш прекрасный мир и создали нас самих такими, какие мы есть.

Вот только Быков и Горбовский... Они вернутся, когда нас уже не будет, но я думаю, они не рассердятся на нас.

Публикации

ИЗВНЕ

Повесть в трех рассказах

- 1958 — в журнале «Техника — молодежи», № 1
1960 — в книге «Шесть спичек: Научно-фантастические рассказы»
1963 — в сборнике «В мире фантастики и приключений», Ленинград
1980 — в книге «Неназначенные встречи: Фантастические повести»
1967, 1970, 1973, 1989 — под названием «Пришельцы: Рассказ участника археологической группы «Алида» К. Н. Сергеева» в сборнике «Фантастика и приключения: Рассказы советских писателей»

ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ

Повесть

- 1960 — в книге «Путь на Амальтею: Научно-фантастические повесть и рассказы»
1961 — фрагменты повести в журнале «Наука и техника», №№ 8, 9
1964 — в сборнике «В мире фантастики и приключений», Ленинград
1985 — в книге «Стажеры: Фантастические повести»

СТАЖЕРЫ

Повесть

- 1962 — в книге «Стажеры: Научно-фантастическая повесть»; под названием «Должен жить: Фантастическая повесть» в сборнике «Мир приключений», книга 8; под названием «Генеральный инспектор» в журнале «Искатель», № 2
1968 — в книге «Стажеры. Второе нашествие марсиан: Фантастические повести»
1985 — в книге «Стажеры: Фантастические повести»

ЗАБЫТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Рассказ

- 1959 — в журнале «Знание — сила», № 8
1960 — в книге «Шесть спичек: Научно-фантастические рассказы»
1990 — в газете «Комсомолец Донбасса», 28—29 августа

ШЕСТЬ СПИЧЕК

Рассказ

1959 — в книге «Дорога в сто парсеков»; в журнале «Знание — сила», № 3

1960 — в книге «Шесть спичек: Научно-фантастические рассказы»

1967, 1970, 1973, 1989 —в сборнике «Фантастика и приключения: Рассказы советских писателей»

ИСПЫТАНИЕ СКИБР

Рассказ

1959 — в журнале «Изобретатель и рационализатор», № 3

1960 — в книге «Шесть спичек: Научно-фантастические рассказы»; в книге «Альфа Эридана»

1986 — в книге «Жук в муравейнике: Рассказы и повести», Рига

ЧАСТНЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Рассказ

1959 — в журнале «Знание — сила», № 8,: в газете «Заря коммунизма», Даугава Латвийской ССР, 12, 15, 17, 19, 22 сентября

1960 — в книге «Шесть спичек: Научно-фантастические рассказы»; в книге «Альфа Эридана»

1986 — в книге «Жук в муравейнике: Рассказы и повести», Рига

Составил А. Л. Керзин

Содержание

- 5 А. Зеркалов. Игра по собственным правилам**
- 19 ИЗВНЕ. Повесть в трех рассказах**
- 75 ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ. Повесть**
- 145 СТАЖЕРЫ. Повесть**
- 347 РАССКАЗЫ**
- 349 Забытый эксперимент**
- 371 Шесть спичек**
- 389 Испытание СКИБР**
- 406 Частные предположения**
- 426 Публикации**

**Аркадий Наташевич Стругацкий
Борис Наташевич Стругацкий**

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Собрание сочинений, т. 1

Редактор Я. Л. Нагинская

Художественный редактор А. М. Драговой

Технический редактор Л. Е. Синенко

Корректоры Т. В. Калинина, Н. М. Пущина

Стругацкий А., Стругацкий Б.
С87 Извне. Путь на Амальтею. Стажеры. Рассказы.— М.: «Текст»
1991.— 428 с.
C 4702010201-006 подп.
91 ISBN 5—87106—007—2

**Сдано в набор 03.01.91. Подписано в печать 18.03.91.
Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Гарнитура таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 23,94. Уч.-изд. л. 24,66.
Тираж 225 000 экз. Заказ № 6846. Цена 15 р.**

**Издательство «Текст»
125190 Москва, а/я 89**

**Редакционно-издательская фирма «РИФ»
Всесоюзного центра кино и телевидения для детей и юношества
101000 Москва, Чистопрудный бульвар, д. 12-а**

**Набрано в типографии издательства «Новости».
Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Мининформпечати РСФСР.
127018, Москва, Сущевский вал, 49.**

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Все сочинения, которые войдут в многотомник братьев Стругацких, уже видели свет. И если для самих писателей, по их словам, «все дети любимые», то издатели некоторым вещам отдают предпочтение. Рекордсменом стал мужественный и пронзительный «Пикник на обочине» — он выдержал 7 изданий в Советском Союзе и 35 изданий в 18 странах. Повесть «Трудно быть богом» выходила 12 раз в нашей стране и 32 раза за рубежом. Следом идут «Жук в муравейнике» — 5 и 26 — и «Улитка на склоне» — 5 и 23.

«Я животное, ты же видишь — я животное. У меня нет слов, меня не научили словам, я не умею думать, эти гады не дали мне научиться думать. Но если ты на самом деле такой... всемогущий, всесильный, всепонимающий, то разберись! Загляни в мою душу, я знаю — там есть все, что тебе надо. Должно быть. Душу-то ведь я никогда и никому не продавал! Она моя, человеческая! Вытяни сам из меня, чего же я хочу, — ведь не может же быть, чтобы я хотел плохого!.. Будь оно все проклято, ведь я ничего не могу придумать, кроме этих его слов — «СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!»

«Пикник на обочине»

Теперь все были на ногах. Безденежные доны отшатнулись к стенам. Молодые аристократы взобрались на стол, чтобы лучше видеть. Серые, выставив перед собой клинки, построились полукругом и мелкими шажками двинулись на барона. Только Румата остался сидеть, прикидывая, с какой стороны от барона можно встать, чтобы не попасть под меч.

Широкое лезвие зловеще шелестело, описывая сверкающие круги над головой барона. Барон поражал воображение. Было в нем что-то от грузового вертолета с винтом на холостом ходу.

Окружив его с трех сторон, серые были вынуждены остановиться. Один из них неудачно стал спиной к Румате, и Румата, перегнувшись через стол, схватил его за шиворот, опрокинул на спину в блюда с объедками и стукнул ребром ладони ниже уха. Серый закрыл глаза и замер. Барон вскричал:

— Прирежьте его, благородный Румата, а я прикончу остальных!

Он их всех поубивает, с неудовольствием подумал Румата.

— Слушайте, — сказал он серым. — Не будем портить друг другу веселую ночь. Вам не выстоять против нас. Бросайте оружие и уходите отсюда.

— Ну вот еще, — сердито возразил барон. — Я желаю драться! Пусть они дерутся! Деритесь же, черт вас подери!

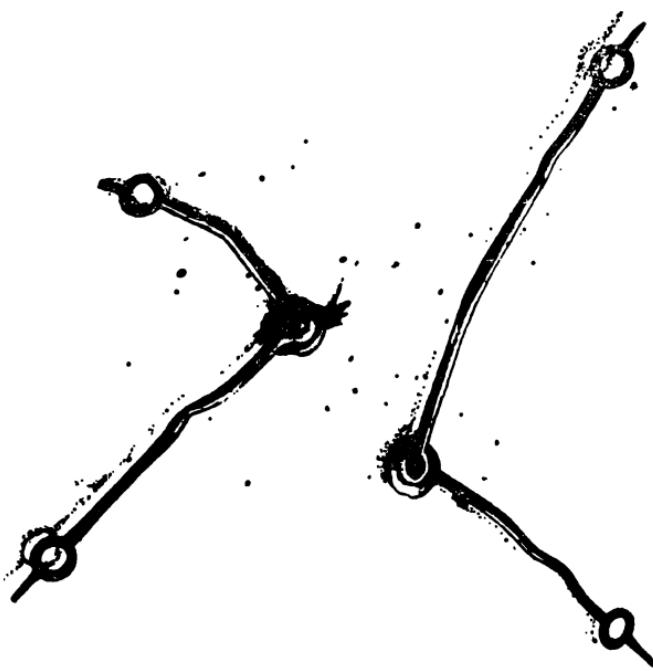
«Трудно быть богом»

— Ну так что же вы встали? — глубоким раскатистым голосом сказал вожак. — Подходите, мы дурного не делаем... Если бы вы были мертвяки, тогда, конечно, разговор был бы другой, да никакого разговора вовсе бы и не было, приняли бы мы вас на сучки да на палочки, вот и весь был бы у нас с вами разговор... Куда направляйтесь? На Выселки, я понимаю? Это можно, это пожалуйста. Ты, папаша, ты себе иди. А дочку, конечно, нам оставь. Да не жалей, ей с нами лучше будет...

«Улитка на склоне»

— Мы все устали, Мак, — проговорил он. — Как мы все устали! Мы уже больше не можем думать на эту тему. От усталости мы становимся беспечными. И все чаще говорим друг другу: «А, обойдется!» Ах, как это было бы прекрасно! Как хочется верить в это! Умные дяди из чисто научного любопытства сунули в муравейник жука и с огромным прилежанием регистрируют все нюансы муравьиной психологии, все тонкости их социальной организации... А муравьи-то перепуганы, муравьи-то суетятся, переживаю, жизнь готовы отдать за родимую кучу, и невдомек им, беднягам, что жук сползет в конце концов с муравейника и убредет своей дорогой, не причинив никому никакого вреда... Представляешь, Мак? Никакого вреда! Не суетитесь, муравьи! Все будет хорошо... А если это не «Жук в муравейнике»? А если это «Хорек в курятнике»? Ты знаешь, что это такое, Мак, — «Хорек в курятнике»?..

«Жук в муравейнике»

**Извне Путь на Амальтею Стажеры
Полдень, ХХII век Далекая Радуга
Попытка к бегству
Трудно быть богом Хищные вещи века
Понедельник начинается в субботу
Сказка о Тройке
Улитка на склоне Второе нашествие марсиан
Отель «У Погибшего Альпиниста»
Обитаемый остров Малыш
Пикник на обочине Парень из преисподней
За миллиард лет до конца света
Повесть о дружбе и недружбе
Град обреченный Хромая судьба
Жук в муравейнике
Волны гасят ветер Отягощенные злом**

15 руб.

